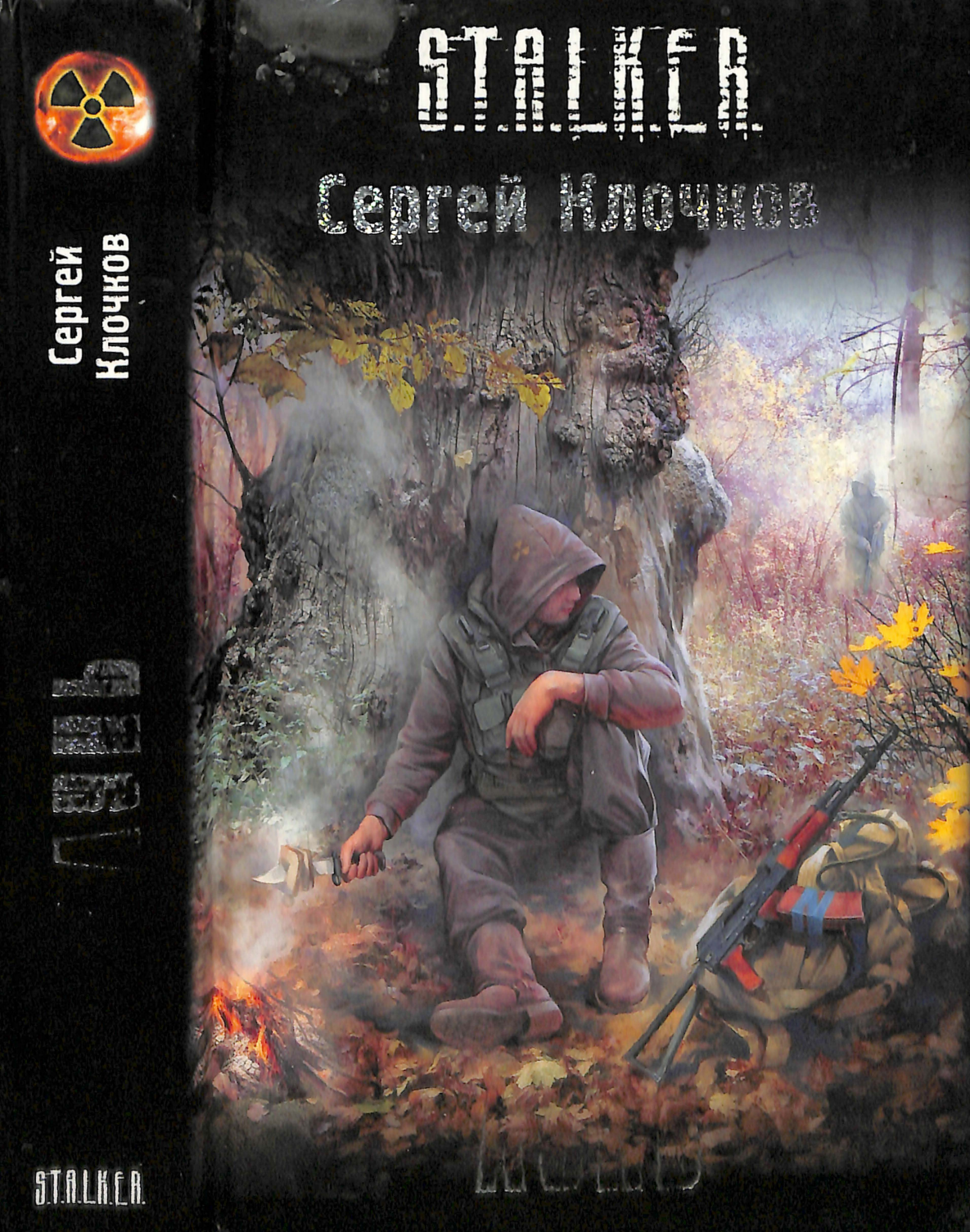
S.T.A.L.K.E.R.
Сергей Ключков
Сергей Ключков
S.T.A.L.K.E.R.

S.T.A.L.K.E.R.

S.T.A.L.K.E.R.

Сергей Клочков

ЛУНЬ

издательство Астрель
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К50

Художник И. Хивренко

Компьютерный дизайн Ю. Мардановой

Подписано в печать 24.03.10. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 90 000 экз. Заказ № 4024056

Клочков, С.
К50 Лунь : [фантаст. роман] / Сергей Клочков. — М.: Астрель: АСТ, 2010. — 382, [2] с.

ISBN 978-5-271-27549-4 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 978-5-17-065029-3 (ООО «Издательство АСТ»)

Зона изменилась. Катастрофический Выброс две тысячи седьмого года далеко отодвинул ее прежние границы. Интерес ученых к Зоне возрастает, хотя уцелеть среди новых аномалий и неизвестных мутантов теперь не просто трудная задача, а целое искусство. Но там, где погибнет неподготовленный человек, где не пройдет робот, сталкер сможет проложить свою тропу. Опыт и интуиция, расчет и осторожность, удача, а зачастую и жестокость – главные составляющие выживания в Зоне, где люди могут быть куда опаснее монстров. Лунь, сталкер-одиночка, стоит перед выбором: собственная выгода или помощь другому человеку. Встреча в тайном схроне у заброшенного поселка может стать судьбоносной...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С. Клочков, 2010
© Transavision Ltd., 2010
© ООО «Издательство Астрель», 2010

ЧАСТЬ 1. ЗОНА ЛЮБИТ ТЕБЯ

Труп сидел прямо напротив меня, в каких-то трёх шагах, привалившись спиной к рыжему от ржавчины радиатору отопления. Смердел он невыносимо, влажно-солёной вонью, перебивая даже запах озона от разлёгшейся под окном «молотилки», чьи прозрачные фиолетовые нити пару раз затягивало сквознячком через разбитое стекло. Оставалось только молиться всем богам, чтобы эти тонкие, тающие на воздухе волоски не долетели до моего скрученного параличом тела. Ах, паскудство-то какое... угораздило же вляпаться. Впрочем, моему молчаливому соседу, отравляющему воздух недельки уже этак четыре, повезло меньше. Именно эта вот «молотилка» сгребла его у самого окна, ясное дело. Скверная это штука, нехорошая. Сканер её не видит, болты пролетают, трава даже растёт, и хоть бы хны ей. И видна, паскуда, становится только тогда, когда самолично в неё влетишь. Вон они, паутинки чёртовы, шевелятся.

Я попробовал шевельнуть ногой, с замиранием сердца ожидая вспышки боли от разорванных сухожилий. Везёт дураку... нога послушалась, хотя спазмы нет-нет, да и пробегали по мышцам, а ступню жгло, как на сковородке. Наступил, значит, на ниточку, маленькую, почти выдохшуюся, иначе оторвала бы мне родная икроножная не менее родное ахиллово.

Я вспомнил, как пёр на себе почти четыре километра Кальяныча, матёрого сталкерюгу, влетевшего в «молотилку», отделало его тогда собственной мускулатурой так, что мало не покажется. Силач был у нас Кальяныч, мир праху его. Донёс его до «мясников», да те уже ничего сделать не смогли — в десятке мест мышцы полопались, и всю спину сожгло до самой макушки. Я отполз подальше от окна и медленно, сантиметр за сантиметром, подогнул пострадавшую ногу, расшнуровал ботинок на особой тройной подошве, осторожно снял. Стопа цела, только чуть посинела, возле пальцев темнела ветвистая царапина. От сердца отлегло. «Дурак... дебил... дурак... кретин, — спокойно, с расстановкой шептал я сам себе, энергично растирая ногу, чтоб после «молотилки» не свернулась в сосудах кровь, — так Зона дураков учит. Видел, что труп. Озоном воняло. И всё равно полез. Дурак... дебил...»

Дозиметр помалкивал. Сканер аномалий мигал зелёным диодом, сообщая, что ничего противного в радиусе двадцати метров не наблюдается. Это, впрочем, ещё ничего не означало. Не пеленговала техника добрых две трети даже известных аномалий. Вот и «молотилку» не засекла. Я достал пальчиковый ультрафиолетовый фонарик и вновь посветил на стену, к которой, собственно, и направлялся полчаса назад. Да, так и есть. «Пластилин», и, судя по тёмно-красному густому свечению, весьма качественный. Не меньше кило будет, если соскрести со стены, и на потолке висят четыре толстые восковые сосульки, кручёные, как новогодняя свечка. «Ботаники» давали за грамм «пластилина» от одного грина до пяти, в зависимости от качества, и будь я неладен, если не исхитрюсь как-нибудь до него добраться. Но это позже, когда подействует инъекция и отпустит тупая, ною-

щая боль. Любишь, как говорится, медок, люби и холодок...

На ПМК я отстрочил короткое сообщение с указанием координат найденного трупа и отправил фото бедолаги, лежащего напротив. Труп сильно разложился, но чудо-техника «ботаников» могла восстановить лицо даже по голому черепу. Ответ пришёл через пять минут: «Никаноров Игорь Сергеевич, «Вась-Вась», БВП, стаж четыре года, переведён 136-200 из акта № 321 КП от 16.06.2011, в акт № 78НС от 9.07.2011. Обнаружил Лунь в квадрате DF 45, ПГТ Нижнее Коржино».

Вот так. Ещё одному сталкеру компьютер Института выписал короткую сухую эпитафию, перетащив в недрах своей электронной памяти БВП Вась-Вася в двухсотые. Сталкеры невесело шутили: БВП, мол, расшифровывается «без вредных привычек», а вовсе не «без вести пропавший». А какой сталкер может бросить все угрожающие здоровью традиции вроде курения или распития спиртного? Ясное дело, сто тридцать шестой по новой системе... который, к сожалению, всегда оказывался двухсотым, если и удавалось найти его бренные останки. И всё-таки хорошо увидеть своё имя без кавычек и совершенно неуместных здесь паспортных данных. Значит, жив. Значит, ещё потопчу Зону-матушку. Хорошо, что вправили мозги на место очкастым компьютерщикам, вздумавшим по малолетству по фамилии-имени-отчеству нас величать. А то и по номеру. Совсем нюх потеряли. И уже года три в серверах вместо Александров Петровичей и Денисов Андреевичей прописались разные Оплёты, Костыли, даже Слюнявчики. Зона даёт свои имена, своих крёстных, своё посвящение, как в странном монастыре, и мирское имя остаётся за Кордоном, да ещё, пожалуй, в секретной памяти

компьютера, чтобы всплыть в случае... тьфу, нашёл, о чём думать...

Лунь... признаться, новое имя поначалу совсем не понравилось. Тем более что дали мне его по ошибке, оговорке одного из «бывалых». «Окрестил» меня Сионист, сталкер, чьи подвиги давно вошли в легенды, обрастающие всё новыми подробностями. Это был один из немногих «аксакалов Зоны», сталкеров, что исходили родимую вдоль и поперек и стали такой же неотъемлемой её частью, как аномалии и артефакты. Очень высокий, неулыбчивый, с характерным разрезом глаз и формой носа, он обычно сидел в дальнем углу Бара за неизменной бутылкой негазированной минералки. Облокотившись на стол костлявым локтем и запустив длинные пальцы в шапку кудрявых волос, Сионист задумчиво изучал очередную книжку, изредка поднимая взгляд на других посетителей. Читал он всё подряд: научные отчёты «ботаников», детективы, сборники стихов, подшивки древних рассыпающихся газет. Ходки в Зону он делал редко, зато приносил Барину такие штуки, каких многие из сталкерской братии и в глаза не видели. И вновь усаживался за чтение, попивая минералочку и думая какие-то свои мысли. Рассказывали, что на заре своей сталкерской карьеры интеллигентный, молчаливый Сионист в одиночку раскрошил зубы трём быковатым новичкам из бывших «скинов», вздумавшим прицепиться к нему на выходе из Бара. Один из пострадавших, ощупывая сломанный нос, прошипел тогда сквозь зубы: «Вот, пацаны, это и есть сионизм, о котором я с вами базарил», добавив несколько матерных выражений. Имена не выбирают.

В первую ходку я всё же исхитрился намыть несколько, как мне тогда казалось, редких и ценных артефактов. Барин брезгливо покопался пальцем в моей

добыче, отложил в сторону пару мелких «самоцветов», «чёртика», напоминающего комок серебристой шерсти с торчащими в разные стороны шипами, и крохотный оранжевый «леденец». Всё остальное он вернул мне и картинно вздохнул. Потом я, не веря глазам своим, вертел в руках мятую двадцатку, заработанную за двое суток лазания по «самым опасным» местам Зоны. Сионист отвлёкся от томика Мандельштама, покусал губу и тихо изрёк:

— Ишь... надулся... как лунь на крупу. М-м... точнее, мышь. Да... — И продолжил чтение.

— Не переживай, Лунь, — хлопнул меня по плечу ближайший сталкер. — Хороший дядька тебя окрестил, стоящий. Примета добрая.

Виброзвонок на ПМК выдал серию коротких вздрагиваний. Ткнув два раза в сенсорный экран, я прочитал сообщение.

«Здоров буди, Лунь. Ты ещё в Коржино? Если да и если не тяжко, глянь, дружище, чего там возле второго пруда деется, и заодно дартсов накидай, потому как старые сдохли давно, а пруд зело интересный. Сегодня не надо, завтра желательно, часам к трём. Премиальными не обижу. Михайлова».

Из всех «ботаников» Светка Михайлова нравилась мне по-настоящему. Может, по причине её довольно юного для кандидата возраста, может, по причине неиссякаемого оптимизма вкупе со студенческим жаргоном, которым она щедро пересыпала даже свои доклады на собраниях разномастной учёной братии. Но, подозреваю, Светлана Григорьевна нравилась мне и по другим причинам. Я даже имел некоторые надежды на взаимность. Удивительное явление природы эта Светлана или, проще, Гюльчатай. Наполовину русская, наполовину китаянка, она в свои двадцать два успела очаровать половину НИИ от зе-

лёного лаборанта до украшенного почтенными сединами профессора. Впрочем, профессора физики аномальных образований обещали ей дать через год, что, впрочем, неудивительно: Гюльчатай, окончившая школу в тринадцать, в семнадцать окончила с отличием МИФИ, сдала давно готовую кандидатскую и вот уже пятый год успешно двигалась к докторской. Природа, одарив таким мозгом человеческое существо, как правило, отыгрывается на чём-нибудь другом. Здесь же она решила не жлобиться, и Гюльчатай казалась сказочным восточным цветком среди бледно-синих от хронического умственного напряжения «ботаников». Раскосые карие глаза, смуглая кожа и чуть пухлые губы в сочетании с прямыми, цвета воронова крыла, волосами, собранными в хвост, разили наповал. Даже вечно нейтральный Сионист при виде красавицы выпячивал тощую грудь и воинственно выдвигал подбородок. Не удержавшись, я пролистал меню ПМК и вывел на экран несколько случайных фото: Гюльчатай на симпозиуме в Москве пожимает руку какому-то дряхлому хрычу; она же у гермокамеры повышенной защиты копается щупом в новом артефакте, который я самолично приволок ей из Чёртова Гнезда; просто улыбается, махая рукой. Само собой разумеется, к старым барским прудам я пойду. Попёрся бы даже с другого конца Зоны, дурак этакий...

Сам факт того, что Гюльчатай лично отслеживает мои сообщения, грел душу. «Ботаники», как правило, сами никогда не опускались до переписки со сталкерами, оставляя эту работу компьютерам, и лишь изредка посматривали, кто из нас находится ближе к интересной для них точке Зоны. Для яйцеголовых мы были расходным материалом, вроде пробирок или роботов, которыми они поначалу очень увлеклись. Роботы, неуклюжие гусеничные машинки, и теперь

часто попадались в самых разных участках Зоны, раздолбанные в пух и прах аномалиями, заржавевшие, изъеденные кислотами. Группы лаборантов Института неоднократно гибли, попытка привлечь к изучению АЗ регулярные войска окончилась высокой смертностью и массовым дезертирством последних. И тогда на арену вышел Его Величество Сталкер. Где-то там наверху посчитали, что преследовать данный «уголовный элемент» не просто бесполезно по причине его неистребимости, но ещё и крайне невыгодно. Естественно, происходило всё не сразу. Вначале патрули на блокпостах начали закрывать глаза на многие «серьёзные нарушения», потом пойманный с поличным сталкер вместо приличного срока отделывался штрафом и устным порицанием, и, наконец, недалеко от Бара странным образом возникло несколько панельных трёхэтажных домов. Официально они предназначались для младшего научного персонала, де-факто же в двухкомнатных квартирках начали массово селиться «внештатные научные сотрудники», мы то есть. Инспекции, время от времени посещавшие Периметр, упорно не замечали отнюдь не научные физии «сотрудников», перегар в аккуратных коридорчиках и склады водочных бутылок в подъездах. В общем, гуляй, рванина...

Впрочем, официально нас так и не разрешили. Заигравшиеся в безнаказанность сталкеры быстро ощущали на своей шкуре, что «приобретение, хранение и вынос из АЗ различных объектов неисследованной природы карается согласно статье 116 специального параграфа УК РФ лишением свободы сроком до 6 лет с отбыванием наказания в колонии общего режима». Дополнительно могли припаять незаконное пересечение периметра, хранение незарегистрированного холодного и огнестрельного оружия и бое-

припасов к нему и, как правило, сопротивление при задержании, даже если такового и не было. Реальный же грех сталкера заключался обычно в том, что несколько «объектов неисследованной природы» миновали Барина и прочих скупщиков, сотрудничавших с НИИ, а были проданы людям со стороны.

Большинству сталкеров такое положение вещей очень не нравилось. Поначалу. Но деньги учёные платили неплохие, меньше, конечно, чем барыги, но с целой системой премиальных и поощрений получалось в итоге очень даже недурно. Сталкер, вернувшийся без добычи, но расшвырявший по дороге десяток «дартсов» и снявший на камеру что-нибудь интересное, вполне мог рассчитывать на некоторую, иногда немалую, премию. Польза от научных ПМК, продававшихся в Баре за почти символические деньги, также была несомненна. Лёгкие портативные компьютеры размером чуть больше ладони неплохо справлялись с обеспечением сталкера самым ценным товаром в Зоне — информацией. Вывести карту квадрата, слить свежие обновления на сканер, подать сигнал бедствия, узнать последние новости — это был далеко не предел возможностей маленькой умной машинки, помещавшейся в нагрудном кармане. ПМК обладал мощной памятью, отменным быстродействием, даже солидным качеством графики сенсорного экрана. Создавался компьютер, видимо, для самых неблагоприятных условий эксплуатации: на нём можно было попрыгать, от души грохнуть об стену, утопить в воде на неопределённый срок, помешать в котелке похлёбку. По слухам, ПМК держал даже мощные электромагнитные импульсы, наповал убивающие любую электронику. Похоже, надёжных способов уничтожить компьютер было немного — либо кинуть в костёр и подождать, пока тот прогорит, либо засандалить

в аномалию вроде «разрядника» или «плеши». Спасибо, в общем, отечественной науке. Всё бы так делали...

Боль в ноге почти стихла, и я аккуратно замотал лодыжку несколькими витками эластичного бинта. Сухожилия всё-таки потянул, так как стопа наливалась синевой и наступать было больно. Ничего, до свадьбы заживёт. Может быть.

«Пластилин», густо облепивший стенку давным-давно заброшенной квартиры, был слишком заманчивым трофеем, и я начал изобретать способы добыть редкий артефакт с минимальным риском для здоровья. Активированная «молотилка» уже успокаивалась, смертоносные нити становились едва заметными, ещё минут двадцать, и всё, близок локоток, да не укусишь. Я накидал трухи из сопревших половиц, обозначая пока видимую границу аномалии, и пошёл в соседние комнаты, поискать достаточно длинную и крепкую палку. Алгоритм движения в заброшенных зданиях не сложен, но уж больно зануден: два шага вперёд, осмотреться, ещё два шага, и вновь внимательно изучить обстановку. Не шевельнулась ли пыль вон в том углу? Нет ли странных сквознячков? Выдержит ли гнилой пол? Смотри, сталкер, в оба, иначе всё может закончиться для тебя здесь и сейчас: заржавевшая арматурина этажом ниже, «душегубка» в дверном проёме, бюрер, решивший забавы ради прогуляться до ближайшего здания. «Сайгу» по этой причине не лишне снять с плеча и прищёлкнуть магазин с мелкой дробью «бекасинником», похожим на свинцовое пшено. Для выстрела практически в упор, а в домах редко бывают расстояния больше, лучшего боеприпаса и не найти: плотный сноп дроби в башку превращал оную в кровавый форшмак, щедро разбрызганный по стенам, и не спасали мутантов ни крепкий череп, ни повышенная живучесть. Слегка

сплющенная для лучшего разлёта дробь была хороша также и против крыс, в чём я уже неоднократно убеждался. Не особенно ёмкий магазин простой и от того выносливой и надёжной «Сайги» я компенсировал похожим на детскую игрушку ПП-2000 с отнюдь не игрушечными плотностью огня и убойной силой. Новички, щеголявшие «калашниковыми» сотой серии, снайперскими винтовками, а то и компьютеризированными суперпушками НАТО с интегрированным двадцатимиллиметровым гранатомётом, свысока поглядывали на мою амуницию. Пусть их. Да только видел я, и не я один, как прошитые навылет десятком пулек 5.45 уроды успевали перед кончиной порвать в лоскуты как стрелка, так и его товарищей, после чего уходили подыхать в Зону, если, конечно, подыхали... не пуля это, шило. И ведь брали обжёгшиеся сталкеры в следующую ходку дробовик в придачу к «калашу», чтобы ещё через пару ходок оставить автомат в схроне, кому охота лишнюю тяжесть таскать. Суперпушки же с прибамбасами старались продать при первом удобном случае: уж больно капризными они оказались, чуть песок или грязь, считай, без ствола, деталей куча, и всё такое хрупкое, мелкое и норовит в траву спрыгнуть. Ствол для Зоны выбирался по принципу кувалды: простота, надёжность, прочность, мощность. Дальность и ювелирная точность стрельбы, как правило, большого значения не имели.

Дверь квартиры, из которой я вышел, давно прогнила и свалилась с петель, но на рябой от плесени деревяшке удивительно хорошо сохранились блестящие пластмассовые цифры: «14». Следующая по коридору дверь держалась, хотя и разлохматилась полосами гнилого дерматина и комьями слипшегося в кашу поролона. Она была закрыта, и я несколько минут постоял возле неё, прислушиваясь к малейшим шо-

рохам, потом легко вырвал врезной замок вместе с заржавленными шурупами и куском трухлявой доски.

В квартире были целы все стёкла, покрывшиеся толстым слоем грязи и непонятно каким образом державшиеся в насквозь прогнивших рамах. Сухой затхлый воздух брошенного жилья ударил в нос даже сквозь респиратор. Похоже, я первый, кто зашёл в запертую хозяевами почти тридцать лет назад квартиру. Странное, диковатое ощущение. Теперь осмотреться. Чисто. Вроде бы...

Удивительное дело, но интерьер «трёшки», точнее, то, что от него осталось, говорил о том, что бывшие жильцы либо уехали до эвакуации и за вещами вернуться не смогли, либо просто отлучились из дома на пять минут, растянувшиеся в итоге на десятилетия. Покосившийся гардероб в прихожей с грудой истлевшей одежды и мутным зеркалом в треснутой раме; лосиные рога над дверью; сервант с пыльными стёклами и фарфоровым сервизом; пепельные от осыпавшейся побелки ковры на полу. Обесцветившиеся, хрупкие обои свернулись в трубки, открыв заклеенные жёлтыми газетными листами стены, штукатурка в углах почернела и растрескалась, шторы висели грязной ветошью, на подоконниках стояли цветочные горшки с землёй. Я достал камеру и аккуратно отщёлкал не меньше полусотни кадров. Интересное жилище, так что сохраню для потомков эти фото. С профилактической, так сказать, целью, а там, может, и «ботаники» чего углядят. Но это вряд ли, «лирика» их мало интересовала. Задержавшись у напольного аквариума и понаблюдав россыпь мелких костей на чёрной корке дна, я вошёл в спальню, где обнаружил скелет кошки возле большого лампового телевизора. Уф...

От слабого, чем-то знакомого звука со стороны санузла сразу стало не по себе. То ли стон, то ли свист

напоминал звук, какой бывает, если подуть в горлышко стеклянной бутылки. Я резко развернулся, готовясь от пояса выпустить пару зарядов в источник воя — Зона, блин, здесь любой непонятный шум может означать смертельную опасность, — и уже почти надавил на курок. Санузел был пуст. Унитаз в жёлтых потёках ржавчины, чугунная ванна с обколотой эмалью, плитка противного серо-зелёного цвета. Медленно, очень медленно подойти, посмотреть, что же там такое дудело. Дурак ты, Лунь. Неймётся тебе...

Звук повторился, на этот раз громче. Завыло прямо из унитаза, как из раструба какого-то экзотического духового инструмента, и одновременно с этим из канализации дохнуло холодным воздухом подпола, напитанным терпкой сырой вонью. Я вдруг понял, что стою один в заброшенном здании, в соседней квартире труп, темнеет, и кто-то стонет в канализационных трубах. Да чёрт с ним, с «пластилином». В другой день. Поискал, называется, жердину...

Обратный путь занял гораздо меньше времени — маршрут уже отмечен собственными следами и кусочками красного кирпича. Прихрамывая, я удалялся от третьего корпуса слепых пятиэтажек к своему схрону, укромному лежбищу, оборудованному в колодце отопления. До Бара часа четыре резвым пешкодралом, и до темноты мог бы успеть, но мотаться туда и потом обратно не хотелось, потеря времени, так что отсижусь ночку и с утра дойду до прудов, заодно и окрестностями полюбуюсь на предмет хабара. Так... сложный участок: слева «разрыв», справа «стеклорез». Хорошие такие аномалии, честные, не разглядит только слепой — над «разрывом» бледненькое марево у самой земли, даже вроде мираж намечается, «стеклорез» плоскостями играет: появится над асфальтом прозрачный лист, повисит долю секунды, и нет его, ещё парочка

под углом друг к дружке, пропали... ни дать ни взять — стекла витринные, отмытые до отменной прозрачности. Да вот только попасть под такое стёклышко что-то не хочется — срежет наискось, как исполинской бритвой, одинаково легко и столб бетонный, и рельсину, и сталкера, буде таковой сунется. Что-то яйцеголовые болботали про эту аномалию, мол, нестабильные плоскостные сдвиги в структуре пространства. Только вот насчёт нестабильности наврали: по «стеклорезу» можно часы сверять. Две минуты действует — ровно столько же отдыхает. Ежели минут сорок играл, то будь покоен — следующие сорок можешь на этом месте польку-бабочку танцевать без критических последствий для здоровья. Хотя я бы не советовал. Леший их знает, эти аномалии — вдруг именно сегодня ей захочется изменить старым традициям...

«Стеклорез» не унимался уже минут десять, прежде чем раздался характерный сухой треск и «стёкла» мгновенно исчезли. Путь свободен, но озноб всё же пробежал между лопаток, а голова непроизвольно втянулась в плечи... пропустила, зараза. Топаем дальше. Нога ощутимо побаливает — видимо, отделался я не так дёшево, как думал. Досадно. Интересно, до завтра пройдёт? Если нет, досадно вдвойне. Надо было сразу компресс холодный приложить, ну да задним умом мы все крепки.

Вот и схрон, отсюда уже виден, но, видимо, полоса везения кончилась. По сталкерской тропе прямо на меня пёр зомби. Аккуратно так пёр, обходя язык обширной «присоски», при этом шатаясь и низко опустив лысую голову.

— Э-э... Л... лунь. Эт я, едрёнать... Фугас... — разобрал я в бессвязных звуках.

— Придурок. — Я повесил «Сайгу» на плечо. Когда-нибудь получит Фугас порцию свинца как пить

дать. Грязный, вывозившийся в кирпичной пыли, с походкой заводной куклы и невнятным хриплым мычанием, он даже вблизи мало отличался от оживших покойников Зоны. Но если от зомби несло несвежим сыром и почему-то недельными носками, то от Фугаса всегда распространялся мощный водочный перегар. Каким образом выживал в Зоне уквашенный до совершеннейшего безобразия сталкер, и не просто выживал, но и находил редкие артефакты? Сие тайна великая есть, как говорит в таких случаях Барин. Сам Фугас в редкие моменты вменяемости утверждал, что по трезвяку в Зону ходить боится, а в пьяном виде аномалии без всякого детектора чует, добавляя, что водочка ещё и радионуклиды выводит.

Фугас поравнялся со мной и остановился, собирая лицо в складки и натужно сопя.

— Эта... паэмаишь? — выдал он наконец, с трудом удерживая вертикальное положение и прикрыв правый глаз, видимо, для лучшей фокусировки левого. — Эта...

Что мне нужно понять, я не догадывался, в чём и признался Фугасу. Короткая беседа уже начинала меня утомлять. Фугас тем не менее ответом остался доволен.

— Во!!! — гаркнул он и всё-таки опрокинулся на спину. — Никто её, ра-адимую, не паэмает. Один... ик... я паэмаю. Поэл?

Ох, Фугас... может, и везучий ты сталкер, но такие вещи даже в пьяном виде нельзя говорить. В приметы я не верю, однако же гробанулся в прошлом году Профессор, заявив, что нет в Зоне на него погибели, и как глупо гробанулся, на следующий день влетев в «радугу» в трёх шагах от собственного схрона. А сколько таких случаев? До совершенной глупости доходило: если собрался в ходку, то не трепись, что артефак-

тов кучу найдёшь, — ни с чем вернёшься. Проверено. Не хвались, что на маршруте все аномалии знаешь, — обязательно вляпаешься. Много раз было. Такое ощущение, что сидела Зона незримой тенью за пустым столиком Бара, слушала сталкеров да ухмылялась: «Зазнался, дружок, забурел, вот я тебя и уделаю. Ишь, какой выискался — знает он Меня, сопляк, умишком своим ущербным выводы делает...» Ревнива Зона и скора на расправу. Я знал одно: Зона это смерть. Смерть, разбавленная в воздухе, блуждающая в коридорах брошенных домов, подстерегающая на тропинке, многоликая, разная, непонятная. Старуха с косой? Ха, какое бледное воображение! Куда там скелету в саване тягаться с бюрером, запускающим, словно фрисби, ржавый канализационный люк тебе в спину? Или сытым кровососом, методично ломающим сталкеру руки-ноги, чтобы будущий завтрак не смылся и подольше оставался живым? Или локальным Выбросом?

— Дурак ты, Фугас.

— Сам такой. Ты думаэшь чё?.. Думаэшь, всё, да, ат-тпрыгался Фугас? Ну... и хрен с тобой. Не любишь ты Зону. А я вот... люблю. И она меня. Мне зомби сказал, поэл?

Ну, раз зомби сказал, тогда другое дело. Авторитетный, блин, специалист. Ты бы ещё у контролёра проконсультировался на предмет развития любовных отношений с Зоной. Ну тебя к ляпу.

— Пора мне, Фугас. Бывай здоров. — Я подал руку, помогая подняться.

— И... ты не кашляй. — Фугас опустил голову и попёрся дальше. Я немного постоял, глядя ему вслед. Чётко. Встал Фугас, как лист перед травой, не доходя пяти шагов до «стеклореза». Правильно. Лучше подождать, пока играть не начнёт аномалия, чем пробегать дуром, надеясь на «авось пронесёт». Чёрт его зна-

ет, алконавта. Может, и впрямь бережёт его Зона, были ведь шуты у королей, которым позволялось больше, чем герцогам с баронами. Фугас. Личный шут Зоны. Осталось только бубенцы привесить.

У схрона я отыскал заранее положенный кусок арматуры, поддел люк и забрался в колодец. Привычно осмотрел схрон — всё в порядке, изменений нет — и с трудом задвинул люк на место, отдёрнув в последний момент пальцы, чтоб не прищемило. К тяжёлой крышке были зачем-то приварены две стальные дуги, которые оказались весьма кстати: достаточно было просунуть в них толстый железный прут, и люк фиксировался намертво. Теперь мне грозила опасность либо от чересчур внимательного бюрера, либо от возникшей прямо над колодцем блуждающей аномалии. Для Зоны это были считай что курортные условия. Скинув рюкзак, я размял затёкшие плечи, подвесил на проволоку фонарь «светляк» и уселся на стопку из двух ветхих матрасов. В схроне было даже уютно: бетонная коробка два на четыре, от стены к стене тянутся толстые, упакованные в кожухи трубы, посреди убежища торчит из пола здоровый вентиль, на котором я установил в своё время столик, лежанка в углу. Все подозрительные щели давно забиты колотым кирпичом и обрезками труб, у столика табурет и облезлая тумбочка без дверцы. Банка с окурками, забыл в прошлый раз вытрясти. Моя берлога.

С полчаса я просто сидел, прикрыв глаза и наслаждаясь ничегонеделанием и тишиной. Затем распечатал пачку сигарет и цедил табачный дым, наблюдая, как завиваются сизые кольца в холодных лучах «светляка». Немного беспокоила ступня, и я перебинтовал её заново, предварительно прощупав. Болело, но уже не так, отёк спадал. Что ж, день можно было считать вполне удачным.

Я извлёк из рюкзака мешочек и пару контейнеров — добычу за последние сутки — и первым вытряхнул на стол всякую мелочь из мешка. Средненько. Шесть «самоцветов», маленькая «трубка», слабо мерцающая зелёными лучиками, кусок «жуткого янтаря», «чёртова кровь» и больше десятка «русалочьих слёз». «Самоцветами» учёные не интересовались: эти артефакты не обладали никакими особыми свойствами, за исключением, пожалуй, редкой красоты. Собственно, я не был уверен, что «самоцвет» можно считать полноценным артефактом — просто кусочки шлака, кварца или гранита, по воле случая затянутые в «радугу» или «круговерть» и достаточно долго там промариновавшиеся, иногда превращались в «самоцветы». Я уже давно научился отличать ценные камешки от просто красивых и потому рассчитывал слупить за них не меньше полусотни с Барина, который один по всей Зоне и занимался «ювелиркой». Пять ему продам, а вот шестой... я подобрал крупный, с вишню, «самоцвет» редкой каштановой окраски, с волнами света на гладких гранях и вспыхивающими в глубине яркими золотыми искрами. Этот я подарю. Он хорошо подойдёт к раскосым тёмно-карим глазам. «На память от Луня». А что, звучит...

Теперь контейнеры из углепластика и многослойной свинцово-алюминиевой фольги. Там товар посерьёзнее. «Серебряные соты», одна штука. «Острая плёнка», тоже одна, плоский артефакт с бегающими по глянцевитой поверхности серыми пятнами. Цветом металл, на ощупь полиэтилен, мягкий, даже шелковистый, если, конечно, не прикасаться к краям — располосует пальцы до костей, и заживать будет долго. «Звёздный огонь», две штуки. Второй контейнер почти пуст: парочка «стеклянных шаров», с полкулака каждый. Не густо, но за один только «круп-

няк» минимум восемьсот монет получу. Минус сотня долгов. Ещё столько же за месячный «полный пакет услуг» и неограниченный доступ к местной сети на тот же срок. На информации я никогда не экономил. Остаётся шестьсот и около сотни за «мелочь». Триста на провиант, сигареты и прочее. Четыреста в загашник на чёрный день. Гадство. Тот же «стеклянный шар», по достоверным слухам, европейские институты покупали то ли за десять, то ли за пятнадцать тысяч в валюте, тогда как Барин выкладывал на стойку восемьдесят монет. Какую же ораву мы с вами кормим-поим, братцы-сталкеры? Пора профсоюз устраивать и массовые забастовки рабочего класса. В лучших русских традициях позлившись и погундев про себя на жмотов из Института — «душут нашего брата, експлуататоры чёртовы», — я закончил подсчёты и сгрёб хабар в контейнеры. Ворчал я больше для собственного удовольствия: самые большие дяди в стране были уверены, что финансирование НИИ и двух армейских частей идёт сугубо по прямому назначению, «уголовный элемент» жестко преследуется, а успешная работа Института — результат строгого соблюдения всех законов. Если бы самые большие дяди узнали, что в Зоне творится на самом деле, то полетело бы множество голов дядей поменьше. Те дяди, которые поменьше, делились на три типа: дяди умные, коих было меньшинство, дяди жадные, их больше, и дяди тупые, в которых недостатка не ощущалось. Благодаря умным дядям солдаты и учёные оставались живыми, Институт уверенно двигался к нобелевкам, а сталкеры вздохнули свободнее, так как проблем стало существенно меньше. Жадные дяди, получив мзду, рассчитывали получать оную и в будущем, и потому прикрывали существующий порядок, помогая умным дядям защищаться от дядь тупых. Потому и

платили нам за «стеклянный шар» не сто пятьдесят, как «вольные барыги», а восемьдесят. Впрочем, грех жаловаться — «ботаники» регулярно доплачивали «чаевыми» в виде так называемых премиальных и в отличие от барыг не драли со сталкера три шкуры за консервы, аптечки и, признаться, отменного качества оборудование. Чего стоит ПМК, например, или новейшая «Сайга» двенадцатого калибра из особых сплавов с карбофибровой ложей, за которую спасибо военным. Благодаря им же, кстати, «правильные сталкеры» получали приборы ночного видения, оружие, боеприпасы, тушёнку. Армейское начальство оказалось неглупым и человечным контингентом: лучше вовремя списать «пострадавшее в аномалиях» оружие и «испорченные локальным выбросом» продукты, чем регулярно отправлять молодых бойцов сначала в Зону, а потом на Большую землю в цинковых гробах. Для комиссий специально демонстрировали несколько «калашей», сутки повалявшихся в «киселе», после чего предлагали проводить за блокпосты и показать всё остальное, так сказать, в натуральном виде. Комиссия сразу верила на слово. Система обретала стабильность настолько, насколько это вообще было возможно для Зоны. Короче, и в человецех благоволение, и воздухов благорастворение. Меня по крайней мере, как и большинство одиночек, всё устраивало, если не считать лёгкого пресно-сладкого привкуса, что и сам трудишься на благо системы. От которой мы, собственно говоря, в Зону и сбежали, как те же «свободовцы». Успокаивала мысль, что раньше кормили сталкеры разную мразь, а теперь поднимают отечественную науку. Да и свободы у нас никто не отбирал: мы были всё те же «вольные стрелки», не связанные обязательствами, контрактами, восьмичасовым рабочим днём и ненавистной рутиной. Фугас вот, например,

время от времени «толкал» хабар налево, в обход Института, не столько ради доходов, сколько ради самоутверждения. Но, справедливости ради, на сторону уходили «трубки», «самоцветы», «шипучки» и прочая мелкота для коллекционеров. В НИИ про это знали, но решили «уважить характеру», так как серьёзный хабар Фугас поставлял только учёным.

«Долг» первым почуял изменения и охотно начал сотрудничать с военными в деле истребления ненавистных и тем, и другим монстров Зоны. Усиленный пятью-шестью «долговцами» армейский блокпост гасил волны мутантов с потрясающей эффективностью, срочники, которые раньше гибли десятками после каждого Выброса, быстро перенимали опыт «Долга» по истреблению прущей из Зоны нечисти. «Свобода» ещё доставляла неприятности, но старики, «олды» клана, были сильно повыбиты аномалиями, монстрами и регулярными войсковыми частями, а «пионеры» всё чаще присматривались к НИИ и Бару как источнику надёжных комбезов и свежих консервов. «Монолит» развалился, когда выяснилось, что их святыня в Четвёртом энергоблоке станции вовсе не «чудесный кристалл, сверкающий лазурью мудрости и золотом силы», а просто гора слипшегося от жара строительного хлама. Особо упёртые фанатики провозгласили, что Монолит растворился по всей Зоне прежде, чем до него дотянулись грязные лапы неверных, и ныне живёт в сердцах истинных адептов. Польза от них тоже была: многочисленные анекдоты «про монолитовца» здорово скрашивали посиделки в Баре.

Кстати, насчёт Выбросов, раз уж вспомнил. После Третьей Катастрофы в 2007-м их стало больше — каждый месяц по два-три, но их сила была столь незначительна, что за Периметром они регистрировались только сейсмодатчиками, пси-фонографами и

прочими мудрёными приборами. Прятаться теперь нужно было только в непосредственной близости от «вспышки аномальной активности». Зато в памятном две тысячи седьмом...

Третью Катастрофу я помнил очень хорошо, лучше, чем того хотелось бы. Зона тогда выкинула совсем уж невероятный фортель: она просто исчезла на девять дней. Пропали все до одной аномалии, сталкеры возвращались в Бар без хабара и с очень удивлённым видом, «Долг» на пятый день даже салют устроил в честь такого праздника. Ох, и пьянка ж тогда была... кто с радости, кто с неподдельного горя, а кто и просто от страха глушил спиртное, многие ушли в самые непролазные когда-то участки Зоны в надежде найти что-нибудь этакое...

А потом было семнадцатое ноября две тысячи седьмого. Очень мне повезло, что в тот день я находился в старом Баре, в бомбоубежище заброшенного ПТУ. Утром нас было шестнадцать человек. Вечером осталось девять и четыре трупа. Три человека просто исчезли, но не бесследно — одежда, оружие и, пардон, содержимое кишечников остались на полу вкупе с ногтями и волосами. Один из выживших ослеп, ещё один умер через полгода от какой-то скверной заразы. Все остальные получили различные «подарки» на выбор: амнезию, облысение, долго не проходящие ночные кошмары, приступы «чёрной хандры», кожный зуд. Зона за одну ночь расползлась на километры, оставив далеко позади свои прежние границы, и продолжала расти ещё полгода, увеличившись за это время больше, чем в два раза. И «порадовала» учёных сотнями невиданных прежде тварей и артефактов, а сталкеры по достоинству оценили множество свежеиспечённых видов аномалий. Учёные, впрочем, действительно радовались: Зона остановила свой рост

всего в полутора километрах от научного городка, и эвакуироваться не пришлось.

После того Выброса меня «контузило». Больше года я промаялся носовыми кровотечениями и провалами в памяти. Из прошлого исчезали большие куски, как из газеты, которую основательно обработали ножницами в поисках интересных публикаций. Выпадали целые «статьи»: как и зачем пришёл в Зону; кем работал до Зоны; в каком городе жил; даже паспортное имя с удивлением прочитал в собственных документах. Зато всё, что осталось, теперь было поразительно ярким и чётким: закрыв глаза, я легко, детально вспоминал события детства, отчасти школьные годы, словно смотрел фильм или высококачественную фотографию. И после «чистки» память никогда не подводила, один раз даже напугала: мельком видел у Сиониста открытую книгу. А потом прочитал две страницы уже здесь, в схроне: «снимок» раскрытой книги был настолько ясным, что я разобрал каждую букву. Сначала это было забавно. Потом, ради эксперимента, я перевернул несколько «страничек» и понял, что могу при желании прочесть всю книжку. Кто не испытывал такого, не поймёт — страшно стало до колик. Бр-р... хорошо, хоть сейчас таких «приходов» нет.

Я взглянул наверх. Небо проглядывало сквозь отверстия люка тусклыми серыми кружками, заметно потемневшими за последний час. Смеркалось. Тихонько щёлкнуло вдалеке — завёлся или, наоборот, уже наигрался «стеклорез», и тут же заверещал псевдозмей. Громкие трели, удивительно похожие на звук милицейского свистка, тянулись на одной ноте по минуте и больше, потом одному псевдозмею отвечали десять других, и каждый вечер в Зоне напоминал концерт спятивших дэпээсников, стремящихся пересвистать друг друга. Псевдозмеи, несмотря на назва-

ние, к рептилиям никакого отношения не имели. Это были полутораметровые безногие крысы, похожие на отрезки садового шланга, покрытые влажными язвами и небрежно обвалянные в белой шерсти. С одного конца шланга торчала костлявая крысиная башка в количестве от одной до трёх, причём разных форм и размеров, с другого — длинный чешуйчатый хвост. Тупые, удивительно злобные твари промышляли падалью, мелкой живностью, портили схроны и при случае могли атаковать раненого или спящего сталкера. Укусы этих мутантов оставляли неглубокие, но опасные раны, чреватые гангреной или даже смертью от трупного яда — пасть твари была настоящей гнилой помойкой с множеством крошечных паразитов. Среди псевдозмеев встречались иногда и «осьминоги»: десяток тварей срастались в бугристый волосатый шар размером с тыкву. Учёные обещали за поимку такого монстра весьма неплохие деньги. И не потому даже, что это был один из самых причудливых мутантов Зоны, видывали здесь и куда более странных зверьков. Интерес «ботаников» был вызван тем, что «осьминог» умел летать. Невысоко, в метре-полутора над землёй плыл гноящийся, покрытый багровыми пятнами шар, шевеля щупальцами слепых псевдозмеев, старательно вынюхивающих добычу, причём две-три зрячие крысы-урода торчали сверху, как антенны, и крутили головами, осматривая пейзаж на предмет аномалий, хищников и предполагаемого обеда. Осторожный, до неприличия живучий и хитрый «осьминог» славился своей трусостью и невероятной подлостью. Летал он совершенно бесшумно, предпочитая подкрадываться со спины и, разогнавшись, сшибать сталкера с ног, после чего быстро рвал крысиными пастями горло, заплёвывал глаза ядовитой слизью и сразу ретировался в укрытие. Там он терпе-

ливо дожидался, когда ослеплённый, истекающий кровью сталкер перестанет биться в агонии, и потом пасся на трупе неделю, отъедаясь до размеров хорошего рюкзака. Нападал он также и на слепых псов, плотей и даже чернобыльских кабанов, изводя намеченную жертву меткими плевками разъедающих шкуру желудочных выделений. «Ботаникам» до нервного зуда хотелось заполучить живой экземпляр «псевдоколониального организма № 5277», летающего вопреки всем известным законам физики и биологии. Обещанная ими награда всё ещё искала своего героя, так как изучение дохлых по причине множественных пулевых ранений «осьминогов» хоть и дало материала на пять диссертаций, но главных вопросов не разрешило.

К непрерывно верещащим псевдозмеям присоединилась ещё какая-то тварь, и через навязший в ушах заливистый свист пробивались басовитые «у-уооо-аааап!». Вечерний концерт Зоны набирал обороты. То ли ещё будет на закате...

На всякий случай я проверил, крепко ли сидит стальной пруток в петлях люка. Тот сидел замечательно.

Наступало время отужинать и готовиться на боковую. Достав из кармашка на клапане рюкзака большой тюбик с надписью «Паста для мытья рук», я выдавил на ладонь белёсую колбаску и старательно её растёр. Теперь подождать пару минут, пока липкая, сильно пахнущая мандарином слизь застынет, и стянуть похожую на рваные перчатки плёнку с ладоней. Грязь паста счищала идеально, заодно истребляя всякую невидимую глазом живность.

Ужин особым разнообразием не отличался. Банка армейской тушёнки. Пять жёстких, по виду и вкусу похожих на картон галет. Крепкий горячий чай из термоса. Тюбик сгущенного молока. Большая серая

таблетка БАДУНа, биологически активной добавки универсального назначения: витамины, минералы, иммуностимуляторы, глицин и ещё много чего. Оригинальная аббревиатура была предметом шуток: некоторые сталкеры всерьёз принимали БАДУН за лекарство от утреннего недомогания, вызванного передозировкой УПРСТ — «Уникального ПротивоРадиационного СреТства» или попросту водки. Кстати, реально помогает. Кисленькая.

В люк постучали. Я подтащил поближе к руке «Сайгу» — мало ли, кто там долбится, — и продолжил чаепитие. Стук повторился.

— Братуха, открой. Свои.

— Все свои дома сидят, телевизор смотрят. — Я щёлкнул предохранителем. — Кто таков будешь?

— Кличут Седым. Из «Долга» я.

По неписаному закону Зоны отказать в убежище на ночь любому сталкеру, даже врагу, считалось последним делом. С другой стороны, некоторые мутанты великолепно имитировали голос и внешность человека, взять того же излома. Хорошо, что на ПМК последней модели имелась крошечная камера на выдвижном телескопическом прутике. Вытянув прут на всю длину, я просунул камеру в отверстие люка. Темно, блин.

— Эй, Седой! Фонариком посвети.

В зрачок камеры послушно уставился яркий луч, и экран ПМК залило ровным белым светом.

— На себя, умник! И руки покажи.

— Понял.

Пару секунд я любовался на небритое уставшее лицо, затем на руки. Одинаковые. Человеческие.

— Сейчас открою.

— Побыстрее, браток. Там вроде собачья стая собирается.

Седой помог отодвинуть люк и ловко просочился в убежище. Автомат с двумя рожками, смотанными изолентой, он затащил секундой позже.

— Спасибо, братуха... никак, Лунь собственной персоной? — Сталкер протянул заскорузлую, жёсткую ладонь, я пожал руку, вглядываясь в смутно знакомое лицо. Где-то видел я уже коротко стриженные, с заметной проседью волосы, цепкий прищур серых глаз, жёсткую складку губ. Немолодой, за сорок, вроде был военным. Вспомнил.

— Больница в Припяти.

— Ага, точно. — Седой скупо улыбнулся. — Лихо ты тогда королевскую плоть из своей пукалки срезал. Раз-два-три, и уже валяется. А мы по этой заразе из двух стволов молотили, и без толку. Чем ты хоть её?

Я достал из подсумка магазин и выщелкнул на стол тяжёлый патрон. Седой покрутил его в пальцах, с сомнением на лице вернул.

— Это же гладкоствол. Жакан, что ли?

— «Колун».

Хорошая пуля. Страшная. Разворачивается в теле широкими лепестками вокруг тяжёлого крепкого сердечника, вырубая в мясе кровавый тоннель и ломая кости. Навылет бьёт редко, быстро застревая в тканях и отдавая им всю свою энергию. Что, впрочем, от неё и требуется. Королевской плоти обычно хватало трёх-пяти штук, когда из автомата можно было выпустить два рожка, и то с сомнительным успехом. Да, памятная была ночка, когда втроём забились в больничный гараж и отстреливались от тварюги, прячась под рассыпающимися от ржавчины фургонами «неотложек», а рядом урчали лужи «киселя», в который никто не влез только по счастливой случайности. Даже и не поговорили тогда — некогда было. «Долговцы», кивнув в знак признательности, побежали в

бывшую амбулаторию, где ещё три их товарища по клану зачищали здание от «прыгунов», а я продолжил преследовать мелкого «осьминога» в надежде изловить и доставить учёным. Так и не добыл, кстати...

— Хорошо у тебя, Лунь, получается всякую нечисть валить. Нам такие люди нужны.

Ну вот. А я-то всё ждал, когда вербовка начнётся. Предсказуемы «долги» так, что аж скучно делается. Идейные, ядрена восемь. Задались целью уничтожить Зону, да только безнадёжное это дело. Гавкала, понимаешь, моська на слона.

— Ненавидишь, значит, Зону?

— Ненавижу, — сдавленно выдохнул Седой и хрустнул сжавшимися до белизны кулаками, — не имеет эта погань права на существование, понимаешь? Расползается мерзость по нашей земле, люди мрут как мухи в аномалиях этих чёртовых, монстры их жрут, болезни новые. Это враг, Лунь, это... даже слова не подберу. Ну, пойдёшь к нам?

— Нет.

— Ясно. — Седой достал банку, нож, несколькими ударами взрезал крышку, с расстановкой поел, молча принял от меня кружку чая.

— Почему? — спросил он, когда я уже думал, что разговор закончился.

— Гуляю сам по себе, — ответил я и добавил: — Да, если честно, не могу сказать, что разделяю вашу философию.

— И что не нравится? — На скулах Седого заиграли желваки.

Врать Седому не хотелось, но и сказать, что не воспринимаешь Зону как лютого врага и готов крошить мутантов только за то, что они мутанты, тоже было как-то не с руки. Совсем разобидится. Я решил нейтрально пожать плечами и ответить вопросом на вопрос:

— Представь, что зачистили вы Зону до последней животины, убрали все аномалии, раскурочили артефакты. Всё, нет Зоны и не будет больше никогда.

— Ну, представил.

— А дальше? Куда подашься, Седой?

Желваки на скулах сгладились. Седой задумался.

— Земля большая. Где-нибудь пригожусь.

— Вот именно, что где-нибудь и скорее всего как-нибудь. Поди, плохо после того, что в Зоне прошёл, где себя уважал, где, наконец, нужен был, за Периметром ломом снежок долбить и копеечку считать от подачки до подачки.

— Вот, значит, как. — Седой хмыкнул. — Может быть, и снежок. Да только совесть при этом чистая будет, что свой долг выполнил, что людей спасал. А ты вот, Лунь, шкура.

— А ты дурак, — ответил я на комплимент взаимной любезностью.

— Это почему же?

— Потому как мозгами раскинуть тебе лениво. Зона это не только одна сплошная дрянь. Это, знаешь ли, перевороты в науке, новые знания, вслед за которыми придут и новая техника, и новые лекарства, и, чем чёрт не шутит, на планете меньше гадить станем. А денег я не больше твоего зарабатываю. «Долги» «ботаникам» хабар мешками таскают, попутно с исполнением великой миссии, так сказать. И правда на всех одна, и только вы одни её знаете, а все остальные либо упорствующие в своих заблуждениях идиоты, либо, как ты изволил выразиться, шкуры. Сектантством пахнет, дружище. Крайностей я не люблю, Седой, и потому останусь одиночкой.

Седой крякнул, потёр подбородок и достал из своего сидора бутылку водки.

— Извини, Лунь. Сгоряча ляпнул. Может, и так, что у каждого своя дорожка должна быть и правда для всех разная. С другой стороны, ты и без нас тварей щёлкаешь как надо, так что можешь и одиночкой по Зоне лазить. Каждому своё.

Я усмехнулся про себя — надо же, разрешил, так сказать, устной резолюцией. Бумажку бы ещё дал: «Подателю сего сталкеру Луню позволяется отныне беспрепятственно передвигаться по Зоне ввиду несомненной пользы оного как истребителя мерзких мутантов. Представитель клана «Долг» защитник правого дела Седой». А снизу чтоб печать круглая. Естественно, последние свои мысли я не озвучил.

— Мир? — Седой уже свернул бутылке блестящую голову и разливал водку в два крошечных пластмассовых стаканчика.

— Мир, — согласился я. В люк постучали. Просто день открытых дверей какой-то...

— Эй, чуваки! Сами мы не местные, голодаем, скитаемся! — заорал кто-то сверху странно высоким, хрипловатым голосом. — Дайте водички попить, а то так жрать хочется, что и переночевать негде!

Что за идиот... орать вот так, посреди ночной Зоны, это всё равно что раздать приглашения всем тварям в радиусе километра на званый ужин. И поучаствовать на нём же в качестве главного блюда.

Седой кивнул, перехватывая удобнее автомат, я поднял люк. В подвал заглянула чумазая мордочка — идиот при ближайшем рассмотрении оказался идиоткой лет двадцати.

— Здорово, чуваки. — На вымазанном сажей и кирпичной пылью лице засияла широкая белозубая улыбка. Схватив безумную девицу за отворот старенького латаного комбинезона, я вдёрнул в люк неожиданно лёгкое тельце. Та возмущённо вякнула, но,

получив затрещину от Седого, сочла за лучшее промолчать. Я быстро закрыл люк и прислушался. Кажись, пронесло...

— Ты чё, с дуба рухнула, дебилка? — негромко поинтересовался Седой. — Нашла место глотку драть. Откуда такая?

— От блин, я попала. «Долг». Маза фака, — произнесла с бесконечной печалью в голосе юная дева. Пожалуй, я поторопился с возрастом. Двадцати ей точно не было.

— «Свобода», — мрачно констатировал Седой.

Я пробежался взглядом по новой гостье. Седой не ошибся. Ошибиться было просто невозможно. Вышитые «пацифики» на драном, практически бросовом комбезе. «Фенечки» в три ряда на тощих запястьях. Ну и, естественно, алюминиевый лист конопли на шее и несколько стилизованных под безопасные бритвы висюлек с надписями «Пису Пис — Miru Mir», «Да здравствует Свобода» и даже совершенно неуместное «Fuck you self!».

— Тебя как звать-то? — спросил я.

— Я Хип, — охотно откликнулась девчонка и добавила грустно. — От ёкарный бабай, уж попала, так попала...

— Я фигею, — доверительно сообщил Седой.

— Очень приятно. Я Хип.

— Понял уже.

— Лунь. Одиночка, — представился я. В этот момент в люк тихо поскреблись.

— Ну вот. Начинается. — Седой вздохнул. — Молодец, едрит твою налево. Сейчас эта тварь своих друганов позовёт. Приятного аппетита им пожелай, если успеешь.

— Не, — отрицательно покачала головой Хип. — Это доход какой-то на хвост сел. Обдолбанный на всю башку, но жалко, пропадёт.

— Не зомби?

— Ага, такая я дура, что зомбака от живого не отличу. Откройте ему уже. От, бли-ин...

Ржавый люк уже в четвёртый раз заскрежетал по бетону, и к нам буквально ввалилось тело в засаленной, выцветшей химзащите.

— Благодарствую, — буркнуло нечто, устраиваясь в уголке и сбрасывая на спину прорезиненный капюшон.

Меня разобрал смех. Закусив губу, я идиотски хихикал, глядя на банку с окурками. Компания в сборе. Одиночка, «Долг», «Свобода» и «Монолит». Вскоре не выдержал и Седой.

— Обкурились, — определила Хип. До неё юмор ситуации ещё не дошёл. Монолитовец хмурился.

— Скажу нашим — не поверят, — отдышался наконец Седой, отложив автомат так, чтобы можно было до него дотянуться. — Да хорош уже блинами крыть, пигалица. Не трону.

— Оружие есть? — спросил я Хип.

— Ну. — Моим глазам предстал «макаров» с порыжевшим затвором. — Маслят тока три штуки. Похавать есть чего? А то, блин, брюхо к спине уже присохло.

— Ага. Щас. — Седой демонстративно затянул горловину мешка. Я покопался в своих запасах и поставил на стол две банки тушёнки, галеты и выцедил в кружку остатки чая из термоса.

— Добрый ты, я посмотрю, — фыркнул Седой. — Да эти уроды тебе завтра пуль в спину и насандалят, когда отвернёшься. В благодарность. Известный контингент.

— Респект, чувак, — дрогнувшим голосом сказала Хип. — Спасибо, в общем. Эй, доход, налетай, пока горячее.

Монолитовец поймал банку, достал из-за пазухи внушительный кинжал с наборной рукояткой, медленно срезал крышку и тем же кинжалом начал доставать из банки куски тушёной свинины. Хип уничтожала свою порцию быстро, жадно, жмурясь от удовольствия и с трудом заглатывая плохо прожёванную тушёнку. Я отметил, что она довольно миловидна, даже симпатична, несмотря на грязь и давно не мытые волосы. Занесло же девчонку в Зону. И как только выжила с такими-то ухватками?

— Сколько лет тебе?

— А? Двадцать четыре.

— Не трынди.

— А чё? — Хип быстро взглянула из-под упавших на лоб русых прядей. — Ну ладно. Тока, короче, не стебитесь. Восемнадцать зимой будет.

Седой присвистнул.

— Сколько в Зоне?

— Скоро год.

— Во дура. — Седой достал сигарету, прикурил от спички. — И за каким хреном ты в Зону сунулась? Тебе бы отучиться, замуж выйти, детей нарожать, а ты радиацию глотаешь. Хотя вам проще — хабара не нашлось, так древней профессией. Новый вид в Зоне — п...датый сталкер. Ну, ты как обычно работаешь, за бабки или за хабар, агрегат подстилочный? — Долговец даже не скрывал презрения, желчно издеваясь над «свободовской» девчонкой. Провокация. Это была именно провокация. Да, Седой, я был о тебе лучшего мнения...

— Слышь, должара, не твоё, блин, собачье дело, что я здесь делаю, на! Заторнись, на! — Хип побелела от ярости. — Козлина стрёмная, на...

— Поговори у меня, сиповка... — Седой нехорошо сверкнул глазами. — Дрянь малолетняя. Не посмотрю, что девка, в момент зубы повышибаю.

— Попробуй, на... — Хип выхватила из-за голенища раздолбанного сапога отвёртку с заточенным жалом. — Только тронь, на...

Сжав кулаки, Седой поднялся и сделал шаг. Хип отодвинулась от долговца, прижавшись ко мне. Я почувствовал, как её трясёт.

— Слышь, Седой, отстань от неё. — Я тоже встал, задвинув девчонку за спину так, чтобы стать между ней и Седым. — Чего взъелся? Не видишь, отведала девка, почём фунт лиха, а ты развёл тут мораль... слова бы хоть выбрал.

— Ты чё, Лунь, офонарел? На дурака ты вроде не похож... — Седой глянул волком. — Вначале кормишь этих уродов, потом защищаешь. Я же знаю, как ты от свободовцев уходил, рюкзак тебе в трёх местах прострелили, шакалы. Это бандиты, Лунь! Что эта сиповка, что тот шизофреник... чёрт, да чё я тебе доказываю, как будто не знаешь...

— Ты нарывался на комплимент, Седой. Сам нарывался, специально. Ну а если кулаки чешутся... — Я выразительно промолчал.

Седой задумался, сверля меня глазами, в которых уже потух опасный огонёк. Драться с почти союзником на глазах двух вероятных врагов он не хотел. Не время и не место. Да и я хорош. Чего, спрашивается, завёлся?

— Только из уважения к тебе, Лунь. — Долговец неохотно вернулся на своё место. — Спать будем по очереди. А с вами, твари, я потом как-нибудь встречусь...

Седой свернулся калачиком и вскоре начал негромко посапывать.

— Слышь, Лунь. — Хип подсела поближе. — А чё, наши в натуре по тебе шмаляли?

— Было пару раз, — усмехнулся я.

— Во блин... а мне говорили, что вольных не трогают. Это, респект ещё раз. Классный ты чувак, Лунь. Короче, если спать хочешь, ложись. Я позырю, если чё.

— Курить есть? — Монолитовец с надеждой взглянул на распечатанную пачку. Если бы я сказал «нет», то вопросов бы не возникло. Здесь у всех всё свое, только одна Зона общая. Нет здесь ни щедрых, ни жмотов. Припас должен быть у каждого, а если нет, то сам дурак. Ларьки с магазинами в Зоне как-то не предусмотрены, и от лишнего патрона, дополнительной банки консервов, перевязочного пакета часто зависит, останешься ли ты жить. Потому и спрашивал монолитовец, словно не видя курева на столе, есть оно в наличии или ему только почудилось.

— Держи.

Монолитовец размял сигарету и вновь взглянул на меня:

— Такое дело... ни дерьма, ни ложки.

— На. — Хип положила никелированную коробочку. — Только верни. Как кличут тебя, доход?

— Зовите Доходом, — невесело усмехнулся монолитовец.

Имя подходило. Тощий, угловатый, с болезненно трясущимися руками и нездоровой бледностью покрытого двухнедельной щетиной и клановыми татуировками лица, он, похоже, действительно доходил.

— «Душегубка»? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Ну, — кивнул Доход. — К нашим коновалам сунулся, да толку от них. «Суров Монолит к усомнившимся» — это когда уже ничего сделать не могут. Уроды.

— К Доктору сходи.

— Был уже. — Доход засучил рукав, демонстрируя багровую сеть на коже. — Поздно. Упустил я время.

Надо было сразу к нему топать, да понадеялся на наших чудотворцев.

— Что же ты там делал, Доход? Вроде не псих, — искренне удивился я.

— Сейчас вроде нет. А до того, как доходить начал, и вспоминать противно, что вытворял. Словно одурь какая-то в башке была, как в тумане всё. Без контролёров, думается, не обошлось. Слышь, Лунь, прошу, ты, кажется, человек... сделай одолжение.

— Смотря какое.

— К научникам я иду, сдаваться. Я теперь весь вроде артефакта сделался. Думаю, бабки должны за меня дать, раз добровольно отдаю себя на опыты. И это... дочка у меня есть, в институте учится. Проследи, чтоб деньги до неё дошли, адрес счёта у меня есть. Половину можешь себе забрать. Жил, понимаешь, как дерьмо, так хоть от смерти кому польза будет.

— Постараюсь. Обещать не могу.

— Спасибо, Лунь.

Я закрыл глаза. Спать, спать... сюрпризов от случайных соседей по схрону я уже не опасался.

Утром, успокоив разбухтевшегося по поводу моей беспечности Седого резонным замечанием, что все живы, здоровы и ни у кого ничего не пропало, я попрощался с долговцем и начал готовиться к маршброску до Коржинских прудов. Доход ушёл чуть позже в сторону Бара. Хип осталась в схроне, глядя, как я проверяю оружие и укладываю рюкзак.

— Лунь, а ты сколько уже здесь?

— Осенью шесть лет будет.

— Ни фига себе! А зачем в Зону пришёл?

Хороший вопрос.

— В той жизни я был журналистом. — Я подтянул лямки рюкзака, проверил, не бряцает ли барахло. — Хотел сделать репортаж какой-то... по крайней мере мне так рассказали. Сам не помню. Индуцированная пси-резонансом стойкая амнезия. Выброс две тысячи седьмого.

— Ясно... — протянула Хип, покусывая губу.

«Гробанётся девка», — невесело подумал я. Жаль, чёрт возьми. Красивая, хоть и жутко тощая от «свободовских» харчей. В полутьме схрона она казалась какой-то пацанкой, но утром я разглядел остренькое личико, несколько задорных веснушек на аккуратном, чуть вздёрнутом носике и большие синие глазищи. Худенькая русская берёзка, заброшенная в дикие поля Зоны.

— Чё уставился? — без злобы спросила Хип, опустив роскошные свои глаза и нервно теребя манжету комбеза.

— Да так. Пора мне. Бывай здорова, Хип.

Ах, как жалко-то, ядрена восемь. Дохода вот не жалел ни капли, так, зарубка в памяти осталась, не больше. В Зоне на всех жалости не напасешься, отвык я уже давно от этого чувства, забыл про него даже, а тут саднит душу, как будто гусеница сидит в груди и, мерно помахивая колючей головой, срезает с сердца полоску за полоской. Прав в чём-то Седой: сидела бы дома, на дискотеки ходила, училась. А, чёрт с ним. Жалко у пчёлки. Выкинь из головы, сталкер Лунь, и топай к прудам.

Странный звук. Длинный, хрипловатый выдох с каким-то присвистом. Я обернулся.

Покривив рот и зажмурившись, Хип явно готовилась зареветь. Из глаз часто закапали слёзы, оставив на пыльных щеках две светлые дорожки.

— Ну, ты чего слякоть развела?

— Не... броса-а-ай... Лу-ууууунь...

«Покойник. Она уже покойник, к гадалке не ходи. Развернись и топай. Ты, блин горелый, не армия спасения, своих проблем воз с прицепом. Ну, чего встал?»

— Домой тебе надо, Хип. Переговорю с «ботаниками», может, выпустят за Периметр. Родители небось с ума сходят.

— Мои предки с ума сходят, если на опохмел бабла не настреляют, — с неожиданной яростью растерев слёзы кулаком, чётко произнесла Хип. — Мамаша как меня родила, так через три года спилась. Это ладно, что меня сделала от какого-то дяди залётного, когда ещё водку жрать не начала, а вот братишка, считай, без головы родился. Отчим, сука пьяная, заставлял по электричкам на бутылку просить, как школу окончила, вообще не представляю. Нет у меня дома, Лунь, понимаешь? И не было никогда!

Хип злобно пнула валяющуюся у схрона пустую сигаретную пачку и всё-таки разревелась в голос, шмурыгая носом и прижав к лицу крепко сжатые кулачки. Я стоял, ошарашенный исповедью, не зная, что и сказать.

— Одна только подружка у меня и была, Килькой звали. Вместе в Зону пробирались, к «Свободе», вроде парень у неё туда ушёл. Не дошла Килька, убило её в аномалии. Принесла я тому парню сумку её, он крутой был, меня трогать не позволял. Хороший был, по Кильке сильно убивался. Его потом «Долг» застрелил, и начала ко мне всякая мразь лезть. Ушла я оттуда, Лунь.

Хип уселась на землю, всхлипнула, сцепила пальцы в замок.

— Никого у меня теперь нет, кроме тебя. Не возьмёшь с собой, так я до ближайшей аномалии.

Вот это номер.

— И что я должен сделать?

— Научи меня, Лунь. — Глаза Хип разгорелись. — Ты крутой сталкер, классный, много знаешь.

— Хожу один. — Я покачал головой.

— Я всё делать буду, Лунь! Готовить, стирать, ночью сторожить, и натурой даже, если захочешь! Не бросай меня, Лунь! Ты самый классный, ты... первый настоящий человек здесь, Лунь...

Вот так. Не было у бабы заботы, завела баба порося. Приручил, идиот бессовестный.

— Ты хоть понимаешь, что такое по Зоне лазить? — спросил я, жёстко прихватив Хип за подбородок. — Что такое в воде сутки на брюхе ползти под «Чёртовой сетью»? Что такое ночь в Припяти? Что за эти шесть лет я десятки раз подыхал в таких дырах, какие не дай бог тебе во сне увидеть? Убегала когда-нибудь от кровососов ночью по незнакомой местности, где аномалий больше, чем у дурака фантиков? Как человека заживо наизнанку выворачивает, не наблюдала? Нет? Ну, тогда вспомни Дохода, уж его ты видела, сама к нам привела. Он не просто умрёт, как и все мы, он точно знает, когда и как. А возле Бара Шкворень побирается, сталкер бывший, поглядишь на него, какой красавчик. Учти, с твоей симпатичной мордашкой то же самое может случиться.

Я завёлся. Из меня хлестало, как из неисправного крана на кухне, я выливал потоки пережитого в Зоне, и исповедуясь, и успокаивая совесть. Хип так и не отвернулась.

— Ништяк, Лунь. Я сильная и умная. Я выдержу, не смотри, что девчонка. У нас болевой порог выше, чем у мужиков, и вообще мы двужильные, если постараемся. Возьми с собой, сталкер. Выгнать всегда успеешь.

— Ладно. — «Дурак, ох, дурак, дураком ты был, им и останешься, это не лечится». — Начинаем занятия. Все нашивки, значки и прочие пацифики долой. Здесь и сейчас.

Не успел я договорить, как Хип уже сорвала и далеко зашвырнула цепочку с висюльками, избавилась от бисерных фенечек и начала спарывать с комбинезона нашивки «Свободы». И всё без лишних вопросов. Неплохо. Я дождался, пока она закончит.

— Теперь лекция. Сейчас мы идём к Коржинским прудам. Ты топаешь сзади в двух шагах, по моим следам, ни влево, ни вправо не отклоняться даже на сантиметр. Побегу — бежишь за мной. Подниму руку — вот так — стоять столбом и не мигать даже. Сделаю так — падаешь на брюхо хотя бы даже в лужу. Если покажу ладонь, начинаешь представлять себе любую водичку, хочешь, море, хочешь, озеро или просто стакан, и ни о чём другом не думаешь. Ни меня нет, ни тебя, ни Зоны, только вода в любых видах. Справишься?

— Справлюсь.

Ещё лучше. Ни «так точно, босс», ни «да всё ништяк будет», ни, самое страшное, «э, фигня какая, как два пальца об асфальт». Коротко, серьёзно — «справлюсь». Начало обнадёживающее.

Полкилометра к бывшей деревне можно было идти почти прогулочным шагом. Моя тропа, надёжная, ни одной пакости на ней нет или по крайней мере не было. Выброса в этом участке Зоны давно не случалось, значит, и новых аномалий нет пока. Всё равно не расслабляться: вон там, у останков КАМАЗа, маленький бугорок. Обычный вроде холмик, таких тысячи, но если приглядеться, видно, что глина и камешки на нём словно колечками выложены. Я резко поднял руку, остановился, ожидая толчка в спину и

уже готовясь сделать зазевавшемуся стажёру выговор с занесением. Нет, не дождался. Даже странно. Обернувшись, я увидел замершую в двух шагах Хип. Она стояла на одной ноге, медленно опуская на тропинку вторую. Затем изобразила статую в полном соответствии с инструкцией.

— Осмотрись.

Хип осмотрелась.

— Ну? — спросил я.

— Кусты вокруг странные, ветки штопором. Вон там, возле столба, какое-то тряпьё подозрительное, туда, наверное, нельзя. КАМАЗ ржавый.

— С кустами ничего особенного, для Зоны нормально. Что тряпьё заметила, хорошо. Тряпочки эти были глупым сталкером Рубликом, который старших не слушался и любил повторять пару самых скверных выражений в Зоне.

— Каких же?

— «Авось пронесёт» да «ни хрена не будет».

— Я поняла. — Девушка медленно кивнула, не отрывая глаз от кучки тряпья. — Что ещё нужно там увидеть?

Аномалию Хип, естественно, не запеленговала.

— Холмик маленький видишь? Не растёт на нём ничего, и камешки кто-то бубликом выложил? Так вот это «глухарь». Штука не смертельная сама по себе, но крайне неприятная. Если вляпаешься, то до вечера будешь в ушах громкий звон слышать, словно в колокол бьют, и ничего, кроме звона.

— Усекла.

— Идём дальше. — И я немедленно подал знак «лежать». Хип немного замешкалась, не ожидая, но через пару секунд уже растянулась на земле, что называется, «не группируясь». Коленки, наверное, отшибла, морщится, но ни звука. Я вспомнил своих

прошлых «стажёров». Нет, далеко им до Хип, как до Китая на карачках. Умница пока, посмотрим, что дальше будет.

— Сталкер Хип, если ты так будешь падать всякий раз, то к вечеру покроешься синяками, как леопард пятнами. Потренируйся на досуге приземляться без травм.

— Угу.

— Подъём. Оружие достать!

Та-ак... а вот с этим придётся поработать. ПМ, естественно, был в боковом кармане под молнией, да ещё и запутался в подкладке. Я мысленно отсчитывал секунды, и где-то на одиннадцатой оружие наконец было готово к бою. По крайней мере как думала Хип.

— Враг — вон та коряга. Стреляй.

Вообще красота. Направив ствол на указанную цель, Хип начала жать спусковой крючок. Жми, жми: пистолет на предохранителе, патрон явно не дослан.

— Хватит. — Я махнул рукой. — Съели тебя уже. Дай сюда.

На Хип жалко было смотреть. Краска стыда залила мордашку, закушенная губа, низко опущенная голова. Извиняющимся жестом протянула пистолет. Я выщелкнул магазин, покачал затвор, мимолётно поразившись количеству грязи, буквально набитой в оружие. На какой, интересно, помойке был подобран этот аварийный по всем статьям ствол? Затвор болтался, от воронения осталось одно воспоминание, пистолет был весь рыжий от глубокой коррозии. Судя по вмятинам и надколотой пластмассе рукоятки, прошлый владелец пару раз использовал оружие в качестве молотка. Патроны в количестве трёх штук имели грустный зеленоватый оттенок. Широко размахнувшись, я зашвырнул негодный ствол подальше от тропы.

— Это... — пискнула Хип. — Зачем выбросил?

— Скажи мне, только честно. Ты вообще стреляла когда-нибудь?

— Ну.

— Что — ну?

Хип помялась.

— В тире... из воздушки. Пистолет...

— Это, радость моя, уже давно не пистолет, а семьсот граммов ненужного груза. Пушку мы тебе найдём подходящую, как в Бар вернёмся.

— Дура я, да? — совсем тихо спросила девушка.

— Вовсе нет. — Я не покривил душой. — Пока что зачёт по всем предметам, молодец, только вот начальную военную подготовку пересдать придётся.

Стажёр заметно воспряла духом, даже улыбнулась. Не перехвалить бы.

— Да, ещё. Ежели затрещину дам при случае, не обижайся. На устные замечания времени может и не хватить.

— Да пожалуйста, вообще не вопрос. — Хип задорно откинула чёлку и улыбнулась. — Мне не привыкать.

— Вот и ладушки. Двигаем.

Добрались без приключений, и безопасная тропа, как всё хорошее в жизни, закончилась. Впереди виднелись дорожная насыпь, мост и сразу за ним Верхнее Коржино. Даже отсюда я ощутил, какая тяжёлая, мёртвая тишина царила в заброшенном селении. Нехорошее это место, гиблое, и, прежде чем входить в деревню, нужно посидеть и хорошенько подумать. Не торопись, сталкер, обожди лишние двадцать минут, разглядывая проваленные крыши, откинувшийся на бок трактор, чёрные джунгли исковерканных Зоной яблоневых садов. Представляй, как идёшь мимо гнилых бревенчатых стен, слушай, как потрескивает под ботинком прошлогодняя трава. И ожидай морозного дуновения между лопаток.

Так. Мысленно прошёл мимо поваленного телеграфного столба. Первый дом. Второй. И тут ёкнуло под ложечкой, и я почувствовал высыпавший на лбу ледяной пот. Нельзя туда идти. В тени бывшего сарая-дровяника смерть, от чего, не знаю и не берусь даже угадать, но то, что она там, уверен. Интуиция для сталкера — вещь жизненно необходимая. Нет её, значит, не спасут тебя ни сканер, ни самый лучший костюм. Так... а если в обход? И вновь прострелило холодком. В обход тоже нельзя.

— Лунь...

— Нишкни, Хип. Тихо.

Спокойно, Лунь, медленно, без горячки. Теперь заходим со стороны моста...

У всех, кто достаточно долгое время пробыл в Зоне, просыпается особое чутьё, которое сложно описать на словах. Звериное начало, прикрытое налётом цивилизации и мирно дремлющее до поры, постепенно начинает диктовать свою стратегию выживания, ибо всё, к чему оно стремится, чего желает, — уцелеть любой ценой. Человеческое сознание слепо и глухо по сравнению с инстинктами, доставшимися гигантским опытом бессчётных поколений от слизистого комка в первобытном океане до сутулого примата, впервые схватившего палку. И важно не мешать этим инстинктам, научиться мыслить иным сознанием, в котором нет места словам, а только звукам, картинкам, запахам, сбросить на время всё то, что многие ошибочно считают человеком.

Маршрут в Верхнее Коржино к старому барскому пруду стал примерно ясен только через полчаса. Чутьё сталкера вещь хорошая, но не абсолютная, и потому следует настроить сканер на широкополосный формат и переложить из рюкзака в карман комбеза гайки с короткими отрезками марли или пучком маг-

нитофонной плёнки. Теперь можно самым малым вперёд.

— Хип, лучше будет, если ты пока останешься здесь.

— Почему?

— Там очень гнилое, страшное место.

— Здесь, без тебя, мне будет страшнее.

— Хорошо. Порядок движения прежний.

Первая гайка, взмахнув марлевым хвостом, скакнула к краю асфальтированной дороги. Правильно, хорошо пролетела и упала тоже как надо. Сканер мигал зелёным. Подойти, поднять и запустить дальше на семь метров, к бетонному мосту через мелкую гнойно-зелёную речку. Как в детстве, не наступать на трещинки в асфальте и перешагивать стыки плит. Легла гаечка нормально. Озоном не пахнет. Лицо не греет, как от дальней печки. Не шевелятся волоски на руках. Лёгкий озноб — это протестует, сопротивляется инстинкт глупому желанию человека, но вяло, в фоновом, так сказать, режиме. И — вот оно...

Гайка на полпути вильнула в сторону, ударилась о бетонный бордюр и вдруг исчезла, злобно взвизгнув, как рикошетирующая пуля. Разлетевшийся в клочья бинт ещё можно было заметить — белые короткие росчерки, исчезнувшие за обочиной. Воздушная «плешь». Разлеглась, скотина, в кювете, и ведь не на земле, а незримой плёнкой над глубокими ямами с какой-то тёмной гадостью на дне, и попробуй ты её заметь... Я достал из кармана следующую гайку. Размахнулся. Знакомо ёкнуло под ложечкой, очень сильно ёкнуло, даже дыхание перехватило. Нельзя гайку кидать. Просто нельзя, и всё тут. Сканер, сволочь, моргает зелёненьким. Сломался он, что ли?

— Назад, Хип. — Я даже не узнал свой голос. Плохо, очень плохо в Зоне возвращаться по своим

следам, но другого выбора нет. — Очень медленно назад... стоп.

Пот холодными змейками пополз по спине, заливал глаза. Руки тряслись в крупном треморе, как у алкаша с солидным стажем. Подышать, глубоко, размеренно, успокаивая разбушевавшееся сердце. Что же меня так напугало в оставшихся до моста трёх метрах серого, потрескавшегося асфальта? Ведь нет там ничего, чисто, но стоит только подумать о них, этих метрах, как вновь окатывает холодом, и кожа покрывается крупными пупырышками.

— Слышь, Лунь? — шепот Хип. — Что там было? У тебя на голове волосы вверх встали и до сих пор не опустились...

— Там была капитальная задница, Хип.

— Это где гайка взвизгнула?

— Чуть дальше.

На мост мы не попадём. Очень жаль, сам мост как раз красивый, без дряни, но не пройти по нему, хоть тресни. Придётся под мостом лезть, и не скажу, что мне это нравится. Может, забить на этот чёртов пруд, и фиг с ними, с премиальными? А что, заманчивая мысль...

Врёшь, сталкер. Не за деньгами ты туда пошёл и даже не ради раскосых глаз Гюльчатай. Это вызов, противостояние тебя и Зоны, и как хорошо понимаешь в этот момент альпинистов, зачем-то карабкающихся на высочайшие вершины планеты. Нет, Зона, шалишь, дойду я, дойдём, точнее. Но позже, когда поднимется солнце и станут короче тени от трухлявых домов. Почему-то именно тени внушали мне страх, что-то плохое было в этих тенях.

Найдя «палестинку» — относительно чистое, безопасное место в Зоне, — я скомандовал привал. С этой «палестинки» над речным обрывом отлично просмат-

ривалось Верхнее Коржино, река, бугристые, раскоряченные стволы безлистных «баобабов» за деревней, мёртвый жёлтый тростник болотистой поймы. Ещё дальше, у стены уродливого леса и выбегающей из него асфальтированной дороги, висела в воздухе гигантская аномалия, обозначившая себя перевёрнутым отражением деревьев, брошенного комбайна и бетонного скелета недостроенного коровника. Прямо под миражом медленно вращался по часовой стрелке вздёрнутый в небо ржавый бронетранспортёр, и жадно тянулся к нему оборванными проводами анкер высоковольтной линии, согнувшийся, словно в вежливом поклоне, перед мощью чужой, неведомой силы. Давно крутится под аномалией машина, очень давно, со времён Второй Катастрофы, когда спешно и бездумно бросили на «ликвидацию последствий» военные части, и до сих пор страшно думать о том, сколько сотен, а может, и тысяч человеческих жизней поглотила бездонная пасть Зоны. И поглощала до тех пор, пока тугодумы наверху не сообразили, что ликвидировать этот сюрприз человечеству вряд ли получится. И обнесли тогда Зону колючкой, поставили вышки и заборы из железобетона, и тогда же появились первые сталкеры, погибавшие нещадно, пачками, если не от армейской пули, то от аномалии. И всё равно лезли, даже иногда возвращались. Никто уже не знает, кто из тех, вернувшихся, притащил из Зоны первый артефакт, и что это было, и в какие руки ушло. Ходили слухи, что это была пустяковина вроде «банки» или «камня зари», но многие сталкеры утверждали, что это был настоящий, заветный Артефакт, чуть ли не осколок самого Монолита, который вроде бы был, да потом вышел весь. Причудливо переплетается быль Зоны с легендами, и не поймёшь, где правда, а где выдумки, тем более что правда зачас-

тую была куда фантастичнее плодов скупого человечьего воображения.

Я вдруг поймал себя на том, что негромко рассказываю Хип свои мысли и воспоминания, и та слушает жадно, сидя по-турецки на сухой траве и забыв про намазанную сгущёнкой галету. Стареешь, Лунь, а ведь был когда-то таким же зелёным, правда, было мне в начале сталкерской карьеры не восемнадцать, а двадцать семь. И в первую самоубийственную ходку пошёл один: никто из бывалых не взял учеником или хотя бы простой отмычкой. Теперь вот сам стажёра по Зоне таскаю, совсем стал большой да важный...

Майн гот, а ведь через неделю мне уже тридцать два, и ровно пять лет и одиннадцать месяцев топтания Зоны! Ёкарный бабай! Следующую за этим «открытием» мысль я старательно отогнал от себя жёстким «нет», похоронил под грузом более насущных думок, но она ведь, зараза, выкопается, как зомби из могилы, и вновь начнёт нудить. Да и хрен с ней, с мыслью. Подумаю на досуге.

— Кислятина. — Хип разжевала две таблетки БАДУНа, запила водой, смешно сморщила носик. — Что это?

— Весьма пользительная штуковина, стажёр. Витамины, минералы, абсорбенты и прочее. Вам прописываю двойную порцию ввиду истощения и вероятного авитаминоза. Держи вот ещё. Глюкоза, это послаще будет.

Интересно, как бы это помягче сказать. С парнем бы таких проблем не возникло...

— А теперь, стажёр, раздевайся.

Хип колюче и как-то безнадёжно взглянула мне в глаза.

— Лунь...

— Хип, мне нужно померить тебя на радиацию. Поверь, это важно. Я же не знаю, где ты этот год бродила, счётчика я у тебя не заметил. Комбез твой хоть и рваный, но экранирует, да и сам фонить может. До исподнего, стажёр.

Хип облегчённо выдохнула.

— А это подождать не может? И почему раньше не померил?

— Разговорчики. — Я сделал строгое лицо. Не объяснишь ведь, что раньше мне было попросту начихать, схватила ли случайная знакомая дозу. Теперь же вряд ли избавлюсь от настойчивой думки, не нацепляла ли девка рентген, не пострадала ли здоровьем, а голова скоро нужна будет ясной и чистой от всего.

ДСУ, дозиметр сканирующий универсальный, был наряду с ПМК ещё одним чудом техники, разработанным учёными Зоны. Мог работать во множестве режимов, в том числе засекать слабую остаточную радиоактивность облучённого либо нахватавшего радионуклидов человеческого тела. К ДСУ для этого прилагалась специальная насадка в виде присоски с круглым серебристым диском внутри и разъём для подключения к ПМК.

Хип тем временем выскочила из бесформенного комбинезона, и я невольно залюбовался стройной длинноногой фигуркой в мужском белье — драной майке и широких семейных трусах в цветочек. Ах ты, чёрт, по-настоящему красива Хип, что уж тут.

— А ничего другого не было! — с обидой в голосе сказала девушка, видимо, по-своему расценив мой взгляд на мужское исподнее. Точнее, на то, что двумя холмиками приподнимало майку.

Так, отставить взгляды, сталкер Лунь, а то как-то совестно получается по отношению к стажёру. Начинай замеры.

Как заправский врач, орудуя сканером, словно стетоскопом, я прослушал, а точнее, просмотрел на экране ПМК зелёные столбики уровней, сроки давности и колонки цифр. От души отлегло. Хип набрала за год не больше, чем обычный житель Москвы за три. Вот уж не думал, что скажу «Свободе» спасибо. Не такие уж они и отморозки, грамотно место для базы выбрали.

— Одевайся. Умница, Хип. Всё чисто.

Осталось сделать фоновый контроль. Подняв ДСУ, я уже на автомате покосился на экран. Были у меня в заветной стальной коробочке, зашитой в пояс, две ампулы «Жизни». Бесценная вещь, страшная редкость в Зоне эта синенькая влага, конденсирующаяся иногда на старых костях погибших людей и мутантов. Просто вода, аш два о, но что-то превратило эту воду в эликсир, мгновенно гасящий любую дозу радиации и уничтожающий все последствия облучения как у человека, так и у монстра. И рождались иногда у лизнувших «Жизни» слепых собак нормальные щенки с глазами и обычной собачьей внешностью. Но редко это было, ох, как редко. Я вдруг понял, что если бы сканер показал беду, то стало бы в коробочке на одну ампулу меньше. Да что с тобой делается, Лунь? Совсем дурак стал? Что тебе эта Хип?

«А то, Лунь, что это, возможно, твой билет. Билет из Зоны за Периметр», — подсказал услужливый рассудок. Очень даже может быть, что вылеплю я из девчонки толкового сталкера себе на смену, и тогда НИИ выправит мне все нужные бумажки да корочки и отпустит на все четыре. Прощай тогда, Зона.

Водилась за учёными одна гнилая особенность. Быстро сообразив, что от одного опытного сталкера зависит работа десятка лабораторий, институтское начальство крайне неохотно расставалось с людьми,

долго топтавшими Зону. Прямых запретов на выезд, естественно, не было. Просто сталкеру, решившему бросить ремесло, намекали, что он, по сути, «уголовный элемент», заработавший минимум несколько хороших сроков. И ладно бы только это. Всегда можно было сбежать, не нашли бы. Но куда? Наличности мало, документов, как правило, нет, жилья обычно тоже. Бомжевать никому не хотелось. Крепкая была хватка у людей, курирующих Институт.

Да только сталкеры тоже кусаться умели. Драконовские законы получили жестокий отпор: Институт несколько недель не получал материала, брошенный кем-то в окно «жорень» прожёг железобетон двух этажей и безнадёжно испортил генератор, а в домах учёных каждую ночь начиналась лёгкая паника — «ботаники» с ног сбились, пытаясь отыскать десяток крошечных «гнид», вызывавших дикие ночные кошмары. Учёные грозились вызвать военных, сталкеры отвечали, что пусть, только после этого лаборанты сами в Зону ходить будут. Учёные перекрыли поставки, сталкеры выпустили в канализацию ведро «дикой пены», вызвав фонтаны нечистот из всех институтских туалетов. Где, в общем, на сталкера сядешь, то там же и слезешь. «Ботаники» это узнали быстро. То, что вражда с Институтом невыгодна, понимали и сталкеры. От нас выступил Сионист с группой «стариков». Со стороны институтского начальства явилась делегация учёных. Переговоры длились часа четыре, по истечении которых обе стороны, переломав гору копий, пришли к некоторым компромиссам. В частности, сталкеру, решившему отойти от дел, никто больше не чинил препятствий. Оформлялись паспорта, заработанные деньги «без дураков» переводились на карточки надёжных банков или выдавались «налом», Фемида со вздохом разочарования отворачива-

лась от «уголовного элемента». Сталкер, в свою очередь, готовил достойного преемника, способного в одиночку выполнить задание «ботаников». Если стажёр сдавал экзамен, то ты выходил за ворота Периметра новым человеком с безупречным прошлым, хорошим счётом в банке (если, разумеется, ты этот счёт обеспечил) и свободой идти на все четыре стороны. Как оказалось впоследствии, бывалые не очень-то и стремились уходить. Им куда важнее было чувствовать свободу от любой диктатуры, ту независимость, без которой немыслим любой сталкер. Вопрос в том, были ли мы хоть когда-нибудь по-настоящему свободными? Если честно, то нет. Сталкер зависел всегда: от барыг, почти безнаказанно обдиравших до нитки; от своих «коллег», среди которых попадались как настоящие люди, так и подонки; от приказа армейского начальства, выславшего усиленные патрули, колесящие вдоль безопасной «нейтралки». От поставок необходимых припасов зависело, будешь ли ты сыт сегодня или только через неделю. От простой удачи, наконец, зависела сама жизнь. Человеку свойственно иногда врать самому себе и верить в эту ложь. И мы верили, потому что признаваться в правде было стыдно и неприятно. Вот и сейчас ты почти убедил себя в том, что расстался бы с ампулой «Жизни» в результате трезвого, холодного расчёта — сохранить свой будущий пропуск. Я решил, что в этот раз Хип к пруду не пойдёт.

— Вопрос, стажёр. Имеется ли у вас средство связи?

— Да, пейджер какой-то. — Хип порылась в своём тощем вещмешке. — Вот.

М-да. Совсем плохи дела у «независимых» свободовцев. Тяжёлый пластмассовый кирпич с узким монохромным экранчиком и примитивной клавиатурой

тем не менее был способен принимать и передавать сообщения. Я продиктовал код своего ПМК Хип.

— Сейчас я оставлю тебе сканер. — Я специально настроил детектор на прогноз Выброса, вероятность которого была минимальна. — Ты будешь внимательно смотреть на этот огонёк. Если станет красным, немедленно сообщаешь мне по сети. Сидеть будешь вот на этом дереве.

— А почему, разве я не иду...

— Потому что сканер не работает в деревне, — соврал я. — Пока я буду там, мне нужно прикрытие отсюда. Если не вернусь через три часа, уходи к Бару. Вопросы?

— А... ты вернёшься?

— Если... гм... не случится непредвиденного, то вернусь. Честно. И у тебя мой сканер.

— Знай, Лунь, я буду ждать очень долго. — Хип взглянула мне в глаза. — Даже если ты решил меня бросить.

Не дойдя до моста двадцати метров, я свернул на обочину, проверил склон насыпи и спустился вниз, в сторону от дороги, чтобы сделать широкий крюк в обход нехорошего участка. Брошенные гайки послушно тянули за собой марлевые хвосты, падая в жухлую, похожую на грязный рыжий войлок траву. Я медленным шагом огибал опасный кусок шоссе, одновременно отмечая «дуговую» в десяти метрах справа, обозначившую себя выжженными пятнами на земле и оплавившейся макушкой большого гранитного валуна, и «сварку» впереди, маломощную и на таком расстоянии не опасную. Опасность была в другом — электрические аномалии кучковались вместе, большими компаниями, и там, где были «дуговые», «смерть-искры», «сварки», обычно нависал незримым куполом «статик», способный шарахнуть неожиданной

воздушной молнией. Чтобы этого не произошло, следовало достать пучок тонкой медной проволоки и распушить её веером, после чего внимательно, предельно внимательно следить, не появятся ли на проволочках бледно-голубые шипящие кисточки света.

«Сварку» я обошёл и ещё на двадцать шагов приблизился к реке. У воды «электрика» обычно слабела, зато был риск нарваться на мощный пучок рентгеновских лучей из «горячего пятна» или схлопотать не смертельный, но очень болезненный «сюрприз Мелихова» из роящихся в поверхностной плёнке гравитационных вихрей. Уже отсюда я видел белые протуберанцы мельчайших брызг, то тут, то там с громким шумом выстреливающие из лениво текущей воды. Биолог Мелихов, первым обнаруживший эти крошечные аномалии, возникающие только на глубоких и спокойных участках рек, сравнивал их с китовыми выдохами и один раз отрядил группу сталкеров добыть или сфотографировать «речного гиганта». Синяки на беднягах сходили потом очень долго...

«Сюрпризов» под самим мостом не было — вода текла быстро, журча по пенькам облепленных чёрной тиной свай и перекатываясь через затопленные бетонные плиты, густо покрытые всё той же слизистой чернотой. Как я и рассчитывал, паводок от июльских ливней набил под быки моста десятки сцепившихся сучьями и корнями деревьев, образовавших некоторое подобие кладей. Переправа ненадёжная, да другой нет.

Брёвна ворочались под ногами, прелая кора пластами соскальзывала с мокрых стволов, и пару раз я едва не окунулся. Под брёвнами хлюпала и журчала вода, нагромождения гниющих деревьев блестели скользкой плёнкой коричневатой слизи, от мёртвой реки поднимался тяжёлый, неприятный дух. В про-

зрачной зелёной воде я не увидел ни одного живого существа. Не было в реках и речушках Зоны даже мутантов, одна только тина чёрного либо ядовито-зелёного цвета. Вон и труп слепого пса прибило к бетонной опоре, вздулся уже, размок, и шерсть почти вся слезла, однако ни рыжих мух, ни псевдозмеев поблизости не оказалось. Некому было похоронить собачку. Мёртвая вода долго хранила своих мертвецов.

Добравшись до опоры из позеленевшего ноздреватого бетона, я спрыгнул с брёвен на узкую плиту, выступавшую из воды. К берегу уже можно было пройти по камням, не рискуя сломать ногу между скользкими стволами, но я задержался, чтобы собрать пучок «стальных волос». Полезный артефакт, нужный, и название точное. Мягкие синеватые волокна по прочности превосходили любой известный человечеству материал, не горели даже в дуговых лабораторных печах и решительно не желали разрезаться ни алмазом, ни лазером. В НИИ до сих пор ломали голову над их составом и происхождением: почему они все строго одинаковой длины — двадцать четыре с чем-то там сантиметра? Почему на одном спектрографе чётко видны линии азота и кальция, на другом только кислород, а на третьем фосфор и гелий? Почему «стальной волос» на свету диэлектрик, а в темноте отличный проводник? Почему он никак не реагирует ни на кислоты, ни на щелочи? Почему у профессора Серебрякова такой несчастный вид после очередного эксперимента? Что? Ах, исчезают «волосы» в вакуумной камере под воздействием мощного пучка гамма-лучей? Как это сразу и бесследно? Профессор, ну зачем же так расстраиваться? Куда это я пошёл?

Артефакт стоил, несмотря на свои уникальные свойства, до обидного мало. НИИ обладал запасом на двадцать лет вперёд и покупал «волосы» неохотно,

поэтому многие сталкеры не обращали внимания на синеватые пучки. Я обращал. Бронежилет или верёвку сделать из них было невозможно, ткань расползалась сама собой, не желали волокна сплетаться в нить, а жаль, мировая бы одёжа получилась. Зато связать картечь для «Сайги» — милое дело. Девять восьмимиллиметровых картечин, по три в связке. Между ними пятнадцать сантиметров неразрываемого волоска. Толщина волокна — ноль целых четыре сотых миллиметра. Всё это помножить на усиленный заряд пороха для последней модели штурмовой «Сайги». В результате монстр, отхвативший такого боеприпаса, вместо нескольких аккуратных пробоин в своем теле с удивлением наблюдал отваливающиеся конечности и пару-тройку полновесных ромштексов, шлёпнувшихся на асфальт из оч-чень большой дырки в брюхе. Много раз уже выручали меня эти ниточки, прилежно шинковавшие самых живучих мутантов Зоны. Нужная штука «стальные волосы», и я не поленился собрать их все до последнего, хоть и ушло на это больше получаса.

Переправа, переправа, берег левый, берег правый... теперь вверх по склону, и не забывать про гайки. Жди в гости, Коржино. Скоро буду.

За мостом я пересёк пустырь, заросший высокой, по пояс, ломкой травой. Трава была мёртвой, покрытой мельчайшей, похожей на сажу пылью. Откуда-то крепко несло падалью, тяжёлым прогорклым запахом, не иначе, гробанулась поблизости матёрая плоть. Не нравится мне это. Ни одного живого мутанта, а ведь, по идее, должны в траве с истошным писком разбегаться бывшие когда-то мышами-полёвками мелкие уродцы. И тишина. Блин, как же здесь тихо...

Вот и первый дом, когда-то добротный сельский пятистенок, теперь прогнивший насквозь, в пятнах

серого лишайника и траурной черноты кляксами, похожими на мазутные пятна. К провалам окон тянется грязно-жёлтый бурьян. Две яблони, такие же чёрные, безлистные, но, похоже, живые: на изломанных, неровных ветвях густо висели мелкие белёсые яблочки. Я постоял, слушая деревню. Ватная, пещерная тишина.

«АХ, АААРЛЕКИНО, АРЛЕКИНО...»

Я подскочил, словно мне всадили заряд мелкой дроби. Сердце замерло, а потом гулко ударило в грудную клетку. Покосившийся садовый столик, засыпанный листьями. Орало оттуда.

«НУЖНО БЫТЬ ТАКИМ, КАК ВСЕ!»

В грязном кирпиче я с трудом узнал большой приёмник-транзистор, забытый много лет назад бежавшими селянами. Годы под открытым небом не испортили его, нет. Он был просто уничтожен: я видел вывалившийся из гнилого корпуса динамик и ветхое нутро, покрытое плесенью и ржавчиной.

«АРЛЕКИНО, АРЛЕКИНО, ЕСТЬ ОДНА НАГРАДА — СМЕХ!» — надрывалась убитая техника так, что со стороны моста прилетало лающее эхо.

«ХАХАХАХАХА ХА, ХАХАХА ХА, ЛАЛАЛА ЛА, ЛАЛАЛА Е!!!»

Твою дивизию, бога душу мать, ...!!! Сжав зубы, чтобы из горла не вылетел вопль, я навскидку шарахнул из «Сайги» по останкам транзистора. Брызнули в разные стороны осколки пластика, разлетевшийся на куски приёмник смело со стола. В наступившем молчании кто-то негромко, жалобно постанывал. Как оказалось, это я сам непроизвольно озвучивал каждый выдох. Зона. Зона... твою мать! И так уже седина в неполные тридцать два, а скоро стану вообще белым.

Успокоиться. Релакс, сталкер Лунь. Пугливый ты чего-то стал. И правильно. Бесстрашие — не самое

лучшее качество для сталкера. Это удача храбрых любит, и то не всегда, а вот Зона вовсе даже нет, отважные храбрецы давно в виде костей да тряпья по её просторам разбросаны, в качестве, так сказать, дополнения к пейзажу. Но и волю страху давать ни в коем случае нельзя. Иначе беда. Страх должен помогать, а не брать под контроль, а то получится хуже, чем с теми же храбрецами. Только бы Хип, услышав музыку и выстрел, не ломанулась меня выручать. С неё станется. Так, вроде всё, сердце бумкает, но уже не так сильно, башка ясная, чистая. Можно идти.

Я подобрал стреляную гильзу, сунул в карман. Пригодится вместо гайки кинуть, и так уже три штуки в бурьяне оставил. Обойдя столик, расчерченный дробинами, и опасливо покосившись на ржавый динамик, валяющийся в траве, я выбрался на сельскую улицу. Теперь идти к выгнутым дугой старым тополям с побуревшей листвой. За ними пруд. Гадостный, признаться, водоём. И улочка тоже гадостная, одними гайками путь не проверишь, тут только чутьём идти. Шаг. Остановка. Ещё два. Этакий сталкерский аллюр по малознакомой территории. Странно, что не видно хабара, в таких, мягко говоря, малоприятных местах его обычно хватает. Впрочем, лежит «радужное кольцо» между остовом «Запорожца» и завалившейся на него ржавой калиткой. Ну и пускай лежит, жизнь дороже: вокруг машины, калитки и даже над гаражом мерцает нежнейшим перламутром «северное сияние». И тишины уже нет — звенит едва слышно, словно попал в стайку комаров-толкунов, что столбами висят в тёплом августовском воздухе за Периметром. Но здесь не Большая земля, и звенят не комары. Это просто «мясорубка» подаёт голос, жалуясь, что силушки набрала, а отоварить некого. Ничего, перебьёшься.

Дома равнодушно пялились на меня чёрными глазницами оконных проёмов и бельмами целых стёкол. Мне казалось, что в этих мёртвых взглядах брошенного жилья сквозит застарелая и уже пережитая обида. «Бросили нас, бросили... даже не закрыли нам глаза досками на прощание. И мы умерли здесь, но мы всё ещё помним... нам ещё снится...» Впереди, на старом асфальте тёмное пятно. Лучше обойти стороной. Может, неизвестная аномалия, может, просто наследил прошлый Выброс. Тут как у грибника: не знаешь, что за гриб, не бери. Не знаешь, почему пятно, не суйся. Всё, полдела сделано. Вот он, старый Коржинский пруд.

Антрацитовое блестящее зеркало вместо воды, и отражаются в нём облака с провалами чистого неба, хотя над головой равномерно серая хмарь. Словно озеро свежей нефти, идеально гладкое, ни единой пылинки на нём, ни листка с наклонившихся над прудом больных тополей. Просили «ботаники» зачерпнуть этой водички, любопытно им, да я хоть и сталкер, но пока ещё не убеждённый самоубийца. Твердит инстинкт «нельзя», значит, нельзя. Пускай на расстоянии изучают. Благо, приборы подходящие имеются. Я вытащил из рюкзака два пластиковых пенала, по шесть «дартсов» каждый, раскрыл. «Дартс» представлял собой почти точную копию дротика, которыми из спортивного интереса или безделья кидаются в прибитую на дверь мишень. Только эти были больше, тяжелее и с начинкой по последнему слову науки и техники. Датчики химического состава, электромагнитных полей, тензоры и ещё с десяток таких, что и не выговоришь, располагались только в игле. В корпус встроена крошечная видеокамера и опять датчики. Оперение состоит из гибких солнечных батарей и там же спутниковый маячок. И название хо-

рошее — «Сталкер МУН310». И всё это чудо следовало, размахнувшись, швырнуть подальше, по навесной, чтобы дротик по возможности воткнулся в землю вертикально и давал чёткий сигнал. Обходя пруд на почтительном расстоянии, я не запорол ни одного броска — все «дартсы» воткнулись как надо. Последний, двенадцатый «дартс» я поставил на экспресс-анализ, законнектил напрямую к ПМК и бросил в пруд. Прибор погиб в секунду, нырнув без всплеска и оставив быстро затухающие колечки волн, но успел передать на компьютер необходимую информацию. Героическая смерть во благо науки. Я вздохнул. Точно, что ни говори, назвали прибор «Сталкером». Пластиковые упаковки назад в рюкзак, удобные вещицы под какую-нибудь мелочь, крепкие, защёлка надёжная, в общем, в хозяйстве сгодятся. Теперь назад.

Я уже направился по своим следам, нарушая правило сталкеров не возвращаться той же дорогой, которой приходил. Знаю, плохо это, но искать другой путь из деревни значило сильно понизить свои шансы. Такой роскоши я себе позволить не мог.

Завибрировал ПМК. Сообщение от Хип: «Красный огонёк на сканере. Пищит». Не понял. Неужели Выброс? Или стажёр самодеятельностью занимается? Хочется в это верить. Однако же ходу надо прибавить, времени может остаться всего ничего.

Хип не соврала. Уже под мостом я почувствовал признаки назревающего локального Выброса. Дальние звуки стали чётче, краски немного поблёкли, плеск воды под брёвнами приобрёл странные, какие-то липкие ноты. Быстрей. Проклятие, впереди ещё куча «электрики», её на скорости не проскочишь...

Прошёл. Теперь бегом на насыпь дороги, затем к «палестинке», где оставил Хип. На ходу рявкнул в обрадованные глаза стажёра «За мной! Быстро!» и, не

останавливаясь, по чистой тропе. Сзади слышался лёгкий топот. Хип не отставала. Выброс буквально наступал на пятки, небо мрачнело на глазах. Везёт, как утопленникам. По прогнозам «ботаников» раньше, чем через три недели, в этом районе Выброса не ожидалось. Вот только бывают, кроме «запланированных», ещё и вот такие, внезапные «рояль-капуты». Кому, как не тебе, Лунь, это знать.

Мы успели. Выброс накрыл через считанные минуты после того, как я закрыл люк схрона. Противный сверлящий писк в ушах набрал силу, когда мы уже лежали на дне колодца, свернувшись калачиком и хлюпая сочащейся из носов кровью. Глаза во время Выброса лучше не открывать даже в убежище, а то потом будут фосфены или кратковременная флэш-слепота, имеющая дурную особенность проявляться в самое неподходящее время. Писк прекратился внезапно, и тут же скрутило желудок, а сверху накатил низкий, почти на инфразвуке, тяжёлый гул.

— Дыши! — прохрипел я. — Быстро и глубоко. Глаза закрой.

Сейчас будет пик. Как же я не любил этот момент...

Кратковременная потеря сознания. Потом сильная тошнота и хинный привкус во рту, слабость во всём теле. Кажется, что схрон подхватило ветром, и он летит, кувыркаясь, высоко над землёй, вызывая сильнейшие приступы морской болезни. Интересно, что в таком случае чувствует человек, которого Выброс застал на открытой местности? Сразу перед тем, как умереть или сойти с ума?

Пси-импульс Выброса вне убежища ещё можно пережить. А вот следующий за ним ливень странных

излучений с потемневшего неба уже нет. Хорошо, что чугунный люк и бетон колодца неплохо экранируют, только слышно, как с негромким «шшшшшш» проносятся сверху волны смерти и перекатываются в багровых тучах тяжёлые жернова ленивого, но не умолкающего ни на секунду грома. Выброс пошёл на убыль, но подниматься ещё рано, на очереди инфразвуковая волна. Каждый переносил её по-своему. У кого-то начиналась истерика. Кто-то хохотал и пел сумасшедшим голосом или в животном ужасе метался по убежищу. Я «держал» её сравнительно легко — что-то вроде сильного озноба, такого, что зуб на зуб не попадал, в сочетании с головной болью. А вот Хип взвыла и рванулась к выходу. На секунду увидел безумные глаза, получил укус в руку, но всё же подмял под себя бьющееся тельце. Ничего, сейчас пройдёт... всё, стихла.

— Вот это, стажёр, называется Выброс. Он же на профессиональном жаргоне «рояль-капут». — Я перекатился на спину и раскинул руки. Ну и голосок у меня. — Состоит из трёх частей, как комплексный обед. На первое подают «тошниловку». Кровь из носа, писк в ушах и морская болезнь. От неё страдают все даже в схронах. Второе блюдо — «смертный дождь». Если попал под него и убежища поблизости нет, то кранты. На десерт инфразвук, он же «шиза», потому как на время крышу сносит.

— Знаю, проходили уже пару раз, — простонала Хип, вытерев нос и с удивлением наблюдая кровь на ладони. — Но так сильно не колбасило. О-о, башка... почему здесь такая мощная хрень?

— А потому, что рвануло в Коржино. Как раз над тем прудом, к которому я ходил. Мы сейчас почти в эпицентре, стажёр.

— Я боялась...

— «Рояль-капут» не подарок, — согласился я.

— Боялась, ты не вернёшься, — договорила Хип.

— Думала, брошу?

— Да... — призналась Хип. — И когда странные крики из деревни слышала, на песню похоже. А потом выстрел. Один. И тихо. Вот и думай, что хочешь. — Судя по звукам, Хип начала негромко хныкать.

— Отставить нюни, стажёр. — Я с трудом принял сидячее положение. — И сейчас, и на будущее. А если без них никак, то разрешаю реветь только когда домой придём. Вот коробочка тебе. — Я передал Хип упаковку от «дартсов».

— Зачем? — всхлипнула она.

— Пока в Зоне, будешь туда нюни складывать. Если не хватит, ещё одну дам. Дома откроешь потом, и вперёд, сразу за всю ходку. Или «ботаникам» продай как артефакты.

— Не смешно. — Хип, судя по голосу, всё же улыбнулась. Темно, не видно.

— А бросать я тебя не собирался, — серьёзно добавил я. — В Зоне распоследнее дело напарника оставить. Запомни, стажёр.

Завибрировал ПМК. Сообщение. Ну что ж, почитаем, хоть и расплывается всё в глазах после Выброса.

«Ты живой, Лунь?» Гюльчатай. Надо же, беспокоится.

«Скорее да, чем нет», — написал я стилом на экране. ПМК отформатировал письменный текст в печатный и сразу отправил ответ. Помнится, прошлая модель такими талантами не обладала.

«Класс!!! Молодчина, сталкер. Конверт уже дожидается своего героя. Ждём».

И тут же: «Внимание всем! В квадратах DA-DH индексы 32-66 возможен локальный Выброс!»

Я усмехнулся. Ай, молодцы, «ботаники». Оперативно среагировали, ничего не скажешь. Потом улы-

бался я уже механически: это сообщение запаздывало. Почти на пять часов.

— Хип, дай-ка твой кирпич почитать.

На её допотопном коммуникаторе всё было в порядке. Отправлено из НИИ — принято в ту же секунду. И ещё одно, полученное совсем недавно: «Внимание всем! Опасность Выброса в указанных координатах подтверждена!» И время. Точное время на моём ПМК, когда в чёрный пруд нырнул «дартс». У меня возникло нехорошее предчувствие.

«Здоров будь, Сноп. Слушай, проверь, кто блокировал сигнал на мой компьютер. Найдёшь мерзавца — за мной магарыч».

Отправил на адрес, не числящийся в списках НИИ. Сноп давно и очень успешно работал с локальной сетью Зоны, чем и зарабатывал на жизнь. Себя он называл странным словечком «хакер». Снопа уважали рядовые сталкеры и безуспешно ловили службы НИИ. Мало того, его никто не видел в глаза, а деньги за выполненную работу следовало передавать через третьи руки.

Ответ пришёл не скоро.

«Извиняй, Лунь. Сигнал действительно блокировался, но данных, кто это делал, уже нет. Одно могу сказать точно — блокировали с НИИ, и девяносто из ста, что это делал тот, кто отправлял тебе последнее перед моим сообщение. Гонорара не нужно. Это же какой паскудой надо быть, а?»

Мозаика сложилась. Ещё никто и никогда не устанавливал приборы в точке Выброса непосредственно перед оным. Данные с раскиданных мной дартсов, а особенно того, что нырнул в пруд, были необычайно ценны для науки. Настолько ценны, что мог бы и гробануться сталкер, оказавшийся в нужном месте и в нужное время. И этим сталкером был я. А учёным,

занимающимся физикой Выброса, была Гюльчатай, и от того, успею ли я к пруду в нужный момент, возможно, зависела судьба её диссертации. А вот успею ли обратно, это уже другой и неинтересный «ботаникам» вопрос.

На душе стало паскудно. Никаких обид, на обиженных воду возят, просто...

«А что ты хотел, сталкер Лунь? Неужели ты всерьёз думал, что твоя жизнь для «ботаников» имеет какую-то ценность? Для них ты «смертник», «уголовный элемент», «радиоактивное мясо» и нужен постольку, поскольку являешься поставщиком материала для исследований. Но чтобы Гюльчатай? Сказочный восточный цветок с ослепительной улыбкой, очаровательная Светлана Григорьевна, спасибо тебе за науку. Век живи, век учись. Всё равно дураком помрёшь. Тьфу, тьфу, блин...»

— Эй, Лунь... — За рукав слегка потеребили. — Ты чё затих? Случилось чего?

— Да нет... философствую на предмет человеческой натуры.

— А-а. Ясно.

— И что именно ясно?

— Да так... дерьма в человеке много, Лунь. Хорошие люди мне редко встречались.

— И какое дерьмо самое хреновое в гомо сапиенсах?

— Равнодушие, — уверенно заявила Хип. — Хуже равнодушия нет. Веришь, отчима ненавидела, а ещё больше тошнило от соседей по лестничной клетке. Сижу на лестнице, сопли кровавые утираю после его кулаков, а мимо поднимаются с авоськами, морды каменные, не замечают. Или остановятся: «Кто тебя так, девочка? Может, надо чего?», а у самих скука в глазах, и уже жалеют, что спросили. Зато потом ска-

жут себе: «А всё-таки я хороший человек. Помочь вот хотел», — и будут гордиться до пенсии. — Хип немного помолчала. — И в электричках насмотрелась на эти хари. Гармошку на плечо, через тамбуры протискиваешься и молишься, чтоб одноклассника какого не встретить и чтоб предкам на водяру сразу дня на три наиграть. Идёшь, песенку горланишь, от контролёров прячешься...

— Контролёров?!

— Ну да... э, Лунь, не зоновских, а обычных, что билеты проверяют. Да, такие тоже есть... ну и сунут кто червонец, кто мелочи из кармана насыплет. Во жизнь была! И везде те же морды, морды, и веришь, абсолютно всем по барабану. Знаешь, Лунь? Я вот тебе скажу, только ты никому потом, ладно? Я в Зону бежала не просто по дурости. Я, короче, отчима своего зарезала. Мать где-то пьяная в тот день валялась и домой не пришла, а этот козёл дома сидел, ну, он меня и отмудохал до потери пульса. А потом на кровать потащил.

Хип молчала долго. Дыхание её срывалось.

— В общем, я его бутылкой по дороге в спальню и огрела. А потом ещё раз «розочкой». Когда очухалась, отчим уже не дышал, и всё красное вокруг. Вот. Рассказала.

— Не повезло тебе с роднёй.

— Мягко сказано, — согласилась Хип. И подползла поближе, положив голову мне на плечо. — Скоро Выброс кончится, Лунь?

— Уже. Но вылезать рано. — Я отщёлкнул магазин «Сайги» и сменил дробовые патроны на вязаную картечь. Ещё три запасных магазина рассовал в карманы «разгрузки». Затеплил огонёк «светляка». — Слушай, стажёр. Это ПП-2000. В нём двадцать патронов...

Короткий инструктаж, на что нажимать, как целиться, как вставлять новый магазин.

— На меня ни в коем случае ствол не направлять. Стреляй только с близкого расстояния и только по команде. Если увидишь что сама, говори «сзади», «слева», «справа» быстро и чётко. И не отставай. Идёшь не по следам, а на полкорпуса вправо.

Я прислушался. Дождь. Как, впрочем, и всегда после Выброса. Интересно, накидало ли на тропе новых аномалий? Скорее всего да. Эх, переждать бы в схроне до завтра, чтобы без спешки проверить дорогу, но нельзя, чёрт возьми. Был Выброс. Значит, будут бюреры. Они всегда выходят из своих нор собрать урожай не успевших спрятаться сталкеров или слепых собак и заодно проверить убежища на предмет прячущегося там мяса. Нас то есть. Я уже представлял, как срежет запорный прут петлями люка, а сам он, отброшенный на десятки метров, зазвенит по асфальту. И сунется к нам широкая, словно размазанная по стеклу белая харя, невидимые, но могучие руки телекинеза вырвут оружие, а кусок стального прутка прошьёт насквозь твоё тело. Кушать подано, господин бюрер.

Я взглянул на часы. Да, скоро стемнеет. Больше ждать нельзя.

Откинув люк, я быстро выбрался наружу и пробежал прицелом помрачневший пейзаж. Никого. Вроде бы.

— Быстрее, Хип! — Я ногой подтолкнул люк, и тот лязгнул, встав на место. — Идём.

Ствол в правую руку. Гайки в левую. До «стеклореза» всё оказалось чисто. После на пятьдесят метров тоже. Потом пошли новые аномалии. «Круговерть» справа, ещё две слева. И впереди штук пять. Хорошо, мелкие, можно обогнуть, но сколько их здесь, целый, блин, выводок, и одна, кажется, блуждает. Только бы не «молотилка». Хоть бы не это.

Или мой запас везения не кончился, или Хип отсыпала немного взаймы, но ни в одну «круговерть» мы не вляпались. А в «молотилку», оказавшуюся впереди буквально в пяти шагах, с разгона влетел слепой пёс.

Короткий взвизг, и скрученное предельным напряжением мышц тело выкатилось прямо к ногам. Готов. Уже мёртвый пёс трещал сухожилиями, влажно хлюпали под шкурой дёргающиеся мускулы. А вот и стая.

Полтора десятка слепых собак замерли возле «молотилки», похожей сейчас на холм воздушного сиреневого пуха.

— Сзади... и слева, — доложила Хип.

Понятно, берут в кольцо, но не бросаются — кругом аномалии. Разномастные собаки, крупные, с хорошего сенбернара, и мелкие «таксы», голые и мохнатые, кружили в хороводе, не решаясь подойти ближе. Одна, похожая на обритую лишаём борзую, привстала на задние лапы и, крутя головой с пустыми ямками глазниц, начала ловить запах. Сухо щёлкали узкие челюсти, падали хлопья слюны, но пёс чуял аномалию между ним и добычей и злился от невозможности броситься в атаку.

От заряда вязаной картечи голова и обе длинные костлявые лапы красиво разлетелись в разные стороны. Ещё один выстрел превратил в суповой набор мохнатого пса с тяжёлой, словно обрубленной головой и редуцированной передней лапой.

— Одиночными, Хип. По головам.

Сухо захлопало. Одна собака зашлась в скрежещущем визге. Потом заорала вторая. Девять миллиметров не совсем то, что надо, конечно, но пули экспансивные, пары попаданий должно хватить.

Несмотря на потери, собаки продолжали кружить, пробегая вихляющейся рысью, высоко подбра-

сывая зады непропорционально длинными лапами. Одна вообще скакала на задних, изогнувшись знаком вопроса и кивая при каждом прыжке гладким лысым черепом, так как передних лап просто не было, ещё одна елозила по земле высохшим задом, и от неё несло тяжёлой гангренозной вонью. На место погибших вылезали новые, а патроны должны были рано или поздно кончиться. Именно этого и добивался невидимый пока припятский пёс, руководивший всем цирком Сатаны, именно он заставлял собак молча лязгать челюстями, что давило на психику больше, чем лай или рык.

— Хип... падай и кричи, как будто тебе очень больно, — прошептал я в паузе между выстрелами. — Ты тяжело ранена и беззащитна. У тебя нет оружия. И очень, очень больно и страшно. Ни о чём другом не думай.

— Поняла.

Хип медленно осела на землю и жалобно закричала, схватившись за ногу. Я расстрелял остаток магазина и вставил запасной, с «вязанкой». Но на самом деле патронов у меня не осталось. «Сайга» лишь бесполезная палка. Жить мне минуты две. Я позволил горячке боя заполнить сознание, добавил ноток отчаяния и злобы, сдобрил приправой страха и безысходности. Всё, конец...

И припятский пёс купился. Из развалин зерносушилки показалась чёрная голова с круглыми, как у гиены, ушами, грива жёстких волос на мощной груди, крепкие лапы. Тварь почти без опаски приближалась ко мне, а я, задыхаясь от страха, ждал смерти.

Хитёр ты и опасен, припятский пёс, способный читать чужие мысли и управлять войском мутировавших собак. Но куда тебе до двуногого примата, самой подлой и хитрой твари в Зоне? Дёрнулся ты,

почуяв подвох, рявкнул от страха за секунду до того, как «бесполезная палка» выплюнула девять свинцовых горошин, и даже успел немного сместить прицел. Большая часть картечи ушла мимо, но то, что осталось, ударило в подставленный при бегстве бок, разрубив почти пополам. Прежде чем умереть, пси-собака бросила в нас стаю слепых псов, надеясь хоть так достать своего убийцу. Аномалии сильно проредили нападавших, а остальные, встретив кинжальный огонь, ретировались с жалобным лаем и визгом, сразу превратившись в обычную стаю глуповатых хищников.

Припятский пёс, несмотря на страшную рану, был ещё жив. Широко открыв пасть с желтоватыми клинками зубов, он часто и хрипло дышал, вывалив коричневый язык и вздрагивая всем телом. Налитый кровью глаз открылся и несколько секунд почти равнодушно следил за мной. Затем дыхание прекратилось, вытянулись, мелко дрожа, лапы, и глаза остекленели. Готов. Я вытащил из ножен кривой «обсидиан» и несколькими взмахами отделил лобастую голову, вслед за которой в пакет отправился пышный чёрный хвост твари. Голова — ценный объект для биологов, не первый год изучающих необычайно развитый мозг, хвосты охотно покупает Барин. Ещё пятьсот монет в копилку. Обернувшись напоследок, я увидел, как слепые собаки опасливо нюхают останки своего вожака и делят трупы погибших. Сзади уже доносились сочный хруст костей и грызня голодных псов.

Хип, бледная как полотно, сжимала оружие в обеих руках и потемневшими глазами смотрела вперёд. Она шла молча, отрешённо, и я не делал замечаний за мелкие нарушения. Пускай переварит. Лихо ей сейчас, знаем, проходили. Вырвало Хип только через пару часов, когда мы уже подходили к нейтральной полосе Периметра. Надо же, сколько держалась...

— Привыкай. — Я дождался, пока Хип отплюется и подавит спазмы уже пустого желудка. — Здесь бывает и похуже. Это Зона, стажёр. Ну, не передумала в сталкеры идти?

— Х-хы-ык... тьфу... не, классно всё... ы-ыыык-хааа...

— Оно и видно. В общем, с первой ходкой тебя, сталкер Хип.

— С-спасибо... ыык... ох, блин.

Граница Зоны. Не знаю, действительно ли я чувствовал её, или это было всего лишь воображение, но стоило пересечь невидимую полосу, как внутри словно развязывался тугой узел, а в голову слегка ударяла странная и приятная одурь. Только что под ногами шелестел бурый войлок с сухими ломкими стеблями чернобыльника и пробивающимися из земли «папоротниками» цвета старой крови, и вот уже весело горят синие цветки цикория, трава хоть и пыльная, но зелёная, живая, и брызгают из неё кузнечики, треща слюдяными крыльями.

— Благодарю, Зона-матушка, за то, что одарила, и за то, что выпустила. — Я обернулся, стянул с головы капюшон. — Если что не так, обиды не держи, не по злобе мы, а по глупости.

Я исполнял странный, почти языческий ритуал благодарения Зоны, как и большинство одиночек, и не чувствовал в этом никакого мракобесия. Мне казалось, Зона могла слышать нас, искренне сказанные слова оставались незримо висеть в воздухе. Достав из рюкзака остатки провизии, я аккуратно положил на границу бурой и зелёной травы пару кусков сахара, галету и несколько предварительно сломанных сигарет. Рядом лежали десятки таких же приношений — некоторые совсем свежие, другие уже едва угадываются.

Из глубины Зоны донёсся далёкий хриплый рёв, а в лицо повеяло прелым ветерком. Ответила.

Нейтралка... почти полкилометра «чистой» земли перед ажурными спиралями «егозы», в пять рядов поднимающихся над двойными бетонными стенками забора, усиленного сварной решёткой. Через каждые сто метров стены вышка с «Кордом» на турели, часто в паре с короткой трубой автоматического сорокамиллиметрового гранатомёта. В бронированной будке наверху два этажа — на втором дуговой прожектор и счетверённая «сорока» из ПКМов. Дальнобойные сканеры, засекающие движение за километр. Два бойца, сменяющиеся через шесть часов. Внизу — приземистые бронеколпаки с ЗУшками на вращающихся башнях. А ведь помнится, начиналось всё с блокпостов, сложенных из того, что под руку попадётся, и пяти-шести солдат с «калашниковыми» возле полосатого шлагбаума. Ну, пока гром не грянет...

Деревянный столбик, окрашенный в чёрно-белую полоску. На нём камера и небольшой динамик. Я подошёл поближе, динамик захрипел, защёлкал. Нас с Хип, понятное дело, давно уже засекли.

— Пропуск... — гнусаво заворчало в динамике. Я достал книжечку из кармана и сунул в камеру. Дурость одна эти пропуска, пережиток старины — компьютер на посту давно уже определил, кто именно стоит перед камерой.

Пошипело, щёлкнуло.

— Хшшш. Тк. Рядом кто?

— Стажёр Хип.

— Шшшшшфффпроходите. Кхххх. Тк.

— Пойдём, Хип. Нас ждёт благодарность человечества, горячий чай и кулинарные изыски Барина.

— В одном месте я видела эту благодарность... — буркнула Хип. — Но от прочего не откажусь.

Мы уже подходили к бронированным воротам с маленькой овальной дверцей в железобетонной стене, когда над головой коротко гавкнул гранатомёт, а за спиной раскатисто долбануло. Собачки, ясен перец, дожрав своих павших соратников, решили последовать за нами, чтобы продолжить банкет. Продолжили. Ох и вонять же там будет через недельку: шариковая граната шансов выжить обычно не оставляет, а падальщики очень неохотно посещают приграничье Зоны. Овальная дверь приветливо распахнулась, пропуская в «вошебойку», где нас основательно продули мощным воздушным потоком, попрыскали обеззараживающими растворами и облучили ультрафиолетом. Приятного было мало, но я любил эту процедуру: она означала, что ходка удачная хотя бы потому, что вернулся живой, с полным комплектом рук, ног, глаз и прочих органов, психически почти нормальный да ещё и с каким-нибудь хабаром в рюкзаке. Обожаю это ощущение.

— Сталкер Лунь? — Молодой солдатик встретил на выходе из «вошебойки».

— Да, это он, — кивнул я.

Солдат вытянулся и вроде даже хотел козырнуть, но вовремя вспомнил, что сталкерам отдавать честь не положено по уставу. В глазах светилось любопытство и почти суеверный страх — как же, и на вышке-то жуть берёт от одного вида Зоны, а этот по ней сам ходит сутками. Сталкер...

— Светлана Григорьевна просила сразу, как придёте, зайти в Бар. Она вас там ждёт.

— Спасибо, боец. Уже знаю.

Солдат помялся.

— А... вы что, и правда оттуда? — почему-то шёпотом спросил он, забавно хлопнув глазами.

— Все люди оттуда, — заметил я философски.

— И... как там?

— Не знаю. Внутриутробное развитие в памяти как-то не откладывается.

— Гы-ы. — До служивого дошло. — Я про Зону.

— Какую Зону? Туда ходить, как ты знаешь, строго запрещено. Не состоял, не был, не привлекался.

— Да ладно... сейчас только оттуда пришёл. Что я, не видел?

— Почудилось, солдат. Ну а если честно, то и в Зоне жить можно. Хотя я бы тебе лично не советовал. И никому другому.

— Понятно.

Ишь, лыбится, понятно ему...

— Чуть не навернулись от Выброса. Отстреливались от мутантов. Были в мёртвой деревне. Аномалии, монстры, смерть. В общем, обычный, хороший день. — Хип зевнула.

Ишь ты. Ни дать ни взять крутой сталкер.

— Напарник. — Я решил не уязвлять самолюбие девушки, называя её стажёром. — Ни к чему рассказывать подробности. До свидания, солдат.

— Рядовой Кондратьев. — Солдат всё же козырнул и расплылся в широкой улыбке. Теперь и мёртвая деревня, и аномалии обязательно вспомнятся на гражданке, как и личное знакомство со сталкерами, которых рядовой Кондратьев выручил однажды из лап кровожадных тварей где-нибудь под Припятью.

Выйдя из пропускника, я направился сразу к Бару. Гюльчатай я заметил издалека — она стояла под вывеской, которую Барин недавно украсил «дюралайтом», и по её лицу бегали синие и красные сполохи. Увидев меня, она потушила сигарету и зашла в дверь Бара.

— Подожди пока здесь, — попросил я Хип и завернул в подсобку Барина.

Светлана Григорьевна сидела за столом, на котором лежал большой, пухлый конверт.

— Здравствуй, Лунь. Ты не представляешь, как я тебе благодарна. — Улыбка, от которой вполне могли растаять все ледники Антарктиды. — Ты очень вовремя попал к пруду, молодец. Здесь вознаграждение.

— Благодарю за щедрость. — Я тоже расплылся в улыбке и сгрёб конверт. Да, «котлетка» в нём лежала приличная.

— Данные, что мы получили, сногсшибательные! Правда, семь «дартсов» загнулись, но остальные... остальные блестяще подтвердили мою теорию обратной индукции темпоральных полей! Весь Выброс по полочкам, от начала и до завершения! Профессор. Лунь, я скоро профессор!

— Сердечные поздравления. — Я пожал протянутую руку. — А теперь послушай меня, дрянь. Если ты ещё раз блокируешь мой канал или чей-нибудь ещё, весь ваш НИИ будет знать, что из-за одной нечистоплотной гадины работа Института остановилась. И отдельное спасибо тебе скажут солдаты и лаборанты, которых погонят в Зону за материалом.

Улыбка на лице Гюльчатай стала фарфоровой. Я заметил, как побледнела её смуглая кожа.

— Да, чуть не забыл. — Я положил на стол редкий «самоцвет-искровик». — Подарок тебе нёс из Зоны. Надеюсь, понравится. На память, так сказать, от Луня. Бывай, профессор Михайлова.

Гюльчатай молчала, стараясь не встречаться со мной взглядом. Значит, в курсе кошка, чьё мясо съела. Ну что ж, молчи. Не оборачиваясь, я вышел и плотно прикрыл за собой дверь подсобки Барина. С глаз долой — из сердца вон. Да и на что ты надеялся, сталкер, мясо радиоактивное? Давно нужно было купить у Барина машинку губозакатывательную и применять

почаще, тогда бы не было сейчас так паскудно на сердце. Хорошо хоть, что быстро отпускает, и уже стираются из души файлы с пометкой «Гюльчатай».

— Это кто ещё? — холодно спросила Хип, пытливо заглядывая мне в глаза.

— Местный мутант.

— Шутишь?

— Вовсе нет. Почему тебя это волнует, стажёр?

— Волнует, и всё тут. — Хип немного повысила голос, в котором появились незнакомые раньше нотки. — Что, так трудно сказать?

— Человек, которому я раньше доверял и который мне раньше очень нравился. Профессор Светлана Григорьевна Михайлова. Ответ устраивает?

— Почти, — буркнула Хип. — А что значит — нравился? В смысле, встречались?

Нет, ну положительно невозможно разговаривать.

— Нет, не встречались. Стажёр, я что-то не пойму вашей заинтересованности в допросе несчастного, уставшего сталкера. Но подозреваю ревность.

Хип презрительно фыркнула.

— Размечтался...

— Выговор с занесением за хамство начальнику. Наряд вне очереди: будешь сегодня картошку чистить.

— Есть картошку чистить, — вздохнула Хип.

— Сначала чистить, потом есть. Слушай дальше. Сейчас мы пойдём в Бар. Это вроде посвящения в сталкеры. Предупреждаю, народ там грубый, прямой, но, как правило, честный. Видом прекрасного пола в комбезе и с хабаром в рюкзаке не избалованный, так что реакция будет та ещё. Ржать начнут обязательно, советую не злиться, держаться с достоинством. Кто полезет руками, сразу бей в лыч, я помогу. Инструктаж закончен.

Как я и ожидал, реакция посетителей Бара была бурной. Не сразу, правда: несколько секунд висела такая тишина, что было слышно, как тренькает на потолке мигающая лампа дневного света.

— Глянь, мужики, какой артефакт Лунь в Зоне надыбал, — тихо сказал кто-то.

— Ни хрена, — не согласился ещё один посетитель. — Он к Монолиту смотался и желание загадал. Истинное.

Густой гогот десятка сталкеров заглушил бы даже рев раненого псевдогиганта.

— Это мой стажёр, — громко сказал я, когда народ отсмеялся. — Звать Хип.

Я осмотрел всю компанию. Бар сегодня не мог похвастать большим количеством посетителей. Сталкеры либо отсиживались в схронах, либо, предупреждённые о Выбросе, отсыпались впрок или готовили снаряжение. Но те, что были... вон, у самой стойки, потягивает прозрачное Фреон, молчаливый, хмурый завсегдатай Зоны. О ходках своих он никогда не рассказывал, но доподлинно было известно, что он первый и пока единственный сталкер, которому удалось уйти от кикимор в коллекторах Агропрома. Рядом развалился на пластиковом стуле Викинг, медлительный, что плохо, и совершенно бесстрашный, что ещё хуже, но везучий прибалт, притащивший в прошлом году «ледяное пламя» из самого жерла «тихой смерти», куда, по здравому рассуждению, никто другой бы не сунулся. В уголке четвёрка строгих, по-военному подтянутых долговцев, отдыхающих после рейда, лечатся из гранёных стаканов и негромко беседуют «за жизнь». Посматривают на Хип, улыбаются. Знали бы вы, ребята, кем она была денёк назад, наверное, так не улыбались бы. Один «долг» махнул мне рукой, узнал: Веня Карбид, из отряда, с

которым я прокладывал тропу после прошлого Выброса.

— Посмотри, стажёр. Вон там лысенький такой, метр с кепкой. — Я указал на оживлённо доказывающего что-то Викингу сталкера в мешковатом комбинезоне. — Это Кося, самый крутой боец Зоны. Героическая личность: дальше Свалки никогда не ходил, ползает по кучам, собирает всякую копеечную хрень. Зато снорков пачками из ПМа своего валит, не считая зомби, мне вот говорил, что контролёра грохнул не далее как месяц назад. И всем про это трындит, были бы свободные уши. Намёк понятен?

— Понятен, — вздохнула Хип, припомнив солдатика у проходной.

— Ещё один герой, — продолжил я, указав взглядом на следующего. — В камуфляже бугай. Мордатый такой, с глубокой мудростью во взоре. Запеленговала? Это Саранча, знаменитый тем, что может сожрать трёхдневный запас для двух сталкеров за один присест. Других подвигов за ним не наблюдалось пока, а вот бросить напарника или обворовать чужой схрон у него не заржавеет. Проходили на собственной шкуре. Вот эти двое — гниль. Остальным, как ты выражаешься, «респект». Настоящие, бывалые дяди. В знакомые сама не набивайся, но если заговорят, общайся душевно, открыто, с достоинством. Много не болтай, если что сказать не хочешь, то не ври, а просто промолчи. Поймут.

— Лунь, зараза, а какого хрена ты моего парня в ученики не взял? — с обидой протянул Бивень, одноглазый и безногий сталкер, чьи ходки в Зону давно закончились, и он занимался разным старьём, мастеря из негодного, бросового оборудования вполне приличные комбезы и детекторы.

— Да потому, что бестолочь он и говнюк к тому же, — честно признался я. — Не знаю, Бивень, чего

ты в нём нашёл. Мне одной ходки с ним хватило надолго. Гони ты его, дружище.

— А эта — не бестолочь? — Бивень покосился на Хип, и девушка подобралась, блеснула глазами.

— Дай Бог каждому так начинать. — Я ободряюще хлопнул стажёра по плечу.

— Привет, Лунь, — прислонил два пальца к виску Фреон.

— Здорово, бродяга... — Морлок покривил в улыбке глубокий шрам на пол-лица. Привет, привет, дружище... помню, как ты меня после «морилки» откачал, такое не забывается. Должок за мной.

— Шалом, сталкер. Ну, как там Зона? — Сионист приподнялся со стула и коротко кивнул.

— Шевелится, крестник, — ответил я с таким же полупоклоном.

Пожав руки ближайшим и помахав остальным, я пристроился у стойки. Барин без лишних вопросов поставил стакан и налил из запотевшей бутылки сто пятьдесят ледяной. Радиацию выводить. Эх, хорошо пошла.

— Фугас гробанулся, — сообщил он.

— Выброс? — Я сглотнул ком в горле. Предупреждал ведь дурака, чтоб не трепался, не дразнил Зону. Эх...

— Нет. Вообще не в Зоне. В ванной поскользнулся и головой об кафель. Врачи говорят, сразу.

Горечь, тяжёлая горечь в душе. Фугас, бродяга, как же ты так? Любила, может, тебя Зона, да приревновала Большая земля. Барин плеснул ещё.

— Что, знакомы были?

— Немного. Встречались пару раз. Вчера ещё его видел, пьяный из Зоны возвращался.

— Вот такая она, жизнь, — вздохнул Барин, скорбно опустив кончики пышных, пшеничного цвета усов. — Ну, если есть чего, то давай ко мне...

Хороший мужик Барин. Довелось ему и в горячих точках побывать, и посидеть тоже, кидала жизнь как хотела. Сталкерил поначалу, но что-то не срослось, бывает такое — не дано человеку, и всё тут. Но из Зоны не ушёл, стал барыгой. Хотя словечко это поганенькое к Барину ну никак не подходило: барыга мелочен, жаден, часто подл как матёрый «осьминог» и жесток, что твой кровосос. Вот и прозвали сталкеры Барином, до этого в Казаках ходил. И подходили ему имена эти здорово: массивный, неторопливый, рассудительный, говорит веско, предупреждает один раз, а если не внял, то может и кулачищем вдарить. Усы, как у гоголевского Бульбы, шикарные, светлые, с желтизной от любимой «беломорины», насмешливый взгляд и нос картофелиной. Барина уважали все. И было за что: за хабар рассчитывался железно, без гнилых «штрафов» и «отходных», если давал в долг, то проценты были не кабальные. Артефакты, снаряжение на продажу и прочее Барин, как ни странно, считал за хобби, интересное занятие, не мешающее делу. Настоящим же призванием Барина было его любимое заведение — Бар. Именно так, с большой буквы. Начиналось всё с подвала полуразрушенной фабрики недалеко от Свалки, потом, уже при мне, в обширном, облагороженном бомбоубежище какого-то бывшего ПТУ. Теперь уже недалеко от Периметра, в научном городке Чернобыль-7. Барин три года назад открыл солидное заведение с оборудованным залом, сверкающей барной стойкой, кухней и целой анфиладой различных «подсобок», в которых принимал хабар, продавал оборудование, оружие, держал запасы. На втором этаже в трёх комнатках обитали повар и два помощника.

— Есть немного, — кивнул я. — Слушай, это ты навесил иллюминацию на входе?

— Ну. А что, не надо было? — обеспокоился Барин.

— Да не, класс, солидно получилось, красиво. Настоящий бар, как в Европе.

— А то ж... — Барину понравилось сравнение. — Где стажёра подобрал, Лунь?

Спросил, как будто и не замечал шагающую рядом Хип. Молодец, промолчала.

— У Коржино. Из «Свободы» ушла в одиночки.

— Будет толк?

— Думаю, да.

Барин остановился, посмотрел на Хип так, словно только что увидел.

— Ну, значит, прибыло в полку. Повезло тебе, девка. К Луню конкурс похлеще, чем в театральный, сам ему троих серьёзных ребятишек подсовывал, не взял, чертяка. Ежели походишь с ним годик, то уже сама сможешь учеников брать.

— Я покраснел до корней волос, — сбивающимся голосом промямлил я, опустив глаза и ковыряя пол мыском ботинка. — Не конфузьте, ваше превосходительство, перед дамой...

— Одна беда. Балабол, каких поискать, — продолжил Барин. — С другой стороны, оно тебе веселей будет.

Погромыхав связкой ключей, бармен открыл обшитую железом дверь и нашарил выключатель, осветив комнату размером с половину спортзала, после чего на пару минут забежал в каморку. Появился он уже облачённым в тяжёлый резиновый передник наподобие тех, что используются на скотобойнях, и толстые перчатки до локтя.

— Ну-с, приступим, — проворчал он, подходя к столу.

За «самоцветы» Барин отвалил на две сотни больше, чем я рассчитывал, пояснив возросшим спросом на красивые камешки Зоны.

— Вот что, Лунь, тащи все, какие найдёшь, любого качества. Отрывают с руками даже «чернушки». Мода на них пошла на Большой земле. Ага, «жуткий янтарь»... так, двести пятьдесят.

Барин, даже не глядя в «прайс», держал в памяти цены на сотни разновидностей хабара, намётанным взглядом определяя размер и качество. Артефакты быстро перекочёвывали из контейнеров в тяжёлые многослойные ящики с надписью «Объект неисследованной природы. Чрезвычайно опасно! Открывать только в боксах УЗК!». Солидные такие ящики, даже размятый «жорень» не проедает, хотя ему что бетон, что сталь как решето. Любой артефакт в НИИ поступает именно в таких коробках, даже безобидные «стальные волосы» или «стеклянные шары» — учёные никогда не брали в руки даже давно известные артефакты без того, чтоб не потыкать в них десятком приборов. Осторожность, правда, спасала не всегда: гробились «ботаники» время от времени, пытаясь расплавить или облучить какую-нибудь штуковину из Зоны, но без всей этой техники безопасности жертв было бы на порядок больше.

— Тут ещё дичь у меня имеется. — Я положил на специальный лоток пакет с останками пси-собаки. Два длинных зуба проткнули полиэтилен и торчали наружу, на дне пакета собралась тёмно-красная кровь, голова скалилась сквозь мутную плёнку конденсата.

— Ох ты ж, ёш твою... материк. — Бармен поцокал языком. — Давно?

— Двух часов нет.

— Шиш я такую симпатягу «ботаникам» отдам. — Барин извлёк голову из пакета, повертел на лотке. — Ай, красавэц... и хвост в комплекте. Шкуру бы... эх, за шкуру бы я тебе ещё штуку отвалил и не моргнул даже.

— Увы. — Я картинно вздохнул. — Шкуру пришлось испортить, дабы «красавэц» не испортил оную мне. После «вязанки» трофей теряет большую часть привлекательности.

— На ореховой дощечке... вокруг «папоротников» веточки четыре под лак... на семьсот согласен? И сто за хвост.

Судя по разгоревшимся глазам Барина, я вполне мог бы стрясти с него и тысячу. Нет, не стану пользоваться моментом. С другого бы стряс, но только не с Барина.

— Вы сделали предложение, от которого я не смогу отказаться.

— Чудесно. — Бармен посчитал в уме сумму за всё. — Итого штука девятьсот сорок. Налом?

— На счёт.

— Извините. — Хип помялась, потом стащила рюкзачок. — У меня тоже есть немного.

— О... — удивился Барин, уже направившийся в каморку переодеться. — Ну, выкладывай.

И Хип выложила в рядок четыре «солнечные горошины», комок «липкого сала» и «банку». Плюс булыжник с отпечатавшимся на нём ископаемым моллюском, и желвак расплавившегося в «жарке» алюминия, красивый, серебристый, очень похожий на артефакт. Обычный набор начинающего сталкера. Не считая «солнечных горошин» по двести монет за каждую, да ещё и в количестве четырёх штук. Ну, ни хрена себе...

— Зачёт, стажёр... — Я прихлопнул на место отвалившуюся челюсть.

— Да? — Хип расцвела майским цветом. — А я ещё думала, стоит этот камешек брать или нет, но чтоб улитка в булыжнике...

Я молча показал на один из жёлтых, похожих на жемчужины шариков.

— Это редкая вещь, сталкер. Сразу четыре штуки мне ещё никто не приносил, — сказал за меня бармен. — А вот камень разве что в музей краеведческий годится. И алюминий тоже не артефакт.

Хип пожала плечами, взяла алюминиевую каплю и пару раз крепко стукнула о стол. На этот раз челюсть отвалилась у Барина: слиточек расплылся ртутной каплей и пополз по столешнице, выбрасывая ложноножки и перетекая в них, как настоящая амёба.

— Не артефакт? — переспросила Хип у бармена.

— Ай, срамота, — всерьёз расстроился бармен. — Уделал меня твой стажёр, Лунь.

— Видел я такие капельки. — Я в смущении потёр нос и прокашлялся. — Много раз. И никогда не брал. Во дурак...

Барин побрёл к компьютеру и долго щёлкал клавиатурой. На экране мелькали десятки фото.

— Ну, Хип, назови свою штуку, — вздохнул он, наконец.

— «Ползучее серебро», — выдала стажёр.

— Так и запишем.

Удивлялся я. Потом удивлялся Барин. Теперь, для разнообразия, приятно удивилась Хип, даже пискнула почти жалобно, когда бармен вложил ей в руку две тысячи в зелёной иностранной валюте.

— Это за «ползучее серебро».

Хип пискнула ещё раз, когда поверх двух тысяч легло ещё девятьсот.

— А это за всё остальное.

Металлическая капля доползла до края стола и опять застыла. Барин с опаской взял её двумя пальцами и очень осторожно уложил в институтский контейнер, предварительно проверив дозиметром.

— Оружие? Снаряга?

— А как же, — кивнул я.

— Ну, пошли...

В следующей подсобке Барин положил на стол несколько пластиковых коробок.

— ПМК. Детектор. Дозиметры разные. Наверное, ДСУ возьмёте?

— ДСУ. — Я щёлкнул ногтем по коричневому футляру. — Детектор загружен?

— Обновления слить недолго. Ну, красивая, говори, как звали раньше.

— Обязательно? — насторожилась Хип.

— Если хочешь, можешь выдумать, — пожал плечами Барин. — Но, как показывает опыт, лучше сказать настоящие ФИО. Потом проще нужные бумажки нарисовать.

— Ладно... Архипова Алёна Андреевна. Тысяча девятьсот девяносто четвёртый, второго февраля. Город Вологда, улица...

— Не обязательно. — Барин стучал по клавишам. — Где же моя черноглазая, где... м-м... в Вологде-где-где-где... так. Код твоего ПМК — 7936-24. Кому попало не говори. Вот это к нему. Ник сама придумаешь.

Рядом с ПМК появилась толстая книга с инструкциями. Я улыбнулся про себя — инструкции весили в пять раз больше самого компьютера. Барин подсоединил тонкий кабель к детектору, и тот часто замерцал синим диодом, закачивая в себя мегабайты обновлений. Затем вздохнул.

— Комбинезон класса «D», самоделка. Состояние никакое. — Бармен критически осмотрел одежду Хип. — Дело ваше, конечно, но, на мой взгляд, это тряпьё давно пора на швабру. Как минимум понадобится «Кольчуга-М» или «Ксенон».

— «Ксенон» не надо. — Я отрицательно покачал головой. — И дружеский совет: больше их не заказывай.

Порядочная дрянь, даже плевок «осьминога» не держит. Да и «жгучий пух» проедает на раз, дыры по кулаку.

— Ясно. Дали маху «ботаники», хоть и говорили, что для сталкера лучшей одёжки и не найти.

— Маху дали не «ботаники», Барин. У них на складах этих «Ксенонов» девать некуда, а им всё везут и везут. Найди «Кольчугу».

Нельзя сказать, чтобы «Кольчуга» была пределом мечтаний, но из всех костюмов класса «В» она, пожалуй, годилась для Зоны лучше, чем некоторые «ашки». Несколько слоёв лёгкого нетканого материала, очень стойкого к различным пакостям вроде «летучей кислоты» или сока «смерть-ягод» и при этом прочного, как кевлар. Под ними чешуя невесомой керамической брони, которая, конечно, пулю не держала, а вот от укусов, когтей и шипов спасала довольно неплохо. Дышащая сетка к телу, пропитанная «антибаком», — её преимущество оцениваешь только тогда, когда побегаешь денек на жаре. Непромокаемый. Крепкий. Не горит. От жары, холода спасает. Износа почти нет. Что ещё для Зоны надо?

Вообще-то надо, честно говоря. Не помешало бы улучшить защиту от радиации. Хорошо бы добавить элементов брони потолще и посолиднее из той же чудо-керамики. Заизолировать от разрядов — «электрику» в Зоне никто не отменял. А, ладно, размечтался, сталкер... то ему не так, это... ботинки с высоким берцем, удобные, прочные, с трёхслойной «неубиваемой» подошвой — это тоже «Кольчуга». Разгрузочный жилет в комплекте, отличный, кстати, жилет — она же. Накладки под рюкзак и ружейный ремень, чтоб плечи не натирало. До «Кольчуги» до этого ни один конструктор не догадался. Мне иногда казалось, что костюм разработан сталкером, не один год топтавшим Зону. В отличие от просто безобразного «Ксено-

на», похожего на толстый целлофановый мешок забавного апельсинового цвета с галошами.

— «Кольчуги» есть. — Барин пожевал губами. — Но все на мужиков. Не её размерчик, и это мягко сказано. Даже не знаю, чем помочь. Может, у Бивня что имеется? Теперь пойдём, стволы посмотрим.

Для Хип «Сайга» двенадцатого калибра была, конечно, тяжеловата, и я остановился на шестнадцатом. ПП в комплекте уже будет стажёру в тягость, но дополнительный ствол необходим в любом случае.

— Вот... — Барин положил на прилавок пистолет странной брусковатой формы. — Подарок от дружественных буржуйских стран. «Глок».

Не внушал мне доверия внешний вид этой пушки. Какой-то лёгкий слишком, хоть и в руку лёг на удивление удобно, несерьёзный, что ли... Барин внимательно выслушал всё, что я думал об этом пистолете.

— Лучшего ствола для Зоны ты нигде не найдёшь, — очень серьёзно сказал Барин. — Двадцать патронов, надёжен, как лом. Если в новом сталкерском барахле и бывают у меня промашки, то насчёт оружия практика большая. Возьми, не пожалеешь, а если не понравится, то я тебе бесплатно его на любой другой обменяю.

— На мой счёт, — кивнул я. Барин разбирался в этих делах больше, чем кто-либо другой. Если сказал, что хороший пистолет, значит, так оно и есть. Из ножей Хип приглянулся небольшой аккуратный «Кобальт», я не стал возражать: выбор был хорошим. Вот что с костюмом делать?

Ничего подходящего не нашлось и у Бивня.

— Слушай, Лунь, — Бивень поглядел на Хип, что-то прикинул в уме, — видел я лаборантку одну из биологического корпуса. Ростом вроде подходит, и фигура такая же.

— У них, наверное, «Ксеноны», — вздохнул я.

— Ну, спроси... долго, что ли. Они всё равно в Зону не ходят, а чтоб пробирки мыть, костюм не нужен, — резонно заметил Бивень.

Я не нашёл, что возразить.

Лаборантку Машу я искал долго. Но язык, как говорится, до Саркофага доведёт, и, представляя Хип как образец роста искомой Маши, потому как других примет не имелось, я наконец добрёл до восьмого корпуса трёхэтажных институтских домов. Добрёл, кстати, за полночь и поэтому получил не самый тёплый приём.

— Здрасьте. Мария...

Сонная лаборантка запахнула плотнее халат и нацепила на нос очки, чтобы рассмотреть позднего посетителя.

— ...Александровна. Вы... с ума сошли? Первый час ночи... а-хххааа... что вам надо?..

Да, не соврал Бивень. Рост соответствовал. Комплекция тоже.

— У вас есть защитный костюм?

Мария Александровна перестала зевать. Она долго смотрела на меня, часто моргая глазами. Потом решила рассердиться.

— Мужчина, вы меня подняли только за тем, чтобы задать дурацкий вопрос? Целый день как проклятая в НИИ крутишься, ни обеда, ни отдыха, радиацию эту глотаешь, а потом приходит субъект и спрашивает...

— Спрашивает простую вещь. — Я сохранил на лице приятную улыбку.

— Идите вон... я устала... — Дверь захлопнулась.

Я вдавил кнопку звонка и не отпускал где-то с минуту.

— Послушайте... я сейчас... хам...

— Сейчас что? — Я уже начал терять терпение.

— Милицию вызову!

— Странно устроен человек, — вздохнул я. — Вместо того чтобы сказать «да» или «нет», он начинает скандалить, говорить кучу ненужных слов и даже угрожать милицией.

— Ну, есть комбинезон. Дальше что? — Лаборантка сдалась. — Слушайте, оставьте меня в покое, завтра тяжёлый день...

— Да, день очень тяжёлый. Сколько дел: поболтать с подружками, испить кофею, разложить пасьянс на компьютере и потом вымыть целых десять пробирок. К вечеру с ног валишься.

Судя по растерянному выражению лица Маши, я попал в десятку. НИИ держал кучу лаборантов, якобы курсирующих в Зону за материалом, и реальной работы на всю эту ораву получалось совсем немного. И ведь не уволишь — по отчётам именно лаборанты обеспечивали НИИ объектами для исследований.

— Что за костюм? — спросил я, не давая собеседнице времени оклематься от моёй осведомлённости.

— Броня какая-то...

— «Кольчуга»?

— Да, да, точно.

— Отлично. Тащите сюда.

— Зачем? — по-настоящему удивилась лаборантка.

— На стенку повесим, любоваться будем. Несите, вам она всё равно без надобности.

— Мужчина, у вас с головой всё в порядке? Вы хоть понимаете, что просите? Это дорогое институтское оборудование, выданное сотрудникам...

— Для того чтобы ходить в Зону, — продолжил я. — И если институтское оборудование не поступит в ближайшее время в распоряжение тех, кому оно дей-

ствительно необходимо, то кто-то вскоре пойдёт в Зону сам. Поверьте, я могу это устроить. Ваше начальство любит отправлять на задания строптивого лаборанта, или, как оно вас называет, дармоеда, по вине которого сталкер не вышел в рейд.

Вопросов больше не возникло. Нас с Хип тут же любезно пригласили в квартиру. Длинный кофр с новенькой «Кольчугой-М» просто пылился между шкафом и стеной, и даже пломбы на нем были не тронуты. Под охи и ахи лаборантки Маши я вскрыл упаковку.

— Переодевайся, стажёр. Сам пользуюсь и вам рекомендую.

Хип быстро переоблачилась. «Кольчуга» пришлась впору, и я невольно залюбовался ученицей. Настоящая матёрая сталкерша получилась, хоть сейчас в Зону отправляй тушканов пугать. Старый «свободовский» комбинезон я уложил в коробку и поставил её на место.

— Скажешь, что так и было. Поймут. Ругать не будут. — Я вложил под картонный лист упаковки листочек с запиской «здесь был Лунь». Подставлять лаборантку всё-таки не хотелось.

Мария Александровна печально кивнула.

— Вы сталкеры, да? — вяло поинтересовалась она. — Те ненормальные, что в Зону ходят? Я так и поняла сразу...

— Да, мы именно те ненормальные. — Я обернулся. — Те, благодаря которым ты получаешь хорошую зарплату на тёпленькой и непыльной работёнке. Благодаря которым Зону видишь на картинках и по телевизору. Идём, стажёр.

Ух, как же мне хотелось врезать по мышиной лаборантской мордочке за то презрение и даже брезгливость в выражениях и жестах. Потому и лишнего на-

говорил. Никогда не считай чужие деньги, не ругай чужую работу...

— Ну, как? — спросил я у Хип, когда мы уже вышли на улицу.

— Класс! Лунь, офигительно! — Стажёр притопнула ботинками, взмахнула руками, захрустела «репейниками» многочисленных карманов разгрузочного жилета. — Рюкзак как влитой! Удобно-то как! Слушай, а я с этими кирзачами намучилась...

— Владей.

— Лунь... тут хватит за всё? — Хип выволокла из кармана свой гонорар. — Если нет, то я потом ещё...

— Отставить. Возьми себе, на карман, так сказать. Деньги за самую первую ходку стажёр тратит лично. Традиция. Дальше бюджет совместный.

— Теперь куда?

— Теперь, подруга, домой. Поспать минуток шестьсот, а потом ещё столько же, предварительно хорошенько заправившись горячей картошкой с маслом, селёдочкой и луком. Мы, собственно, уже почти пришли.

Корпус номер четыре ничем не отличался от двух десятков прочих, похожих друг на друга как две капли воды панельных трёхэтажек. Серое здание имело три этажа, три подъезда и, соответственно, тридцать шесть квартир. Четвёртый корпус неофициально назывался «сталкерским» и наполовину пустовал — кто-то не вернулся из Зоны, а кого-то, ещё и не помышляющего о сталкерской доле, ждали необжитые двухкомнатные берлоги. Казённые, в мелкий горошек, нейтральные обои, классическая дээспэшная мебель студенческой общаги, кухня с электроплитой и совмещённый санузел — обстановка тоже не отличалась разнообразием. Мой главный схрон располагался на третьем этаже. Там мне предстояло отдохнуть и приготовиться к очередному рейду.

— Располагайся. — Я открыл дверь и щёлкнул выключателем, после чего сбросил рюкзак на пол и, не снимая комбеза, прошёл на балкон. Постоять минут десять, подышать никотином и посмотреть на ночной Чернобыль-7. С балкона был виден почти весь невеликий научный городок: ровные ряды домов, громадина НИИ в полукилометре, точнее, только первый корпус, физический, биологи дальше, за ним, и светлая лента Периметра с огоньками на вышках. Поблёскивает иллюминация на Баре, горит красным угольком стометровая мачта связи, тускло светят окна домов. Мирный такой, обычный городок, если не считать только что раскатившейся эхом короткой очереди «Корда», засекли военные кого-то там, за спиралями «колючки». И дальше, за постами, бесконечные километры Зоны, десятки бывших городков и сотни брошенных деревень, Припять, леса и пустоши, болота и овраги. Не скучай, родимая. Скоро встретимся.

— Ну, Хип, извольте в ванную. — Я покопался в шкафу и выдал девушке запасной спортивный костюм и нераспечатанный пакет с хлопчатобумажным бельём. — Полотенца в тумбочке, бери любое.

— А женского нет? — Хип печально осмотрела бельё.

— Не грешу, — ответил я с серьёзным выражением лица. — Завтра заглянем в местный военторг. Выбор там, конечно, невеликий, но прекрасного пола в НИИ хватает, так что найдёшь что-нибудь. Я пока составлю список предметов первой необходимости.

Комбинезон, оружие и приборы, хвала небесам, найдены, но и осталось немало того, что ещё предстояло найти. Фляжка. Спортивный костюм. Четыре смены белья. Хороший термос. Респиратор с запасом фильтров. Очки с обтюраторами. Надёжные часы с

таймером, не будешь ведь каждый раз лазить за ПМК. Кружка. Нож складной. Аптечка из последней партии, лучше две. Десять перевязочных пакетов. Водка и маленькая стальная фляжка под неё, без этого в Зоне никак. Фильтр-дистиллятор для воды. Солевые таблетки. Главное, ничего не упустить — *там* мелочей не бывает...

Список был готов далеко не сразу. Я три раза перечитал его, что-то вычёркивая, что-то добавляя. Потом, пока Хип ещё плескалась в ванной, слил с ПМК на персоналку набранную за рейд информацию, фотографии и замеры, с которыми предстояло ещё повозиться, забивая их в начатый ещё четыре года назад капитальный труд по Зоне. Почистил и проверил оружие. Просто повалялся на диване, глядя в потолок и слушая «Ну, ещё секундочку, Лунь!». Про себя я решил, что в будущем в ванную буду заходить первым.

Знакомое ощущение. Так бывает, когда следующий твой шаг подминает не бурую путаницу стеблей Зоны, а живую, земную траву. Приятное головокружение, и морщинки в душе разглаживаются, исчезают острые углы неприятных мыслей. Это Хип вышла из ванной. Ну, прелесть просто. Должно быть, я сидел, буквально разомлев, как кот на солнцепёке, и неглубокомысленно улыбался. Повезло со стажёром. Красота если и не спасёт мир, то по крайней мере сделает его намного приятнее.

— Э, Лунь? Ты меня слышишь? — Хип вдруг рассмеялась. — Ванная свободна!

— А... да. Спасибо, Хип. И не забудь про картошку.

Сделав душ как можно горячее, так, что едва можно было терпеть, я выскребал остатки Зоны из кожных пор жёсткой мочалкой. Да, братцы, нашёл я артефакт. Не слабо так нашёл, что только он в мыслях и проскакивает, только он и светит, как солнце в про-

свет между тучами. Неужели втюхался сталкер? Да нет, быть того не может, глупости одни, дурь в голове. Для других, кто тебя плохо знает, ты, Лунь, крут, как варенное три часа яйцо. Но сам-то в курсе, что не просто глупости, а иногда и откровенной дебильности в рано начавшей седеть башке вагон и тележка. До того доходило, что по дурости едва не гробился и иногда по той же причине спасался. По дурости пришёл в Зону, с дурацкой целью, и, как подлинный дурак, здесь и остался. И к пруду пошёл, потому что дурак. И Хип не оставил у схрона, как сделал бы любой мало-мальски умный сталкер. А теперь стоишь под душем и лыбишься неизвестно чему. Эх, Лунь, и когда только поумнеешь...

Контрастный душ, потом просто прохладный, и каждая клеточка организма словно подновляется и заряжается силой. Жаль, баньки нет. Напариться бы, а потом в снег. Да только ни баньки, ни снега в Зоне не было. Зимы я уже шесть лет не видел. Только лето, тёплое, мокрое, и осень, промозглая и тоже не сухая. Климат, в общем, воодушевляющий и на редкость приятный. Звереешь от него постепенно...

Докрасна растерев тело грубым вафельным полотенцем, я напялил спортивный костюм и пошёл на кухню. Хип в переднике помахала ложкой и симпатично улыбнулась: картофель, почищенный и вымытый в рекордные сроки, уже начинал закипать. Два разных человека: забитый, озлобленный зверёк в схроне, готовый всадить отвёртку в обидчика, превратился в миловидную хозяйственную девочку, хлопочущую на кухне.

— Богатый опыт по этой части, — пояснила Хип. — Дома, считай, я одна и готовила на всех, настропалилась со временем. Где тут соль?

— Вот. — Я подал солонку. — Помочь чем?

— Не, спасибо... почему лука нет, сталкер? С чем селёдку есть будем? Как я погляжу, запустил ты хозяйство. — Хип бесцеремонно вытолкала меня из кухни. — Не мешай.

Нормально. Я подчинился и побрёл к персоналке посмотреть вакантные задания НИИ на следующую неделю. Ого, сталкер, как ты котируешься у «ботаников»! Аж шестнадцать! Можно и покопаться...

«Агропром. Сопроводить группу биологов очень надо, замечена с беспилотника непонятная активность большой группы зомби, что-то строят из досок, а потом таскают внутрь кучи плоские красные эллипсоиды, похоже, биологического происхождения».

Интересно. Подумаем.

«Свалка. Установить ловушки элементарных частиц на втором терриконе».

Да вы что, ребята, это не ко мне, этим и Кося заняться может. Выслал отказ и рекомендацию обратиться в Баре к сталкеру Косе. Пусть человечек подзаработает.

«Фермы совхоза «Знамя». Провесить дорогу для техники мобильного лагеря «Позитрон». Поддержка: две группы «Долга», ещё идут Фреон и Лихо».

Ну, если там «Долг» и двое «аксакалов», то мне делать будет нечего. Прекрасно справятся. Тьфу-тьфу...

«Агропром-2. Одиночный рейд в здание школы, подвалы ПРУ. Запрос ФСБ о пропавшей группе не эвакуированных 22.11.2007 жителей села Березичи, вероятно, укрывшихся в школе. При обнаружении фото, документы, координаты. Предполагаемая группа БВП — 50–70 человек».

Я вздрогнул. Могильным холодом дохнуло от компьютерного монитора. Задание «похоронка». То, что противорадиационное убежище давно превратилось в склеп, сомнений не вызывало. Не сомневались в этом

и фээсбэшники, раз запросили «мёртвые» данные. Женщины, мужчины, дети, старики... сколько уже было этих «похоронок»? Сколько групп БВП я уже нашёл? Рассыпающиеся паспорта в пакетике, и фотографии, фотографии, от которых ночью просыпаешься с воплем, а потом долго куришь на балконе. Было уже. И что толку, если полетит голова ещё одного чиновного идиота, по слабоумию не сумевшего грамотно организовать эвакуацию? Мёртвые всё равно останутся мёртвыми. Я мельком прочитал остальные задания и отправил подтверждение на два «агропромовских» — и биологов доведу, и в школу загляну, рядом всё, думаю, учёные поймут и бухтеть не станут. Выход я назначил через четыре дня.

«Похоронками» занимались всего два сталкера — я и Сионист. Остальные не брались за подобные задания либо по причине более чем скромного вознаграждения, либо из-за тяжёлого осадка в душе, от которого страдала и так перегруженная впечатлениями психика. Сионист недавно вернулся из ходки, и теперь недели две его точно с места не сдвинешь. Значит, пойду я. Знали, блин, к кому обратиться — отказов на «похоронки» у меня ещё не было.

— Лунь! Кушать подано. Садитесь жрать, пожалуйста. — Хип удачно сымитировала интонацию Василия Алибабаевича. — Картошка остынет!

Так как лука к селёдке не имелось, Хип открыла банку сайры и достала из холодильника две бутылки светлого пива. Ужин получился скромным, но вкусным.

— Завтра затаримся патронами и займёмся вашей стрелковой подготовкой, — сообщил я, налегая на горячую, исходящую паром картошку. — За городом есть подходящее местечко, заброшенный карьер. Через четыре дня выход в Зону, и нужно хотя бы знать, в какую сторону направлять ствол.

— Но я уже стреляла...

— Да, даже попала пару раз. Начало хорошее, но этого мало.

— О'кей. — Хип положила себе добавки. — И всё-таки хочется мне узнать подробнее про...

— Да?

— Светлану эту.

Я чуть не поперхнулся. Надо же, думал, проехали давно...

— Одна из «ботаников». Большая умница и большая дрянь, одно, как видишь, другому не мешает.

— Дрянь, — охотно согласилась Хип. — А почему?

Я вкратце рассказал историю с прудом и ПМК, умолчав некоторые детали, позже поведал Хип, что такое сталкер и с чем, соответственно, его едят с точки зрения «ботаников» и прочих законопослушных граждан.

— Поняла, на что подписалась? — не без иронии спросил я напоследок.

— Как всё запущено... получается, мы с тобой могли там и остаться?

— Очень даже запросто. Как, впрочем, и в любой другой ходке. Сталкеры от старости не мрут, стажёр, я по крайней мере ни одного не знаю.

Я задымил сигарету прямо на кухне, глядя, как Хип переваривает полученную информацию. И странно улыбается при этом, глядя в потолок и играя вилкой.

— Класс!..

— Я знал, что тебе понравится.

В следующие четыре дня Хип под моим мудрым руководством сожгла кучу патронов, пуляя по ржавым кастрюлям, пластиковым бутылкам и прочему хламу на свалке Чернобыля-7. Военные пару раз на-

ведывались узнать, по какой причине звучит канонада с одиннадцати до двух часов дня, узнав, проникались и даже давали дельные советы. С двух тридцати и до шести вечера стажёр слушала лекции и «врубалась в дзен» инстинктов сталкера. Насколько успешно, судить было рано: теория без практики — вещь, конечно, нужная, но обычно малоэффективная. В семь мы вместе отправлялись в Бар — послушать новости, слухи и рассказы сталкеров, вернувшихся из ходок, перекинуться словечком с Барином и что-нибудь прикупить. Я вот, например, обзавелся «Глоком» после того, как увидел «пластмаску» в действии. Пистолет был великолепен, и я даже немного стыдился незаслуженной критики в адрес ствола. ПП-2000 оставил пока Барину на хранение — в дальние ходки я решил брать с собой только «Глок». День «икс» неумолимо приближался.

И, конечно же, наступил.

Нас с Хип — неслыханное дело! — лично пригласили в биологический корпус НИИ знакомиться с учёными, которых предстояло доставить на Агропром. Их было трое.

— Зотов Игорь Андреевич. Профессор, ксенобиолог, — представился первым пожилой учёный, невероятно похожий на книжного Айболита: очки двумя стеклянными таблеточками, седые усы вразлёт и аккуратная острая бородка. Худой, довольно высокий, у мудрых глаз лёгкие морщинки смешливого человека, стеснительная полуулыбка — он был из разряда тех людей, что располагали к себе сразу. Профессор мне понравился.

— Лунь. Просто Лунь, сталкер. — Я пожал сухую, крепкую ладонь.

— Мирошенко Илья Данилович. Ассистент Игоря Андреевича, по совместительству врач и аналитик

АЗ по вопросам психологии мутантов. — Коренастый брюнет с намечающейся лысиной и быстрым взглядом. Плотноват он для Зоны, не замаялся бы... впрочем, пожатие руки мощное, хватка, скажем так, солидная. Ага, и уши... борец, наверное.

— Сьюзен Кимски. Доктор биологических наук, исследователь мутантных форм жизни. — Миловидная, подтянутая женщина лет тридцати с небольшим. Короткая стрижка, очки в тонкой серебристой оправе, за которыми внимательные карие глаза, и дежурная американская улыбка в тридцать два зуба. Характерный акцент подтверждал, что улыбка именно американская — НИИ был международным институтом. Американцев я недолюбливал, но Сьюзен оставляла впечатление приятного человека. Что ж, Лунь, контингент вроде бы неплохой.

— Так... — Я осмотрел команду. — Хочу сказать вам на первый взгляд странное и несколько суеверное правило. Следовать ему или нет, решать вам, но первая рекомендация такая: в Зоне не должно быть имён, фамилий и отчеств. Доказанный, хотя и необъяснимый факт: выживаемость людей с новыми именами значительно выше.

— Кличками? — поинтересовался профессор.

— Нет. Именами, — поправил я. — Вам бы подошло Проф.

— Не возражаю, — улыбнулся Зотов.

— Аналитик и Рэй.

— Почему луч? — удивилась Сьюзен.

— Взгляд похож. Извините, если не по нраву, но сам человек здесь имя себе не подбирает.

Сьюзен, а точнее, Рэй, кивнула, сказав, что ничего не имеет против.

— Идёт, — согласился Аналитик.

— Теперь вопрос. Опыт Зоны есть?

Рэй подняла руку.

— Два рейда в Тёмную Долину. На вертолёте высадили материал собрать и сразу назад. С нами был... м-м... Лыхо, кажется. Он от себя на два шага не отпускал.

— Правильно делал. В таком случае инструктаж. Первое: я не могу гарантировать на все сто процентов вашу безопасность. Зона непредсказуема и крайне опасна даже для опытных сталкеров.

Я сделал паузу, наблюдая за реакцией. Аудитория молча закивала.

— Но я постараюсь сделать так, чтобы вы все вернулись в целости и сохранности. Для этого вам необходимо выполнять любой мой приказ, даже абсурдный. Быстро, чётко, без вопросов и обсуждений. Отлучаться, сходить со следа, говорить в голос запрещаю настрого, заниматься любой, не одобренной мною самодеятельностью тоже. Остальные указания получите по ходу пьесы. Костюмы?

— Выдали «Ксеноны», — сказал Проф, кивая в сторону трёх ящиков.

— Заменить на «Кольчуги». Оружие?

— Автоматы «сотки» 5.45 и «Гюрзы».

Я кивнул. Ладно, сгодится. Три «калашникова» и две штурмовые «Сайги» — достойная компания стволов. Насчёт стрелковой подготовки не спрашивал — все «ботаники», не исключая лаборантов, принимались на работу, только если сдали зачёт на стрельбище.

— Пойдёт. Пули со смещённым центром тяжести, надеюсь? Если нет, то добудьте, стандартный патрон для Зоны малопригоден...

Затем я проверил вес и укладку рюкзаков, консервы, аптечки и прочее. Здесь замечаний не возникло — учёные были не кабинетными, каждый имел за плечами пару-тройку экспедиций.

— Далее. В районе Агропрома иногда появляются мародёры. Может случиться так, что нам придётся стрелять в людей. На всякий случай подготовьте себя к этому. И ещё. Из коллекторов по ночам вылезают кикиморы и бюреры.

— Кикимора? — Зотов хмыкнул. — Подходящее название для псевдоживой матрицы по трупу...

— Зато подходящего боеприпаса нет, — искренне вздохнул я. Надо же, как кикимору «ботаники» обозвали... странная тварь. Издалека напоминает ходячую швабру, увешанную грязным чёрным тряпьём, головы вроде нет, если не считать за таковую бледно-серый шарик с два кулака, скрытый за паклей вылезающих волос. Носятся молча, почти бесшумно, иногда пощёлкивая костяным стуком конечностей, или крутятся юлой на одном месте. Уйти от них почти невозможно. Фреон вот ушёл, да за ночь побелел на висках...

Помимо прочего, каждый учёный тащил на себе полпуда разных приборов и реактивов. Расставаться даже с частью оборудования они отказались наотрез. Мне оставалось только вздохнуть и понадеяться на то, что вертолёт «выбросит» нас как можно ближе к Агропрому. Доставить сразу в нужную точку пилоты просто не могли: над Агропромом висели в воздухе невидимые гравитационные аномалии... как, впрочем, и над всей Зоной. Обсудив с учёными ещё несколько нюансов насчёт экипировки и правил поведения, я перенёс выход на завтра.

Не нравился мне этот рейд. Я осознал это, уже сидя за столиком Бара и глядя, как всплывают пузырьки углекислого газа в стакане с пивом. Неуверенность и странная тоска не укрылись от Хип.

— Что-то ты смурной сегодня, учитель. «Ботаники» не те попались?

Думал я уже насчёт «ботаников». Нет, с ними порядок, не чувствовал я от них подвоха: грамотные, серьёзные люди, дури вроде нет. Агропром? Средней паршивости место, если не лезть в коллекторы бывшего научного городка и не соваться в пустоши на северо-востоке. Ночью по-настоящему мерзко там, но на то она и Зона. Нет, не в Агропроме дело.

Дело было во мне. Я просто не хотел никуда идти. Забить на Зону, артефакты, НИИ и рвануть отсюда как можно дальше. Приступы тоски накануне ходки преследовали почти всех бывалых сталкеров. Называлось это «нырнуть в тину». Раньше «нырял» я эпизодически, в последнее время всё чаще. Сионист советовал делать не больше двух ходок в месяц, да куда там, уже через три дня я скучал по Зоне, а перед самым выходом снова лежал в «тине», ненавидя весь белый свет. Странная штука — психика сталкера.

— Сплин. Настроения нет ни черта. — Я отхлебнул пива. Гадость, да ещё и согрелось. — Барин! Налей, будь другом, «Слезы контролёра».

Барин плеснул в толстый шестигранный стакан светло-зелёной жидкости. Семьдесят градусов, полынь, жгучий перец, чайная ложка липового мёда и столько же аниса на бутылку. Адская смесь, и непривычному человеку лучше не пробовать. Зато из «тины» буквально за жабры вытаскивает.

— Что, сталкер, вся жизнь дерьмо? — усмехнулся Барин. — Завязываешь с Зоной?

— Именно, — просипел я, когда отдышался от «Слезы».

— Последняя ходка? Ну, это дело надо отметить... — И бармен накапал ещё семьдесят в ту же посуду. Понимает Барин нашего брата. Каждая ходка завсегда последняя. И знал он к тому же, что всерьёз подумывает сталкер Лунь вырваться за Кордон и по-

жить по-человечески. Не всю жизнь ведь Зону топтать да бабло зарабатывать. Ещё одного стажёра найти? Не вопрос, кандидатов море, бери хоть отмычкой... ну и Хип, естественно, со временем выучиться должна, тьфу три раза. Хип... чёрт, вытащить бы её отсюда, из этого ада. Не место ей здесь, может ведь и гробануться, Зона тут, а не парк развлечений. И случай этот поганый с Коржинским прудом, показавший, кто есть ху. Сталкер Лунь, материал расходный... к чёрту всё. Завязывать надо.

— Эй, Лунь... — начала стажёр, но Барин прихватил её за рукав и что-то прошептал на ухо. Молодец Барин. Только Хип заметно поникла и по-новому глянула на меня. — Ништяк. Всё будет, Лунь...

Через полчаса мы пошли домой. Выспаться перед ходкой следовало впрок, тем более что «вертушка» будет ждать нас в пять утра.

Безопасный коридор для авиации заканчивался примерно в шести километрах до первых зданий Агропрома, над старым полотном железной дороги и одинокой цистерной, до сих пор стоящей на рельсах. Вертолёт снизился почти до самой насыпи, подождал, пока мы выпрыгнем и поймаем рюкзаки, после чего свечой ушёл вверх и направился на армейскую базу.

— Ну, здравствуй. — Я вдохнул воздух Зоны, коснулся заржавленного рельса. После рокота вертолётных винтов тишина казалась оглушительной, мягкой, как вата. Единственное, что в Зоне было неизменным, постоянным, так это молчание. Да, вопили иногда мутанты, бормотал зомби, разрывалась тишина выстрелами, взрывами, криком погибающих, трещали и гудели аномалии, но это было лишь иногда.

Тишина. Великое безмолвие царило здесь, не прерываемое ни шумом моторов с автострады, ни гулом перешедшего высоко в небе звуковой барьер самолёта, ни птичьими голосами. Тишина была такой глубокой, что пищало в ушах, а звуки шелеста мёртвой травы под мёртвым ветром, скрип старого дерева и далёкий утробный вопль какой-нибудь твари не нарушали безмолвие, а лишь подчёркивали его. Я взглянул на учёных. Те стояли плотной группкой, осматриваясь и что-то тихо обсуждая. Хип стоит рядом, молча разглядывая рельсы, крутые, заросшие бурьяном склоны насыпи, цистерну.

— Что видишь?

— Вроде чисто... только вагон странный.

— И что с ним?

— Какой-то новый слишком. Ржавчины нет, и колёса блестят, словно только вчера по рельсам катался. Не растёт рядом с ним ничего, хотя здесь под травой шпал не видно.

Углядела. Молодец.

— Как двигаться?

— К цистерне не подходить, сделать крюк справа, а дальше по железке, потому как насыпь высокая и «электрики» не будет. «Карусель» поверху тоже редко встречается, «молотилок» на холмах не видели ещё и «струн», они только между холмами бывают.

— А что есть?

— «Воронки», «радуги», «жаровни». — Хип подумала. — Ещё «смерть-лыко» бывает, но его видно сразу.

— Хорошо. Ты впереди, ведёшь, мы за тобой. Эй, наука! — Я махнул учёным.

Вёл стажёр профессионально, старательно кидая гайки и не забывая поглядывать на сканер. «Выворотень», который я заприметил ещё за сотню шагов,

Хип определила по волнообразной траектории летящего болта.

— Стоп! — Стажёр подняла руку.

— Зачёт, — кивнул я.

— Что там? — спросила Рэй, сойдя с проложенной тропы и вытягивая шею. — Аномалия?

— Скажите, Рэй, — я повернулся к учёной дамочке, — если я вам прямо сейчас дам по башке, будет международный скандал или нет?

— За что? — удивилась она. Я вместо устного ответа подобрал с земли кусок шлака и бросил немного правее учёного, на склон насыпи. Длинный шипящий свист и вспышка багрового света. Кусок шлака исчез с резким хлопком, а сухая трава занялась тусклым в свете дня пламенем. Рэй побелела.

— Коллега... — поморщился Проф. — Вы что вытворяете?

— Простите... сорри... нот райт... — Рэй проворно пристроилась за Аналитиком.

— Ничего себе. Слышал, конечно, но чтоб такое... — Аналитик разглядывал дымящееся пятно. — Вы не повторите бросок, Лунь? Это обязательно надо снять...

Как дети, честное слово. Я покидал в «хлопвспышку» камешков, она исправно их уничтожила, словно красуясь перед камерой. Топ-модель, блин...

Хип отлично провела нас до железнодорожной станции, обогнув три «жаровни» и гигантскую «карусель». Вундеркинд, одно слово. Я припомнил, что и в школах девки в отличниках ходят чаще, чем парни. Вот и здесь обучаемость на высоте, ничего не скажешь. Дальше, однако, место лидера должен занять я.

— Порядок движения следующий. Вы все стоите, иду я. Останавливаюсь, машу рукой вот так, и тогда ко мне идёт Проф. Дошёл, остановился, двигается

Аналитик. Остальные стоят и смотрят местность. Потом Рей. Последняя Хип, замыкает. Секторы обзора: я вперёд и по сторонам, Проф левую сторону, Аналитик правую, Хип стережёт тыл, Рэй смотрит и слева, и справа, пока идут остальные. Оружие приготовить, держать стволами вверх. Повторите.

На станции вполне можно было устроить остановку. Аномалий поблизости почти не имелось, радиометр помалкивал, и сама станция сохранилась неплохо. Окошечки билетных касс были забраны ржавой, но ещё крепкой решёткой, возле открытой двери вокзала валялся пожелтевший окурок «Примы», виден был зал ожидания с рядами красных пластиковых сидений и пласт обрушившейся с потолка штукатурки. Электричка, навсегда остановившаяся у засыпанного грязью и палой листвой перрона, сгорела, рыжие от огня вагоны с прогнувшимися крышами доедала коррозия, но лёгкий кислый запашок застарелой гари ещё чувствовался в воздухе. Я поднялся на закопченный пешеходный мост через пути, дождался, когда подтянутся остальные, и достал ПМК. Сигнал от зонда, сброшенного беспилотным самолётом НИИ, почти не угадывался — мешали сильные помехи от «смерть-искр».

— Лунь, справа! — быстро и чётко проговорил Аналитик.

По пыльному, закопченному бетону моста ползло яркое пятно, похожее на большой солнечный зайчик. В пределах пятна исчезала грязь, копоть, трещины, чтобы снова появиться за ним, «солнечный зайчик» высвечивал несуществующие фантик от конфеты, осколок стекла от бутылки, которого не было секунду назад, и всё было ярким, кричащим: фантик блестел фольгой так, что ломило в глазах, стекло горело изумрудным светом...

— Не опасно. Это «призрак», — сказал я. — В Зоне такое бывает...

Пятно подползло ближе, и прямо в воздухе над ним соткалась фигура пожилой женщины с большой хозяйственной сумкой на колёсиках. Зыбкое изображение быстро набирало чёткость и яркость, напоминая картинку старого цветного телевизора, и я уже видел платок на седых волосах, опущенные глаза, торопливый шаг и подскакивающие на неровностях пластмассовые колёсики сумки. Призрак прошёл мимо нас и начал постепенно растворяться, только яркое пятно сползло вниз по лестнице и долго светилось на перроне — «женщина», очевидно, ждала «поезд».

— О, чизес... — выдохнула побледневшая Рэй.

— Хм... — коротко выразил своё мнение Аналитик.

— Любопытно. — Проф снял очки и приставил к глазам бинокль. — Фокусы со временем? Пси-поле?

— Не совсем. — Аналитик посмотрел картинку на экране камеры. — Изображение осталось, так что к пси-полям это явление не относится. Предполагаю, что...

— Лунь, там люди, — прервала Аналитика Хип. — Много.

Я забрал у Профа бинокль. Зомби. Большая компания, почти толпа, словно в Припяти после Выброса. Больше половины в остатках военной формы, остальные в тряпье, в котором с трудом угадывались платья и пиджаки. Двое в неплохо сохранившихся «Кольчугах» — бывшие сталкеры. Раскачиваясь, подолгу замирая на месте, зомби выходили из складского помещения. Двадцать. Тридцать. Тридцать четыре... ещё два, точнее, две. Много, и поэтому очень странно это. Не видел я такого раньше, значит, не знаю, чего можно ожидать.

Группа зомби собралась и у самого вокзала, восемь ходячих трупов семенящей походкой показались из-за сгоревшей электрички, один из них издал громкий гнусавый крик — странно, что у него сохранились голосовые связки притом, что живот выгнил большой грязной дырой. Ему ответил визг со стороны склада и клёкот из высокого, буйно разросшегося кустарника. Один покойник выбрался из вагона прямо под нами, запрокинул в небо тощее жёлтое лицо с ямами пустых глазниц, каркнул сдавленно, показав гнилые зубы. Одежды на нём практически не осталось, кожа лохмотьями слезала с обнажившейся желтовато-серой плоти, перевитой, словно корнями, пустыми белыми жилами. В воздухе медленно разливался удушливый запах разлагающегося сыра и уксуса. В руках, на которых не хватало половины пальцев, зомби сжимал большой плоский овал цвета свежего мяса. Такие же овалы тащили другие зомби.

— Это они. — Проф деловито вставил в ноздри два ватных тампона. Рэй негромко бормотала, имитируя цветом лица свежевыстиранную простыню.

— Гад... чизес крайст... итс хоррибэл... май гад...

Всё, перегорает Рэй, как многие учёные до неё, и если даже останется в НИИ, то в Зону уже ни ногой. Главное, чтоб не перегорела сейчас, иначе беды с ней не оберёшься, а ведь и до места ещё не добрались. Я вынул плоскую стальную фляжку со «слезой контролёра».

— Вот... глоток, и не дыши, ясно?

Рэй с уже плавающим от подступающей истерики взглядом судорожно кивнула и опрокинула фляжку. Глаза её выпучились, лицо перекосилось. Да, милочка, это тебе не мартини в баре через соломинку тянуть.

— Оу, шет... что за пойло? — Рэй с шумом вздохнула.

— Микстура для Зоны. — Я забрал фляжку. — Слушай мою команду. Вниз сейчас спускаться нельзя. Оружие держите наготове, но не стреляйте — компания внизу нами пока не интересуется, хорошо будет, если интерес у них мы так и не вызовем. Не делайте резких движений, не высовывайтесь за перила, вообще не маячьте на фоне неба. Говорить вполголоса, лучше шёпотом.

Зомби внизу развивали какую-то деятельность. Они стаскивали в одну кучу обломки досок, кирпичи из обвалившегося вокзального туалета, куски шифера. Аналитик тщательно фиксировал всё на камеру, Проф не отрывался от бинокля, изредка что-то записывал в ПМК, Рэй просто сидела, обхватив голову руками и стараясь дышать через рот.

— Нам необходимо достать одну из этих штук. — Зотов проследил за очередным зомби, прячущим странный красный овал под листом шифера.

— Не думаю, что это хорошая идея, — заметила Хип. — Я только что видела, как мертвяк затоптал псевдозмея рядом с кучей. Они, похоже, её охраняют.

— Это странно, — сказал Аналитик. — Зомби, особенно на такой стадии распада, как эти, не способны на какую-либо организованную деятельность.

— Плохо вы их знаете, — не удержался я от замечания. — Под Припятью я лично видел десяток скелетированных трупов, устроивших полноценную загонную охоту за раненой плотью. Я уверен, что они общались между собой.

— Может, контролёр? — предположил Проф.

— Нет. Впрочем, не знаю, но ощущения контролёра не было, — признался я.

От группы зомби отделился один, точнее, одна бывшая женщина в остатках синего пальто. Левая половина тела её, по-видимому, была мумифицирована

и не гнулась — зомби подволакивал ногу, левая рука торчала в сторону и описывала широкие восьмёрки при каждом спотыкающемся шаге. В правой руке труп тащил всё тот же плоский овал.

— К нам идёт. — Аналитик снял автомат с предохранителя.

— Не стрелять без команды, — приказал я.

— Некроорганизм в стадии третичного распада. — Проф внимательно следил за движениями мертвеца. — Они совершенно точно не живые в биологическом понимании этого слова. И тем не менее двигаются, питаются, по всей видимости, наличествует обмен веществ. Закономерный вопрос — как?

— Вы же наверняка поймали парочку, — покосилась на Профа Хип. — Неужели со всеми микроскопами и прочими своими фазотронами не изучили?

— Поймали, и не парочку, — вздохнул Проф. — Трупы. Нет кровообращения, сероводород в тканях, частичная мумификация, жировоск вместо подкожной клетчатки, сильный автолиз внутренних органов. При этом частичная или полная остановка гниения, консервация соединительной и мышечной ткани...

— И зрение при отсутствии глаз плюс рефлексы при полном распаде нервной системы, — добавил с каким-то ехидством Аналитик. — А у двух экземпляров даже зачаточное сознание. Это, Проф, будет посильнее вашей «консервации»...

Профессор болезненно поморщился, словно от зубной боли. Взгляд его стал совершенно несчастным.

— Коллега, мне непонятно ваше... гм... злорадство по этому поводу. Вы словно празднуете каждую неудачу в исследованиях, зубоскалите всякий раз, когда наука терпит фиаско. Поведение, достойное полуграмотного обывателя, но никак не учёного.

— Профессор, с появлением Зоны мне пока только это и остаётся, — сказал Аналитик.

— Она уже на лестнице, — сообщила Хип. — Что делать будем, Лунь?

— Оставайтесь здесь. Повторяю, не стрелять! — Я, пригнувшись, перебежал к лестнице. Зомби покачивалась на первой площадке, глядя на меня дырами глазниц, забитых тёмной губчатой массой. Верхняя половина лица была словно сожжена кислотой, к голому черепу прилипли несколько прядок обесцветившихся волос, застывшая улыбка сухих потрескавшихся губ открывала выпадающие зубы. Рэй лучше этого не видеть.

— Иди! Иди отсюда! — строго прикрикнул я, размахивая ружьём. — Нет еды! Больно! Больно! Уходи!

— Бол... наааа... — Шелестящий хрип из прогнившей гортани. Мертвец наклонил голову, скрипнув сухожилиями, и широко зевнул. Левая рука, чёрная, высохшая, описала полукруг, синтетическое синее пальто, задубевшее от сукровицы и почти потерявшее цвет, захрустело на сгибах.

— Да. Больно! Иди, иди давай!

Это помогало в половине случаев. Зомби далеко не всегда кидались на человека, хотя часто преследовали на почтительном расстоянии, заступали дорогу, швырялись землёй, камнями, и их можно было отогнать криком или угрожающим жестом. Подействовало и на этот раз: оживший труп неохотно развернулся и потопал вниз.

— Брось! — Я решил рискнуть. Нужен «ботаникам» этот овал, так что чем чёрт не шутит, может, и бросит...

Труп остановился и начал медленно поворачиваться. Голова рывком обернулась в мою сторону.

— А... аалл-гхаааа... аагх...

— Бросай! — жёстко приказал я, подобрал кусочек бетона со ступеньки и запустил в зомби.

— А... ЫЫЫГХррр, — рявкнул живой труп, брызнув бурой слизью изо рта.

— Кидай!

Не выпуская красный овал из правой руки, зомби наклонился и начал скрести ступеньку сухими пальцами левой. Кисть руки отломилась с коротким сухим треском.

— Уррррр... — Удивлённое ворчание, и овал падает на лестницу, а мертвец «здоровой» рукой подбирает горлышко разбитой бутылки и неловко швыряет в меня. Странное дело, любят зомби «в снежки играть», давно это свойство сталкеры подметили. Я нащупал в кармане стреляную гильзу — с прудов ещё осталась — и запустил в зомби.

— А-АРРргх... — Гильза летит обратно.

И тут Рэй завизжала. Чёрт, ну просили тебя любопытствовать, зараза, сказал ведь, сиди, не высовывайся. Рэй вопила, прижав ладони к лицу и выронив автомат, безумным взглядом уставившись на зомби, озадаченную такой звуковой атакой настолько, что та забыла на лестнице красный овал и быстро ретировалась. Аналитик, тоже молодец, заснял весь процесс на камеру, опять-таки не подчинившись требованию остаться на месте. Он же и влепил Рэй пощёчину, не отрываясь от процесса съёмки. Будь я неладен, если ещё хоть раз возьму с собой «ботаников»...

В несколько ёмких нецензурных фраз выразив всё, что я думал о поведении учёных, я с понятной тревогой посмотрел на компанию зомби внизу. Фу, пронесло вроде...

— Ещё один подобный фортель, и я вызываю вертолёт, — рыкнул я Рэй и Аналитику. — Или вы подчиняетесь приказам... да, именно приказам, а не

просьбам, или мы просто подыхаем здесь всей группой. Это ясно?

Аналитик покосился и буркнул что-то, но согласно кивнул. Рэй просто смотрела в одну точку, закусив кулак и покачиваясь.

— Не слышу!

— Да, мы поняли.

— Нам оставили подарок, — продолжил я. — Давайте контейнер под него... руками не трогать, не трясти и не изучать на месте. Пойдём, Хип, поможешь...

Новый артефакт... никогда не знаешь, чего от него ожидать. Плоский овал цвета подсохшего мяса, размером с два альбомных листа и толщиной миллиметра три. Посередине заметный круглый бугорок почти чёрного цвета, от него разбегаются тонкие тёмные прожилки.... цвет бетона под ним не изменился. Не дрожит воздух. Уже хорошо. Так, фон... есть, но умеренный, не страшно. Теперь вынуть из петли на поясе телескопический щуп, поводить сначала над артефактом, потом подтолкнуть. Лёгкий, шуршит, словно картон.

— Хип, приготовь контейнер.

Девушка щёлкнула замочками плоского кейса и таким же щупом подтолкнула его к артефакту. Теперь аккуратно подцепить овал пинцетом щупа и переложить в кейс. Закрыть. Подождать — некоторым артефактам очень не нравилось замкнутое пространство, могли долбануть или просто исчезнуть. На кейсе загорелась зелёная искорка светодиода — всё, птичка в клетке.

— «Красный цветок»? — спросила Хип.

— Нет, такое название уже есть... — Я поднял маленький кейс за ручку, посмотрел сквозь окошечко — порядок, лежит внутри, цвет не изменил, не греется. — «Плоское мясо».

— Так себе. — Хип пожала плечами.

— Ничего другого в голову не приходит. Проф, держите... что у нас дальше по программе?

— Главное сделано... — Проф осторожно уложил контейнер в рюкзак. — Теперь только наблюдать. У нас есть время, Лунь?

— Часа четыре можно оставаться здесь. Ночь переждём в помещении вокзала. — Я взглянул на ПМК. До темноты оставалось даже пять с половиной. — Сейчас я сбегаю вниз, поищу подходящий схрон. Хип, ты за старшего, проследишь, и, если что, сигнал на мой ПМК в режиме «аларм».

— Ясно.

Зомби внизу были настолько поглощены своим занятием, что не обращали на меня никакого внимания. Горка строительного мусора на перроне росла. Подходить к ней не стоило — дюжина трупов выстроилась вокруг неё правильным кругом, явно охраняя. Трое зомби ощерились на меня и утробно завыли, но нападать не торопились.

— Не подхожу... не беру... не трогаю. — Чётко выговаривая каждую букву, я показал зомби раскрытые ладони. «Охранники» были ещё совсем свежие, даже глаза не ввалились, и если бы не трупные пятна и зеленоватый цвет кожи, их можно было принять за живых. А как известно, чем свежее мертвяк, тем более склонен он понимать речь.

— Иди... идиии... ста-аа-лкер... ууумммххх... Лууунь...

— Фугас? — прохрипел я. Да, точно он, с запёкшимся лицом и свёрнутым на сторону носом.

— Лу-ууунь... — тяжко завыло существо, недавно ещё бывшее телом Фугаса, зарытого далеко за Периметром, на маленьком кладбище, где на крестах редко писали что-нибудь, кроме номера. Как он сюда попал? До кладбища километров тридцать и стена с пулемётами.

— Зооо-нааа... лю-уубит... лю-уубьёт... — шамкая одеревеневшими синими губами, тянул на одной низкой ноте бывший Фугас. — До-мааа... уруунннн... ыыыыгх... вернёотся Фуу-гас, дааа... знаю... вижуууууу... д-дышать... чёрные звёзды ночью да, днём свет жёсткий, вкус кислый у света днём ярко. Больно Фугасу свет чинить, красный огонь пахнет землёй. Голодный Фугас... голод бетон внутри, белый холодный...

По мере того как глотка зомби и залипший язык разминались от окоченения, мертвец нёс околесицу всё чётче, бессмысленные слова сплетались в безумные фразы. Я чувствовал, как мороз пробегает по спине.

— Ты думаэшь чё?.. Думаэшь, всё, да, ат-тпрыгался Фугас? А-аахррр... патроны... патроны забыл, дурак... тайник во! Нашёл тайник... — Из носа, пузырясь, потекла густая коричневая сукровица, пятная грязную «ковбойку» с оторванным рукавом. Я понял, что в этой клетчатой рубашке, в старых спортивных трико его и зарыли в землю, уложив в простой гроб из кое-как сбитых досок. Перегораешь, Лунь... смутное желание завязать с Зоной стало ярким, отчётливым. Всё, шабаш, хватит. Не забыть попросить Барина, чтоб, если сдохну, кремировали.

— Фугас, уходи. Уходи. Больно! — Я услышал в своём голосе истерические нотки.

— Аааа больно... — Зомби кивнул и побрёл к сгоревшей электричке, размахивая руками и бормоча под нос откровения гниющего мозга. И вдруг обернулся.

— ЗОНА ТЕБЯ ЛЮБИТ, ЛУУУУУУУУУУУНЬ!!! — завыл мертвец, оскалившись и брызгая тёмной жижей.

Сердце ухнуло в пятки, мир вокруг поплыл и потерял цвет. Фляжка в нагрудном кармане, полная, но вкус зелья не чувствую. Как вода...

«Ну, раз зомби сказал, тогда другое дело. Авторитетный, блин, специалист».

Не помню, как добрался до моста. Вид, наверное, был у меня тот ещё, так как Хип пискнула испуганно и подлетела, зачем-то трогая мой лоб.

— Собираемся, друзья-учёные. Всё, абздольц. Аналитик, вызывай «вертушку», пора до хаты. — Я добил запас «слезы контролёра».

— Всё так плохо? — Проф оторвался от окуляра какого-то прибора, похожего на чёрную трубу на треноге, но тут увидел мой взгляд и без слов начал собирать разложенные на куске брезента научные штуковины. — Но ничего... успели многое, думаю, этого хватит. Главное, эллипсоид добыли...

— Зомби тебя узнал? — Аналитик удивлённо поднял брови. — Я слышал, что он...

— Помолчите, пожалуйста. — Хип дёрнула Аналитика за рукав. — Потом, ясно?

— Стажёр... ведёшь до цистерны.

— Сделаем.

В себя я пришёл уже в кабине вертолёта.

Со мной ничего не случилось. Ни через день, ни через неделю, но каждую ночь мне снились мёртвый Фугас, воющий в небо, сгоревшая электричка, визг Рэй и испуганные глаза Хип. В Зону пока не тянуло, и я сомневался, что решусь на ещё одну ходку. Девятый день я сидел у окна и наблюдал, как появляются на стекле мелкие бисеринки холодного дождя, сливаясь постепенно в крупные капли, лениво ползущие вниз. Ничего не хотелось делать, мысли исчезли, был только дождь, мерно сыплющийся с тёмно-серого неба.

Скрипнула входная дверь, Хип, сбросив жёлтый дождевик, танцующим шагом подбежала ко мне и хлопнула на подоконник большой конверт.

— Вот, сталкер. Зотов лично выписал семь тысяч баков, прямо на проходной и вручил. Много накопали «ботаники» с той ходки, вроде разобрались даже с поведением зомби. «Плоское мясо» оказалось такой штукой, что весь НИИ на уши встал. В Баре только про тебя и говорят.

— Ага. Спёкся, мол, Лунь.

— Да не! Ништяк, не говорили такого, не парься. Барин обижается, что не заходишь. Вот, просил передать. — Рядом с конвертом нарисовалась бутыль с зельем. — Рэй с Аналитиком в гости хотят зайти, очень ты им понравился. Приколись, они жениться собираются. Везёт...

Хип почему-то вздохнула.

— Как там... проверили?

— Ну да. — Хип поёжилась. — Пусто, и гроб изнутри словно обожжён оказался. Слушай, хватит тебе уже зарубаться по этому поводу, забудь. Зомби болтают фигню всякую, а с Фугасом просто совпадение вышло. Плюнь и разотри. А с «мясом» этим до сих пор разобраться не могут — вроде как живое оно и одновременно нет... короче, Проф сказал, что ровно половина мышей дохнет на нём, а половина полностью выздоравливает, даже хвосты отрезанные заново вырастают. Ну а те, что сдохли, не гниют вообще, как резиновые становятся. Это хорошо, что мы тогда его руками не взяли, Лунь... Лунь!

— А? — Я отвлёкся от созерцания дождя.

— Ты слушаешь меня вообще?

— Ну...

— Ты уже неделю тут сидишь и в окно смотришь, — тихо сказала Хип. — Может, к доктору тебе надо? Сдвинешься ты от этих мыслей, Лунь.

— Я сдвинулся в тот день, когда надумал в первую ходку пойти. — Я усмехнулся. — А к врачам не надо.

Это не лечится. Вот что, стажёр... нужно нам с тобой с Зоной завязывать. Чужая она для нас, Зона эта, там только мертвяки да кровососы жить могут, не для людей она.

— Как же так, Лунь? Почему? Мы больше туда не пойдём, да? И я не буду сталкером?

— Далось тебе это сталкерство, — зло оборвал я. — Что в нём хорошего? Со смертью играть каждый день краплёными картами? Козыри, девочка, в такой игре редко перепадают. И чего ради? Бабок заработать? Да провались они пропадом, грязь эта. Нервы пощекотать? Хватит, нащекотал уже по самое не балуйся! Пойми, там смерть на каждом шагу, за каждым углом, тошнит уже от неё.

— Но ты же в Зоне...

— Да, шестой год. Поверь, этого времени мне с избытком хватило, чтоб понять, что там ни хрена не Диснейленд, как ты, наверное, возомнила.

— Ты за меня боишься, да, Лунь?

Я осёкся. Чёрт, неужели это так заметно...

— Да. Боюсь. Не хочу, чтоб ты была сталкером.

— Не знаю, Лунь. — Хип пристально посмотрела мне в глаза. — Сдаётся мне, что тебя уже тянет в Зону. Как сказал Барин, сталкер — это навсегда. Для меня тоже.

— Ну, тогда ищи себе другого учителя. Сгорел Лунь, всё, кранты.

— Как скажешь. — Хип пожала плечами и едва заметно улыбнулась.

— Решение окончательное! — Я стукнул ладонью по подоконнику. Всё, хватит, надоело, увольняюсь по собственному желанию, выходное пособие в бухгалтерии и запись в трудовой книжке. Я поднялся и пошёл перебрать оборудование. Что-то можно было продать Барину, что-то оставить стажёру на будущее,

отговорить её, судя по всему, уже не выйдет. Сняв со стены «Сайгу», я провёл пальцами по чёрному покрытию приклада, щёлкнул затвором. Состояние отличное, только на цевье глубокая царапина от зубов прыгуна и серое пятнышко — капнуло соком «смерть-ягоды» в Тёмной Долине... невольно вспомнил, как отстреливался в Припяти сначала от группы «Монолита», а потом от королевской плоти, привлечённой грохотом выстрелов. Как вычищал оружие от жидкой коричневой тины — ввалился на болоте в трясину, и вытащила меня тогда «Сайга», точнее, ружейный ремень, наброшенный на корягу. Вздохнув, я убрал оружие в чехол и взялся за «Кольчугу». Потом долго сидел, раскладывая на столе приборы, патроны, кое-какие полезные артефакты. Потом просто сидел, глядя в стену.

А ещё через день топал в компании Хип к Агропрому. Подвалы ПРУ не были обследованы, а я, если не изменяет память, подписался на это задание. Оставлять долги перед уходом не хотелось.

Потом было две ходки в Тёмную Долину. Само собой, последние.

Потом ещё одна в Красный Лес, тяжёлая, опасная, но удачная — добыли «морозный кристалл» и две штуки «гремучего стекла».

Потом... в общем, год пролетел незаметно.

— Что-то рано вы сегодня. — Барин сосредоточенно протирал стойку. — Неужто ночью возвращались?

— Пересидели в схроне. — Я сбросил рюкзак и взобрался на вращающийся табурет. — Приёмка товара работает?

— Круглосуточно. — Бармен поставил на стол два стакана: «отвёртка» со свежим апельсиновым соком

для Хип и сто пятьдесят чистой для меня. — Это за счёт заведения.

— Праздник? — Я глотнул спиртного, жалея, что у этих куцых табуреточек нет спинки — откинуться бы да расслабленно так вздохнуть, потягивая напиток. Нет, не нравятся мне эти табуретки, смех один. Седлушка в две ладони, и крутится, сатана, в разные стороны, и чтоб взобраться на неё, определённая сноровка нужна.

— Да, Лунь, хорошо тебе тогда мозги отшибло. — Барин покачал головой.

— День рождения у тебя, сталкер, — усмехнулась Хип. — Паспорт иногда почитывай, интересная книжка.

— Зотов вчера заходил, записку тебе оставил. — Барин положил на стойку вчетверо сложенный листок бумаги. — Просил передать, что деньги Дохода отправлены. Но там мало что-то, тыщи две всего.

— Да, не густо... — Я положил листок в карман. — Новости есть?

— Бог милостив, нет. — Бармен вторично наполнил мой стакан. — Все, тьфу три раза, живы. Комиссия какая-то через день в воинскую часть приезжает, так что там пока не крутись. Кося намедни со Свалки «щётку» припёр, я сам удивился. Двое новичков прибыли, их «Долг» завербовал. Да, ещё одна группа «зелени» на Агропром ломанулась, всё надеются второй шмат «мяса» достать. Слыхал я, премия за год до десяти кусков в импортной валюте поднялась. Толку-то...

— Знал бы, что такой дефицит, я бы у зомби ещё парочку выцыганил да придержал до поры, — вздохнул я. — Завались «мяса» там было, вопрос, куда потом делось и где зомби его доставали.

— Спроси ещё зачем. — Барин хмыкнул. — Но слухи гуляют разные. Лихо сказал, что после зомбов-

ских стройотрядов на Агропроме кикимор стало — хоть локтями распихивай. Ночью теперь там нельзя, и в подвалы лучше вообще не соваться. Вымер Агропром начисто, ни собак, ни кабанов, даже бюреры исчезли, одни кости валяются.

— Интересно, откуда у Лиха такая информация? Если он кикимор встретил, то как от них смотался?

— Говорит, днём видел. В Институт зашёл, а они под лестницей стоят, дёргаются. Ну, Лихо со второго этажа окно вынес и стрекача, пока не стемнело. Давно, говорит, так не бегал, даже рюкзак бросил. Хрен его знает, трепач он известный, я и не поверил поначалу. После него Гопстоп к коллекторам лазил, но вниз не спускался, вдоль забора шуровал. Намыл хабара немного и на Росток подался. Тоже бает, что живности никакой не встретил, хотя раньше мутантов там было хоть ж... — Барин покосился на Хип. — Короче, хоть одним местом ешь. Этим же местом чую, Лунь, что гробанутся там зелёные. Как есть гробанутся. Дебилы, блин. Ну, давайте, что принесли.

— Я справлюсь. — Хип забрала у меня контейнеры и улыбнулась. — Топай домой, Лунь. Я подарок тебе пока приготовлю на день рождения.

Хип неожиданно прижалась ко мне всем телом, потом долго держала руку.

— Ну, давай иди, а то сюрприза не будет. Но всё будет классно, Лунь, обещаю. Всё, как ты хотел.

Должны были насторожить меня эти слова.

Хип не вернулась к обеду. К двум часам пополудни я уже начал немного беспокоиться: Хип не имела привычки засиживаться в Баре, а магазинов на весь городок было всего два, и вряд ли она столько времени выбирала подарок. К половине четвёртого я не выдержал и пошёл в Бар.

— Ушла почти сразу, как сдала хабар. — Барин пожал плечами. — С каким-то «ботаником», он её тут дожидался.

Нехорошее ощущение усилилось. Подарок, значит?

— Да, закупила патронов к «Сайге», консервов, фильтров. Опять собираетесь куда?

— Нет, — выдохнул я. Ёкарный бабай, что же ты, Хип, вытворяешь. Оставалась слабая надежда, что я ошибаюсь. Нет, не может этого быть, не должно так, нет...

Не помня себя, я рванул к пропускнику.

— Слышь, боец, выходил сегодня кто в Зону? — атаковал я с ходу срочника, скучающего у гермодвери.

— Ну, было двое. Сталкеры.

— Девка была?

— Не. Мужики. — Солдат кивнул на дверь.

— Будет девка — не пускай. — Я облегчённо выдохнул. Не ушла. Чёрт, не ушла... ф-фууу...

Запоздало вспомнил про ПМК, нащёлкал номер Хип. Дурачина, надо было сразу так сделать, а то развёл панику. «Жжжк... жжжк... жжжк», — в широком боковом кармане «Кольчуги». Что за фигня? Почему?

Потом я долго, не понимая, смотрел на два ПМК. Один свой, другой Хип.

— Ещё «вертушка» ушла в Зону часа два назад. Мне Колян говорил, что вроде сталкерша там была, ничё так, симпатичная. На Агропром подались. Спроси на базе, они в курсе должны быть.

— Бояринов?

— Чем могу быть полезен? — Невысокий сутулый «ботаник» открыл дверь и подслеповато уставился на меня сквозь толстые стёкла очков. — Игорь Станиславович, кстати.

— Что же ты, Игорь Станиславович, сука, делаешь, а? Мразь ты... гнида... — Слова давались мне тяжело, но ненависти, тупой, холодной ненависти, что была минуту назад, я уже не чувствовал, остались только усталость и горечь.

— П-позвольте...

— Девочка... она же просто девочка, тварь ты, мясник очкастый, зачем ты её ТУДА отправил, а? Сердце есть у тебя, паскуда?

— Так я ведь... п-позвольте...

— Что тебе позволить, упырь? Чтоб ты дальше людской кровью диссертации свои кропал? — Я ухватил «ботаника» за ворот.

— А кто тебя заставлял её в Зону таскать? — тихо, но твёрдо спросил физик Бояринов, отведя взгляд в сторону. — Не для того ли ты готовил её, сталкер? Ты ведь не только своей шкурой рисковал, ты и девочку эту к смерти в гости водил. Так кто из нас упырь, сталкер Лунь? Ты, уголовник, довёл её до жизни такой, а теперь пришёл и начал истерику разводить. Наигрался в Зону, денег заработал и свалить решил, знаю я, зачем стажёров берут...

Я разжал пальцы, выпустив свитер учёного. Он поправил воротник и даже не с презрением, а с каким-то интересом посмотрел на меня, как смотрят обычно на мелкого уродца Зоны, выкинувшего какой-нибудь любопытный номер.

— По крайней мере я отправил её на Агропром знакомым ей маршрутом, — добавил он. — Не я, так кто-нибудь другой... в Припять, например. Или к Янтарю. До свидания, сталкер.

Дома я рассовал по карманам патроны, наскоро собрал рюкзак, да так и оставил его на полу. Что толку? До Агропрома всего тридцать километров, пустяк вроде бы, но в Зоне прямых дорог не бывает, между

мной и Хип Криволесье и Коржинские поля, там никто не выживет, нельзя там выжить, а в обход идти неделю. От осознания собственного бессилия захотелось выть, но я сдержался, только до крови рассадил кулак о стену. Откуда она узнала? «Всё будет, Лунь», — вспомнил. Вспомнил, как сидел в «тине» и лакал спиртное, а Барин что-то шептал на ухо моему стажёру. Вот спасибо, благодетель, едрёнать, кто тебя за язык тянул...

Бояринов отправил её на Агропром. Знакомым маршрутом, зараза, отправил, добряк, чума на него. Там же кикиморы каждую ночь, там же «тихая смерть» на западе и «злой морок» в зданиях старого института, а в бывшей лесополосе за радиоактивными холмами «мертвоцвет» переливается, гадина... Хип, зачем ты так?..

А ведь прав «ботаник». Скотина я, только о себе всегда думал, под себя грёб, и не доходило до меня, что в каждой ходке, каждой вылазке в Зону не я один жизнью своей никчёмной рисковал. Рядом всегда она, Хип, а вокруг «жарки», «выворотни», «статики», кровососы, «мясорубки», цезий, мутанты и прочая дрянь... сколько раз могли гробануться? Десять? Двадцать? И зачем? Приручил, гадёныш, девчонку, куклу нашёл себе, дурак, игрался в сталкеров, в Зону её таскал. А ведь живая она, живая, и жить ей надо долго, хорошо жить, без этой гадости, подальше от смерти. Надо было сразу её от Зоны оградить, дурак ты безмозглый, в первый же день переговорить с Барином и отправить за Периметр, денег дать или здесь, в городке пристроить. Я вспомнил, как два года назад наткнулся на кровососов в подвале припятской многоэтажки. Три крошечных детёныша и самка, а в магазине «Сайги» пять зарядов вязаной картечи. Мать замерла в пяти шагах от меня, но не нападала, а жа-

лобно дребезжала, вытянув четырёхпалые руки и подняв щупальца. Кошмарная тварь, способная в секунду разорвать меня вместе с «Кольчугой» на парутройку Луней, не отрываясь, смотрела на свой выводок и на ружьё, направленное на детёныша, а те возились и пищали в груде прелых мешков. И надо мне было сначала грохнуть мамашу, а потом раздавить каблуком черепа мелких, ещё слепых детёнышей, уничтожить всех до одного. Не смог я выстрелить, хотя понимал, прекрасно понимал, что вырастет из этих розовато-коричневых комочков и что ждёт сталкера, повстречавшего взрослого кровососа на узкой тропинке. Стыдно потом было так, что никому в этом слюнтяйстве до сих пор не признался. Не головой ты думаешь, сталкер Лунь, а каким-то совершенно другим местом. Из этого же бездумного слюнтяйства и девчонку загубил. Ещё на что-то надеешься, что выйдет, что справится... какая может быть надежда? Нет надежды за Периметром, а в Зоне и подавно, а всё равно надеешься, дурак...

А ведь дала мне судьба подарок, редкий, драгоценный дар. Был ты всю жизнь одинок и никому на фиг не нужен, разве что «ботаникам» в качестве живого робота в Зону ходить. Хип вот встретил, одна была радость в жизни, один просвет в бесконечных тучах, в дерьме этом, в Зоне. Она тебе верила, Лунь, согревала постель ночами, старалась сделать так, чтоб тебе хорошо было, из «тины» вытаскивала, о себе не думала... а ты? Много ты ей добрых слов сказал? Часто спрашивал, хорошо ли ей, что у неё в душе делается?

Горчайший ком задавил горло. Ну почему вот так всегда, задним умом понимаешь, что надо было сделать, чтоб не допустить беды, чтоб не потерять то, что раньше не умел ценить?

На компьютере просмотрел задания. На Агропром были, но только через неделю. Набрал адрес Снопа, но тот оказался заблокирован. Никак мне до Хип не добраться. Разве что... да, говорил Барин о группе новичков, точно, говорил. Можно выйти на связь через него, а там за деньгами я не постою, только нашли бы и постарались вернуть.

— Это, Лунь... короче, гробанулись они ещё на подходах. — Барин пощёлкал клавиатурой, вздохнул. — Через ПМК детекторы передали, что влетела вся «зелень» в «давилку». Ума не приложу, как это вообще возможно — аномалия заметная, яркая. Головой они там, что ли, повредились?

— Слушай, Барин, а сколько стоит вертолёт в Зону отправить?

Барин посмотрел на меня со странным выражением.

— Ты что, сталкер? Забудь даже думать... в другое время, может быть, и попробовал бы договориться, и то с сомнительным успехом. Сейчас это вообще дохлый номер — инспекции понаехали, чума на них. И не хорони ты её, понял? Она год с тобой ходила, Лунь, чему-нибудь, да научилась, а насчёт Агропрома брешут, наверное, успокойся ты.

Держаться я уже не мог и, попрощавшись с Барином, вышел на улицу. С неба сыпал обложной дождь, и хотелось думать, что это дождевая вода течёт по лицу, только вода. Сталкеры не плачут.

Хип не вернулась на следующий день. Не вернулась она и на вторые сутки. И на третьи. Вертолёт, который должен был забрать её у той самой приметной цистерны, взял одни только самописцы и напрасно прождал Хип несколько часов. Пилоты, сволочи, наотрез отказались принять меня на борт без разрешения «ботаников». К исходу четвёртого дня я

надрался в Баре и что-то там натворил, не помню, что именно, но ссадины на костяшках пальцев и обширный фонарь под правым глазом, а также два сломанных стола указывали на то, что в заведении велись боевые действия. Плевать. Окружающий мир потерял цвета, словно перед Выбросом, горло давило в невидимых тисках, и особенно невыносимо было возвращаться в пустую, холодную квартиру и лежать на пустой, холодной кровати, разглядывая одну и ту же трещинку в побелке.

Зажужжал ПМК, я пролистал сообщение. «Привет, сталкер. Слышал я, что случилось. Вертолёт к Янтарю направляется через пару часов, по пути выкинет тебя на Агропроме, я договорился. Поспеши, ждать не будут. Проф». Спасибо, профессор. Схватив рюкзак, я покидал в него консервы, аптечки, патроны, кинул на плечо «Сайгу», сгрёб в охапку «Кольчугу» и рванул из дома. Как же я сразу не допёр, что жива Хип, ждёт меня там, может, ранена или прячется от кикимор в старом схроне. А я сижу здесь, мерзавец, в потолок пялюсь. Бегом, бегом...

— Далеко собрался, сталкер? — окликнул меня странно знакомый голос, когда я выбежал из подъезда и устремился к НИИ.

Я обернулся.

У крыльца стояла Хип. В обожжённой, грязной «Кольчуге», исхудавшая, бледная, с забинтованной рукой. Живая.

— С днём рождения, Лунь. — Хип протянула мне мятую файловую папку с паспортным бланком. — Подарок тебе.

— Пойдём домой, родная. — Я посмотрел в небо, удивительно чистое, синее, какого давно уже не видел в Зоне, и растворился в нём от захлестнувшего душу счастья.

* * *

— Такие дела. Великий был сталкер. — Лихо опрокинул в себя стопку перцовки. — Жаль. Всё Зона, гадина, она довела.

— Девчонку жалко. Привыкла она к нему, до сих пор убивается. Сбрендил-то он всего за день до её возвращения, — добавил Фреон. — Отчего так, дружище, настоящие люди страдают, а всякая погань, — сталкер неприязненно покосился на Саранчу, — живёт и здравствует.

— Что врачи говорят?

— Не узнаёт никого, бормочет что-то и счастливо так улыбается, — вздохнул Лихо. — Радостно ему, глаза так и горят... всё что-то про Зону, Фугаса, земля ему пухом, а чаще с Хип разговаривает, по ночам особенно. Совсем плох.

— Я к нему в больничку заходил... фруктов там, и прочего передать. — Барин задумчиво покусал ус. — Узнал он меня, мужики.

— И чё сказал?

Барин невесело усмехнулся:

— Любит, говорит, тебя Зона, Барин. К чему бы это, а?

ЧАСТЬ 2. ЗВЕЗДА «ПОЛЫНЬ»

Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «Полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

Апокалипсис Иоанна

Зоны больше не было.

Не было смерти. Остались только мы. Я и Хип. А там, где раньше была выжженная трава, где росли изуродованные радиацией деревья, где от воды поднимался ядовитый туман, и бродили чудовища Зоны, теперь раскинулся чудный, прекрасный сад...

Тёплый, сухой ветер блуждал в кронах стройных зелёных деревьев, сверкали быстрые, как вздох, прохладные ливни, нежное эхо отзывалось шуму падающей с неба чистой, вкусной воды. Мы любили сидеть на веранде, пережидая краткую непогоду под шиферной крышей, чтобы потом, огласив окрестности ликующим воплем, бежать к лесному озеру или, выпив настоянного на дикой мяте чая, неспешно прогуляться в тени старых аллей, послушать шёпот вековых деревьев.

Прошлое забывалось, как дурной, неприятный сон, остатки кошмара выветривались из памяти. Я уже не верил в то, что Зона существовала. Она ещё снилась мне иногда, и я боролся с ней, изгонял её из своей памяти. Зона уходила...

Но сны оставались. Они отравляли то счастье, которое я нашёл в тот день, когда Хип вернулась, когда исчезла в небе вечная хмарь и растворились в небытии серые дома, аномалии, монстры. Поэтому я был осторожен. Я сдерживал свои эмоции — крик радости, любое резкое движение и даже просто громко сказанное слово, и мир снова становился серым, невзрачным, а воздух — прогорклым. С лица Хип исчезала улыбка, и я видел её не в привычном ситцевом платье, а в сталкерском комбинезоне, и счастье в её глазах сменялось горечью и усталостью. Дом, наш чудесный маленький домик, становился чужим, и вместо соснового бора и реки я видел за слепым окном бесконечное туманное болото.

— Он очнулся, Доктор...

— Это временно, девочка... боюсь, всё слишком серьёзно...

Я ненавидел Доктора. Это он вызывал жуткое, бледное существо с деформированной рукой, которое вырывало, выцарапывало меня из обретённого рая, проклятый монстр держал меня, не давая вернуться. Доктор и эта тварь всегда приходили вместе, и каждый раз кошмары становились всё более реалистичными и продолжительными. Подробными. Эти двое отбирали у меня мой радостный, солнечный мир.

Так случилось и на этот раз. Только что я лежал на густой траве лесного пригорка, жмурясь от солнечных лучей, и вот трава уже вовсе и не трава, а смятое одеяло, а вместо солнца в глаза светит маломощная лампа. Проклятье... опять...

— Убью... твари...

— Вот это лишнее, Лунь. — Доктор покачал головой. — Но определённый прогресс уже есть. Меня видишь?

Я не ответил, но Доктор удовлетворённо кивнул.

— Видит. Поговори с ним, Хип. Думается мне, вытащим мы твоего Луня.

Хип... они и тебя мучают. Какие глубокие тени под глазами, а сами глаза красные, плакала, наверно... значит, не одного меня посещают кошмары. Странно только, почему она не смотрит на белокожего, тощего монстра, сгорбившегося возле моей кровати, монстра с таким жутким, сверлящим взглядом единственного чёрного глаза.

— Прости меня, сталкер. Если бы я знала, что так всё обернётся...

— Ничего, прорвёмся, стажёр. — Я криво улыбнулся. Какой реальный, осязаемый кошмар. Хип улыбнулась в ответ такой знакомой, усталой улыбкой. Я сжал ладонь девушки и закрыл глаза. Мне нужно было уснуть, чтобы проснуться уже там... но я просто уснул.

— Ты точно в курсе, куда идти? Слушай, если бы я знала, что эта твоя Зона такая гадость...

— Ага. Лучше по вокзалам шариться и на гармошке играть. Не, Хип, ты как хочешь, а я дальше пойду. Вот, вроде по карте всё правильно, холм, водонапорная... километра два осталось до базы.

Хип? Да, она... и ещё какая-то деваха. Странно. Я попытался окликнуть их, но ничего не получилось. Логично. Это ведь просто фильм... а я-то дурень! Должно быть, кинооператор сейчас смеётся там, в своей каморке, над чудаком-зрителем, сидящим посреди Зоны и болтающим с экранными персонажами. Я обернулся. Нико-

го. Кинотеатр в Припяти пуст и заброшен, рассыпаются гнилые сиденья, в прореху крыши смотрят звёзды, черным-черно в окошке «кинщика», там уже давно нет ничего, кроме плесени и отсыревшего мебельного хлама...

— «Свобода» — это круто, Хип... — продолжала тем временем невысокая, щуплая девушка в жёлтой болоньевой куртке и с такими же жёлтыми, как лимон, крашеными волосами. — Ни ментов, ни уродов всяких... Воля! Никто над душой не стоит... Город-сказка, город-мечта, попадая в его сети... тата-тара-татата...

— Да. Супер. — Хип поморщилась. — Слышь, Килька, а вдруг придём, а там твоего кекса нет и не было вообще? Во ништяк будет! Типа: «Привет, чуваки! Вы такого Колю Пегаса не знаете? Нет? Вот блин... ну, тогда ариведерчи. Пойдём мы».

— Да чё ты на измену подсела? Зануда... — Экран погас, я услышал, как защёлкал кинопроектор — наверное, порвалась плёнка, но невидимая Килька продолжала: — Говорю тебе... ой, ма... мама... МАМОЧКА!!!

И страшный, истошный крик, внезапно оборвавшийся на самой высокой ноте, а потом глухой хруст и звук разрядившейся «воронки»...

Какой плохой, жуткий фильм... зачем вообще такое снимают? Дурак режиссёр, встретил бы, лично морду набил. Нельзя про такое кино снимать. Хорошо, что плёнку оборвало, не хочу смотреть, насмотрелся так, что на всю жизнь хватит. Насточертели уже эти боевики да ужастики, покажите доброе что-нибудь! Экран загорелся снова. Вот это другое дело. Здорово снято, не просто вижу, а как будто даже и чувствую героев...

Ага... Бар. Только темно очень, вроде и лампы светят, а по углам всё равно глубокие тени. Пусто, только Барин скучает у отдраенной до блеска стойки, ожидая

посетителей и от нечего делать листая старый журнал в поисках кроссворда. «Мёртвое» время с шести утра где-то до половины восьмого: кто ещё дрыхнет после вчерашнего, кто в схроне сидит, ожидая поздний весенний рассвет, кто-то только собирается в Зону, и не до Бара ему... Барин вздохнул. Заведение по причине «мёртвого» часа было ещё закрыто, но сегодня не спалось, мешало непонятное, тоскливое чувство, не скука даже, а какая-то маета, неуют, что ли... на простыню словно насыпали крошек, побаливала голова, настроение — оторви и выбрось. Помучившись до половины четвёртого и так и не заснув, Барин сварганил чашку крепчайшего кофе, плеснул в неё немного коньяка и уселся за кроссворды. Потом, не открывая Бар, врубил «иллюминацию» — авось занесёт кого на огонёк, всё не так скучно, — и начал попивать кофей. Постучатся, если свои...

Расчёт оправдался. В дверь негромко постучали, и вскоре у барной стойки усаживался на табурет Грызун, сталкер, ещё недавно числившийся в «зелёных». Молодой, но уже заросший до самых глаз редкой рыжей бородой, из которой торчали узкий нос и вечно оттопыренная верхняя губа. По этой причине собеседник Грызуна всегда мог видеть пару резцов, широких, квадратных, пожелтевших от постоянного курения и напоминающих картинку из учебника по зоологии. С именем Грызуна сталкеры определились сразу, в тот же день, как только новичок первый раз перешагнул порог Бара.

— Здорово, бездельник. — Барин закрыл журнал, кивнул в сторону «батареи» бутылок. — Будешь чего? Ах, я и забыл, что ты у нас трезвенник-язвенник.

— Не люблю я это дело... — вздохнул Грызун. — Пьянка есть добровольное упражнение в безумии. Если и выпивать, то поменьше и пореже. И только если нужда в этом есть.

— Ты б лучше курить бросил, чудик. И вообще у меня здесь не пьют, а лечатся.

— М-да... знаешь, Барин, если уж лечиться, то как у тебя насчёт перцовки? По ходу, просквозило меня конкретно. Всю ночь на кране в кабинке просидел, семь ветров, блин, и дождь этот долбаный. Заболел я, по ходу.

— Ну, ты талант. — Барин покрутил пальцем у виска. — Какого демона ты вообще туда полез? Подвала подходящего не было? А ежели Выброс? Не, Грызун, не хочу каркать, но нарвёшся ты как-нибудь в Зоне... экстремал хренов. Белкой тебя надо было назвать.

— Наверху оно безопаснее. Тварь никакая не залезет.

— Насчёт тварей это ты зря. Контролёру и лезть не надо, сам как миленький к нему спустишься, да и полтергейсты в последнее время расплодились. Лысого помнишь? Так вот, его именно на верхотуре и схарчили, тоже небось думал, что «наверху оно безопаснее».

Барин покачал головой, вздохнул и достал из шкафчика бутылку «Особой с перцем», налил половину стакана. Грызун долго смотрел на выпивку, видимо, собираясь с силами, затем судорожно выдохнул и выпил в два больших глотка. После чего скривился и начал быстро щёлкать пальцами. Барин понял и пододвинул тарелку с маринованными огурцами.

— Ох... зар-раза...

— Привыкай, Грызун. Здесь как? Не пил — начнёшь... не курил — закуришь... в штаны не клал — будешь...

— Да ну тебя в баню, товарищ. — Грызун отдышался и жестом попросил повторить. — Шуточки у вас... лучше глянь, что я на Дикой нарыл. Такой штуки нигде больше нет, зуб даю. Артефакт.

И Грызун поставил на барную стойку стакан. Обычный советский «граненец» со странными серыми росчерками на боках и присохшей грязью на дне.

— Ты бы мне лучше пару тарелок припёр. — Барин скептически хмыкнул. — Побили недавно несколько штук, а купить руки не доходят. И что в нём такого интересного?

— Побили, говоришь? Ну, этот стаканчик уж точно не раскокают. Пятнышки видишь? Это я по нему дробью садил. Свинец на стенках остался.

— Чем больше я с тобой общаюсь, Грызун, — Барин взял стакан, повертел в руках, — тем больше убеждаюсь, что ты раздолбай. Редкостный. Ты ствол с собой таскаешь, чтоб патроны жечь? Денег много?

— Да не... это я в порядке эксперимента. Вначале-то я его ботинком вдарил, мимоходом, так, слегонца. Ну, он не разбился, я тогда об стену его. Ё-макля, целый! А с дробовика уже потом. Звенит только, и хоть бы трещинка.

— Где нашёл?

— На Дикой, говорю же... в столовке заводской бывшей. Точнее, не в самой столовой, в зал не совался, ну его на фиг, там на полу лохмотья какие-то чёрные и воняет зверски, в общем, стрёмное местечко. Я его... это... на кухне взял. Через окно залез, мерцало там за котлами, думал, арт какой-нибудь, оказалось, просто «свет-плесень». Разрослась, зараза, что твой куст, так и сияет, а рядом стакан этот валяется. Ну... дальше знаешь.

— Интересная вещица. Сколько стоит, сказать не могу. — Барин постучал стаканом о край стойки. — «Ботаникам» передам, а там уж как повезёт. Может, просто десятка, а может, и десятка косарей. Не угадаешь. Завтра выясним. Да... того... не фонит он случаем?

— Чистый... только тепло от него идёт, если постучать. Даже сквозь рюкзак спину грел.

— Действительно, артефакт. Ну, ещё будешь?

— Не, хорош на сегодня. Пойду я, Барин. Совсем мне что-то хреново. — Грызун вытер тыльной стороной

ладони пот со лба. — Колбасит не по-детски. Простыл, чёрт... отлежаться бы.

— Выздоравливай.

Грызун ушёл, а Барин снова взял стакан и начал его рассматривать. Хмыкнул. Вновь постучал о стойку. И вдруг отбросил инстинктивным движением, вздрогнул. Лицо на секунду скривилось в крайнем отвращении, но Барин тут же с удивлением поднял брови.

— Чего это я... странно. Странно...

И бармен начал тщательно вытирать руку полотенцем, не сводя глаз с закатившегося под столик стакана. А я слышал, как тоненько, хрустально позванивает воздух над гранёными боками, и видел, как вспыхивают на стекле почти невидимые паутинки малиновых разрядов...

До чего же паршиво... я сидел на кровати и вот уже минут пять ждал, когда же наконец перестанет кружиться голова. Состояние было похоже на знаменитый «вертолёт», знакомый всем, кто перебрал лишку и пытался после этого заснуть: закрываешь глаза — мутит, пялишься на потолок — он убегает куда-то в сторону, а кровать под тобой превращается в центрифугу, медленно набирающую обороты. Разница была в том, что я не пытался заснуть, а скорее, наоборот. Вот только получалось это не так быстро, как хотелось бы.

Первый раз я отрубился, как только открыл глаза — серая пелена застила свет при первой попытке занять вертикальное положение. Вторая была удачнее, но я всё равно потерял сознание, хорошо, хоть на пол не свалился. Сейчас я пробовал не вырубиться в третий раз, и на это уходили все силы. Точнее, то немногое, что от них осталось.

Должно быть, я сейчас красавец. К зеркалу, ясное дело, подойти я пока не мог, но вид собственных рук, бледных, костлявых, с выступающими венами и трясущимися пальцами, говорил о многом. Лицо на ощупь тоже было интересным — щетина, давно превратившаяся в бороду, и глубоко ввалившиеся щёки...

Мысли, вялые, густые, как патока, текли медленно и лениво. Кто я? Где я? Хорошие вопросы... мутная одурь не давала сосредоточиться ни на одном из них, и поэтому я просто осмотрелся, благо, комната закончила уже свою бешеную свистопляску.

Когда-то крашенная белой краской, но уже сильно облупившаяся дверь. Панцирная койка в углу, аккуратно заправленная, с шерстяным одеялом и плоской, «казённой» подушкой; на наволочке видна синяя, размытая после многочисленных стирок печать. Три застеклённых шкафа — два с книгами, третий занавешен изнутри белой тряпкой. Репродукция «Моны Лизы». Её мягкая, загадочная улыбка сейчас казалась ироничной: «Что, сталкер, хреново?»

— Есть немного, — просипел я.

Интерьер вроде знакомый, где-то видел... вот и столик узнаваемый, с парой детективов в мягких цветастых обложках, плетёный, ветхий на вид стул, циновка на полу. А вон там в прошлый раз сидела Хип, возле подслеповатого окошка. И запах знаком, болотом припахивает и ещё какой-то медициной. Больничка, похоже.

До двери я добирался как гордый лев. В смысле, на четвереньках. Занять вертикальное положение у меня не получилось — пол буквально выворачивался из-под ног, и я довольно чувствительно приложился об него после первых двух шагов. Три с половиной метра до двери превратились в марафонскую дистанцию — я окончательно обессилел и улёгся на бок. Доски пола приятно холодили кожу, в остальном же

удовольствия было мало: сердце колотилось о рёбра, снова начала накатывать пелена, не хватало воздуха. Да-а... что же это со мной такое?..

— Ну, короче, случай был. Не поверишь! — Знакомый тенорок. Никак, Кося?

— Не поверю, — согласился хриплый бас.

— Да погоди ты. На Свалке это было...

— А у тебя всё только на Свалке и происходит. Врёшь, так уж хотя бы ври интересно.

— Да правда, ей-богу! Слепых псов видал когда-нибудь?

— Не, не видел ни разу. Вчера родился...

— Невыносимый ты человек, право слово. Дослушай сначала, а потом трынди, чего хочешь. Короче, видел я слепыша одного. Аж мурашки по коже... две головы, представляешь!

— Удивил...

— Да не, не как обычно, спереди. Это бывает. А у того вторая башка вместо хвоста, чисто сзади торчит, маленькая такая, и с глазами, блин. И ещё тявкает, представляешь! Хотел я в эту тварь шмальнуть, да патрон перекосило.

— Скажи уж, промазал. Я тоже мутанта одного встретил. У него наоборот всё — две задницы. Одна снизу, как полагается, а вторая вместо головы. Чисто сверху торчит. С глазами. Тявкает без перерыва.

— Да ты гонишь!

— Чего мне гнать. Вон зеркало в прихожей, погляди на него, если раньше не видел.

— Иди ты к такой-то маме. Задолбал... — Кося обиделся, умолк, и из-за двери доносились только редкие шорохи. Я с трудом приподнялся и толкнул дверь. Она была не заперта.

Так и есть. Кося. Только вместо привычного заношенного комбеза он был облачён в синие кальсоны

и затрапезного вида мятую футболку. Плотная повязка-чепец скрывала обширную лысину, а там, где тайные науки предполагают наличие «третьего» глаза, на повязке темнело бурое пятно. Довершала картину рука в гипсовом лубке. Его неблагодарный слушатель был мне не знаком, хотя отдалённо напоминал Сиониста и вполне мог бы быть его братом. Горбатый носище, смуглая, словно от длительного загара кожа, хотя какой, к чёрту, в Зоне может быть загар кроме лучевого, кудрявая, угольно-чёрная борода и совершенно лысый череп. М-да, колоритный персонажец. Оба молча воззрились на то, что раньше было сталкером Лунём.

— Лунь. Бывший. Я про него рассказывал, — вздохнул Кося после долгого молчания. — Полюбуйся, во что человек превратился. Зомби натуральный.

— По мне, лучше сразу гикнуться, чем вот так, овощем жить, — пробасил второй. — Ну что, Доктора покличем или уж сами до кровати донесём?

— Да ну на фиг... ещё цапнет. Вроде не буйный, а там чёрт его знает. Я, знаешь, боюсь всяких психованных. Зови Доктора.

— Не дрейфь, Кося... кусаться не буду. Гадость всякую в рот тащить не приучен, — полушёпотом произнёс я. — А ты, мил человек... помог бы овощу подняться. Несолидно как-то... на четвереньках... люди смотрят.

— Никак, очухался. Ну, ё-моё! — промычал Кося.

Его сосед без разговоров подал руку.

— Куда тебя?

— На воздух... я Лунь буду.

— Зови Скифом. Ты как?

— Бывало и лучше...

Скиф кивнул и без труда выволок меня на улицу, усадил на самодельную лавку. Я закрыл глаза и просто

дышал напоенным запахом болота, но всё же свежим воздухом. Дурнота медленно, но верно отступала. Психованный, значит? Поганые, видать, мои дела...

— Как чувствуете себя, Лунь?

— Пациент скорее жив, чем мёртв. — Я вяло, через силу улыбнулся Доктору. Надо же, совсем не изменился. Только что очки носить перестал, и бородка чуть подлиннее стала, а так всё, как и раньше. Даже вроде халат тот же самый, и трубка знакомая, шикарная, фарфоровая. Зачем она Доктору, было неясно, он принципиально не курил, однако не расставался с трубкой, постоянно крутя её в пальцах или задумчиво покусывая мундштук. Халат, снежно-белый, отглаженный, неизменно чистый, под цвет совершенно седых, коротко стриженных волос. Болотный Доктор. Приходи к нему лечиться и химера, и волчица... странный он человек. И это мягко сказано.

— Вот и чудненько. — Доктор улыбнулся. — Думается мне, что кризисов уже не будет. Кроме того, я более чем уверен, что психически вы, Лунь, почти здоровы.

— Почти?..

— Именно так. Совершенно здоровых на голову хомо в подлунном мире нет, знаете ли. И вряд ли когда такие особи существовали. — Доктор описал в воздухе трубкой замысловатый вензель. — Анамнез вполне благоприятный. Прогресс наметился ещё два месяца назад.

— Спасибо.

— Не по адресу, Лунь. Психиатрия — не мой конёк. Тебя Пенка вылечила, ее и благодари.

— Спасибо и за то, что правду не говорите. Не лечится такое, Доктор.

— Слушайте, Лунь, — Доктор взглянул мне прямо в глаза, а взгляд у него тот ещё, это видеть надо, до костей пробирает, — я вам когда-нибудь врал? Нет? Зато вы вот умнее меня в этом вопросе, так ведь получается? Книжек поменьше читайте медицинских, ибо без соответствующего образования они вам только во вред. Все болезни у себя найдёте и в самом деле сляжете. Но... кое в чём вы правы, да... не лечится. За Периметром. А Зона, братец ты мой, не только калечит. Она и лечить умеет иногда.

— Хип...

— Да. Девочка эта... хм. Впечатлён, сталкер. Чем же вы её так покорили? Дневала и ночевала возле койки вашей. Кабы не она, так и сгнил бы Лунь в какой-нибудь психушке, а то и в канаве, что в этой стране более вероятно. На себе по болотам вас тащила. Сионисту спасибо, пособил, иначе б не справилась. Спит она сейчас, не тревожьте её пока. Да и вам поспать не мешало бы. Сон и хорошее обильное питание — вот и всё, что вам сейчас нужно. Ну, может, Пеночка вас ещё пару раз понаблюдает, на всякий случай.

— Монстр... с белой кожей. Помню. Кажется...

— И это говорит сталкер, который пожалел выводок кровососов в Припяти. И который не стал стрелять в раненого излома, а вместо этого оставил ему полбатона хлеба, кусок колбасы и перевязочные пакеты. Вас ли я слышу, уважаемый? Монстр... словечко-то какое. — Ох уж этот взгляд Доктора. Не случайно многие сталкеры не считают его за человека.

— Слухами земля полнится, — с улыбкой ответил Доктор на мой ещё не высказанный вопрос, мягко хлопнул меня по плечу и ушёл в дом. Отвалившуюся челюсть я вернул на место только через пару минут. Откуда он знает?!

* * *

Ходка была не очень удачной. Да чего уж там, вообще никакой была эта ходка. Ни одного, даже самого захудалого артефакта не нашлось за целых три дня блуждания по Тёмной Долине. И Выброс вроде был, и места хорошие, «грибные» места, хабар пусть и не мешками раньше валялся, но из Долины я возвращался всегда с уловом. Не в этот раз, правда. Голяк полный... А если уж не везёт, так не везёт во всём: я сидел в подвале разрушенного здания и ждал, пока рассосётся на лестнице блуждающий «трамплин». Когда он успел там появиться, как я прощёлкал первые признаки зарождающейся аномалии, просто ума не приложу. Нет, не прощёлкал. Не было этих признаков, ни одного! Пылищи здесь море, а она лучше всякого детектора на «трамплин» реагирует: за час-полтора до «рождения» начинает эта самая пыль разные фокусы выделывать. Может потечь, как вода, ручейками такими серыми, может вверх постреливать крошечными фонтанчиками, как будто лупит по ней невидимый ливень. Это ещё не страшно, можно и пройти по этому месту, почувствуешь только, как в подошву постукивают бессильные пока ещё гравитационные удары. А вот когда зашумит над будущей аномалией, ухнет тяжко воздух, и пыль взлетит клубами — всё, не ходи дальше, сталкер. Костей не соберёшь...

— Скотобаза ты, — с чувством сказал я «трамплину». — Нехороший человек. Редиска.

«Редиска» разлеглась во всю ширину лестничной площадки, выпустив длинный «язык» на саму лестницу и, больше чем уверен, расположившись ещё и за дверным проёмом. Вот он, прямоугольник серого неба, пять шагов до него, переплюнуть можно, однако же выход сейчас так же далеко, как и просвечивающая сквозь облач-

ную пелену молодая луна. Обширный «трамплин», и не сказать, чтобы очень мощный, но чтоб по стенкам меня, грешного, расплескать, силёнок у него хватит с избытком. Одна надежда, что рассосётся аномалия через энное количество часов, уж больно ретиво с пылью играется, дверь вон в труху перетёрла и даже кафель с пола повыдергала. Постоянный «трамплин» так не делает, лежит себе спокойненько, только воздух над ним волнуется, да ещё, пожалуй, изредка может камешком пульнуть. О том, что энное количество часов может быть от трёх и до... м-м-м... сколько в месяце их, часов-то?.. я старался не думать. Как, впрочем, и о том, что временный «трамплин» имеет неприятную привычку сползать пониже. К примеру, в подвал.

Я провёл ревизию запасов. Патроны все на месте, ни одного не сжёг. Тушёнки три банки. Два сублимированных батона в вакуумной упаковке. Колбаса — полкило варёной стерилизованной, тоже в вакууме, но употребить её всё-таки надо пораньше, и «Московская» с.к., грамм четыреста. С этой ничего не сделается, сухая до звона и прокопчена как следует. Сгущёнка, одна жестянка и три тубы. Полезнейшая вещь в Зоне, если подумать — энергетическая ценность такая, что лучше и не придумаешь, после нагрузок самое то, как и шоколад. Барин, помнится, посмеивался, сластёной называл, однако же вскоре начал коробками заказывать «горький чёрный» и «молочный с орехами» — с моей лёгкой руки популярность этого продукта росла постоянно, и всё больше сталкеров в дальние ходки стали брать с собой пару-тройку плиток. С продуктами не ажур, но и не полный капец. Здесь беды не будет. Что с водой? Эх-х, за-ра-за...

Литра полтора всего. Дистиллятор с собой, да хрена ли в нём толку в этом подвале. Слышал я, хотя и не пробовал, что вроде можно пить то, что обычно за

кустом выливают, но только первые два раза, дальше пойдёт чистая отрава. Ещё пару раз можно это дело через дистиллятор прогнать, прежде чем фильтры убьёшь. А дальше? Ладно, будем надеяться на лучшее.

Снаружи, совсем рядом, сухо и хлёстко раскатилась автоматная очередь. По звуку выстрелов я узнал АКСУ. Стараясь не шуметь, я быстро перебрался в угол подвала, так, чтоб меня не было видно с улицы. Мародёры в Тёмной Долине были обычным делом — шакальё часто устраивало засады на «чистых» тропинках, да и свой брат-сталкер, не отягощённый совестью, вполне мог выстрелить в проходящего мимо одиночку или «ботаника». Может, даже и хорошо, что образовался «трамплин» на лестнице — расклады, получающиеся при встрече с мародёрами, всегда бывали гнилыми. При плохом раскладе ты запросто мог словить пулю — без комментариев. Или же твою пулю ловил вражина, а стрелять в человека, хотя бы даже урода, это, ребята, действительно страшное дело. Говорят, привычка нужна, да только стрелял я, и не раз, а вот привычки так и не заимел.

Минут через пять снова раздались выстрелы, короткая очередь, затем отчаянный вопль «Ах мать твою...» и звук, как будто об пол шмякнули кило маргарина. Глухой стон, шорох и затихающее бормотание. «ХххшшшшзззззуУУУФ!» — подал голос «трамплин». Неужели сдох? Ну, точно — по лестнице с задорным цоканьем поскакала мелкая, ещё не сформировавшаяся «медуза». Я подождал ещё минут двадцать, затем, пригнувшись, выбежал из подвала и спрятался в густом кустарнике. Осмотрелся.

Возле поваленного бетонного забора ярко выделялось большое оранжевое пятно. На асфальте застывали два длинных красных ручейка. Рядом распотрошённый рюкзак и ремень с контейнерами и пустой кобурой для «ма-

кара». Ножом срезан наискось, чтоб с пряжкой не возиться, она у «ботаников» мудрёная, с особым зажимом... эх, бедолага...

Второй труп лежал чуть дальше, у рассыпающейся подстанции. Именно труп — живой человек под таким углом вывернуть голову не может. Не говоря уже о том, что голова эта была буквально продавлена страшным ударом в лоб, таким ударом, что выскочили из орбит глаза, а на дорожке подсыхали жирно-блестящие, жёлтые шматки и кровавые брызги. АКСУ валялся рядом. О мёртвых плохо не говорят, но тварью ты был, парень. Поделом тебе. На «ботаника» руку поднял, сволочь, каким же отморозком быть надо, чтоб на такое решиться. В трансформаторной кто-то хрипел. Я подошёл ближе, держа под прицелом дверной проём. Мало ли кто там сидит... тем более что мародёр скончался явно не от огнестрела.

В полутьме трансформаторной будки лежал на боку излом, неловко подвернув гигантскую руку и подтянув колени к груди. На меня смотрели наполненные болью и обречённостью глаза. На свободном плаще влажно поблёскивало большое чёрное пятно.

— Н-не... стрреля-ай, сста-алкерр, — прохрипело существо, закрыло глаза, и губы на странном, вытянутом, но всё же почти человеческом лице зашевелились. Это было невозможно, но мне вдруг почудилось, что излом м о л и л с я...

— Как пользоваться этим, знаешь? — Неправильно я делаю, ох, неправильно, это же мутант, тварь, чудовище Зоны, но рука уже достаёт из кармана перевязочные пакеты. Надо стрелять, а не могу... слюнтяй...

— Даа-аа, — эхом отозвался излом.

— Вот ещё... здесь оставлю. — Уже презирая себя, я положил на асфальт батон и колбасу. — Слышал, регенерация у вас после еды вроде как веселее идёт.

— Да-ааа...

Я развернулся и успел отойти на несколько шагов, прежде чем услышал, или мне это просто померещилось.

— Спасибо...

Об этом я никому не говорил. Даже Хип. Может, выболтал в бреду? Может быть... на какие же слухи намекал Доктор? Я вдруг ясно представил себе Седого из «Долга», с перекошенным от гнева лицом, почти ощутил удар под дых и услышал яростный, захлёбывающийся шёпот: «Ты что, сука, творишь?! Дебил долбаный, кого жалеешь? Он отлежится, а потом, может, тебя же в лоскуты порвёт и твою Хип заодно... гнида... спасатель хренов. Мутантам помогаешь? Повесить тебя за это, гад, мало, ты хуже предателя, хуже мрази последней...»

— Где Лунь?!

— На улице... да успокойся ты, девка, оклемался твой сталкер, сидит вон, загорает.

В серо-зелёной молнии, выскочившей из двери, я поначалу и не признал стажёра. Хип чуть не сшибла меня с ног, благо, теперь это сделать было совсем просто.

— Лунь!!!

— Задушишь, стажёр... отставить объятия. Да, и нюни тоже. Помнишь, я тебе коробочки выдал под них? Ну, чего разревелась?

— Вернулся... ты вернулся. Мне Доктор сказал... я ждала, верила, Лунь, что ты справишься. Как же... мне... п-плохо б-б-без т-т-те...

Хип попыталась сказать что-то ещё, но голос её не слушался, и она просто уткнулась лицом мне в плечо. Я погладил её волосы, вздрагивающие плечи...

— Ну, привет, Хип. Здравствуй, родная. — И так хорошо, светло стало на душе, словно зажглось в груди маленькое солнце и разогнало тяжёлые, серые тучи.

— И они воссоединились вновь! — гаркнул выглянувший в окно Кося, но чья-то рука, наверно, Скифа, ухватив крикуна за шиворот, пару раз хорошенько встряхнула. Кося заткнулся.

— Даже и речи быть не может, уважаемый! Пока будете жить у меня, и точка! — Доктор хлопнул по столу ладонью. — Вы посмотрите на себя, Лунь. Вас же, извиняюсь, ветром качает! Ишь, чего придумал — идти... никуда не пойдёте. Как врач я вам запрещаю!

— Но ведь я здоров. Сами сказали.

— Да. Но вы предельно истощены! Идти в таком состоянии через болото — чистое самоубийство.

Доктор пододвинул мне ещё одну тарелку.

— Извольте съесть. Овсянка, сэр. Да, и не забывайте про белковые галеты. Режим дня повешу над кроватью. Будьте добры соблюдать.

Спорить с Доктором в таких случаях было бессмысленно. Я пожал плечами и послушно принялся за вторую порцию.

— Хорошая жратва, она кого угодно на ноги поставит, — глубокомысленно изрёк Кося. — Вот, помнится, случай был с одним моим знакомым. Пожирал мужик всякую хрень, лапшу китайскую, консервы, не готовил ни...

— Слушайте... — Доктор отвлёкся от чтения, взглянул на Косю. — Вы вроде не злобный и не вредный человек. Нет у вас, кажется, ни одной по-настоящему гадкой черты. Но от выслушивания ваших сентенций у меня возникает стойкое к вам отвращение. Будьте так добры, помолчите, пожалуйста. Спасибо.

— А чего я такого сказал-то?

Доктор вздохнул и снова принялся за изучение толстенного институтского журнала.

— Хм... Любопытно. Недавно открытые свойства артефакта «стеклянный шар» доказывают теорию существования торсионных полей. Вы не находите это... гм... несколько забавным, коллега?

— Насколько я помню, — Скиф помешал чай ложечкой, не торопясь отхлебнул, — эта теория была ошельмована официальной наукой. Многие маститые профессора заявили, что никаких торсионных полей нет и быть не может. Соответственно, учёный, исследовавший этот самый «стеклянный шар», в очень скором времени получит по голове, и чем больше доказательств приведёт, тем больнее получит. Маститые, как правило, очень не любят признаваться в том, что они оказались в положении «соврамши». В следующем номере ждите статью с опровержением.

— Боюсь, что так оно и будет. — Доктор печально вздохнул. — По-видимому, у вас там такое же болото, как и в тот день, когда я покинул кафедру экспериментальной медицины.

— И очень зря вы это сделали, профессор...

— Доктор!

— Простите, Доктор. Вы бы подумали над тем, чтобы вернуться. Ваши знания, опыт, они бесценны!

— Знания и опыт шамана? Да-да, именно так меня окрестил академик Смирнов, не удивляйтесь, статья в тридцать шестом номере «Докладов», почитайте на досуге. Да и что я там буду делать, скажите на милость? Научные методы, которые годились на Большой земле, в Зоне просто неприменимы! А в чужой, да-да, теперь уже чужой для меня монастырь со своим уставом не ходят. С лестницы спустят в самом лучшем случае! В худшем на костёр, как еретика! У меня к вам встречное предложение, Скиф. Бросайте вы эту контору к чёртовой матери. Вы неплохой учёный и одновременно опытный сталкер. Вы в отличие от

большинства кабинетчиков ходите в Зону без сопровождения, часто и много. Рано или поздно вы всё равно придёте к выводам, за которые вас прибьют к позорному столбу. Тем более что вы честный человек и молчать не станете.

— Я подумаю над этим, — кивнул Скиф. — Простите, Доктор, ещё один вопрос. Пусть наивный, но... Что такое Зона? Вы приблизились к разгадке?

Доктор достал из кармана трубку, покусал мундштук. Молчал он долго.

— Боюсь, что нет, коллега. До сих пор не знаю. Чем больше я изучаю... нет, не так, узнаю Зону, тем меньше её понимаю. Это сводит с ума. Иногда мне кажется, что мы задаёмся не теми вопросами. Что такое Зона, почему Зона, откуда Зона — это всё не то, не то... разве можно одному ребёнку ответить на вопрос другого такого же ребёнка «А почему Солнце?» — «А потому что светит». Знать бы правильный вопрос, друг мой...

— Да нужно ли пытаться это делать? — не удержался я от вопроса. — Доктор, вся проблема в том, что Зона скорее всего непознаваема в принципе. Нужно её просто принять и научиться с ней жить. Честно говоря, я даже рад, что не удаётся разложить Зону по таблицам и графикам, объяснить её формулами и молекулами. Представьте, что какой-нибудь учёный доказал существование души, а потом взял и перевёл её в двоичный код на компьютере. Не знаю, как вам, а мне бы было паршиво от такого открытия.

— Ну, ты, Лунь, ваще! — Кося усмехнулся. — Ты бы в Баре такое задвинул, в момент по морде схлопотал.

— Слушай, Кося. — Хип нехорошо улыбнулась. — Ты человек, скажем так, словоохотливый, общительный. Историй много знаешь. А вот про то, как ты ра-

нение получил, мы что-то пока не слышали. Расскажи, будь ласка!

— А... кгм, — промычал Кося, поскрёб вилкой остатки макарон с тушёнкой, откашлялся. — Чего там рассказывать. На Свалке ж это... бандюки попадаются. Отстреливался от них, ну и получил пулю. Рикошетом.

— И давно это бандиты гайками стрелять научились? — поинтересовался Доктор.

— Какими гайками? — Кося покраснел.

— Обыкновенными. На двенадцать. Шаг резьбы полтора миллиметра.

— А... м-м-м... да...

— Ну, наш герой застеснялся. — Голос Хип был буквально напоен ядом. — Так и быть, я расскажу. Взял сталкер себе двух «туристов». Повёл их на Свалку. И у первого же «трамплина» начал показывать, как в аномалию гайки кидать нужно. Кидал, кидал, значит, хотя в «трамплин», к сведению, предметы кидать чревато. Ну, «трамплин», не будь дурак, сталкеру его же гайкой в лоб и засветил. Сталкер — брык, и валяется. С гайкой в черепе. Туристы перепугались, подхватили раненого, чтоб, значит, до поста донести, благо, рядом. Да, видно, сильно перепугались и пострадавшего уронили по дороге. Ручку бедный сломал.

— Ну, чего ты на человека налетела? — спросил я.

— А того, Лунь, что этот, с позволения сказать, человек в Баре про тебя такие истории сочинял, что и вспоминать противно.

— Пойду я. — Кося, красный как свежесваренный рак, поспешно встал из-за стола. — Чего-то голова разболелась. Полежу.

Доктор тоже встал и медленно подошёл к окну, отдёрнул занавеску и долго молча смотрел на болото и темнеющее на глазах небо. Похоже, надвигалась

гроза — молний видно ещё не было, но характерный свинцовый оттенок сплошных туч и ветер, уже посвистывающий в тростниках и поднимающий вихры сухих болотных кочек, говорили о том, что скоро грянет... Гроза в Зоне — это нечто. Сколько я их перевидал, а всё равно поражаюсь. Одни чёточные молнии чего стоят — вот, кстати, и первая протянулась серебристо-синим пунктиром между тучами, медленно, неохотно угасла, и тут же ей навстречу выстрелила широкая, ослепительно белая полоса, разветвившаяся целой кроной боковых разрядов. Не дай бог рядом с «электрикой» такую грозу пережидать — и в полусотне метров может достать «дуговая» или даже привычная «электра», мокрого места не останется.

— Интересная точка зрения на Зону, Лунь, — сказал наконец Доктор. — Я должен над ней хорошенько подумать. Может, действительно так — привыкнуть можно, понять — увы. Все исследования НИИ касались частностей: мутанты, аномалии, артефакты, Выбросы... сотни, если уже не тысячи удивительных, важных, любопытнейших, а всё равно частных открытий. В целостную, понятную систему сложить их ну никак не выходит. Стоит выделить закономерности, подтвердить их опытом, наблюдением, и тут — бабах! — Зона шутя ломает ещё вчера такую стройную и логичную теорию. А, ладно, потом...

Доктор махнул рукой, сунул в карман трубку и снова сел к столу.

— Что-то Пенка долго не возвращается...

— Может, случилось что? — предположил Скиф.

— С ней? В Зоне? Да вы шутите, мой друг.

— Видел я тут недавно группу «Долга». Как бы не нарвалась.

— Э, нет... я её насчёт людей предупреждал неоднократно. Почует — и на километр не подпустит.

Я-то её знаю. А она почует, не сомневайтесь. Ага... ага. Так. Идёт. — Доктор достал ещё одну чашку и пакет молока из холодильника. — Понятное дело. Под дождём-то мокнуть никому не охота.

Скрипнула входная дверь, словно от ветра, и к столу неслышно, как призрак, подошло странное существо. Отдалённо оно напоминало излома. Очень отдалённо — единственное сходство с этим небезызвестным обитателем Зоны заключалось в длинной правой руке, свисавшей почти до пола. Не настолько, конечно, мощной, но куда более изящной. Впрочем, чтоб хребет сломать или башку кому продавить, и такой ручки хватит. Видел я раз, как встретились излом и молодой, по всему видать, неопытный кабанчик. Молодой-то он был, это да, но не подросток — двести с лишним кило в нём точно маялось. Да хоть бы и триста — большой шкаф громче падает. Взрослые кабаны — зверюги, конечно, страшные, но и те от изломов держались подальше, понимали, что смертью пахнет от сутулой фигуры в длиннополом плаще. Этот не понимал. Бедняга. Должно быть, даже удивиться не успел — излом бьёт так, что не уследишь за движением. Помню я этого кабанчика. Рыло ему набок свернуло. Красиво так. Набекрень.

На этом сходство с изломом заканчивалось. Белая, как свежая извёстка, кожа. Вполне человеческое, даже странно красивое лицо — только нос и подбородок маленькие, почти миниатюрные, и глаза необычные — один очень большой, без белка и радужки, чёрный, бездонный, второй поменьше, я его в бреду и не замечал — чуть раскосый, в синеву отдаёт. Волосы — густые, прямые, цвета слежавшейся золы. Если глаза меня не обманывают, аккуратно подстрижены на уровне плеч. Над висками выступают заметные бугорки. Контролёр? Да, что-то есть...

— Здравствуйте. Доктор. Здравствуй. Хип. Здравствуй. Лунь. Привет. Скиф. Кося? Где?

— Здрасьте... — Я несколько опешил. Поразительный голос — чистый, красивый, звонкий. Закрой глаза — девчонка смешливая говорит. Только фразы рубленые, одно слово как предложение.

— Привет, Пеночка. Опять за старое? — Доктор нахмурился. — Сколько говорить тебе — связывай слова вместе, не повторяйся. Например, так: «Здравствуйте все» или «Добрый вечер», «Где Кося? Куда он ушёл?». И когда к столу подходишь, верхнюю одежду снимать надо.

— Конечно, Доктор. Простите, я забыла, — с некоторым напряжением произнесла Пенка и сняла плащ. Я поразился ещё больше — стройная фигурка была затянута в изношенный, но вполне еще приличный джинсовый костюм. Уши вдруг заложило мягким ватным шумом — так бывает, когда зеваешь с закрытым ртом.

— Пеночка! Это, в конце концов, просто невежливо! — Доктор покачал головой. — Не все ведь понимают. Изволь говорить словами, уважаемая.

— Словами трудно, — обиженно протянула Пенка.

— Учись! — Доктор строго нахмурил брови, но я успел заметить мимолётную улыбку.

— Вот, Лунь, познакомься. Пенка. Для своих Пеночка.

— Лунь, — как-то несолидно вякнул я. — Кгм... сталкер. Это... приятно, в общем...

Ещё бы. Одно дело, встречаешь мутанта в Зоне, где он всегда, ну или почти всегда враг, а тут вот он, за столом сидит напротив. Молоко пьёт из большой фаянсовой кружки. Печениной заедает. Офонареть...

В ответ на моё вяканье Пенка церемонно поклонилась.

— Мне тоже очень приятно с вами познакомиться, сталкер Лунь.

— Ну вот! — Доктор потёр ладони. — Можем ведь, когда захотим!

— Я старалась.

На пару секунд опять заложило уши, а Доктор кивнул.

— Молодец! Говоришь, «жгучий пух» виноват в появлении этой штуки? Ну-ка, покажи!

Пенка, не вставая со стула, дотянулась правой рукой до замызганного и в нескольких местах прожжённого рюкзачка. О том, что когда-то он был школьным, приходилось только догадываться. Из рюкзака на стол перекочевал невиданный мною раньше артефакт. Сгусток черноты с размытыми, словно дымящимися контурами завис в воздухе над столешницей. От него ощутимо тянуло холодом.

— Да. Любопытно. Ты точно уверена, что «жгучий пух»...

— Точно. В него молнией попало. Синяя зелень пустила короткие и очень горячие лучи. Этот холод оторвался от них и упал в две стороны — вверх и вниз. А синяя зелень всю молнию съела. Потому что холода уже не было в ней.

— Спасибо, Пеночка. Понять бы ещё, что ты сказала. Этот... холод. Он не опасен?

— Он не опасен. А синюю зелень я там оставила. Она очень опасная ещё три дня. Потом принесу. Ты, Лунь, хороший. Ты мне нравишься, сталкер Лунь. От тебя хорошо.

— Эй! — Хип придвинулась поближе и очень недружелюбно глянула на Пенку.

— Нет, Хип. Не так, как ты и он. Не то. Сердиться не нужно совсем.

— Хип. — Доктор улыбнулся в усы. — Она это всем говорит, кто ей приятен. И знаешь, это не часто случается. Первый раз она это мне сказала... ну, точнее, подумала, говорить она не умела тогда. Во второй раз Сионисту. Третий вот Луню.

— Доктор меня из очень плохо нашёл, — заявила Пенка.

— Нет, Пеночка. Нужно говорить: «Доктор забрал меня из очень плохого места».

— Какого же? — полюбопытствовал я.

— «Долг». Арена, — обронил Доктор, и лицо его помрачнело. — Не люблю я и не уважаю эту организацию, Лунь. «Свобода», на мой личный взгляд, куда лучше и честнее этих... да что уж там, сектантов. Вроде и цели у них благородные — защищать нас, неразумных, от Зоны, людей спасать, прочее в том же духе. Но запомни, сталкер, — люди, одержимые «священной» идеей, зачастую страшнее любых мерзавцев. И вреда от них в конечном итоге получается всегда неизмеримо больше. Я ещё могу понять сталкера, вступающего в поединок с кровососом, — тут всё честно, понятно. Один твёрдо намеревается покушать, другой активно не желает быть съеденным. Аналогия не очень, но пусть будут волк и кабан. Либо волчара набьёт брюхо свининой, либо окончит дни свои с пропоротой шкурой. Эти отношения складывались миллионами лет, и не нашей цивилизации с ними спорить, тем более что в обществе людей это тоже всегда было, увы, есть и, к моему сожалению, будет. Я не принимаю этого, но по крайней мере могу понять и оправдать элементарной, почти по Дарвину, борьбой за существование. Но когда из убийства устраивают зрелище, когда уничтожают всех вне зависимости от того, опасны они или нет, убивают только за то, что мутант? Увольте, уважаемый. Это мерзость и

ещё раз мерзость. Я не говорю, что в «Долге» нет достойных людей, они есть, не поймите меня превратно. Но их идеология отвратительна, безобразна. Представляете, Пеночка ни на кого не хотела нападать на их мерзкой Арене. Тогда её решили облить серной кислотой. На потеху почтенной публике. Не успели, хвала небесам...

Доктор сверкнул глазами, встал и быстро прошёлся до окна и обратно. В руках у него опять была неизменная трубка.

— Вот все «Свободу» хают почём зря. И придурки они, и отморозки, чуть ли не бандиты. А я вам вот что скажу: пропаганда — могучая штука. И у «Долга» с пропагандой всё в порядке, на широкую ногу поставлено. Из молодёжи уже мало кто знает, что именно «Долг» развязал войну со «Свободой». Именно «Долг» первым напал на «Монолит», растревожил это осиное гнездо. Сидели бы они там, молились Монолиту и никого не трогали. Не лезут неверные — и хорошо. Во все-то дела долговцы вмешиваются, неймётся им, понимаешь! И ведь действительно считают, что отбрасываемая ими тень длиннее и красивее, чем у остальных.

— И какой в этом смысл? — спросила Хип.

— Всё просто. Пока существуют «вражеские» группировки, у «Долга» есть власть. Вот скажите мне, Хип. Вы ведь, если не ошибаюсь, долгое время были в «Свободе»... был хоть один случай, чтобы «Свобода» сама нападала на «Долг»?

— Нет, — уверенно заявила Хип. — Наши только защищались.

— Не вспомните заодно, какие принципы исповедует «Свобода»?

— Да, конечно... живи сам и давай жить другим. Зону нужно изучать, она может принести людям много пользы. Каждый свободен в своём выборе.

— И что, Лунь, вы скажете, что это плохо?

Вопрос был риторическим, и Доктор не ждал ответа. Он ещё раз быстрым шагом прошёлся по комнате, встряхнул головой.

— Что-то я разошёлся на ночь глядя... вам, Лунь, отдыхать нужно, а я на вас такую гору информации. Непростительно с моей стороны так сбивать ваш режим. Спать, и немедленно!

Спать-то оно надо. Доктор плохого не посоветует. Да попробуй тут засни, когда лезут разные мысли, а Хип сидит рядом, на краешке койки, и такими глазами на тебя смотрит, что чувствуешь себя последней сволочью. Нет, взгляд её тёплый, ласковый, даже преданный, и улыбается, за руку меня держит. И от этого ещё невыносимее становится. Попробуй ты теперь, отвадь её от Зоны, выгони. Как нужные слова найти? Сталкеры от старости не умирают, ты ведь это знаешь, Лунь. И сама мысль о том, что может случиться с Хип в Зоне, резала хуже ножа. Знаем, проходили. Я всё же решился на этот разговор, хотя и не мог подобрать подходящих слов.

— Вот что, красавица. Ты уж не обижайся... но либо сама с Зоной завяжешь, либо я тебя в мешок упакую и на Большую землю отправлю. По почте, ценной бандеролью. И это не обсуждается.

Я ожидал резкой, даже взрывной реакции. Хип вместо этого чуть сильнее сжала мою ладонь и мягко улыбнулась.

— Опасная вещь Зона, так ведь, Лунь?

— Да, стажёр. Очень. — Какой странный вопрос. К чему она клонит?

— И в Зону ты меня больше не отпустишь?

— Нет.

— Так знай, что для меня Зона теперь там, за Периметром. Дикая, страшная, отвратительная. А здесь у меня родина, Лунь. Здесь я жить начала, в этой Зоне настоящего человека встретила, да и полюбила его. И он меня тоже. Молчи, Лунь, не слепая, вижу всё. Неужели ты думаешь, что я теперь отсюда уйду? Никогда этого не будет. И ты не уйдёшь, сталкер, даже вместе со мной. Слышал, слово такое есть — любовь? Страшное слово, когда за ним ничего нет. Я поэтому и не верила раньше, что такая штука существует на свете, Лунь. Теперь знаю — да, существует. Это счастье. Ради этого мы живём. Здесь, в Зоне, на краю смерти, наше счастье будет острым и сильным, оно не умрёт в серых буднях, грязных сковородках и любопытных соседях. На словах ты меня гонишь, сталкер, но ведь глаза не врут...

— Что же ты со мной делаешь, девочка... — Я откинулся на подушку. Вот и поговорили.

— Мама, а я сталкера люблю... Мама, а я в Зону с ним уйду! — полушутливо, на мотив почти забытой песенки пропела Хип. — Поправляйся, Лунь. Твой стажёр уже заждался продолжения практики.

Да, не ожидал я такого оборота. Ко всему готовился — и к слезам, и к протестам, и себя настроил так, чтоб стоять на своём и ни в какую с Хип не соглашаться. Полное фиаско: яснее ясного мне стало, что стажёр сталкерскую дорожку уже не бросит, всё, поздно пить боржоми. Зона такая штука, что прикипаешь к ней всей душой и к серости «обычной» жизни вернуться уже просто не можешь. Да не в одной только Зоне дело... в глубине души я даже обрадовался тому, что Хип останется со мной. А дальше будь что будет. Успокоенный этой мыслью, я быстро заснул крепким сном. Без сновидений.

Потянулись дни... восстанавливался я быстрее, чем того ожидал Доктор, но к исходу второй недели

всё ещё ходил с палочкой, как старик. Аппетит проснулся просто зверский, истощённый долгой лёжкой организм жадно требовал пищи и движения. И того, и другого я давал ему в избытке, было даже немного стыдно перед Доктором за то, что фактически всё это время я сидел у него на шее, уничтожая недешёвые продукты и не принося никакой пользы. Про себя я решил, что первый же редкий артефакт из своей добычи непременно передам Доктору. Я исподволь, окольными путями разузнавал, что именно из хабара нужно для операций, заживления ран, исцеления болезней. Даже блокнотик завёл. Напрямую спрашивать избегал — разобидится Доктор так, что, может, и разговаривать не станет. Странный он всё-таки человек...

Определённый вклад вносила и Хип. Не то чтобы это было лечением в прямом смысле этого слова, но её компания, улыбка, слово действовали на сталкера Луня, как порция «жизни» на облучённый в «горячем пятне» организм. Пару раз к Доктору приходили группы сталкеров-одиночек с плотно набитыми рюкзаками, приносили припасы, медикаменты и свежие новости. От них я узнал, что, пока был в «отключке», а это ни много ни мало почти шесть месяцев, случилось в мире едва ли не больше, чем за предыдущие два года. К примеру, я пропустил Четвёртую Катастрофу, прозванную «Тихой» — Выброса, как в две тысячи седьмом, не случилось, но в сотне километров от границы Зоны, уже на территории Белоруссии, обнаружили несколько аномалий-«жарок» и стали поступать сведения о редких случаях мутаций домашнего скота. Территорию, названную Зоной-2, немедленно оцепили и эвакуировали всех жителей. Власть там сработала чётко: жертв ни среди гражданских, ни среди военных не было. «Монолит» и «Свобода» заключили пусть шаткое, но всё же перемирие — обе груп-

пировки почти развалились и ослабели настолько, что выяснять отношения между собой для них уже было самоубийством. И, объединившись, крепко всыпали «Долгу». Тот выслал несколько карательных отрядов, но толку от этого не было. Военные, как ни странно, на этот раз помогать долговцам не стали. Что касаемо самих военных, то их вмешательство в жизнь сталкеров стало минимальным — одну из частей, охранявших Периметр, перебросили на Урал, туда же были откомандированы восемь из четырнадцати ведущих учёных НИИ и большая группа лаборантов. Среди сталкеров поползли странные слухи, в которых упоминался Челябинск, какой-то Маяк и местечко с диковинным названием Кыштым. Что вроде бы и в Кыштыме, и на этом самом Маяке странные дела начали твориться, нехорошие. Новичок, на днях прибывший в Бар с Большой земли, болботал про Воронежскую АЗ, и про американцев, которые что-то у себя в Неваде нашли и очень здорово при этом перестремались. Новичок этот, по общему мнению бывалых, был великим треплом, но то, что в НИИ приехала большая группа американских «ботаников» с очень нехилым грантом в комплекте, а цены на хабар пусть не сильно, но подскочили, наводило на интересные мысли.

Доктору эти новости не понравились. А после того, как он на персоналке просмотрел информацию, которую с оказией передал его старый знакомый Зотов, и вовсе помрачнел. Доктора с тех пор я видел редко — он теперь постоянно сидел в своём кабинете, а при встрече коротко кивал и говорил пару-тройку односложных фраз. Кося вскоре ушёл, Скиф тоже побыл у Доктора недолго. Пенка сутками пропадала в Зоне, и мне ничего не оставалось, как «соблюдать режим» и в компании Хип «гулять» вокруг бывшей базы

отдыха, а ныне резиденции Доктора. База, построенная в восемьдесят пятом году, весьма неплохо сохранилась, хотя два лодочных сарая и домик сторожа давно сгнили в труху, наверное, ещё до того, как многочисленные заводи и протоки Припяти превратились в гигантское зловонное болото. Во время своих прогулок я видел остовы плоскодонных лодок в изжелта-бурых трясинах, ржавое решето катера рыбинспекции, облепленное какой-то странной красной шерстью, остатки дощатой пристани, так нелепо выглядевшей посреди мокрого кочкарника. Северный ветер иногда приносил смрадное дыхание теперь уже далёкой реки — смесь запахов плесени, прелой тины и гнилой воды. Что было там, за болотистыми пустошами и трясинами, что творилось на берегах Припяти, не знал никто. Сталкеры оттуда не возвращались. Даже Пенка никогда не ходила к реке, а ведь, казалось бы, для неё Зона — дом родной. Дурной славой пользовалось то место, хотя аномалия на Болоте — вещь редкая, и опасного зверья не то чтобы много. Мутанты были, конечно, как без них, но большей частью мелкие и при этом поразительно уродливые. Видел тут одного, псевдозмей рядом с ним красавцем покажется. Может быть, в предках этой твари птица числилась, по крайней мере две костлявые ноги были как у аиста и перья редкими грязными пучками торчали. И то ли шкура прозрачная, то ли этой шкуры и вовсе не было, но потроха разноцветные все наружу, петлями висели, бахромой. Идёт, курлыкает, кишкой, до земли свисающей, что-то в грязи ищет — потом уже разглядел, что это шея: на конце кишки голова безглазая и что-то, отдалённо клюв напоминающее. Пропал тогда ужин, так ничего и не съел, одного чаю только нахлестался. Берёшь бутерброд — а перед глазами сизо-красно-коричневое, кусты перьев,

и по перьям этим какая-то пакость ползает. Нет, Доктор, спасибо, что-то не хочется. Чайку вот разве что...

А Зона уже манила. Бередила душу сталкера, охота ведь, как известно, пуще неволи. Понимал я теперь, очень хорошо понимал ветеранов сталкерской тропы. Не отпускает просто так человека Зона, и не потому даже, что держит железной хваткой, не даёт выйти за Периметр. Сказки это всё — аномалия, внезапно под ногами возникшая, кровосос, специально поджидающий сталкера, решившего завязать с Зоной. Спрашивают бывалого, чего, мол, не уедешь на безбедное житьё, денег срубил, Зону потоптал вволю, зачем и дальше шкурой рискуешь? Покряхтит бывалый, затылок почешет — а действительно, зачем? Вроде и пора бы завязать, да мысль эта, чтоб бросить ремесло и пожить «по-человечески», горше полыни. И кажется в такой момент убийца, стерва, гадина Зона желанней любого райского уголка. И соврёт бывалый, не столько даже вопрошающему, сколько самому себе: «Э, братец, Зона сталкера не отпустит. Прибьёт по дороге. Ну, чего вылупился? Давай живенько к Барину, не видишь, пиво кончается...»

Были, конечно, и те, кто уходил. Сионист вот, например. Полтора года на Большой земле жил. Вроде бы даже в Израиле. Ровно на эти полтора года его и хватило — вернулся наш Сионист. А на вопрос, как там, за Периметром, скривился слегка и отмахнулся: «Фигня». И если учесть, что это первое ругательное слово, которое мы услышали от Сиониста, то, значит, и в самом деле фигня...

В первый день весны, ровно через три недели после того, как пришел в себя, я вышел на прогулку без надоевшей уже палки. Шатало и швыряло, конечно, во все стороны, но ведь ходил! Километров, наверное, пять накрутил вокруг дома Доктора, замутило даже,

однако ни разу не приложился и отдыхать не останавливался. Истончившиеся, вялые мышцы потихоньку наливались силой, мутные, запавшие глаза снова заблестели, только вот седина, наверное, уже не сойдёт. А на следующий день вместе с Хип сделал «ходку»: ушёл через жёлтый, корявый ельник к дальним холмам, побродил по выработкам песка в затопленном карьере и нашёл-таки пару «чёрных искр». Пустяк, я раньше их за хабар не считал, теперь же было несказанно приятно держать в руке глянцевито-чёрные колючие зёрна, чувствовать, как щёлкают по пальцам слабые электрические разряды...

Доктор, конечно, сделал выволочку недисциплинированному пациенту, а я сидел дурак дураком, вытянув гудящие ноги и блаженно улыбаясь. Ходка! Чёрт меня побери, настоящая ходка! Потопчем ещё тропинки Зоны, стажёр...

— Сто двадцать на восемьдесят. — Доктор снял стетоскоп и освободил мою руку от тугой манжеты тонометра. — Недурно, сталкер Лунь. А теперь извольте посмотреть на карандаш. Головой не крутите. Следите за движением.

Доктор поводил перед моим лицом огрызком карандаша, кивнул, что-то записал в блокнот.

— В норме... голова не кружится? Тошнота? Мушки перед глазами? Может, плохо засыпаете?

— Нет, Доктор. Чувствую себя прекрасно.

— Ага... да... это хорошо. Про аппетит не спрашиваю, обедали вместе. Ну, что ж, в космонавты вы ещё пока не годитесь, а в остальном всё в порядке.

— Здоров?

— Здоровых, сталкер, нет. Есть плохо обследованные. Я же, в силу своих скромных возможностей,

недугов никаких у вас не нашёл. Одна рекомендация — курите как можно меньше, в идеале бросьте это дело совсем. Так. Ещё одно наблюдение, и медосмотр можно считать законченным. Пеночка! Будь добра, подойди сюда на минутку...

«Фффффф-ухххххх... шшшсссс», — мягко зашумело в ушах, навалилась сонливость, комната вдруг поплыла, контуры предметов смазались, а воздух показался густым и мутным. Огромный чёрный глаз Пеночки, сидящей напротив меня, как будто стал ещё больше и потерял блеск — этакий колодец космической пустоты, манящий и одновременно пугающий. В голове роились обрывки мыслей, какие-то образы, мелькающие так быстро, что разобрать что-либо было невозможно.

— Плохой ум пропал. Совсем. Сломанные мысли их нет. Лунь думает хорошо, больше не болеет. В памяти дырки есть большие, давно, когда в небе был Большой Огонь. Там ничего совсем нет, пустота.

— Н-да. Не пощадил вас Выброс две тысячи седьмого. — Доктор вздохнул. — Здесь уж извините. Индуцированная пси-импульсом амнезия, к сожалению, неизлечима. А в остальном, полагаю, можно смело закончить вашу историю болезни на самой приятной ноте.

Доктор принялся записывать что-то в медицинской карте. Удивительное дело — на каждого сталкера, когда-либо обращавшегося к Доктору, аккуратно заводилась самая настоящая медицинская карточка с бланками анализов, подробными записями осмотров, даже с печатями на желтоватых казённых листках. Зачем нужны были эти печати, я не представлял, но Доктор относился к таким мелочам со всей серьёзностью. Вот и сейчас в карточке с надписью «Сталкер Лунь. ФИО —— ,1979, III, резус отриц., одиночка» появился ещё один синий треугольник.

— Пеночка, отнеси это в регистратуру, будь так добра... на полку синего цвета. Да, и поставь чайку, если не сложно.

Доктор откинулся на стуле и посмотрел на меня. Затем достал из ящика стола заклеенный в прозрачную плёнку конверт и долго, молча глядел на него, словно силясь разобрать на чистой белой бумаге невидимые миру письмена.

— Вот что, Лунь... — Голос Доктора вдруг охрип и прозвучал так тихо, что я едва его услышал. — Сейчас ты можешь послать меня к нехорошей матери. И в принципе будешь тысячу раз прав. Погоди, не перебивай... я ещё не всё сказал.

Это было неожиданно. Доктор раньше всегда обращался ко мне на «вы», как, впрочем, и ко всем сталкерам, что бывали в его доме. Но не это поразило меня. Его взгляд, обычно пронзительный, ироничный, острый, сейчас был потухшим и бесконечно усталым. Доктор словно постарел у меня на глазах сразу на десять лет.

— Сталкер... я понимаю, какую дичь тебе сейчас предстоит выслушать. Возможно, ты даже решишь, что старик окончательно свихнулся. И, надеюсь, опять окажешься прав. Ты должен... нет, я прошу тебя... дойти до Монолита. И там уже вскрыть этот конверт.

— Доктор, но ведь его на самом деле не... — Я от удивления не сразу пришёл в себя.

— Монолит существует, сталкер. Я и сам бы отправился к нему, но, боюсь, повторной аудиенции не состоится. К Монолиту можно прийти всего один раз. — Доктор пододвинул мне конверт. — Не знаю, существует ли надежда на то, что найдётся в мире человек, способный отказаться от своей заветной мечты. Не знаю, выполнит ли Монолит чужое желание.

Но звезда «Полынь» уже упала на третью часть вод, сталкер. И очень скоро они станут горьки.

Действительно, дичь... бред какой-то. Не оборачиваясь, я вышел из кабинета Доктора. Какая такая ещё полынь? При чём здесь Монолит? Что за воды? Белиберда... чушь... но в душе занозой засели странные, даже страшные слова. Вот спасибо тебе, Доктор. Удружил, что называется. Ну, понимаю там, попросил бы найти редкость какую-нибудь в Зоне. В доску бы расшибся, но сделал. Любую штуку добыл бы, даже «глаз смерти», и тот бы припёр, постаравшись при этом не гробануться по дороге. Когда Доктор *просит*, святое дело в лучшем виде эту просьбу выполнить. Но такое?!

Надо было отказаться. Пожать плечами, буркнуть: «Не, Доктор, это дело мне не осилить. Не по Сеньке шапка... куда мне, сирому да убогому, к самому Саркофагу идти. Просто не смогу. Что угодно просите, но только не это».

Надо было.

Но руку уже жёг прохладный пластик конверта. Дурак, как говорится, это навсегда... Нужно ли говорить, что эту ночь я не спал, и от тяжёлых мыслей под утро заболела голова. Я уже просчитывал примерные маршруты к ЧАЭС, да как их просчитаешь, когда ни разу даже и не приближался к станции, самые дальние вылазки ограничивались Припятью, и то воспоминания о них, вылазках этих, не сказать чтобы самые приятные. После Третьей Катастрофы в Припять совались только самые отчаянные, или, как в случае со мной, дурные сталкеры. Даже «Монолит» был вынужден перебазироваться, потому как выжить теперь в Припяти было не то что сложно, а просто нереально. Там был ад... а о том, что творилось у самой ЧАЭС, мне не хотелось даже и думать. После Третьей к Монолиту ходил Живчик с группой матёрых стал-

керов, восемь человек ушли, двое вернулись. Сам Живчик и ещё один, Шкворень. Да, тот самый, что у Бара побирается. Этого Шкворня совестливый сталкер перед ходкой стажёру показывает, вот, мол, что Зона с человеком сделать может, посмотри и хорошенько подумай, надо ли оно тебе. И, может быть, от Шкворня пользы больше было, чем от всего «Долга» вместе взятого — много жизней спас бывший сталкер. Живчик ни одной царапины не получил, но вот головой малость повредился — днём ещё ничего, вроде нормальный, заикаться только начал, а по ночам ревел во сне, выл так, что жутко становилось. Он и сказал, что нет в Четвёртом энергоблоке Монолита. Нет. Ни за нюх табака ребят положил... а Шкворень только ворчал и посапывал, может, тоже чего сказать хотел, да только ни языка, ни челюстей как таковых у него уже не было. Живчик вскоре застрелился, Шкворень живёт до сих пор, ползает на корточках около Бара, руку правую тянет, а остатком левой в пыли солнышки рисует и каракули какие-то...

Нет, сталкер Лунь. На фиг всё. Как взял конвертик, так и верну. Пусть потом стыдно будет, да и чёрт с ним, от стыда никто ещё не помирал, переживём такое горе. Не прав Доктор. Не по-человечески такое просить. Решено. Я потушил сквернную, кислую «Приму» о порог, выбросил пустую красную пачку, что оставил по доброте душевной один из приходивших к Доктору сталкеров. Встал, посмотрел на посветлевшее предутреннее небо. Собрался. Так, мол, и так, Доктор, извините, но...

Доктор спал в кресле, укрывшись бежевым пледом и низко опустив седую голову. У кресла, подогнув ноги, неподвижно сидела Пеночка. Гигантская её правая рука лежала на ладонях Доктора, странно желтоватых, словно восковых...

— Ладно, зайду позже... не буду будить, — прошептал я, поворачиваясь к двери.

— Доктор не спит, сталкер. Он окончил свою работу и ушёл. Лунь теперь должен покинуть это место. Скоро придут друзья. Те, кто думает разумом. Будут прощаться с Доктором. Тебе опасно тут. Даже тебе. — Пенка встала, поправила на покойном плед, нежно коснулась седых волос. — Доктор сказал отдать.

Я принял из рук Пенки маленькую картонную коробку, заклеенную скотчем.

И когда дом Доктора уже скрылся в густом утреннем тумане и мы с Хип миновали расшатанный, заросший лишайником мостик над топью, над болотом далеко разнёсся протяжный, звенящий вой...

В нескольких километрах от дома Доктора тихонько зажужжал мой ПМК, уведомляя о том, что нашёл сигнал. И через пару минут начал принимать сообщения:

«Подтвердите личность. Ввод личного пароля и кода. Пароли приняты. Вышлите фотографию... принято. Идентификация завершена. Ваш ПМК разблокирован».

«Полный спектр услуг в связи с неуплатой отключён. Ваш компьютер автоматически переведён в режим приёма бесплатных сообщений (сигналы бедствия, сводка погоды, общий чат, уведомление о Выбросах, интерактивная карта)».

«Лунь, БВП, стаж семь лет, переведён 136-110 из акта № 143 ЕГ от 11.08.2012, в акт № 349КС от 24.03.2013. Сигнал обнаружен в квадрате RF 78, урочище Степаншино».

«Необходимо зарядить аккумулятор. Ваш ПМК временно подключён к резервному источнику пита-

ния. Расчётное время работы резервного источника питания 5 ч.».

«Отправить уведомление об изменениях акта о вашем текущем состоянии (110, 136, 200; нужное отметить) в общий чат?»

Я выбрал «110» и «отправить без уведомления о месте обнаружения». Идиотизм, если подумать. Интересно, как это «двухсотый» может уведомить о своём текущем состоянии? Может, у серверов НИИ такой своеобразный чёрный юмор? А ведь были затейники, отправлявшие «200» на запрос институтского компьютера. И что бы вы думали? Да, кранты, из Зоны эти «юмористы» уже не возвращались. С такими вещами здесь не шутят.

— Слушай, Лунь. — Хип вертела в руках свой ПМК. — Мне тут какая-то фигня пришла... типа, подтвердите, фотография какая-то...

— Это потому, стажёр, что у дома Доктора любой сигнал глушится намертво. Мы с тобой БВП были. Теперь нашлись. — Упоминание о Докторе болезненно сжало сердце. Как же мы теперь без тебя? Досада, злость, печаль — странный коктейль чувств. Задал ты мне задачку. Под капитальный монастырь подвёл. И всё равно я буду скучать по тебе, Болотный Доктор, последний святой Зоны...

— Он хороший был. — Хип вздохнула, закусила губу. — Плакать хочется, а не могу почему-то. Он мне тебя вернул. Я у него навечно в должниках теперь, Лунь. И просьбу его, клянусь, выполню.

— Он тебе задание дал?

— Да... просил тебя беречь и ни на шаг не отходить. — Хип печально улыбнулась. — Сама бы не догадалась как будто. Что-то про просьбу говорил, про тебя, но, мол, Лунь скажет, сама пока не спрашивай.

— Присядем.

Я уселся на поваленный ствол дерева, Хип пристроилась рядом. Интересная, наверно, будет реакция.

— Про Монолит слышала?

— Ну, да. Сказка такая среди сталкеров ходит, что, мол, существует штука, желания исполняющая. Но дойти до него нельзя.

— В свете последних событий выяснилось, что не совсем сказка это, Хип.

Я хлопнул по карманам в поисках сигарет. Потом вспомнил, что пустую пачку выкинул пару часов назад. Хреново. Курить вдруг захотелось зверски. А ещё лучше — выпить. В идеале — нажраться до положения риз.

— Дойти до него нельзя. Это уж точно не выдумки, — продолжил я. — И самое гнусное в этой истории то, что я на это подписался. Чудак. Который на букву «м».

— Не парься, Лунь, дойдём. — Хип ободряюще улыбнулась.

Эх, стажёр... сказал бы я, да уж ладно, промолчу. Оставлю, так сказать, в счастливом неведении, не буду пугать девчонку. А там, может, и удастся мне плюнуть на это чёртово задание. Просил Доктор... да, просил, и что с того? А если бы он тебе повеситься сказал на потолочной балке, ты что, за верёвкой и мылом сразу побежал бы? Да и не имею я права так рисковать, со мной ведь Хип, а её на мякине не проведёшь, на ключ в квартире не закроешь... нет, не пойду я туда.

И чем больше я себя оправдывал, чем больше находил причин не идти к Монолиту, тем яснее мне становилось, что попрётся-таки Лунь к Саркофагу. С другой стороны, Доктор невыполнимой работы не дал бы. И если просил добраться до Монолита, значит, очень надо. Понять бы зачем...

Я достал конверт Доктора. Просил он вскрыть его у Монолита, но... да, чёрт с ним, всё равно ведь пойду.

В конверте лежал листок фотобумаги. Чистый, точнее, пустой, чистым его назвать было сложно: тёмно-серый, в размытых пятнах, с желтизной по краям. Не засвеченный, но, похоже, испорченный — он никак не отреагировал на дневной свет. Час от часу не легче. Я вложил листок обратно в конверт. А вдруг действительно рехнулся Доктор? Может такое быть? Попробуй теперь разберись...

— Не нравится тебе это, Лунь.

Чего у стажёра не отнять, так это наблюдательности. Но, думается, здесь она не потребовалась — эмоции на моём лице наверняка были более чем красноречивы. Не нравится, значит? Мне это охренеть как не нравилось...

— Ничего, прорвёмся, стажёр. — Фальшиво както получилось, ненатурально. Скривив лицо в том, что с большой натяжкой можно было назвать улыбкой, я убрал конверт в нагрудный карман. Чёрт, как же курить хочется.

— Всё так плохо, да, Лунь?

— Честно?

— Да.

— Плохо, Хип. Хуже не придумаешь. Ладно, пошли, нечего рассиживаться. К вечеру нужно успеть если не до нейтралки, то хотя бы до Петеличей. Хуторок там есть, гнилой, правда, но погреб хороший. Пересидим, если что, ночку.

До Бара мы добрались на следующий день. Нас довольно долго мурыжили на проходной: оказывается, ни Хип, ни сталкера Луня в списках НИИ уже не значилось, попытка доказать военным, что мы не верблюды, удалась только после того, как был выслан запрос в Институт и сам Зотов лично позвонил на

КПП. Молодой краснощёкий лейтенант выписал нам временные пропуска, пожал плечами, мол, служба такая, не серчайте, и сказал зайти за новыми корочками через два дня. Книжечки старого образца уже не годились, и нам предстояло обзавестись электронными картами.

— Старший лаборант НИИ Лунёв и его помощник Хипеева, — с ходу определил нашу будущую профессию лейтенант. — Да, кто спросит, вы теперь не сталкеры. На территории НИИ забудьте вообще это слово. Порядки такие сейчас, что долбанёшься... инспекции чуть не каждый день, — добавил он доверительным шёпотом.

Да... не был я в Чернобыле-7 каких-то полгода, а городок преобразился так, что и не узнаешь. Сразу за пропускником велось строительство — грохал копер, забивая бетонную сваю, урча и посвистывая дизелем, разравнивал горку песка бульдозер, в длинную линию выстроились зелёные вагончики бытовок, строители подтаскивали к бетономешалкам бумажные мешки с цементом. Вдали, у корпусов НИИ, тоже что-то строили и уже возвели два этажа, по всей видимости, немаленького здания. У самого Бара стояли бок о бок полтора десятка автобусов, возле них строились солдаты, похоже, контрактники. Время от времени в сопровождении гражданских к колонне подходили офицеры, по спискам набирали взводы, и те, печатая шаг, уходили в сторону казарм. Настолько оживлённым и многолюдным Чернобыль-7 я ещё не видел — город напоминал разворошённый муравейник. Купив в ближайшем ларьке сигарет — надо же, и ларьки уже появились, — я направился к Бару.

Там тоже было многолюдно, но ни одного знакомого лица я не увидел: военные, человек десять, какие-то невнятные личности в мятых серых костюмах

за крайним столиком, у стойки пяток «зелёных». Вместо Барина за стойкой суетился начавший лысеть мужчина с мелкими, невыразительными чертами лица. Его я тоже не знал. Где же Барин? Хотелось бы с ним побеседовать...

— Не знаешь? — Бармен коротко кивнул в сторону. — Завтра девять дней будет. Приходи, помянешь...

На журнальном столике у стойки, за которым Барин любил сидеть в ожидании посетителей, стояла рюмка, накрытая зачерствевшим ломтиком чёрного хлеба. И рядом с ней маленькая фотография в картонной рамке-подставке. Барин... не может быть...

— Как... это?..

— Думали, отравился чем. Врачи сказали — инсульт. — Бармен смешал напиток, передал заказчику. — Двое умерли. Сталкер тут такой был, Грызуном звали. Его около Бара нашли, утром, уже холодный был, пена изо рта. И десяти шагов от двери не отошёл. Барин ещё хрипел. По дороге в больничку скончался.

— Водки. — Я закрыл глаза. Барин... эх, Барин...

— Сколько?

— Бутылку. С собой.

— Двести пятьдесят.

— На счёт.

— Какой, на фиг, счёт?.. Наличные или карто...

Я посмотрел на бармена. И, должно быть, взгляд у меня очень нехорош был, потому как отшатнулся *самозванец* и даже слегка побледнел.

— На счёт сталкера Луня, понял? Сталкера! Луня! Могу для тупых повторить ещё раз!

Невнятные личности за соседним столиком начали оглядываться. Какого чёрта они здесь делают? Что за шушера в Баре?

— И ещё. Если ты, друг ситный, из Бара пивнушку решил сделать, то мой тебе хороший совет: соби-

рай манатки и дуй отсюда вприпрыжку. Не срами заведение.

— Да кто ты такой вообще? — Бармен поднял брови и изобразил на лице презрительное недоумение. Зря ты это сделал, парень...

— Так, мужики, на выход. — Усатый офицер допил пиво, махнул рукой остальным. Молодец, правильно оценил ситуацию. Оно, может, и хотелось ему поучаствовать в назревающем веселье, да вот беда, начальство по голове за это не погладит. Военные, искренне вздыхая и скорбно покачивая головами, оперативно покинули Бар.

«Зелень» у стойки заулыбалась.

— Ништяк бывалый сказал. Точно, — кивнул долговязый новичок. — Мы ведь тебе говорили, Куцый. Не место тебе тут.

— Константин, — сквозь зубы процедил бармен.

— Куцый, — усмехнулся долговязый. — Намекали — сдавай дела Бивню. Много раз намекали. Ну, вот и не обижайся.

И новичок красиво выписал бармену в челюсть, я и моргнуть не успел. И понеслась... серые личности попробовали было махать кулаками, но куда там, вынесли мы их за дверь, как и одного из мордоворотов, выскочивших на выручку бармену. Второй оказался поумнее — в драку не полез, а стоял, привалившись спиной к косяку, и погогатывал, хлопая ладонями по бёдрам. Я его признал — Сенька Матерщина, неудавшийся сталкер, подрабатывавший вышибалой у Барина. Хоть и далеко не академик Сенька, но, видать, понял, что вступаться за Куцего в свете последних событий не стоит.

Я залез в карман. Да, ровно двести пятьдесят и осталось. Надо будет с карточки снять немного, надеюсь, счёт мой не обнулили.

— Как скажешь. Наличные, значит, наличные. — И я положил на стол две сотни и несколько мятых десяток.

Бармен, утирая кровь, злобно покосился на меня, но деньги взял и поставил на стол бутылку.

— И чтоб я тебя здесь, сталкер Лунь, больше не видел.

— Нет, парень. Гораздо лучше будет, если я тебя тут больше не увижу. А если встречу в следующий раз, пеняй на себя.

— Чмо, — буркнула Хип. — Набрали, блин, по объявлению.

— И чё вам не так?! — вспылил вдруг Куцый. — Один пришёл — морду воротит, другой припёрся — то не так делаешь, это не эдак. Какого рожна вам надо? Нормальный бар, везде такие же!

— Вот именно, что везде. Тут ты прав. А какого рожна нам надо, не поймёшь. Даже если очень постараешься. Поэтому собирай манатки. Чужой ты здесь.

Ах, как нехорошо получилось. Прости ты меня, Барин. Плохо вот так, мордобоем, поминки по тебе справлять, но, думаю, ты бы меня понял. Заведение твоё домом для меня было, и не только для меня одного. Особое это для сталкера место, сакральное, а из него дешёвый кабак сделали, забегаловку, каких много. Светлая тебе память, Барин. Хороший ты был мужик.

— Пойдём, стажёр. Нечего нам здесь делать.

Уже на улице я обернулся. «Иллюминацию», что в своё время повесил Барин, сменила большая вывеска из крашеной фанеры. Странно, что я сразу не обратил на неё внимание — кричаще яркая, с бездарно намалёванной красоткой в бикини и тремя пальмами на стилизованном островке. И девяти дней ещё не прошло, а уже повесили картинку, уроды. Бар «Юж-

ная ночь». Вот ведь пошлятина... гадость такая. И так тоскливо мне стало, что хоть вой. Эх, Барин... хорошо, что ты этого не видишь. Я поискал глазами подходящий снаряд. Да, это подойдёт, в самый раз. Получай, фашист, гранату.

— Х-ха! — И недопитая кем-то бутылка пива, крутясь и разбрасывая веера брызг, полетела в белозубый оскал нарисованной мулатки.

К вечеру я напился. С одной бутылки скверной водки меня не развезло, а словно оглушило, и я сидел в своей квартире, тупо уставившись на сбитые в драке костяшки пальцев. Меня тревожили странные воспоминания. Смутные, бредовые образы, какие-то полузабытые сны. Были там и Барин, и Грызун, стакан какой-то, Хип, девчонка в жёлтой куртке. Здорово всё это смахивало на паранойю. Может, не долечился Лунь? Или Выброс тот всё ещё даёт о себе знать? Ох, чую, укатают ещё сивку крутые горки Зоны. Если уже не укатали...

И всё-таки прелесть ты у меня, стажёр. Красавица. Смотрю на тебя, и все плохие мысли долой, тепло становится, хорошо, век бы так сидел и любовался. Глаза синие, васильковые, взгляд когда серьёзный, когда смешливый, и всё-то в глазах этих написано, как в книге с интересным, за душу берущим романом. Заметила. Улыбнулась чуть, но виду не показывает, ресницами взмахнула и нарочито небрежным жестом светло-русую прядь за ушко отбросила. Знает ведь, что оттаивает сталкер и от ресниц этих, и жеста, и веснушек едва заметных на носике. Берёзка ты моя, Зоной подаренная. Хип. Жаль, что «я старый солдат и не знаю слов любви». Все красивые, добрые слова из меня Зона выжгла, вытравила, нет места таким сло-

вам на её мёртвых полях, но ничего, вспомню и все-все тебе скажу, радость моя.

По болотам к Доктору на себе тащила, через смерть, через Зону, откуда столько силы в тебе нашлось, девочка. Не бросила страшного, бормочущего безумца, ждала, верила и спасла, любовью своей спасла меня Хип. Слово-то какое — «любовь». Измызгали тебя за Периметром в грязи пошлых песен и дешёвых сериалов. Утопили в помоях кухонных сплетен. Изгадили так, что дальше некуда. Кто знает, может, и убежала любовь в Зону от всей этой мерзости, в сталкеры записалась и свои артефакты ищет. Парочку нашла уже, это точно.

— Спасибо тебе, стажёр.

— Хабаром отплатишь, сталкер, — нарочито «страшным» голосом ответила Хип, нахмурилась, даже челюсть выдвинула, но не выдержала, расхохоталась и свалила меня с кресла на пол. Попыталась завернуть мне руку за спину, не получилось, и Хип просто приложила к моему виску палец, который, видимо, должен был изображать пистолет. — Артефакты? Бабло? Тайники?

— Всё отдам, тётенька. Не стреляйте, пожалуйста. — Я подпустил в голос побольше дрожи. — Всё отдам за кружечку горячего кофе, красивая. Пожалейте сиротинку...

— Намёк понятен. Ну, гляди, Лунь, обещался. И вообще магазины новые открылись, надо бы поискать кофе в зёрнах, а заодно и кофеварку или хотя бы джезву. Растворимый, конечно, хорошо, но с настоящим кофе не сравнить. М-м, вещь... один аромат чего стоит. — И Хип упорхнула на кухню.

Так, Лунь. Пора бы и посмотреть, что там, в коробке Доктора. Вон она, стоит на столе, наклейка белеет — «Вата нестерильная. 10 уп.». Скотчем про-

зрачным крест-накрест перехваченная, и не сказать, чтоб тяжёлая, но набита плотно. Ладно, чего уж там, открывать надо, смотреть, что внутри, хотя и жуть как не хочется это делать. Было бы так — хоп! — и ни конверта этого, ни коробки, ни просьбы Докторовой, померещилось мне, приснилось всё. Ага, как же, померещилось... мечтать не вредно. Но и не полезно ни хрена, как подметил в своё время Фреон. Я достал из ящика стола свой «Обсидиан» и осторожно разрезал ленты скотча.

Несколько общих тетрадей в клеёнчатых обложках. DVD-диски в миниатюрном, но прочном пластиковом кофре, штук двадцать, наверное, не меньше, каждый аккуратно подписан: «Зотову, лично в руки», «Луню», «Мелихову, но можно и ассистентам», «Для Скифа», «Барину». Карты Зоны в файловой папке. Упаковка с надписью «новокаин», ампулы в ней лежат, двенадцать штук, ваткой переложены. С «Жизнью». Одной из самых редких вещей в Зоне. Не один год я Зону топчу, а всего-то и нашёл этой синенькой воды на две крошечные скляночки, как зеницу ока их берегу. И как не беречь? Если хватанёшь радиации из «горячего пятна», то только эта штука тебя спасти и может. Видел на заре карьеры, как один сталкер от лучевой кончался, кожа лоскутами слезала, кровью его рвало, просто помирал мужик на глазах. Ввели ему всего один кубик, в вену. Действительно, чудо это было, кто бы мне рассказал, не поверил. Заснул сталкер через минуту. Двое суток спал. А когда проснулся, дозиметр даже фоновой радиации рядом с ним не нашёл, все язвы зажили, выздоровел. Хвалился он потом, что зуб с дуплом выпал, а на его месте здоровый вырос. Чёрт его знает, насчёт зуба и соврать можно, но что и в самых безнадёжных случаях «Жизнь» выручить может, сам видел. Дорого, кстати, та синяя капелька сталкеру

обошлась, год с лишним он должок по частям выплачивал, на одной вермишели сидел...

Вырезки из «Докладов» и газет, приличная кипа, пестреют заметками Доктора на полях, отдельные листки так и вовсе целиком исписаны карандашом или цветными чернилами. Сверху лежала статья «Зона — территория ужаса», вырезанная из газеты. Через весь текст наискосок тянулась надпись: «Очередной собачий бред! По рукам бы этого журналюгу, по рукам!» Я улыбнулся. Рядом с заголовком моя фотография, под ней имя и фамилия, давно ставшие для меня чужими. Надо же, в упор не помню, когда писал статью, про что... и фото уже почти чужое, и не признаешь сразу: скалится симпатяга, до ушей улыбается будущий Лунь, и ни седины нет ещё, ни взгляда тяжёлого, даже сумрачного, и так вот лыбиться я давно уже разучился. Говорил как-то Лихо: «Балабол ты, Лунь. Не в том смысле, что трепло, а так, веселее с тобой. Хохмишь ты нормально, но вот, блин, глаза у тебя не смеются. Никогда. Словно и не твой взгляд. Знаешь, жутко иногда от этого делается». Отложив в сторону вырезки — потом почитаю, особенно свою статью, интересно, чего же я там написал такого, — я достал из коробки последний листок, вырванный из какой-то книги. Текст сразу привлёк моё внимание. «*Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «Полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки*». И страничка личного дневника, приколотая степлером: «Апокалипсис от Иоанна. Притащила мне эту книженцию из Зоны Пеночка, хотя зачем, не понимаю. Книга в очень скверном состоянии, рассыпается в руках, но несколько листов в принципе читабельны. Этот, на-

пример. Пенка отмалчивается на все вопросы. Её мышление до сих пор остаётся для меня загадкой не меньшей, чем сама Зона. Читать она не умеет и научиться не сможет, для неё любой текст лишь грязь на бумаге. Почему книга, и почему именно эта? Богословие мне, мягко говоря, неинтересно. Может, подсказка? Через столько лет? Вряд ли... Монолит, похоже, не всегда исполняет желания. Знание или не числится в списке его даров, или это уж слишком дорогой товар. Но, как бы то ни было, у меня и в самом деле появилась пара интересных мыслей».

«Очень сильно надеюсь на то, что эта моя теория окажется таким же пшиком, как и все предыдущие. Теперь только ждать. И бояться. Так страшно мне не было уже давно. Может ли быть Зона своеобразной иммунной реакцией, местным воспалением? Как врач я вполне могу допустить такую мысль. Предполагаемые районы инициации вторичных очагов: Челябинская область в первую очередь, очень может быть Семипалатинск или Новая Земля. Участки крупных экологических катастроф также в группе риска».

— Кофе, Лунь. — Хип поставила две чашки на стол и присела рядом. — Что-то не так?

— Жить становится всё интереснее, стажёр. — Я отхлебнул кофе, взял диск с надписью «Луню» и вставил в дисковод.

Короткая видеозапись. Несколько десятков папок: файлы для ПМК, тексты, фотографии. Я навёл курсор на значок фильма и щёлкнул «Воспроизвести».

На мониторе появилось изображение комнаты Доктора. Оно пару раз качнулось, что-то громко зашуршало, пока камера устанавливалась на столе, в кадре мелькнул белый халат.

— Ну вот, вроде нормально, — услышал я голос Доктора. — Приступим.

Доктор подошёл к креслу, уселся в него, достал трубку. Затем положил в неё большую щепоть табака, примял пальцем и прикурил от спички. По комнате поплыл сизоватый клуб дыма.

— Здравствуй, сталкер Лунь. Если ты сейчас смотришь эту запись, то, значит, в силу некоторых причин я уже не смогу поговорить с тобой лично. И, вероятно, у нас уже состоялся с тобой один разговор. Тот, на который я пока не могу решиться. Уверен, что ты сейчас разозлён, и я могу это понять. Догадываюсь, что у тебя возникло множество вопросов и сомнений относительно моей... гм... просьбы. Откажешься ли ты? Скорее всего да. Уверен ли я в том, что Монолит тебя примет? Нет, не уверен. Изменится что-нибудь после того, как ты доберешься до ЧАЭС, и доберешься ли вообще? Не знаю. Услышит Монолит чужую просьбу, оставшись глухим по отношению к твоей заветной мечте? Вряд ли. Наконец, есть ли шансы на то, что, даже услышав, он её выполнит? Один из тысячи.

И даже этот ничтожный шанс не оставляет нам выбора. Буду с тобой откровенен. Сталкер Лунь... да, я понимаю, как это сейчас прозвучит. Человечество вскоре прекратит своё существование. В лучшем случае нам осталось пять лет. В худшем — меньше двух. Я ни в коем случае не пытаюсь записать тебя в спасители мира, но... возможно, от тебя зависит, будем ли мы ликвидированы под корень, до последнего человека, или же некоторым из нас будет дана возможность выжить.

И ещё. Я гарантирую вам, тебе и Хип, что если вы доберетесь до Монолита, то по крайней мере вы выживете. Гарантирую, сталкер. Не спрашивай, откуда я это знаю. Я уже привык к тому, что некоторые знания сами приходят ко мне из Зоны, и, хотя они не предоставляли мне ответа на главный вопрос, они всегда

были истинными. Пусть это тоже будет причиной, по которой вам следует туда идти.

Одни вы не доберетесь до Саркофага. У вас будет проводник. Думаю, один из лучших проводников, которые когда-либо существовали в Зоне. Но будь с ней осторожен, Лунь. Какой бы человечной она тебе ни казалась, знай, что это не человек и никогда им не станет. Она разумна, да, но разум существ Зоны построен по совершенно иным законам, нежели у нас. Я пытался привить ей человеческое. Бесполезная это была затея. Я словно пытался написать картину на окне. Краски ложатся легко, рисунок получается правильным, красивым, но стекло останется стеклом, оно не впитает красителей, и солнечный свет со временем уничтожит всю работу.

Пеночка разыщет тебя, когда наступит подходящее время. Думаю, что это случится примерно через месяц, может, два. Мне остаётся только надеяться, что за этот месяц свет солнца не будет слишком ярким, а краски, которыми я рисовал, окажутся качественными и стойкими. Видишь, Лунь, сколько «надеюсь», «если» и «может быть» я разбросал на твоём пути. Ты уж прости старика.

Последнее. Передай диски указанным на них адресатам. Это важно. К тому же это снимет с тебя подозрения в причастности к... ну, думаю, ты понял, к чему. У меня, пожалуй, всё... да, ты уже возвращаешься из своей самовольной ходки. Что же, пойду, устрою тебе выволочку за нарушение больничного режима. Сохрани себя, сталкер. Обязательно сохрани».

Доктор встал, подошёл к камере, и пару секунд я видел только белую ткань его халата. Изображение погасло.

— Ведь этого же не может быть, Лунь? — прошептала Хип. — Доктор ошибается, правда? Он и раньше

говорил, что его выводы бывали ошибочны, так ведь, Лунь? Скажи, что это неправда! Не молчи!!!

Я не смог ничего сказать. Просто обнял Хип, прижал к груди, и она страшно, взахлёб разрыдалась, вздрагивая в моих объятиях.

Странно устроен человек. Особенно если этот человек — сталкер. Удивительное дело, но после того, как я утешил Хип и «переварил» эти действительно страшные новости сам, я успокоился. Всё стало понятно — зачем идти к Монолиту, о каких «водах» говорил Доктор, и даже окружающих людей, знакомых и незнакомых, я начал воспринимать с какой-то отстранённостью. Почти равнодушием. Последние сомнения относительно похода к Монолиту отпали. Ну да, скоро кирдык всему. Да, Доктор скорее всего прав. Два года? Пять лет? Ну что ж, бывает, мы люди привычные — для сталкера каждый выход в Зону этакий маленький личный Армагеддон. А на человечество нормальному, здоровому сталкеру обычно начхать — мы от него сюда и ушли, отгородились от социума стеной Периметра, где-то там оно, далеко, да и существует ли вообще оно для нас, или просто мерещится?..

Да, уходили туда артефакты, шкуры и головы мутантов, чтобы *там* превратиться в различное, полезное сталкеру барахло, продукты, патроны. *Оттуда* приходили новички, наивные, напуганные, амбициозные — одним словом, новички, которых вскоре перетрут жернова Зоны, сделав из одних муку, из других — отруби, а из третьих и вовсе мёртвую придорожную пыль без имени, без памяти, без следа. Действительно, странно устроен сталкер: одной из первых связных мыслей после, мягко говоря, оглушительной новости была следующая: «Вот, блин... ежели человече-

ство накроется, то где же снарягу и патроны брать? Без консервов тоже как-то грустно будет. И... чёрт! Кому же тогда хабар продавать?!» Нормальная такая мысль. Сталкерская.

Подлинный ужас всей ситуации приходил постепенно. Слишком свежи были ещё в моей памяти подвалы и бомбоубежища с «группами БВП». Ржавые, шелушащиеся двери, часто запертые изнутри, и когда видишь эти засовы, когда корябаешь их ножом, просунутым в дверную щель, то уже знаешь, что увидишь там, во мраке подвалов, ставших могильниками. Нет, не кости, хотя и кости тоже есть, но не они сразу привлекают внимание. Вначале ты видишь тряпьё. Грязные, покоробившиеся, пёстрые тряпки, лежащие неопрятными горками, холмиками, пластами. Пальто, пиджаки, брюки, платьица. Сумочки. Ботинки с приставшей к протекторам грязью. А кости в этих холмиках различаешь уже потом, когда приглядишься. Нет, не выбеленные редким в Зоне солнцем, не такие, как на поверхности, к виду которых давно привык. Красно-коричневые, тёмно-серые, рыжие черепа, позвонки, кисти рук, суставы, погрызенные крысами. Делаешь снимок. Второй. Третий. А потом, когда отсняты страшные кадры, собираешь все документы, какие сможешь найти. Слипшийся, почерневший паспорт. Ещё один, испорченный «свет-плесенью», его надо брать осторожно, ядовитая теперь эта книжечка, ожог от спор может быть нешуточный. Свидетельство о рождении. Студенческий билет, на фото молодой улыбчивый парень с непослушной, вихром, чёлкой. Откуда ему было знать, что у берегов реки Тетерев нельзя, ни в коем случае нельзя прятаться от Выброса под землю, что там самая смерть, напротив, забираться нужно вверх, на деревья, крыши, хотя бы на остовы легковушек, но только чтоб от земли подальше. Да

и знал ли он вообще, что такое Выброс? В «Потери гражданского населения в результате локальной, невыясненного характера катастрофы 2007 года» добавится и твоя фамилия, парень. «Обнаружил Лунь в с. Степное, в квадрате... сектор... номер акта... Обнаружил Сионист в ПГТ Иловище, в квадрате... сектор... номер акта...». А теперь, сталкер, представь, какие горы тряпья и костей будут лежать на улицах многомиллионных городов. Сколько его будет там, где сейчас смеются и плачут, дружат и ссорятся, рожают детей, где ещё не знают о том, что очень скоро по их солнечным улочкам прогуляется смерть. Пожелтеет листва в скверах и парках, обычная детская площадка с песочницей, качелями и забытой на лавочке куклой станет смертельно опасной, а на клумбах под ослепшими окнами вместо астр и физалиса вырастут красные стрелы «снорочьего чеснока» и тонкие, острые ленты «пальцереза». Представь это, сталкер. И попробуй спокойно заснуть.

Хип, видимо, поняла это гораздо раньше меня. Или, может быть, просто почувствовала своим девичьим, тонким чутьём. Она теперь часто плакала по ночам, а днём не отходила ни на шаг, и я по мере сил старался хоть как-то её утешить.

Отвлекалась от своих тяжёлых мыслей Хип только во время рейдов в Зону. Там плохие думки отбрасывать надо, Зона их не терпит, и стажёр буквально оживала на глазах, а между ходками постоянно нудила: «Ну, Лунь, когда опять пойдём?»

«Скоро», — отвечал я. Ходить в Зону теперь нужно было часто: поганцы из администрации НИИ, узнав о плачевном состоянии сталкера Луня, ничтоже сумняшеся запустили лапу в его электронную сокровищницу. Выгребли с моего счёта почти всё — значилась в «договоре» такая статейка, согласно которой

деньги сгинувшего сталкера переходили на «нужды НИИ». С условием, правда, что оный сталкер наследника не имел. Но, как показала практика, наследников у «уголовных элементов» никогда не находилось, а при попытке качать права сталкер, претендующий на роль оного, получал ответ, который можно кратко передать как «да кто ты такой ваще?». Под шумок, как оказалось, своих, пока ещё скромных сбережений лишилась и Хип. При Барине такого бы не произошло. Умел он и «ботаников» построить, и сталкеров объединить. Осиротели мы без тебя, Барин.

Впрочем, тайник, в котором я хранил наличные, оказался цел. Под Коржино я забрал несколько редких артефактов из другого тайного схрона, оборудованного на чёрный день. Ещё одним приятным обстоятельством стало то, что хабар здорово подскочил в цене — за «шаровую молнию» удалось стрясти с «ботаников» аж пять с половиной тысяч в американских президентах, тогда как раньше она стоила в лучшем случае три. Порадоваться бы, да времена изменились — зарабатывал сталкер Лунь на новые усиленные «Кольчуги», аптечки, специально для условий Зоны разработанные, штучного исполнения детектор, и он, зараза, в немалую копейку влетал. По-хорошему, надо бы приобрести пару «Абсолютов», мощная одёжа. Говорят, этому скафандру даже «кисель» нипочём, и не всякая «электра» его пробьёт. Радиацию тоже замечательно держит. Одна беда — тяжёл «Абсолют» непомерно, семнадцать кило вместе с гермошлемом, попробуй потаскай его на себе денёк, света белого невзвидишь. С другой стороны, возле Саркофага такой фон, что «Кольчуга» тебя ну никак не спасёт. Не зря, ох, не зря Доктор посылочку с «Жизнью» передал...

* * *

С погодой сегодня не ладилось: с самого утра зарядил мелкий, похожий на водяную пыль дождь. Сыпал он тем не менее настолько густо, что в ста метрах от развалин столовой бывшего пионерлагеря пейзаж терялся в мутной серой пелене. Отсюда были видны жёлтые глиняные откосы глубокого оврага, покосившиеся кирпичные столбики ограды, чёрные рёбра догнивающего штакетника. За ними — только серое, ватное покрывало холодной мороси. Сквозь дырявую, как решето, крышу на пол падали крупные капли воды, звонко шлёпали по сопревшему линолеуму, собирались в мелкие прозрачные лужицы. Многолика Зона, много у неё голосов, и одним из них, узнаваемым, привычным, был звук падающих капель. Цок... цок... шлёп. Дзинь... цок... чок-чок... и тихое «сссссс» мелкой мороси по ржавым подоконникам и лохмотьям рубероида, свисающим с крыши.

— Мойте руки перед едой. Когда я ем, я глух и нем, — вслух зачитала Хип выложенные на белой кафельной стенке слова. — Прикинь, Лунь, у нас в школе то же самое было. В таком же порядке. Ну, ни капли воображения...

— Пионеру не к лицу пить, курить и есть мацу, — выдал я альтернативу. Странно... всплыло откуда-то из позабытой, прошлой жизни... да, верно, оттуда. И что такое маца?

Хип рассмеялась.

— Класс! Надо будет Сионисту рассказать.

— А при чём тут Сионист?

— Ну как... маца это типа хлеб такой еврейский, они его на праздник едят, — просветила меня Хип. — Два часа уже, Лунь. Долго что-то «гарь» плывёт, как бы до вечера ждать не пришлось.

— До вечера это вряд ли. А что долго — это хорошо. После «гари» в этом овражке всегда «скорлупы» на пару-тройку контейнеров мается. Сегодня, глядишь, и пять наберём.

«Скорлупа» — артефакт пусть и не особо дорогой, зато массовый. «Ботаники» его на килограммы покупают, а кило, между прочим, двести пятьдесят раньше стоило. Теперь, конечно, дороже. Внешне он ничем особо не примечателен — натурально, скорлупа, как от грецких орехов, очень похоже, только эта потяжелее будет, цвет другой и трещит, если пальцами потереть. Что в ней такого «ботаники» нашли, мне было неясно, однако в каждом номере «Докладов» обязательно мудрёная статья про эту самую «скорлупу» с кучей графиков и формул на пол-листа. Зарождался этот артефакт исключительно в потоках «гари», пардон, «тяжёлого коллоидного газа невыясненного происхождения». В отличие от «скорлупы» «гарь» действительно впечатляющая вещь — и не жидкость, и газом не назовёшь, ползёт себе этакая чёрная полоса по дну оврага, через камешки переваливает, на дым чем-то похоже, только очень густой и тяжёлый. Урчит, шипит, струйками плюётся — значит ветка на пути попалась или тушкан дохлый: любую органику эта самая «гарь» сожрёт, в саму себя превратит и дальше по низинкам тихой сапой. По этой причине дорожки «гари» легко видны — чистые, словно вылизанные камешки и добела отмытый песок, ни щепки, ни травинки. А ежели какой новичок по недомыслию руку сунет — то и пуговицы, если металлические, гвозди от ботинок, пряжка в светло-серой такой золе. И зубы. Одни только зубы и оставляет от человека «гарь». Я посмотрел в окно. Чёрная ленточка всё ещё текла в овраг по плитам дорожки, значит, на дне этого самого оврага «гари» сейчас по колено. Ну что ж,

подождём, благо, до темноты времени более чем достаточно.

Я достал сигарету, долго чиркал подмокшими спичками. Толку ноль. Плюнув на эту затею, я убрал курево во внутренний карман. Погодка, итить её, колотить... По небу медленно ползли сплошные тёмно-серые тучи, морось уверенно превращалась в обложной дождь. В разбитые окна столовой начал задувать холодный ветер. Не хотелось бы возвращаться по такой погоде — глинистые откосы под дождём превращались в настоящий каток, и съехать с тропы в аномалию было проще простого, тем более что этого добра здесь было навалом. Прямо, метрах в трёхстах, разлеглась парочка мощных «дуговых», и соваться туда по такой погоде я бы не стал. Слева овраг с «гарью». Справа какая-то непонятная бяка, на «радугу» немного похоже, но не она, это точно — воздух над «радугой» так не дрожит и не светится, а тут натурально светомузыка, со звуком даже. Громыхает, жужжит под дождём, вспышки разноцветные, красиво, но то, что красота эта для здоровья неполезная, к гадалке не ходи. Нашёл же Доктор местечко для встречи...

Согласно записям Доктора, Пенка должна прийти именно сюда. Здесь либо состоится рандеву, либо в самой столовой, в уголке, появится условный знак, пирамидка камней. Как-то это всё ненадёжно, расплывчато... слишком много «если». А ну как забыла Пенка, кто ж её знает? Или просто ушла в Зону, какое ей дело до людей, Доктор сам говорил, что она не человек. На сталкера нарвалась? Второй месяц на исходе, в пятый раз уже сюда приходим, и ничего. Как бы не пришлось топать к Монолиту без проводника. Тогда дело совсем дрянь...

А и поганое же здесь местечко, если подумать. Есть в Зоне мрачные, неприятные уголки, Коржино

вот, например, или тот же Агропром, станция там есть железнодорожная, памятная станция, до сих пор снится, сволочь. Но с пионерлагерем «Звёздочка» даже её, заразу, сравнить нельзя. Гнобило меня здесь нешуточно, причём по совершенно дурацкой причине. Сказать кому, на смех поднимут... пионеры, блин. Статуи эти чёртовы. Насмотрелся я в Зоне всякого, врагу не пожелаешь, всё видел — и человечину, по стенкам размазанную, и что «жарка» со сталкером делает, и зомби с полными черепушками опарышей, и как эти самые опарыши из носов сыплются, тоже вряд ли забуду. Тошнило поначалу от всего этого, ох, как тошнило, желчью, до спазмов пустого желудка, до боли в глазах, а потом попривык. И после всего этого — парочка пионеров гипсовых меня просто в натуральную депрессию вгоняет. И вроде ничего такого нет в них, подумаешь, горнист да барабанщик, ну, понятное дело, уделал их климат Зоны здорово, зеленью да пятнами чёрными покрылись, гипс потрескался, заплесневел. Но вот улыбки остались. Улыбки, чёрт бы их подрал. Хотел я по ним с «Сайги» картечью дать, да Хип не поймёт, напугаю ещё девочку — с чего это, интересно, Лунь по статуям патроны жжёт? Не началось ли опять? Про себя я решил, что обязательно снесу эту гадость — сколько ни отводи взгляд от слепых гипсовых глаз и улыбочек этих, мерзких, бессмысленных, а всё равно потом посмотришь. Притягивает. Страшное что-то есть, безобразное в их грязно-белом цвете, в пятнах этих, оспинах чёрных, руках, в вечном салюте вздёрнутых, и всё это на фоне хмари и кустов почерневших.

Хип порылась в карманах и выудила сделанную под «Зиппо» потёртую зажигалку, пощёлкала клавишей.

— Надо же, ещё горит... держи, Лунь.

— Спасибо... — Я прикурил от крошечного, похожего на синий шарик огонька, вернул зажигалку. Хип тут же убрала её в карман.

— Слушай... хотел спросить, да всё забывал. Зачем ты её таскаешь? Вроде сигарет я у тебя не видел...

— На память. Килька курила. — Хип заметно погрустнела, отвернулась к окну. Ляпнул, дурак... Чтобы отвлечь девушку от невесёлых мыслей, я нарочито бодро встал, одёрнул ремень и махнул рукой в сторону бывшей спортивной площадки.

— Вот что, стажёр. Давай-ка прошвырнёмся вон до тех домиков, думается мне, без трофеев не останемся. Аномалий там нет, но арты частенько попадаются. Ну, двинули...

Трое суток в Зоне не то чтобы много, бывало и больше, но вымотались мы здорово. Две ночёвки в полузатопленном подвале котельной, спать пришлось на грудах гнилых и насквозь мокрых досок. «Кольчуга-М» костюм непромокаемый, но из-за пробиравшегося сквозь многослойную ткань холода создавалось полное впечатление, что мы вымокли до нитки. Третья ночёвка состоялась в ржавом гараже, и выспаться также не получилось — мы поочерёдно дежурили, держа под прицелом дырявую дверь с хлипким засовом, а вокруг гаража кто-то всю ночь шуршал жухлой травой и изредка пищал почти на ультразвуке. Хотелось думать, что это была не «кикимора». Впрочем, ходку эту неудачной никак не назовёшь — одной «скорлупы» набрали столько, что пришлось высыпать её из контейнеров прямо в рюкзаки — арт этот не радиоактивный и для здоровья не вредный, но тащить почти девять кило тоже было непросто. Контейнеры нам нужны были под другие артефакты — Хип нады-

бала крошечную, но достаточно мощную «золотую рыбку» и пару штук «чёртовой крови», я нашёл «радужное кольцо» и приличный ком «рыжего воска», не считая пяти «трутовиков» и двух великолепных «острых плёнок». На обратном пути, уже недалеко от Периметра, я снял с куста «узел», довольно редкую вещь даже в глубине Зоны. Удивительно невзрачный на вид, этот артефакт напоминал пучок тонкого серого шпагата, скрученный в тугой жгут. И не скажешь, что пучок этот десять тысяч в зелёных деньгах стоит. Не скажешь, пока в руки не возьмёшь. Твёрдый, как камень, весит он меньше, чем тополиный пух — на землю бросаешь, и он медленно так, плавно опускается, ветерком его колышет. Чудная, ей-богу, штука, и пользы от неё никакой вроде нет, но физики НИИ за неё чёрту душу продать готовы. Я не я буду, если с них пятнашку за «узел» не стрясу. А ещё лучше — сразу бартерную сделку: «ботаники» списывают две новейшие «Кольчуги-2М» и «теряют» в Зоне модернизированный детектор, взамен находя «узел», «острые плёнки» и, да ладно, чего уж там, всю «скорлупу» и «золотую рыбку».

На пропускнике никаких проблем не возникло. Нам даже не пришлось использовать новенькие идентификационные карты — я лучезарно улыбнулся сытому (кило этак на сто тридцать) сержанту с осоловелым взглядом, военнослужащий что-то глухо буркнул и махнул рукой. Мол, проходите, не задерживайтесь...

На Бар я даже не посмотрел. Туда теперь ни ногой, как бы ни хотелось после Зоны пропустить каплю горячительного в организм. Сходим сначала в НИИ, сольём хабар, потом домой отсыпаться...

— Лунь, чертяка! Ты, что ль?

Я обернулся. Из пропускника выходил Лихо.

— Ё-моё! Точно! А мы с ребятами всё думаем, где тебя носит? Чего не заходишь?

— Здоров будь, Лихо. — Я пожал жёсткую ладонь, хлопнул сталкера по плечу. — А куда заходить? В эту, как её, «Южную ночь»?

— Лунь...

— Ну?

— Есть такая штука на свете. ПМК называется. Ценная, я тебе скажу, вещица. Про погоду там, карту, про Выбросы, хабар разный написано. Буковки знакомые посмотреть можно хотя бы даже в новостях. Ну а если читать совсем не любим, то...

Лихо кивнул в сторону Бара. Ё-моё! Вывески с красоткой уже не было. Вместо неё мигала зелёными и красными огоньками незамысловатая «иллюминация» вокруг куска крашеной жести с надписью «БАР».

— А в НИИ не ходи, не пустят. Куда нам, с суконным рылом, да в калашный ряд. Айда по маленькой после ходки. Бивень там теперь заправляет, Кучего уволили. Сам увольнял. — Лихо ухмыльнулся и продемонстрировал здоровенный кулак.

— В таком случае идём. По маленькой и в самом деле не помешает, — согласился я.

— В натуре, мужики, кукла это была. Я, блин, чуть в штаны не наделал. Жуть, ё!

— Гы-ы...

— Трепло...

— Слышь, Бушмен, да ты, видать, с Армейских возвращался.

— Ну так, с Армейских. Откуда знаешь? От блин, мужики, стрёмно в этой деревеньке. Иду, значит, иду, а она, сволочь, на подоконнике скачет. Кукла, ё! Такая, знаете, советская, которые ещё глаза закрывают. Ё, мужики! Охренеть! Прыг, блин, скок, руками ма-

шет, и зенки её в башке перекатываются, гремят, ё! Ё! Я, блин, уже чуть в штаны...

— Ну, говорю же, с Армейских Бушмен топал. Слыхал я, что там местные мутантный сорт конопли вывели. Псевдошмаль называется. Говорят, башню на раз сносит, страшная штука. Слышь, друг, завязывал бы ты с этой дрянью... а то в штаны и в самом деле нафигачишь, сиди потом с тобой за одним столом.

— Га-ааа...

— Гыыы...

— Да чё вы, блин? Во, глядите, ё...

Бушмен рванул тесёмки рюкзака, достал из него большой контейнер, отвернул крышку. На пол Бара вывалилась обгоревшая кукла.

— Итить твою налево... — выдохнул кто-то.

Кукла зашевелилась. Медленно поднялись и опустились руки, заскрипел песок в пластмассовых суставах, повернулась голова — кукла словно осматривала помещение.

— Слышь, Бушмен, ты ваще офигел? Ты чё, блин, творишь? Жить надоело, на?

— А чё такое?

— На хрена ты её вообще трогал? Знаешь, что с такими чудилами в Зоне бывает? Да ещё и сюда припёр, дебил...

— А она чё? Того?

— Хрен её знает. Это, блин, Зона! От дебил, а... в следующий раз кикимору потрогай, идиот.

— Слышь, мужики, а может, это типа артефакт? Мой кореш намедни дверную ручку «ботанам» за три с половиной тыщи продал...

Бивень отложил в сторону полотенце, которым только что насухо вытирал стаканы, поскрипывая протезами, вышел из-за стойки.

— Ну, артефакт это. Темпоральная складка, «ботаники» её так называют. А ты, парень, натурально в рубашке родился. Гадостная это штука. Непредсказуемая. — Бармен осторожно пододвинул куклу к контейнеру ручкой от швабры. — Забирай её отсюда, и побыстрее. Дома не храни.

— Лунь, а чего она шевелится? — тихонько спросила Хип.

— Кто ж её знает... — Я пожал плечами. — Вроде читал про такое в «Докладах». Кажется, там что-то со временем не так. Тридцать лет назад с ней девчушка какая-нибудь игралась, ну а кукла теперь повторяет все движения. Складка времени, пограничный объект, всё такое. Ну, помнишь, школа бывшая, к которой подходить вообще нельзя?

— Ага... — Хип поёжилась. — До сих пор звонки слышны... бр-р...

— Ну вот, из той же оперы. Правда, насчёт времени это не доказано, так, гипотеза.

— Зона... — прошептала Хип.

— Вот это точно ты сказала. Зона, — кивнул Лихо. — Да только сдаётся мне, что фигня это насчёт времени. Не, здесь другое... совсем другое. Дома вот, например. Идёшь мимо них, особенно если ночью, и кажется, что они как будто стонут, что ли, тоскуют, наверное. В Коржино квартира одна есть, ночевал там. И всю ночь на кухне кто-то тихонько так, жалобно плакал, словно ребёнок. Я пару раз заглядывал туда — пусто, конечно, и плач сразу смолкал, а потом опять еле слышно. Как во сне дети плачут, похоже очень. Ох и жутко мне там было. И сдаётся мне, это сам дом плакал. Не только людям в Зоне страшно бывает.

— Э, Лихо, да ты, похоже, перегораешь. Ишь чего выдумал — дома стонут. Такого даже здесь не случа-

ется, — прохрипел с соседнего столика незнакомый мне сталкер в залатанном комбинезоне. — Ты это... того... фантазёр.

— Типун тебе на язык, Батл, — огрызнулся Лихо. — Смотри сам не перегори, блин. А не веришь, вон, сходи к Мешковской восьмилетке утречком, послушай, а потом уже трынди. Звонки там до сих пор по расписанию, часы сверять можно. В саму школу только не суйся, а то ума хватит.

— Да, Батл, в натуре, сам слышал, — кивнул Гопстоп. — Восьмилетка эта вообще стрёмная. Мячик там во дворе лежит, под турниками. Со Второй лежит под солнышком да дождичком, а как будто только вчера его там забыли, как новенький, блестит даже. Рядом с ним сталкер какой-то гробанулся, так уже и костей не видать, а мячику хоть бы что.

— Не какой-то, а Герасим. Мировой был мужик. — Лихо разлил остатки водки по четырём пластиковым стаканчикам. — Ну, братья и сёстры, давайте за тех, кто не вернулся из Зоны.

— Слышь, Бивень, а водка-то палёная, — скривился Гопстоп. — Не бери её больше.

Водка действительно была дрянная. Да и колбаса тоже далеко не фонтан, одна соя и перемолотые хрящи. Плохо всё-таки без Барина.

— Найди хорошую. Буду благодарен, — с раздражением в голосе ответил Бивень. — Зажрались вы, как я погляжу. О, опять...

В Бар зашли двое. Один, с одутловатым бледным лицом, сутулый и какой-то незаметный, сразу прошёл за крайний столик, медленно сел и обвёл Бар острым, внимательным взглядом. Второй, молодой дылдоватый сержант с тяжёлой нижней челюстью и редкой щетиной под носом, которая, видимо, должна была изображать усы, подошёл к стойке.

— Как обычно, — буркнул он, и бармен налил две рюмки коньяка.

— Безнадёжное это дело. Зря только время тратите, — сказал Бивень.

— Сами разберемся. Объявление зачем снял?

— Ага. Сталкеры там такую похабень нацарапали, смотреть стыдно. Дохлый номер, ребята.

— Разберемся, — повторил сержант. — Так, значит. Внимание всем! Граждане, имеющие опыт выживания в Зоне! Приглашаем вас поработать на благо родной страны. Оклад от тридцати до пятидесяти тысяч рублей в месяц плюс премиальные и оплачиваемый отпуск. Жильё бесплатно. Кгм... вакансии: старший лаборант и инструктор.

— А иди ты...

— Вы, что ль, бумажку тут повесили?..

— Какая Зона? Э, братец, ты чего-то попутал. Здесь таких нет.

— Замануха...

— Ну, Василий Андреевич, что я вам говорил? — Сержант картинно развёл руками. — Бесполезно с этими разговаривать. Кодла.

— А в зуб? — поинтересовался Бушмен.

— Рискни здоровьем, — окрысился сержант. — Щас взвод ОМОНа пришлю, устроят вам маски-шоу...

— Помолчи, Коля. — Бледный досадливо махнул рукой. — Нельзя так. К людям подход нужен, уважение. Мужики! Такое дело... не от хорошей жизни мы к вам пришли. Люди у нас гибнут. Учёные, солдаты, лаборанты. Только вы и можете помочь. Не я вас прошу, страна просит.

— А что такое? — спросил Фреон.

— А такое, мужики, что Зон теперь аж целых три.

— Василий Андреевич, секретно же... — зашептал сержант.

— Фиг с ним. Тоже мне секрет. Все уже знают. Ну, что скажете?

Фреон помолчал, допил пиво и с хрустом смял пустую банку.

— Расскажу я вам историю, ребята. Жил-был на белом свете дядя Гриша. Были у дяди Гриши жена и дочка, и работа была интересная, нужная — ковал Гриша оружие для родной страны. Гордился он и страной своей, и работой тоже гордился, потому как был дядя Гриша патриот. А вот жена у него патриотом не была. Достали её пустые макароны да сырые коммуналки, надоело ей платья свои старые штопать. Ушла от дяди Гриши жена к москвичу с квартирой. Осталась у него дочка-умница. Ничего, сказал дядя Гриша, переживём. И дальше стал работать на родную страну и пустые макароны есть, потому что он был патриот. Город, где жил дядя Гриша, был закрытый, а в городе этом был завод секретный, и так случилось, что и город этот, и завод стране вдруг не нужны стали. Остался Гриша без работы. Ничего, сказал он, и это переживём, хоть и макарон не стало. Тогда стал дядя Гриша фермером. Землю вспахал, свинок, курочек завёл на кредит банковский. Коптильню построил даже, окорока, колбасы хорошие делал, люди хвалили. И начала родная страна всяких разных чиновников да инспекторов к дяде Грише посылать, и кормились они с Гриши не хило. Ладно, пережил и это многострадальный дядя. Братков вот не пережил. Не поверили братки, что всё до них уже чиновники скушали, и запылала ферма ясным пламенем вместе со свинками и курочками, а банк забрал у него квартирку. Пошёл дядя Гриша в милицию, которая его берегла. И послали там дядю в короткое путешествие, и пошёл Гриша, и поселился в подвальчике, и грузчиком на складе работал, а дочка его в восьмой класс

пошла, когда врачи у неё болезнь нашли. Завод секретный, оказывается, для здоровья совсем не полезный был, особенно детского. И побежал дядя Гриша по инстанциям дочкину жизнь вымаливать, и вторично послала его родная страна. Схоронил Гриша дочь свою, посмотрел на все эти дела и исчез. А вместо него сталкер Фреон появился, и Фреон этот патриотом не был. Всё тебе ясно, Василий Андреевич? Так что канай отсюда вместе со своей страной и больше здесь не появляйся.

— Ладно. Чёрт с ней, со страной, — неожиданно легко согласился бледный. — О людях подумайте. Они же умирают там. И у них семьи есть. Жёны, дети. От вас только требуется научить или проводниками поработать... Деньгами не обидим, — с каким-то презрительным пониманием добавил он.

— А вы, наверное, на работу приглашаете? Ну, там, объявления, горы золотые, милости просим? — спросил Гопстоп.

— Ну, да...

— Ну и дурачьё. Никто к вам не пойдёт. А вы бы колючкой Зону оградили, таблички повесили «Не влезай — убьёт», вышек с солдатнёй понатыкали. У нас как — раз страна просит, значит, это хрень и замануха, и ничего хорошего там не будет. А вот ежели забор и охрана, да «Вход запрещён!», значит, что-то ценное от народа прячут. Скажите только солдатне своей, чтоб в людей не стреляли. — Глаза Гопстопа на секунду потемнели. — Пусть для вида только маячат. И через месяц-два бар откройте, и будут вам и проводники, и хабар, и всяческая благодать. Всё вас учить надо, как дети, честное слово...

— Гааа...

— Гы-ыыыы... точно, мужики, Гопстоп сказал, всё так.

— Хм... — Бледный махнул рюмку коньяка, кивнул сержанту и они вышли из Бара.

— Брехло... три Зоны. — Бушмен проводил взглядом сержанта. — Это только у нас их три. У американцев тоже есть, и, говорят, не хилая. Половина Невады.

— На Новой Земле точно...

— И в Семипалатинске.

— Это что же, мужики, получается? Плодятся они, что ли?

— Под Челябинском уже арты находят. «Медузы», «выверты», по мелочи, в общем. Может, махнуть туда?

— Флаг в руки. Давай, вон тот мордатый тебя дожидается, всё думает, как же мы там, в Челябинске, без Шкета? Кто ж нам «капли» со Свалки носить будет?

— Да там и Свалки, наверно, нет...

— Зато «капли» есть. На большее-то рассчитывать не приходится. Так ведь, великий сталкер Шкет?

— Да пошёл ты...

— Кого послал?!

— Начинается, — буркнула Хип. — Детский сад, блин. Спокойно посидеть не дают.

— А, ладно... поорут да успокоятся. Первый раз, что ли? — Я подобрал с пола рюкзаки, кивнул Бивню. — Принимай товар, хозяин.

«Кольчуга-2М» порадовала. Действительно порадовала. Эх, такой костюм, да пораньше бы... молодцы разработчики, ничего не скажешь. Такое ощущение, что прислушались они к чаяниям сталкера Луня: на что хороша была предыдущая модель, но эта вот... м-да... просто здорово.

Лёгкая керамическая броня, и уже не в виде мелкой чешуи, как раньше, а аккуратными пластиночка-

ми внахлёст, и сами пластинки хороши, солидные такие, широкие и, если верить Бивню, пистолетную пулю держат без проблем. Сверху несколько слоёв нетканого материала с какой-то хитрой добавкой, «изолитекс», что ли... а, не важно, как называется, главное, прочный, как кевлар и очень стойкий, ни кислота, ни «красный дождь» не возьмут. Радиация... да, вот с радиацией такая же беда, что и в старой модели, слабенько, что уж тут. Спасибо хоть, от разрядов немного заизолировали. В остальном — всё та же старая добрая «Кольчуга-М», здорово, что ни берцы, ни разгрузку никакими нововведениями не напичкали — лучшее, как известно, иногда враг хорошего.

— Чего мне стоило эти костюмчики для вас выцыганить... — буркнул Бивень. — Упёрлись эти ботанические жлобы и ни в какую. У самих, мол, на складе всего дюжина, бери, Бивень, «Ксеноны». Со скидкой. А на фиг они мне нужны? Зелёным, разве что, продавать, так и они уже плюются. Ты, Лунь, это... не говори, что я тебе «Кольчуги» добыл. Всю плешь сталкеры проедят.

— Спасибо, дружище. За такие жертвы в качестве компенсации забирай старые. Состояние у них отменное, продашь без проблем.

— А вот за это вам от меня благодарность. — Бивень охотно забрал наши «Кольчуги-М», сноровисто спрятал в шкаф. — Ну и списочек тут у вас. Далече собрались?

— Далече, — вздохнул я, и бармен, поскрипывая протезами, начал ходить вдоль стеллажей, набирая консервы, патроны, фильтры.

И стало мне вдруг страшно. Смотрел я на то, как ложатся на стол банки с тушёнкой, пачки патронов, галеты, бинты, и нехорошо мне было от этого зрелища. Всё. И костюмы есть, и детектор новый, и рюкза-

ки под завязку набиты... теперь только идти. И в первый раз я действительно всерьёз пожалел, что толкнула меня нелёгкая на сталкерскую дорожку. Было, конечно, и раньше, часто было так, что зарекался сталкер Лунь в Зону ходить. Но Выбросы утихали, мутанты уходили, заживали раны, отлёживался Лунь и усмехался потом: «Надо же, какой пустяк, а сколько дурных мыслей в голову пришло...» И в «тине» сидел, люто ненавидя Зону и заодно весь белый свет, и «окончательно и бесповоротно» завязывал с Зоной не раз, а всё равно потом уходил. Но такого, чтоб инстинкт настойчиво не шептал даже, а буквально орал «Не ходи!», ещё не было. Ни разу.

— Как-то мне не по себе, Лунь. — Хип поёжилась и зачем-то стала царапать ногтем наклейку на консервной банке.

— Прорвёмся, стажёр...

А что я мог ещё сказать?

«В своей рецензии на статью профессора Зотова В.И. я, пожалуй, впервые за много лет не удержусь от резкой критики. Засилье псевдонаучного бреда, уважаемый коллега, ни в коей мере не должно касаться людей, смеющих называть себя учёными. Тем более обидно то, что в предыдущих своих работах вы приятно поражали меня смелостью научной мысли, строгими, выверенными умозаключениями и прекрасной экспериментальной практикой. Право, не ожидал я такого от вас, коллега. С подобными заявлениями уместно было бы выступать на сборищах каких-нибудь сектантов, но уж никак не на научном совете! Что вы себе позволяете?

Самое интересное, что никто из учёного совета не отреагировал должным образом ни на само выступ-

ление Зотова В.И., ни на то, что статья, практически полностью повторяющая данное, с позволения сказать, выступление, была опубликована в «Докладах». Это форменное безобразие! Мне стыдно даже разбирать подобное в рецензии, просто повторять некоторые тезисы доклада вне моих сил. Скажу лишь, что для учёного безнравственно и в высшей степени безответственно заниматься предсказаниями «конца света» «иммунных реакций планеты» и прочего НЕ научно-фантастического бреда. Этот упрёк с моей стороны и вам, уважаемые члены научного совета. Действительный член РАН, академик Смирнов Д.Я.».

— О как... — Хип закончила чтение вслух и отложила последний номер «Докладов». — Вот сволочь. За такие вещи в приличном обществе морду бьют. Когда выходим, Лунь? — совсем тихо спросила она.

— Завтра, стажёр. Дойдём до пионерлагеря, подождём ещё немного, и вперед, спасать человечество. — Я подавил нервное хихиканье, прикрепил к шомполу свежий кусок ветоши и начал доводить ствол «Сайги» до зеркального блеска. — Пистолеты почистила?

— Вчера ещё... — вздохнула Хип. — Как думаешь, Лунь, дойдём мы без Пенки?

Замечательный вопрос. Хотелось бы мне знать на него ответ.

— Обязательно дойдём, стажёр.

— А почему шёпотом?

— Чтоб Зона не услышала, — подмигнул я. — Ну, что у нас там дальше по плану?

А дальше у нас был праздник. На деньги, оставшиеся после покупки необходимого снаряжения, затоварились мы с Хип бутылкой хорошего вина, какими-то разносолами из недавно открывшегося в Чернобыле-7 мини-маркета и сервировали вполне приличный ужин при свечах. Я запустил на персо-

налке диск с музыкой, и мы провели этот вечер так, словно он был последним в нашей жизни. Как знать, может, и в самом деле последним...

— Всё, привал, — скомандовал я, сбрасывая рюкзак. Отмахали мы сегодня прилично, но до бывшего пионерлагеря оставался ещё по меньшей мере десяток километров. До темноты точно не дойдём, тем более, что после полудня на землю лёг густой туман, а в тумане уважающий себя сталкер ходить не станет. Звуки искажаются, аномалию проморгать можно на раз, в общем, для ходки погода неудачная. Зато для ночёвки место очень хорошее — старый Кордон, брошенный сталкерами после Третьей. Глухо здесь теперь: аномалий почти нет, но и хабара тоже не найдёшь, поэтому посещался сталкерами бывший Кордон редко и неохотно. Но в качестве укрытия на ночь лучше места и не найти — глубокий бетонный бункер какого-то давным-давно сгинувшего торговца был, как мне кажется, самым безопасным местом в Зоне, если таковое вообще возможно представить.

— Деревня какая-то. — Хип осмотрела провалённые крыши, горки ржавых консервных банок в бурьяне, остов «Нивы». — Но, по ходу, жили здесь. Вон кострищ сколько осталось.

— Это, стажёр, в некотором роде знаменитое место. Кордон, он же деревня новичков. Многие нынешние ветераны здесь начинали. Тут был большой лагерь сталкеров, пока Третья не шарахнула. А вон там, за холмами, раньше армейский блокпост был, ворота Зоны. Мало что от него осталось, «кислотной колючкой» всё заросло да «жгучим пухом».

Шорох. Протяжный стон, и не поймёшь где — туман. «Помоги-ите... кто-нибудь...»

— Тихо, Хип.

Я прислушался. Стон повторился, коротко, сухо треснула веточка.

— Подожди здесь. — Я кивнул на ближайший дом. — Похоже, вляпался какой-то дурак в «присоску». Я сейчас.

Хоть и не богат Кордон на аномалии, но «глухари» и «присоски» всё же встречаются. Не смертельные эти штуки сами по себе: первые оглушают минимум на сутки, только звон в ушах стоит, вторые, подлюги, «приковывают» — если влез, то как муха на липкой бумаге барахтаться будешь. Крепко схватывает «присоска», одному нипочём не выбраться. Правда, чтобы влезть в неё, особый талант нужен — хорошо видна аномалия, даже зелёный новичок за десять шагов разглядит и спросит, что это там, мол, в траве серебрится?

Я ошибся. Не в «присоске» было дело. Молодой парень в сильно изношенном, явно с чужого плеча комбинезоне лежал на боку, держась обеими руками за живот, и негромко, протяжно стонал.

— Что случилось?

— С-снорк... зараза... помоги.

— Потерпи. Сейчас полегче станет. — Я достал из бокового кармана аптечку, выковырнул из неё шприц с анестетином. Снорк, значит? Ох и скверные раны после этой твари остаются, лёгкими их никак не назовёшь. Без мощных антибиотиков пиши пропало — нагноится, гангрена пойдёт, а если проникающее, то дело совсем дрянь.

— Спокойно. Не дёргайся, это обезболивающее. — Я склонился над раненым. — Сильно он тебя?

— Не. — Паренёк вдруг улыбнулся, а мир исчез в короткой ослепительной вспышке.

* * *

Ох, чёрт... вся правая сторона головы раскалывалась от тупой, пульсирующей боли, глаза отказывались открываться, во рту стоял солёный привкус. В ушах шумел прибой, ныли связанные, начинающие затекать руки.

— Ты, придурок... а ну как сдохнет? На хрена ты его так долбанул? У жмура про тайники спрашивать будешь?

— Ништяк. Очухается. Я ж слегонца.

— Видел я, как слегонца. Если окочурится, я тебя, падла, самого за хабаром в Зону пошлю.

— Э, Бугор, ты базар-то фильтруй. А то как бы чего не вышло. Случайно так. Слегонца, гы...

— Ну, ты оборзел, в натуре... кому диктуешь, сявка?

— Прав Зуб. Хоть ты и босс, а пацанов огорчать не надо... гляди, очухался. Эй, олень, глазки-то открой!

Чьи-то руки грубо дёрнули меня за шиворот, подняли.

— Сидеть, на... Муха, сметнись за сюрпризом.

Мне наконец удалось разлепить опухшие веки.

— Здорово, Лунь. Давненько не виделись.

— Саранча. Прав был Барин, — прохрипел я.

— Это в чём же прав был покойничек? — поинтересовался Саранча, здоровенный, под два метра ростом, детина с тупым взглядом и похожим на полную луну угреватым лицом. Старый знакомый, угораздило меня как-то раз даже в ходку с ним отправиться. Мой крестник — ночью сожрал бывший стажёр свой трёхдневный рацион и половину моего, после чего смотался по-английски. Говорил потом, что страшно в Зоне стало, вот и ушёл, а я как дурак

его двое суток по холмам да буеракам искал. Набил я ему потом морду, и до Хип стажёров у меня больше не было.

— А в том, что сволочь ты. — Я поискал глазами Хип. От сердца отлегло — в подвале, кроме меня, Саранчи и ещё четырёх молодчиков бандитского вида, никого больше не было. Ушла. Умница, Хип. И даже жестокий удар армейского ботинка по рёбрам не смог стереть с моего лица улыбку.

— Хамите, парниша, — сказал Саранча. — Нехорошо, Лунь, так со старыми друзьями.

— О, ништяк у тебя, Рыло, погоняло было. В натуре саранча. Жрать ты горазд, — заметил один из бандитов.

— Ну дык.

— Вы чё, сюда базарить пришли? — захрипел прокуренным басом ещё один, деловито копающийся в моём рюкзаке. — Рыло, урод, ты чё фуфло нам толкнул насчёт этого оленя? Он пустой, на! Аптечки да консервы, ни одного арта! На хрена мы его столько времени пасли?

— Не кипишись, Бугор. Он и без артов не хило упакован. Волына недешёвая, костюмчик тоже богатый. — Саранча поднял руки. — И схроны у него есть.

— Так он тебе и расколется, на.

— Расколется... когда мы шмару его сначала по кругу пустим, а потом глазки ей малость поцарапаем этой вот иголочкой. — Саранча, ухмыляясь, продемонстрировал шприц-тюбик с обезболивающим. Тот самый, из моей аптечки.

— Ах ты, мразь... — Я рванулся из пут, но скрутили меня крепко, похоже, проволокой.

— Видали. Проняло земелю... ра-асколется. Слышь, Муха, заноси.

Муха, тощий, совсем ещё молодой парень с бегающим взглядом и узким, хищным лицом, затащил в подвал связанную Хип.

— Укусила, падла... слышь, Бугор, чур, я после тебя.

— А морда не треснет? — поинтересовался тот, кого, видимо, звали Зубом. — Ты, баклан, чуть всё дело не запорол. Где должен был торчать?

— Ну, возле забора...

— А какого хрена ты, урод, сюда попёрся?

— Муха, захлопни пасть... — захрипел Бугор. — И ты, Зуб, тоже не воняй. С тобой вообще отдельный базар будет, падла оборзевшая. Забыл, сука, где я тебя подобрал? Напомнить? Ну, чё, олень... — Бандит обращался уже ко мне. — Перетрём без понтов?

— Развяжи — поговорим.

— Ага. Щас, — ухмыльнулся Бугор. — Учти, сталкерюга, пацаны мои голодные, а Муха ещё и мясник. Даже мне смотреть противно, что он с бабой вытворяет.

Я изо всех сил попытался разорвать путы. Проволока врезалась в кожу, по запястью поползли тёплые капли.

— Нехорошей смертью ты сдохнешь, мразь.

— Все мы смертные. — Бугор пожал плечами. — Но сначала ты, а потом я. Ну, ребята, готовьте невесту. Жениться будем.

Никогда не мог представить, что обрадуюсь этому звуку. Тихий писк в ушах обычно означал одну из самых паршивых ситуаций, которые могли случиться в Зоне. Тихонько, едва слышно пищит, и если кто не знает, что это, даже внимания не обратит. Бугор знал.

— Контролёр... твою мать! — с неподдельным ужасом захрипел он, окончание фразы я не расслышал — писк в ушах превратился в сверлящий, прон-

зительный свист, сквозь который с трудом пробился крик Саранчи. Свалившись со стула и обхватив голову руками, словно это могло спасти его от пси-атаки, Саранча звонко, по-бабьи визжал, пытаясь забраться под гнилую кровать, что при его комплекции было очень непросто. Бугор молотил из автомата в проём двери, жёг патроны в белый свет, как в копеечку, остальные бандиты бестолково метались по подвалу. Первым сдался Муха.

Всего один раз в жизни я видел, как меняется взгляд человека, разум которого сжигает контролёр. Сначала зрачки сжимаются в точку, затем, через пару секунд, глаза начинают смотреть в разные стороны, как у хамелеона. Правый может глядеть вниз, левый поворачивается к переносице. Агония перегорающего мозга длится недолго, всего секунд десять, и взгляд вдруг становится ясным, бессмысленным, а из приоткрывшегося рта начинает стекать струйка обильно выделяющейся слюны.

Муха медленно достал из кармана «макаров», оттянул затвор, и выстрелы в замкнутом пространстве подвала прозвучали громко и резко даже сквозь жестокий, сверлящий свист в ушах. Первая пуля вошла в затылок Бугра и вышла через глаз, вынеся за собой розовое облачко. Вторая вырвала лохмотья синтепона из старой засаленной куртки. Бугор отвесил земной поклон, словно встречая свою смерть, затем рухнул на колени и медленно завалился на бок. Муха тем временем в упор расстрелял ещё одного бандита и направил пистолет на Саранчу. Стрелять он не стал, потому что Саранча уже поднимался с пола, и достаточно было лишь взглянуть в его лицо, чтобы понять, что свита контролёра увеличилась ещё на одного участника.

— Хип! — крикнул я изо всех сил. — Вода! Думай о воде!

Хип услышала, кивнула, зажмурила глаза. Река. Широкая, чистая, с прохладной водой и заросшими сосновым лесом берегами... журчат родники, плещет о песчаный берег волна от пронёсшейся по плёсу моторки. Нет Зоны, нет меня, нет подвала. Река, широкая чистая река, только она существует на всём белом свете. Представляй её, сталкер, ясно представляй, иначе случится с тобой нечто похуже смерти.

Писк в ушах прекратился внезапно, словно его оборвали. Двое зомби, мыча и пуская слюни, топтались посреди подвала, третий, с простреленными ногами, безуспешно пытался встать. В воздухе пахло пороховой гарью. В наступившей тишине послышалось цоканье когтей — в подвал осторожно спускался слепой пёс. Крупный, с хорошего дога, он водил по сторонам безглазой мордой, сипло втягивал воздух, глухо ворчал, учуяв ненавистные запахи людей и пороха, но, подчиняясь чужой воле, шёл дальше. За ним в подвал спустились ещё две собаки-мутанта помельче, с лысеющими шкурами, покрытыми палевой клочковатой шерстью. Наконец послышались тихие шаги. В подвал спускался контролёр. «Вот и всё. Как глупо получилось», — мелькнула мысль. Сталкеры от старости не умирают, и ты хорошо это знаешь, Лунь.

— Прости, если что не так, стажёр.

Сгорбленная фигура в грязном плаще мягко сошла с лестницы, приблизилась к раненому зомби и долго, словно в раздумье, стояла возле него.

— Плохо. Не годится. Не пойдёт дальше. Убить, — проворчал знакомый голос. Пенка?

Длинная белая рука выстрелила из складок плаща со скоростью молнии, сочно хрустнул проломленный череп.

— Эй, — тихонько окликнул я.

В существе, которое обернулось на мой зов, от прежней Пенки мало что оставалось. От известково-белого лика веяло настолько чужим, диким дыханием Зоны, что по коже пробежали мурашки. Мутант по-собачьи наклонил голову, изучая меня, оскалился. Надо же, раньше и не замечал, насколько у неё хищные, острые зубы...

— Лунь... Хип... искать. Тебя. Тебя. — Да, голос её, девичий, звонкий, но ничего человеческого в нём уже не было. От картины, что рисовал Доктор, на стекле остался лишь бледный призрак. — Идёшь Монолит. Доктор. Надо. Время. ХРА-Гррр...

От громкого утробного рыка зомби словно очнулись, подобрали рюкзаки и оружие, дёргаясь, будто испорченные заводные куклы, начали подниматься по лестнице. Один из слепых псов осторожно понюхал руку мёртвого Бугра, лизнул, прихватил зубами. Словно получив сигнал, остальные собаки присоединились к нему, пяток тушканов, азартно визжа, запрыгнули в подвал. Запахло кровью и требухой. Под рвущие звуки, хруст, чавканье я услышал рёв не пролезшего в дверной проём голодного псевдогиганта. Пенка, не обращая внимания на свою свиту, уселась в углу и замерла, ожидая, пока мы избавимся от пут, — мне и в голову не пришло попросить её развязать проволоку. Пускай уж там сидит, не подходит...

— Время. Идти, — повторила она.

Залив содранную на запястьях кожу асептическим спреем, я передал баллончик Хип — Муха сильно ссадил ей кожу на скуле, где теперь наливался обширный кровоподтёк. Я даже немного пожалел, что Пенка зомбировала бандита — руки буквально чесались удавить подонка. А зомби — он зомби и есть, и теперь вроде как даже и ни при чём. И неизвестно к тому же, что лучше — настоящая смерть или такая вот

«жизнь». Да и можно ли назвать это жизнью даже в переносном смысле? Если контролёр решил не подчинить, а просто сжечь мозг жертвы, то организм биологически умирает. А уж какие процессы приходят на смену обычным жизненным функциям, не ведают даже самые умные профессора из НИИ. Надо будет как-нибудь намекнуть Пенке, чтоб избавилась она от мертвяков в своей свите. Дни сейчас пусть и не особо жаркие, но влажные, мацерация у бывших бандитов начнётся как пить дать, а затем и гниение. А что такое зомби в слякотную погоду, мне даже и вспоминать противно.

— Хнн... агг. — Пенка вдруг встрепенулась. — Правильно. Большому еда. Сильный, большой, но голодный. Мясо большому. — И, с лёгкостью подхватив тело бандита, словно тот был тряпичной куклой, поволокла его к выходу. Несмотря на простреленные ноги и всмятку разбитый череп, зомби был ещё жив. Он глухо булькал, мычал и, словно на прощание, помахивал рукой.

Я уже немного попривык к подобным зрелищам, хотя и не скажу, что спокойно к ним относился. Стажёра же буквально выворачивало наизнанку. Вид питающихся слепышей, хруст наверху, словно псевдогигант грыз не зомби, а методично пережёвывал пригоршни леденцов, кошмарный запах требухи в подвале, а также шок от пережитого могли запросто свести девушку с ума. Что уж там, и ветераны иногда от такого с катушек слетают ...

Молодцы «ботаники». Хорошую они аптечку для условий Зоны придумали. Кроме противовоспалительных, кровоостанавливающих и антирадиационных препаратов, имелись там замечательные шприц-тюбики со странным названием «Седатин-5». Опасное средство, подсесть на него можно на раз, однако

же ни «слеза контролёра», ни армейские «таблетки храбрости» таким эффектом не обладали. Действительно мощная штука для самых крайних случаев.

— Тихо, тихо, родная... не смотри. — Я прижал стажёра к груди, отщёлкнул ногтем прозрачный колпачок с иглы. — Сейчас полегче станет, потерпи немного.

Инъекция подействовала почти мгновенно. Глаза Хип быстро осоловели, а рыдания и спазмы, от которых стажёр едва не задыхалась, превратились в редкие, размеренные всхлипывания.

— Ой, Лунь... а потолок-то побежал... — негромко пробормотала Хип, хихикнула и сонно осмотрела подвал. — Пойдём на улицу, а? Мне тут совсем не нравится.

Я подхватил девушку на руки и начал подниматься по лестнице. И когда я думал, что Хип уже заснула, она вдруг спросила полушёпотом:

— Слушай, сталкер... а может, ну его, а?..

— Ты о чём, стажёр?

— Ну... к Монолиту идти. За... что рубимся, Лунь? Доктор умер... Барин тоже. Так за кого просить будем, сталкер? За тех вон, что в подвале были? Или за соседей, что мимо меня по лестнице проходили, пока я кровью харкала? Может, так оно и надо, чтоб накрылись все эти тошноты...

— Нет, стажёр, нельзя так. Много хороших людей в Зоне, да и за Периметром, наверное, не перевелись ещё. Доктору-то виднее было, чем нам, за что рубиться стоит, значит, верил. — Я осторожно уложил Хип на траву подальше от входа в подвал. — Отдыхай пока. А мы с Пеночкой костер сочиним.

Да... «мы с Пеночкой». Мутант, похоже, не проявлял к нам никакого интереса, даже смотрел в другую сторону, сидя по-турецки и изредка ворча на сви-

ту. Три слепых пса, подчинённых Пенкой, сразу после «трапезы» приступили к патрулированию деревни и окрестностей, полагаясь в основном на слух и феноменально развитое обоняние. Один зомби, покачиваясь, побрёл к заброшенному бункеру, где и застыл с оружием наизготовку. Тот, что некогда был Саранчой, остался возле Пенки, наверное, в качестве телохранителя, и я старался на него не смотреть — зомби широко раскрыл рот и закатил глаза так, что видны были одни только белки. Нет, по-любому надо от этих товарищей избавляться, и чем раньше, тем лучше.

«А вот псевдогигант, пожалуй, действительно ценный союзник. Экий верзила. Полтонны, не меньше», — подумал я, прихлёбывая из фляжки хинногорькую «слезу», сделанную по рецепту Барина, земля ему пухом. Не то, конечно, настойка у покойного не в пример лучше получалась, но и эта бурда собственного приготовления немного разогнала тяжёлые впечатления. Я даже усмехнулся своим мыслям: скажи мне кто-нибудь раньше, что при взгляде на этакого монстра сталкер Лунь не за ружьё схватится, а будет раздумывать, какой толк от него на случай драки и бывают ли вьючные псевдогиганты. Не, ну красавец. Мощный зверь.

Тварь действительно была что надо. Похоже, новый подвид, таких раньше не видел: туловище не каплей, а почти правильным шаром, руко-ноги подлиннее будут, и весь щетиной зарос, любой кабан позавидует. Улёгся, страхолюдина, лапой бочину скребёт так, что аж треск стоит, клюв раззявил от удовольствия, зубки показывает. Да и зубы, кстати, тоже для псевдогиганта нетипичные: широкие, плоские, словно пни, такими только перетирать можно. Вот он, образина, целого бандита и перетёр вместе с ботинками, то-то так хрустело на улице. Пожалуй, за

фото этой тварюги «ботаники» бы мне не меньше трёх сотен отвалили, а ежели ещё и щетины в банку набрать — вон уже сколько на дорожку начесал, блохи у него, что ли? — то и вся тыща моя будет. Да, Лунь. Силён сталкерский рефлекс. Полчаса назад чуть не завалили, после едва не слопали, а ты сидишь и прикидываешь, сколько денег тебе за щетину дадут. Комедь...

Сделав ещё пару глотков, я завернул винтовую крышечку, встряхнул фляжку — где-то на две трети зелья в ней ещё плескалось — и убрал её в нагрудный карман. Хорошенького, как говорится, понемножку.

Бывали в Зоне особые деньки. Нечасто, но всё же бывали. На профессиональном жаргоне они назывались «глушняком». «Глушняк» представлял собой несколько суток, в течение которых сталкер был вынужден отсиживаться в схроне, не рискуя и носа высунуть за пределы убежища. Просто внезапно, без всякой видимой причины, всю Зону от края до края застилало сплошным снежно-белым туманом. Таким туманом, что не видно вытянутой руки, а вокруг шумит, словно от ветра, хотя на время «глушняка» устанавливается абсолютный штиль. Никто из «ботаников» до сих пор не знал, по каким причинам Зона время от времени выкидывает такой метеорологический фокус. И если Выброс пусть худо-бедно, но можно было спрогнозировать, то «глушняк» был совершенно непредсказуем: обычная в Зоне серая дымка могла рассеяться к полудню, а могла и превратиться густое облако молочного цвета, накрывающее всё и вся меньше чем за четверть часа. Сам по себе этот туман не опасен, ну разве что одежда отсыреет, не кислотный он и не радиоактивный, просто вода, мельчайшими капельками зависшая в воздухе. Однако если накрыло сталкера этой напастью хотя бы и в пяти шагах от надёжного схрона, то это верный каюк — даже по приборам идти

было невозможно. «Глушняк» был довольно редким явлением, не чаще одного-двух раз в год, но жизней уносил больше, чем самый лютый Выброс.

Похоже, что очень скоро на ПМК придёт сначала предупреждение, а потом, дня через два, страшный список, где против каждого имени будет стоять «136(БВП)» или просто «200», что в принципе одно и то же. Сообщение всё не приходило, мешкали почему-то «ботаники», наверное, сомневались, что накроет Зону.

— И что они сопли на кулак мотают, мать их? — Со злостью и тоской я глянул на небо. За бывалых, вроде Гопстопа или Сиониста, я не опасался — эти-то в курсе, что означают еле заметное потепление воздуха, духота и полное безветрие. Жаль было новичков.

«Внимание всем! В Зоне ожидается аномальная приземная облачность! Немедленно найдите убежище! Код опасности 3!» Сообщение пришло на ПМК как раз в тот момент, когда всё небо в считанные секунды затянуло вначале белёсой дымкой, затем сплошной тёмно-серой пеленой, и, наконец, наступила непроглядная тьма. К этому времени я уже успел оттащить уснувшую Хип в заброшенный бункер и возвращался за рюкзаками. Пришлось достать самодельный фонарик, который я в своё время смастерил из обычного, заменив слабенькую лампочку осколком «солнца» и приделав к нему регулятор напряжения. Не знаю, какие процессы шли в артефакте при воздействии на него слабого тока, но при полутора вольтах он выдавал просто яркий свет, а при трёх сиял не хуже дуговой лампы, совершенно при этом не греясь. За два года эксплуатации артефакт лишь немного уменьшился в объёме и покрылся серой корочкой, что, впрочем, нисколько не отразилось на мощности моего «светильника».

Поставив регулятор на два вольта, я распорол темноту ярким жёлтым лучом. Световое пятно выхватило из темноты заросли бурьяна, стену дома, заиграло на стёклах битых бутылок. Пенки нигде не было. Её свита тоже пропала. В том, что «глушняк» не представляет опасности для существ Зоны, я не сомневался. Странно было то, что Пенка ушла «по-английски», не предупредив даже знаком. Это мне очень не нравилось. Кто знает, насколько сильно изменился её разум после смерти Доктора, точнее, даже не изменился, а вернулся к своему обычному состоянию. Далеко не факт, что в следующий раз ее ручные зверьки с полного одобрения хозяйки схарчат не случайную жертву, а парочку сталкеров просто потому, что другого мяса поблизости не оказалось. Насколько долго продлится память о Докторе и его просьбе в голове мутанта, я даже не брался предположить. «Но будь с ней осторожен, Лунь. Какой бы человечной она тебе ни казалась, знай, что это не человек и никогда им не станет», — вспомнилось предупреждение Доктора. Эх, Док... в том-то и дело, что она теперь даже не *кажется* человеком.

Перед тем, как зайти в бункер, я посветил в небо. Опасное это явление — «глушняк». Что не мешает ему быть завораживающе красивым. Совсем низко, меньше, чем в десяти метрах над головой, плавно колыхалось сплошное серое полотно, на котором свет фонаря оставлял чёткий светлый круг. Слой тёплого воздуха пока не подпускал туман к самой земле, но через минуту-другую на развалины деревни, остов грузовика, горки консервных банок бесшумно рухнут струи, колонны и целые водопады тумана, чтобы растечься по ним непрозрачными пушистыми клубами. На это стоило посмотреть — Зона умеет быть красивой, пусть даже это и гибельная красота.

Первый столб тумана упал прямо в центр деревни, белые клубы поползли от него широким кольцом, вслед за ним рухнули с неба ещё две ровные, гладкие колонны белизны, начавшие затапливать дорогу, овраги, жидкий кустарник. И когда я уже собирался спуститься по лестнице и запереть стальную дверь бункера, кто-то надсадно закричал:

— Эй, чувак! Чувак! Не вырубай свет! Я щас!

Из стены тумана выбежал человек и, не переставая вопить, понёсся в мою сторону. Когда он влетел в дверной проём и, споткнувшись, гулко загремел по лестнице, белая пелена окончательно поглотила деревню. Понаблюдав, как по ступенькам сползает густая дымка цвета сильно разбавленного молока, я спустился следом, не без труда закрыл тяжёлую дверь и осмотрел «гостя».

Без сомнения, новичок. На вид чуть за двадцать, худощавый, «плюгавый», как сказал бы Барин. Комбинезон хоть и новый, но для Зоны совершенно непригодный — «Покров-4», который был ещё хуже, чем печально знаменитый «Ксенон». Из оружия только ПП «Шквал» образца две тысячи одиннадцатого года, машинка, конечно, крепкая и безотказная, но мощность оставляет желать лучшего — и без того слабоватый для Зоны пээмовский патрон в сочетании с коротким стволом делал оружие практически неэффективным. Из «трещотки», как презрительно называли сталкеры эту модель, можно было стрелять только с одной целью — до смерти напугать атакующего мутанта: треск при стрельбе и вправду получался оглушительный. Такая пушка опытному бродяге задаром не нужна, но в глазах новичков магазин на шестьдесят патронов и «крутой» вид ствола перекрывали все недостатки оружия. Я усмехнулся про себя: надо же, в первый раз человека вижу, а взгляд сразу на

снаряжение, да чем вооружён, какие повадки, и сколько в Зоне протянет. Интересная у тебя оценка людей получается, сталкер Лунь.

Я попытался взглянуть на парня глазами обычного человека. Получилось.

Рыжие, как пламя, вихры, настырно вылезающие из-под кое-как повязанной банданы со скалящимися черепами. Настороженный и при этом до предела напуганный взгляд. Скуластый, веснушчатый, этакий Вовочка из детских анекдотов. Вот только побриться этому Вовочке не мешало бы — уж больно комично выглядит редкая, словно выщипанная поросль на щеках и трясущемся подбородке. Колотит бедолагу, боится сталкер, видать, эта ходка у него самая первая. Ишь, как в «трещотку» свою вцепился, аж костяшки на пальцах побелели, — как бы не выстрелил с перепугу.

— Как звать тебя, боец?

— Ф... ф-фе... Фил-лософ...

— А как другие зовут? — Знаем мы вас. Имя, батенька, ещё заслужить надо, и самому себя крестить — дурной тон. Парень немного скривился.

— Е... Ересь... н-но мне н-нравится Философ...

— Пушку отложи в сторонку, а то ещё пальнёт ненароком.

— Х-хорошо. — Ересь-Философ, подпустив в голос отчаянного петуха, поспешно бросил «Шквал» на бетонный пол бункера. ПП жалобно лязгнул. Эх, зелень! Ну разве можно так с оружием обращаться? «Не жилец», — с горечью подумал я.

А сколько прёт их в Зону, таких вот смертников? Десятками, сотнями лезут через Периметр, и вояки их, конечно, видят, но не останавливают. Знают, что из сотни этих пацанов, а иногда и девчонок получится пара-тройка сталкеров, а значит, НИИ будет полу-

чать хабар, лаборатории будут работать, и их самих, военных то есть, в Зону не погонят. Говорил как-то с одним летёхой знакомым, поведал он мне шёпотом, что таблички воспрещающие висят, предупреждения через каждые полминуты из динамиков рявкают, а если не вняли дураки и всё равно прут, то это уже их проблемы. И какая, в сущности, разница, здесь дебил загнётся от пули калибра 5.45 или через неделю в «мясорубке»? Тем более что раньше за отстрелянного сталкера премию и отпуск давали, а теперь просто головой кивнут и скажут, молодец, мол, на тебе флаг в руки и пять нарядов вне очереди за то, что ты две недели назад окурок мимо урны бросил. И поняли военные, что сталкерить по закону, конечно же, нельзя, но и стрелять в сталкеров по нынешним временам нежелательно. А тем, кто не понял, начальство довольно быстро объяснило суровыми дисциплинарными взысканиями за самые пустяковые залёты. Вот и лезут в Зону эти Философы, Клинки, Звери, иногда даже Терминаторы, чтоб стать со временем Соплями, Шмыгами и Чинариками. Или никем не стать. Вон сколько костей и тряпок по Зоне разбросало, и с каждым годом всё больше черепов скалится из рыжей травы в вечно серое небо. Установившуюся систему «естественного отбора» никто, похоже, менять не собирался. Что-что, а человеческую жизнь у нас всегда умели ценить и беречь. История не только Зоны, но и вообще всей страны зело богата примерами.

— А я вас знаю, — уже без заикания выдал Ересь. — Вы Лунь.

Интересный оборот. Я этого парня раньше не видел и, естественно, при встрече представиться не мог. Значит, со мной познакомили заочно.

— И откуда такая осведомлённость?

— Би... Бивень сказал...

— Что ещё этот Бибивень говорил? — Я уже в принципе догадывался что. При всём уважении к Бивню, за такие дела не мешало бы ему хорошенько дать в репу. Раз эдак шесть-семь.

— Я хотел, это самое... сталкером. Да. А никто не берёт. Бармен сказал, что вы, может быть, и возьмёте с собой, только если...

— Если подкатить не в Баре, а в Зоне, потому как Лунь добрый и на верную смерть не бросит.

— Ага. Примерно так...

Ну, Бивень. Ну, паскуда...

Ересь тем временем начал искать глазами по бункеру.

— А где друзья ваши?

— Кто? — Я несколько опешил.

— Ну, Саранча, ещё там были четверо из вашей команды...

Моей команды, значит. Оригинально. А я-то думал, откуда хвост за нами увязался. И грамотно, чёрт возьми, увязался, я и не подозревал ничего до тех самых пор, пока по башке не саданули. Трепанул, выходит, Бивень новичку, что собирается Лунь в дальнюю ходку, так как закупил хорошего, дорогого снаряжения, и лучшего шанса увязаться за ним не выпадет. А Ересь, в свою очередь, познакомился с Саранчой, лучшим другом Луня, и естественно, на голубом глазу и про ходку, и про снаряжение всё ему выложил. А дальше дело техники. Саранче осталось только подходящих шакалов найти и ненавязчиво за сталкером проследовать.

У меня появилось очень сильное искушение вернуться в Бар, затащить Бивня в подсобку и нанести ему множество оскорблений действием. По возможности тяжёлых и запоминающихся оскорблений.

— Ушли они с новыми друзьями. Похоже, совсем ушли, — вздохнул я.

— В-вот гады... а мне сказали, чтобы я подождал, пока они вас уговорят меня в команду принять. И стреляли тут вроде, ну, я и решил...

— Придурок... исключительный идиот... — сонно пробурчала Хип.

— Кто? — не понял Ересь.

— Дед Пыхто... — так же сонно, растягивая слова, ответила девушка и перевернулась на другой бок.

— Хочешь, кино покажу, Философ? Интересное, про Зону.

— Н-нет. Может, потом...

— Хочешь. — Я утвердительно кивнул головой. — Я бы даже сказал, мечтаешь посмотреть. Такого кина, дружище, даже в Голливуде не сделают.

Я достал ПМК, вывел на экран меню, пролистал до нужной папки. Хранился там у меня воспитательный фильм, специально для таких случаев. Долго я над этим кино работал, компонуя в один ролик записи с камер наблюдения, фотоснимки, видеоотчёты «ботаников». Часа на полтора получилось.

И Ересь начал смотреть. Сначала со скепсисом. Потом с интересом. Через пять минут просмотра интерес сменился ужасом и отвращением. Я наблюдал, как бледнело его лицо, как он периодически отворачивался, но, увидев мой кулак, продолжал просмотр.

— Вот здесь «жарка». Довольно распространённая в Зоне аномалия. А это новичок, который пришёл в Зону за романтикой. Морду не отворачивай, дальше гляди... так, подходит. А вот и романтика. Смотреть, я сказал! — Пришлось прихватить жёсткие рыжие вихры прямо сквозь бандану и ткнуть новичка носом в экран. — Это была запись с зонда слежения. Теперь кино со стационарной камеры вблизи Янтаря. На

этот раз аномалия «стеклорез». Да, сразу двое. Первому повезло — умер мгновенно. Второй полз где-то с километр на антишоковых, смотри, он как раз свои кишки в рюкзак складывает.

Ересь взвыл, и я закрепил педагогический эффект крепким подзатыльником.

— Смотрим дальше. Кто тут у нас? А это у нас Шкворень, сталкер бывший. Сначала в анфас. Теперь в профиль. Он же, возле Бара сидит. Правда, красивый? Но это фигня... ты зомби не видел. Ага, вот и они. Это я сам снимал на Агропроме.

Теперь, для его же блага, кулаком в ухо. Не сильно, но чувствительно.

— Серия вторая. Называется «Мутанты как они есть». А что они есть? Правильно, они есть сталкеров. Глянь, как красиво и романтично ужинают псевдоплоти. К сведению, жертву они обычно едят, не утруждая себя предварительным убийством оной...

Комментируя фильм и периодически выдавая Ереси плюхи, я наблюдал, как его лицо постепенно обретает цвет простыни. Парень попался впечатлительный. А на экране ПМК снорк сменял кровососа, плоть уступала место «осьминогу», полюбовался Ересь и на бюреров, и на болотных «аистов»...

Наконец, нужный эффект был достигнут. Для закрепления пройденного материала я взял Ересь за шкирку и потащил к двери, послушать «глушняк». Акустика в аномальном тумане была устрашающая: шорох отмокающей травы, скрип старых балок в заброшенных домах, вопли тварей превращались в стоны, шёпот, жалобное стенание, словно выли в непроглядной тьме потерянные души сталкеров, просились в тепло, к живым людям...

— Сколько времени в Зоне провёл? — спросил я парня, когда тот немного пришёл в себя.

— Три недели...

— Это хорошо, что всего три. Жить хочешь, Ересь? По глазам вижу, что очень. Поверь, и я этого тоже хочу. Ну а раз в этом наши желания совпадают, то давай разработаем план дальнейших приключений.

Ересь согласно кивнул. Похоже, отшибло у него желание становиться сталкером. Теперь думать надо, как бы его из Зоны вытащить. Я вспомнил про «вербовщиков» из Бара. А что, это мысль...

— В общем, слушай сюда. Как «глушняк» схлынет, через Свалку и Грибную Деревню мы доберёмся до базы «Долга». Есть у меня там хорошие знакомые, помогут, переговорят с военными. Ты, главное, воякам скажи, что всю жизнь мечтал попасть в Челябинскую Зону артефакты добывать для страны. Тогда проблем не возникнет ни с бумажками, ни с пропусками. За Периметр вывезут без вопросов. Ну а дальше сам. Сваливай при первой же возможности.

— А искать не станут?

— Конечно, станут. Но скорее всего не долго и не особенно тщательно. По крайней мере лучше рискнуть и побегать, чем здесь накрыться. Из сотни таких, как ты, к концу первого года остаётся в лучшем случае десять, редко пятнадцать. А трёхлетним стажем похвастаются три-четыре. Оно тебе надо?

— Ну... если здесь всё так плохо, то почему вы сами не уйдёте? — промямлил Ересь. Как говорится, не в бровь, а в глаз.

— Скорее всего потому, что меня не встретил в своё время умный человек и не надавал дураку по шее. Как думаешь, сколько мне лет?

— Тридцать. Ну, может, тридцать пять.

— Угадал. Тридцать четыре. А теперь посмотри сюда. — И я сбросил на спину капюшон плаща.

— Мать моя женщина... — пискнул новичок.

Поговорка «седой как лунь» подходила к сталкеру Луню по всем статьям. Не далее как позавчера я безуспешно пытался найти в своей шевелюре хоть одну тёмную прядь. Белый, однако. Совсем белый.

И тут Ересь тихонько захлюпал носом.

— Это, Лунь... мне деньги очень нужны. Очень, понимаете. А у нас, в Орловской, их никак не заработаешь. Я думал, тут...

— Здесь, братец, почти все деньги уходят на то, чтоб не сдохнуть. Уж поверь мне. Патроны, оружие, оборудование, жратва... всё это в нехилую копейку влетает. А того, что остаётся, хватает в основном на пару вечеров в Баре. Разбогатеть можно, конечно, но это при редкой удаче. Сколько тебе надо?

— Пя... пятьсот тысяч рублей.

— Половина лимона? Не хило. — Я развёл руками. — А почему именно Зона?

— Ну как. Это же классно на самом деле. Точнее, я раньше думал, что классно... ни на кого, там, значит, не горбатиться. Свобода, братство сталкерское, артефакты, адреналин. Это же, значит, для мужиков настоящих. Я ведь все фильмы смотрел, в газетах статьи вырезал. Даже в секцию спортивного туризма записался, чтобы это, значит, навыки иметь...

Я уже примерно представлял развитие событий. Ересь тем временем продолжал:

— На секции с Леной познакомился. Ну, подружились... точнее, так, не очень. Ей другой парень больше нравился, чем я.

Хип, заинтересовавшись, приподнялась на локте, протёрла слипающиеся глаза и явно приготовилась внимательно слушать.

— Так вот... Колька этот, в общем, не бедный, хотя и урод редкостный. У него предки тремя магазинами владеют. Ленка с Коляном и зажгла. Он её на

машине катает, в кафе водит, на дискотеки. А у меня бабки за два дня все кончились. Я и сказал ей, что в Зоне заработаю. — Ересь замолчал.

— А она что? — спросила Хип.

— Она? Ну, в общем, обрадовалась. Сказала, что, когда я стану настоящим мужиком, она со мной будет встречаться, а Кольку бросит.

— Значит, чтоб быть реальным чуваком, достаточно иметь бездонный лопатник? — с сарказмом поинтересовалась Хип, намеренно выделив интонацией жаргонные слова.

— Конечно, — уверенно ответил Ересь, не уловивший издёвки. — Везде так.

Ух и ни хрена себе. Вот это из всех номеров самый потрясающий номер. Видно было, что глуповат паренёк, но такого вот махрового идиотизма я в своей жизни ещё не встречал.

— А почему именно пятьсот штук?

На этот вопрос Ересь не ответил, только неопределённо пожал плечами. Видимо, именно такая сумма была для него показателем крутизны.

— Ну, в этом году я как раз на автослесаря отучился и работать начал. — Новичок невесело усмехнулся. — До первой зарплаты. Потом плюнул на всё и сюда.

— Знаешь, Ересь, ты и вправду ересь ещё тот. А насчёт Ленки не переживай. Лучше Коляну посочувствуй. — Хип не без труда поднялась с лежанки, помотала головой. — Конкретно чуваку не повезло. И блажь из головы выкинь.

— А может, она мне очень нравится! — завёлся Ересь. — А если я её, может быть, даже...

— Что? Любишь? — Стажёр покачала головой. — Нет, парень. Когда любят, «может быть» не говорят. Блажь у тебя.

— Да чё вы меня лечить вздумали? Сидите в своей Зоне и ни хрена не знаете, как там жизнь устроена! — не на шутку разошёлся новичок.

— Знаю, — отрезала Хип таким ледяным тоном, что Ересь как-то сразу сник и отвёл от девушки взгляд.

— Ещё, наверное, и весенний призыв был? — как бы невзначай поинтересовался я, и Ересь промолчал. В данном случае молчание действительно было знаком согласия — новичок скукожился и опустил глаза.

«Внимание всем! Вероятный срок сохранения приземной облачности по предварительным оценкам составит от полутора до трёх суток. Также в районах Агропром, Агропром-2, Свалка и Тёмная Долина ожидается возникновение нестабильных газовых аномалий четвёртого типа (G4-1 «Зеленка» и G4-3 «Марево»). Прогноз составлен метеорологическими отделами полевых лабораторий «Янтарь» и «Позитрон».

ПМК, видимо, принял последнее сообщение. Сразу после «весточки» учёных на экране вначале замигал, а затем и прочно поселился значок разрыва сети. Ничего не поделаешь — «глушняк» не зря получил своё название.

Не знаю, было ли это свойством аномального тумана, или же фокусничала психика сталкера, но на время «активности аномальной приземной облачности» у меня, и не только у меня одного, возникало стойкое ощущение нереальности мира за пределами схрона. Вселенная буквально ограничивалась крохотным островком относительной безопасности, вокруг которого образовывалась непроглядная бездна тумана, серая пустота небытия. Крайне неуютное ощущение, надо сказать: разумом ты, конечно, понимаешь, что за дверью просто ненормально густой туман, который развеется через пару дней, разрядится мощным

ливнем, но вот убедить себя в этом почему-то не получается. Особенно скверно пережидать «Глушняк» одному — и тоскливо, и страшно, а время тянется так, что сутки кажутся годом. Куда лучше с компанией.

Я осмотрел помещение. Мне уже приходилось здесь бывать: пару раз прятался от Выбросов, ночевал, просто отдыхал после дальних ходок. Когда и для каких целей он был построен, я даже не догадывался — в Зоне много таких вот бункеров и подземелий, один Агропром чего стоит. Учёные помалкивали, военные тем более, и поэтому версий среди сталкеров ходило много, одна другой фантастичнее. Ясно было лишь, что все эти подземные галереи, бункеры, залы были построены задолго до Первой Катастрофы, но кому они потребовались и зачем, лично мне до сих пор было не ясно. Сионист вроде утверждал, что это строили для военных и разрабатывали там психотронное оружие. Кося, который всё лучше всех знает, с пеной у рта доказывал, что в подземельях содержали отловленных вместе с НЛО инопланетян, и он лично видел «натуральный инопланетянский черепок в стеклянной колбе». Фреон, излазивший агропромовские подземелья вдоль и поперек, пару раз буркнул что-то о секретных лабораториях, из которых всё, что можно, вынесли сразу после Первой Катастрофы, а что вынести было нельзя, уничтожили на месте. Секретность и всё такое... Доктор, упоминавший подземные комплексы в своих записях, отмечал, что да, размещались там лаборатории, и не самые хорошие опыты проводились, но учёные, так сказать, уже воспользовались готовыми помещениями, переоборудовав некоторые из них под свои нужды. Он же и говорил, что толку от этих лабораторий было ноль. Почти все проекты, продиктованные далёкими от науки, но при этом близкими к власти товарищами, проваливались с

треском, огромные суммы пущены на ветер, и думать, что какой-то из экспериментов привёл к появлению Зоны, было бы по меньшей мере наивно. Доктору следовало доверять в этом вопросе — как-никак он там в своё время работал, и не просто работал, а был одним из ведущих учёных.

Бывал я и под Агропромом, и под Янтарём. Коридоры, отсеки, жилые помещения, «больницы» какие-то, и всё это на много этажей вниз. Кафель, сырость, вонь... «Лаборатория» одна запомнилась. Длиннющий коридор, белой плиткой выложенный, и по обе стороны, симметрично, так сказать, просторные «палаты». И чего там только не было... ящики железные с тумблерами и ламповыми схемами, перфокарты сгнившие, стеллаж с сотнями толстых папок, и в каждой листы с числами. Просто цифры, отпечатанные на машинке, но что это и зачем, ни слова. Трубы из тонкого стекла с проводами внутри, почти все побитые, автоклавы размером с грузовик, горы пробирок на полу и ещё какие-то бутыли литров на сто с фиолетовыми кристаллами. «Ботаники», конечно, интересовались моими «исследованиями», но как-то вяло, словно из вежливости. Их куда больше занимали другие вопросы, чего я решил, что с заброшенными лабораториями они знакомы и никакой ценной информации оттуда не ожидают. Глаза у них загорались только тогда, когда я доставал контейнеры — в подземельях встречались аномалии, которых никогда не видели на поверхности, и пусть очень редко, но попадались неизвестные артефакты. «Витой магнит» я нашёл под Агропромом, там же добыл «черенок» и «серый блеск». Да, знаю, те ещё названия, но, как говорится, первое впечатление — самое стойкое. Ну, «черенок» внешне и есть черенок — похож на толстую ветку, и почки на нем были, и боковые побеги. Тяжё-

лый вот только очень и крепкий, как арматура, еле его от стены оторвал. Оказалось — «монокристалл сверхчистого химически инертного церия с аномально высокой прочностью кристаллической решётки и самопроизвольной волновой когерентностью в плоскости симметрии». О как! А я его — «черенком»... Кристалл этот теперь по европейским институтам в броневике возят, профессора какие-то перессорились, а у меня ещё мысль была тогда — вышвырнуть его или всё-таки с собой взять. Уж больно тяжёл был, зараза...

— Лунь, а что здесь было? — Вопрос Хип отвлёк меня от воспоминаний.

— Это хороший вопрос, стажёр. — Я скользнул взглядом по довольно просторному помещению. — Что здесь было вначале, убей, не знаю. Потом тут жил торговец. А после Третьей сделали схрон. И хороший схрон, надо сказать. Жить можно.

И правда можно жить. Центральное помещение было даже обставлено кое-какой мебелью — древний, продавленный диван у одной стены, нары из досок с расстеленными на них матрасами у другой. В углу чугунная печка, ржавая коленчатая труба дымохода тянется к вытяжному коробу. На тёмно-серых бетонных стенах картинки, вырезанные из журналов. Сразу видно — сталкеры вешали. Потому что между белозубыми красотками с минимумом одежды, а то и вообще без таковой, попадаются сельские домики, лес, море с полоской пляжа... и, что интересно, выбраны все фото так, чтоб в кадре обязательно было небо, синее, солнечное. Редко в Зоне такое увидишь, вот и скучает по нему сталкер. Кое-что явно осталось ещё от торговца — покорёженный стеллаж из металлических уголков, поваленный набок несгораемый шкаф с выломанным замком, кусок ржавой сетки у входа. Там же гора напиленных дров и фанерная табличка:

«Сталкер! Не будь свиньёй!! Ходи наружу, блин!!!» Моё внимание привлёк гвоздь-сотка, болтающийся на длинной бечёвке возле самого входа. Подойдя поближе, я прочитал выцарапанные на стене слова:

«КНИГА ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ»

«Здорово, чуваки! Царапают вам бетон свободные сталкеры Полтораха, Крым и Фельдшер! Позаморачивались мы тут и отгрохали гостиницу на месте флэта свалившего барыги. Вроде ништяк получилось. Ясен перец, не «Золотой Палас», но уж не серчайте — Дизайнера на той неделе в «мясорубке» уработало. Берите карандашик, корябайте стеночку, как оно вам, понравилось али нет, и как жизнь ваще?»

«Встретитесь вы нам, будет тогда вам. А схрон ничего, нормальный. Егерь. «Долг».

«Респект. Слышь, долган, а когда дружно жить будем? Задрала уже эта войнушка, чес слово. На хрена вы в нас стреляете? Зона теперь большая, всем места хватит. Фельдшер. «Свобода».

«Схрон хороший да хавки нема. Жрать охота. Белый. Одиночка».

«Ну, ты, мэн, ваще. Может, тебе ещё и мини-бар устроить? Фельдшер. Freedom forever!»

«Мини-бар есть. Оставил за диваном пол-литра. Угощайтесь. День рождения у меня. Препод. Одиночка. P.S. Запятые я за вас ставить должен, грамотеи?»

«Чувак не в запятых счастье! А за водку большой от нас респект пусть тебе Джа улыбнётся! Фельдшер. Полтораха. F».

«Зачем стену царапать? Чё за детство? ПМК у всех вроде есть. Егерь. «Долг».

«Не поэт ты Егерь. Гы! А стену и сам чиркал! Всё-таки поэт, хоть и долган. Фельдшер. «Свобода».

«Сталкиры были очинь вкусныи. Спасиба. Предём ищо. Бюрары».

«Угадал, анархист. Стихи пишу. Приходи к нам на Росток, продекламирую. Как раз четыре поэмы составил, по тридцать строчек в каждой. Ждём-с. А если без шуток, правда, сочиняю, но больше песни. Егерь. «Долг».

Я взял гвоздь, долго крутил в пальцах. Подмывало что-нибудь черкнуть, но в голову ничего, кроме «Лунь и Хип. Идём к Саркофагу. Мы не вернёмся», не приходило. И почему «не вернёмся»? Кто знает, куда завернут дорожки Зоны, глядишь, и притопаем обратно. Зайдём в Бар, дело у меня там неоконченное, рыльце Бивню разрисовать под хохлому за новичка и подставу. Потом домой, задания «ботанические» на компе посмотреть, чаю горячего испить, а после завалиться на тахту, глаза закрыть и долго-долго ни о чём не думать, не вспоминать, не беспокоиться. Интересно ведь получается: в Зоне по дому скучаешь, хотя какой это, к чёрту, дом, так, очередной схрон за Периметром, а всё равно хочется в тепло, уют и безопасность. Да только хватает тебе этого уюта максимум на неделю. И манит, влечёт почему-то в сырость и холод, настойчиво зовут не пройденные ещё тропинки, а ночами снится Зона, жёлтая трава, седые утренние туманы, и даже запах чувствуешь во сне — прель, мокрая ржавчина, дым костра и ещё что-то особенное, волнующее, чего не передать на словах. Проснёшься и лежишь, глядя в темноту, и уже понимаешь, что с рассветом уйдёшь *туда*, не задумываясь о том, суждено ли будет вернуться.

Хип, заметив мой интерес к «переписке» сталкеров, неслышно подошла, положила подбородок мне на плечо, хихикнула над «бюрарами».

— А я этого Фельдшера знаю, — сообщила Хип. — Хороший мужик, правильный. Постоянно весёлый, всё у него с шуткой, с юмором. Когда нашим совсем

туго было, они вокруг Фельдшера кучковались и слушали. А он несёт всякую хрень ни о чём, но смешно получается, и все депрессняки словно сами собой уходят. Он это называл лечением. Потому, кстати, так и прозвали. Интересно, жив ли сейчас... про бюреров это сто пудов он написал.

Стажёр мягко отобрала у меня гвоздь, подумала секунду и начала царапать на стене своё сообщение.

«Идём к Монолиту. Не вернёмся», — прочитал я.

За два дня в замкнутом пространстве Ересь достал нас не на шутку. Кося уж на что болтун, но и ему ох как далеко до нашего Философа. Стоило ему чуток отойти от впечатлений, как понеслось...

Вначале мы заочно перезнакомились со всеми его «корефанами», которых, к сведению, оказалось немало. У этих «корефанов», в свою очередь, нашлись свои кореша, большинство из которых были «реально крутыми» или, как вариант, «продвинутыми» пацанами. Также мы узнали, как «офигенски» раздолбал свою новую «Ладу» его сосед по дому, что наша сборная «галимый отстой», на чём можно срубить бабки в Москве и как он проходил четвёртый уровень какой-то там игрушки. Ересь нисколько не смущался тем, что мы подчёркнуто игнорировали его очередную «крутейшую» байку, намёков он не понимал, а на прямое требование заткнуться идиотски хихикал, полагая, что мы так своеобразно «прикалываемся». После чего следовал совершенно не смешной, но при этом безобразно похабный анекдот, а мы продолжали слушать, как он после дискотеки «разбил табло одному лашпету» за то, что тот «понты кидал». Словесный понос прерывался только в том случае, если я молча показывал кулак, но и это не сулило передышки: Ересь доставал науш-

ники, врубал плеер и через некоторое время начинал подпевать. Сдавленные взрёвы, стоны, зажёванные обрывки слов и целых куплетов иногда веселили, но чаще здорово раздражали. Хип не то в шутку, не то всерьёз предложила использовать подушку и пистолет. Я отверг предложение — в схроне так нельзя поступать даже с врагами. Тем более что ни одной подушки в бункере не нашлось. Приходилось смиряться.

Утром третьего дня «глушняк» начал слабеть. Вначале на ПМК значок отсутствия сети сменился мигающим символом неуверенного приёма. Компьютер пришлось отключить: блок питания, рассчитанный на месяц непрерывной работы (спасибо «ботаникам» за апгрейд — фрагмент «вспышки» позволил не беспокоиться о подзарядке), терял заряд за считанные часы и восстанавливался не раньше, чем через сутки. Ещё одним признаком был мощный громовой удар, хорошо слышный даже через слой бетона и земли. Аномальный туман пришёл в движение, начал подниматься, ветер, пока ещё робкий и неуверенный, прошелестел в вытяжном коробе, фыркнул в печи, выпустив из неё клуб дыма. Скоро шарахнет...

Даже тропический ливень навряд ли мог соперничать с разрядкой «глушняка». Да и можно ли сравнивать с ливнем настоящие стены воды, с грохотом обрушивающиеся с низкого неба, когда ручьи превращаются в грязные потоки, а реки Зоны выходят из берегов? Одна радость — такой дождь был непродолжительным, иначе каждая разрядка превращалась бы в форменный потоп.

— Сейчас, дамы и господа, будет дождик, — доложил я, прикрывая дверь бункера.

И дождик начался.

Сверху накатило мягким, шелестящим шумом, в котором вскоре потонули все прочие звуки. Обломок

пластмассовой трубы на месте бывшей раковины протяжно засипел, ухнул и выдал фонтан пены и чёрной, как сажа, воды. В вытяжных коробах взревело, ветер распахнул дверцу печки, дохнул пламенем, на пол посыпались угли, но вскоре в печи ядовито зашипело, и огонь погас. «Хорошо, что не в Коржинском колодце сидим, — подумал я. — Пришлось бы вплавь выбираться».

Дождь прекратился внезапно, словно в небесных плотинах разом закрыли шлюзы. Шум ливня сменился журчанием и плеском воды, разбегавшейся по низинам, уходящей в подземные пустоты и просачивающейся в схрон. Где-то невдалеке крепко, раскатисто бабахнуло — похоже, мощный «трамплин» возмутился тем, что в его владениях образовались глубокие лужи.

Я вынул из рюкзака три банки сайры в масле, запайку «Dry bread» — отменно питательных, витаминизированных и при этом довольно вкусных хлебцев из нового натовского сухпайка, разделил на троих плитку шоколада. Хип разлила по стальным кружкам воду из дистиллятора, побросала в них щепотки чая и поставила кипятиться на таблетках сухого спирта. С тех пор, как зарубежные коллеги приняли на себя львиную долю снабжения и финансирования НИИ, питание сталкеров начало отличаться некоторым разнообразием: к неплохой, но уже поднадоевшей армейской тушёнке из России, украинским килькам в томате, местному хлебу из пекарни Чернобыля-7 добавились продуктовые пайки для натовских солдат. Хранились они прекрасно, весили не сказать, чтобы много, и здорово разнообразили меню. Единственным серьёзным недостатком этих наборов была дефицитность — раскупались они моментально.

Провизии оставалось меньше, чем я рассчитывал — три дня вынужденного простоя и дополнитель-

ный рот в лице Ереси уже на треть снизили наши запасы. Новичок, как оказалось, вообще не озаботился припасами — похоже, единственный навык, который он приобрёл на туристических курсах, заключался в способности быстро открывать консервные банки.

Прихлёбывая чай, я раздумывал над тем, как лучше пройти на Росток. Гнилая Балка уже не годилась — после такого дождя там сейчас по пояс воды и жидкой грязи. По старой железке можно было, конечно, но этим путём я старался не ходить, «горячих пятен» там много, ни гайкой, ни визуально их не определишь, а ДСУ начинает трещать, только когда уже вляпаешься и нацепляешь рентген. Нет, железка отпадает. Может, через фермы двинуть, а потом по старой грунтовке в Грибную Деревню? Можно, но... грунтовка эта меня немного смущает. За столько лет не заросла, ни травы, ни жиденького кустика на ней нет, чистая вся, ходи как по бульвару. Сталкеры ею пользуются, и никто пока не жаловался, мутантов там редко видят, и аномалий почти нет. Приборы молчат, инстинкты тоже молчат, но... почему не зарастает? Даже «папоротники» и «желтуха» не растут, хотя этим вообще всё равно, где укореняться. Может, посмотреть, чего там «ботаники» про эту дорогу накопали?

Включил ПМК, набрал запрос на институтский компьютер: «Старый Кордон. Фермы — дорога — Грибная Деревня». Про фермы есть, про Деревню много, а про дорогу ничего — даже «ботаников» не особо интересовал этот уголок Зоны. Пробил по сталкерской «справочной» — новых данных нет, но с прошлого Выброса была чистой. Непонятно, с чего это ты, Лунь, таким мнительным стал? Скоро начнёшь в собственной тени аномалию высматривать. Оставался последний вариант — дать хорошего крюка по нижней болотине. Опасный путь: трясины под

сгнившими, ненадёжными гатями, подводные «жарки», от которых кипит торфяная жижа, и твари всякие есть. Хватает и «каруселей», и «давилок», на тростниках «болотная вошь» — крошечные клещи, залезающие под кожу. Но берусь пройти и даже провести Ересь. И чем мне через фермы не понравилось?

И вдруг я понял чем. Безопасностью. Дико мне это было — спокойно пройти по давно испытанному другими маршруту, где никогда и ничего опасного не случалось. Сталкеры на этой грунтовке даже ногу не подворачивали. Чистая дорога меня пугала, а не отсутствие на ней растительности. Да, сталкер Лунь. Дошёл, что называется, до ручки. Всё, хорош раздумывать — идём через фермы на Грибную Деревню, потом мимо Свалки к Ростку. Передаём новичка в крепкие и надёжные руки долговцев, вздыхаем облегчённо и топаем уже... э, нет. Не загадывай, сталкер. Зона этого не любит.

— Я впереди, Ересь за мной. Хип, будешь замыкающей. — Я подбросил на плечах рюкзак, проверил «Сайгу». — Кордон место относительно тихое, но расслабляться настрого запрещаю. Так... Ересь! А нука быстренько поставь свою пушку на предохранитель! Да, вот так, и за спину её повесь от греха подальше. И рюкзаками с Хип поменяйся на время.

— С какого это перепугу? — удивился новичок.

— А с такого, друг ситный, что ты, во-первых, мужик, во-вторых, она тебя прикрывать будет, и с пустым рюкзаком это лучше получается. Ну а в-третьих, как уже говорилось, рюкзак твой пуст, и на чьих припасах ты изволил пастись, думаю, напоминать не нужно.

— Ага. Щас, вот только шнурки поглажу. Думаете, барахла набрали, а я тащ...

От прямого удара в челюсть голова Ереси дёрнулась назад, увлекла за собой остальное тело, и нови-

чок плюхнулся на спину, громко квакнув от боли и неожиданности. Я приподнял его за шиворот и от души добавил по зубам. Затем экспроприировал у новичка «Шквал». Хип молча поймала ПП, повесила себе на плечо.

— Пушку я забираю. В оплату за спасение твоей никчёмной жизни и переведённые на тебя продукты. Хип, будь ласка, открой дверь, а то мне несподручно. А теперь... — Я, перехватив Ересь за шкирку, пинками вынес его из схрона и швырнул на землю, наподдав коленом по пятой точке. — ...Пошёл вон, гнида.

Такого оборота Ересь явно не ожидал. Он ошалело озирался по сторонам, сплёвывал кровь, часто моргал и всей пятернёй начёсывал ушибленный затылок.

— Э-э... ох. Ну, ни фига... это чё такое?.. не понял...

— Бегом! — рявкнул я.

Недалеко, метрах в пятидесяти, снова долбанул набравший воды «трамплин», и по холмам раскатилось звучное эхо. И до Ереси наконец дошло, что придётся возвращаться. Одному. В Зоне.

— Я всё п-понял. Не надо... пожалуйста. Давайте рюкзак, понесу, нет проблем. Мне не в падлу, это я так просто сказал, для хохмы. А вы уже и шуток не понимаете...

Новичок проворно навьючил на себя рюкзак Хип и пристроился между нами.

— Ствол верните, а?

Хип отщёлкнула магазин и передала ПП Ереси. Молодец, стажёр. Всё правильно сделала — ну, совершенно ни к чему заряженное оружие давать в руки такому товарищу.

— На, тащи.

— Э-э... а патроны?

— Перебьёшься.

Я, не спрашивая разрешения, прошёлся по карманам и подсумкам Ереси, забрал кустарную финку и горсть патронов, валявшихся в карманах просто так, россыпью. Как и предполагалось, второго магазина к «Шквалу» у парня не было.

— Не доверяете?

— Да. Теперь не доверяю, — кивнул я. — Да, и ещё. Если увижу, что ты по Зоне в наушниках ходить будешь или языком трепать, пеняй на себя.

— Да что я, совсем дурак? Конечно, не буду, — поспешно закивал Ересь и потрогал вздувшиеся губы.

— Ну, тогда двинули.

— Секунду, Лунь. Посмотри.

Хип, не отрываясь, смотрела в небо. Она улыбалась, хотя глаза её были влажными. Я поднял взгляд.

Небо после мощного ливня почти очистилось от туч. Лишь две широкие облачные гряды тянулись от горизонта до горизонта, а между ними сияла лазоревая бездна света, чистая хрустальная глубина. Солнце ещё не взошло, но его лучи уже подожгли края облаков, накалили их до цвета червонного золота. Вымытая ливнем Зона обрела новые краски под таким необычным для неё небосводом, и вечно серый оттенок мира стал совсем другим, более радостным, что ли... редкое это зрелище. Я, забыв обо всём, смотрел и смотрел, пока ещё можно было видеть эту синь, этот чистый свет, пока его не закрыла привычная серая пелена.

— Ведь это же хорошо, правда, Лунь? Добрый знак... как здорово. Я раньше и не думала, что небо может быть таким красивым, — прошептала Хип.

Ересь пожал плечами, буркнул еле слышно «психи», равнодушно бросил взгляд на небо и начал поправлять лямки рюкзака.

* * *

— Тихо! — Я предупреждающе поднял руку. — Ни звука.

Хип и Ересь послушно остановились. Я прислушался ещё раз. Что-то было не так с обычной тишиной Зоны. Ветерок шелестит, скрипнуло скорченное дерево, еле слышно гудит в сторонке «карусель», но далеко до неё, не страшно. Нет, не послышалось. Кто-то отчётливо сказал: «Солнце». Зомби? Кто знает, может, и зомби... да только на Кордоне это большая редкость. Вот, опять: «Гори, солнышко, гори лучше... во-от, дровишек тебе... жарко гори. Вон уже как светло стало, а будет ещё светлее...»

— Быстро. — Я махнул рукой в сторону зарослей чернобыльника. — Падайте там, и чтоб как мыши. Я сейчас. Если что, дам отмашку.

Похоже, всё-таки зомби. Интересно, сколько их там... ветерок подул как раз с той стороны, откуда доносились звуки. Я потянул носом воздух. Тухлятиной не пахнет, уксусного запаха тоже нет. Значит, или мало их, или совсем свежие. Так, подползём поближе...

Я ошибся. Не зомби. Хотя Бушмен был явно не в себе, даже похож на ожившего мертвеца, но и то, как голову держит, и походка указывали, что живой он, точно живой. У мертвяков, даже свежих, поза застывшая, движения неуверенные, дёрганые, и ходят они совсем не так. Сталкер кружил около горки досок, сучков и выломанного штакетника. Некоторые куски дерева слегка обуглились, но костра как такового не получилось — «глушняк» легко забивает пламя. Ёкарный бабай! А ведь мужик все три дня здесь сидел. Вон как трава прибита и следов на грязи сколько...

— Бушмен, привет! — Я поднял руку, на всякий случай не поднимаясь во весь рост. Пули, впрочем,

можно было не опасаться: двустволка Бушмена с обуглившимся прикладом лежала в одной куче с досками и штакетинами.

— А, Лунь! Здравствуй. — Сталкер посмотрел на меня мутными, слезящимися глазами, кивнул. — Посмотри, какое я солнце разжёг! Светло от него стало, хорошо. Теперь всем света хватит, и тебе, и мне. Для всех светит, горит моё солнышко на всю Зону, и темноты больше не будет, вот так!

— Что ж ты до схрона не добежал, дружище? — Я сглотнул, чувствуя, как холодок пробежал по спине.

— А? Да вот как-то так... не успел. — Бушмен улыбнулся. — А потом темно стало. Долго была тьма, пока я солнце делал...

Сумасшедший сталкер подобрал выпавшую из рук гнилую дощечку, бросил в «костёр».

— Пойдём, друг, отсюда. Я тебя к «долгам» отведу. — Я поднялся, закинул «Сайгу» за плечо, но Бушмен резко мотнул головой и принялся выкручивать корявый сук мутировавшей берёзы.

— Не могу, Лунь. Я за солнцем смотреть должен, погаснет оно без меня... и тогда темно будет... опять темно...

Усилия Бушмена были напрасны — сук хоть и треснул, но очень крепко держался на мочале разлохматившейся древесины. Тогда он выпустил его из рук и побрёл к фундаменту сгоревшего много лет назад дома.

— Стой! — гаркнул я и, уже понимая, что не успею, побежал за Бушменом. — Стой, тебе говорят!

— Сейчас, Лунь, погодь... брёвнышко маленькое возьму, последнее... — Бушмен, оглянувшись и показав на обугленный кусок дерева, продолжал шагать туда, где над шелушащимися кирпичами и трухой растрескавшегося от пожара шифера еле заметно переливался и мутнел воздух.

— Стой, зараза! Назад! А, ч-чёрт...

Невидимая сила бросила Бушмена внутрь сгоревшего дома. Он проехался спиной по битому стеклу, шиферным чешуям и размокшим, слипшимся углям. Брызги грязи и мелкие осколки кирпича начали быстро взлетать вверх, собираясь в крутящееся облако.

— Это... чё это? — Сталкер попытался подняться, но неудачно. «Карусель» вновь сбила его с ног, с хрустом протащила дальше и наконец подняла в воздух. Бушмен удивлённо озирался и, ещё не понимая, что случилось, размахивал руками, пытался уцепиться за что-нибудь, но молчал. Закричал он, когда его начало раскручивать в стремительном фуэте смерти, и его крик продолжался до тех пор, пока центробежная сила не разорвала внутренние органы. Уже мертвое тело сталкера поднялось ещё выше, вспыхнуло радужным огнём и с трескучим грохотом разлетелось в брызги. В багровом облаке ещё пару раз полыхнуло, зашипело, и на землю посыпались разбитые в песок кирпичи, осколки костей и мелкие красные капли. Аномалия утробно заурчала, бросила в небо ещё одну тучу чёрной грязи и щепок, закрутила вихрем, блеснул тусклый радужный свет. И опять только воздух мутно колышется над сгоревшим до основания домом, и словно не было никогда сталкера Бушмена. Я стянул капюшон, сел прямо на мокрую глинистую землю, нащупал в боковом кармане фляжку. Привык. Привык ведь к такому, чёрт возьми, и уже не колотит, как раньше, даже руки почти не трясутся, словно фильтр какой-то в мозгах появился. Только горечь в душе, знакомая жгучая горечь, очень похожая на вкус «слезы контролёра», да ещё щиплет в глазах. Ещё один... ещё... ядрёна восемь...

— Когда же ты нажрёшься, сволочь?..

Зона не ответила. Всё так же посвистывал ветер, шептался с ветвями узловатой берёзы, шелестел ржавыми листьями. Где-то за бывшей деревней истошно заорал «кошак», потомок домашних барсиков и мурок, ставший жуткой пародией на семейство кошачьих. Его вопли, похожие одновременно на плач младенца и визг гиены, уныло носились над Зоной, навевали тоску, и издалека, словно в ответ, затянул протяжный вой собачьей стаи. Реквием по Бушмену. Знал ли ты, сталкер, что именно так будет отпевать тебя Зона...

Профессор. Живчик. Барин. Фугас. Доктор. Теперь Бушмен. Они медленно проходили перед моим мысленным взором, я узнавал их жесты, улыбки. Как жаль, что теперь вы будете жить только в моей памяти и приходить лишь во сне...

— Ты же умер, Барин...

— Да живой я, дружище, живой. Зачем хоронишь? Лучше глянь, как я заведение украсил, Новый год на носу, праздника небось всем хочется... — И Барин, гордо улыбаясь в усы, показывает снежинки, вырезанные из блестящих металлизированных плёнок от сухпайка. — Ну, как?

— Солидно. Настоящий Бар. Прямо как в Европе, — киваю я, и Барин расплывается в улыбке.

— А то ж...

И в Баре уже многолюдно, травит очередную байку на удивление трезвый Фугас, похохатывает Живчик, трясёт кудлатой шевелюрой, а к стойке привалился Профессор, подпёр рукой умную свою голову, бурчит под нос услышанный где-то мотив. Вот и Доктор зашёл, кивнул вежливо, улыбнулся одними глазами, присел за столик, строчит заказ на пенициллин, бинты и хирургические инструменты. И вдруг понимаешь, что все живы, что умерли они не взаправду, показалось это мне

только, и хорошо становится, так хорошо, что хочется закричать от счастья. И, даже проснувшись, ещё не знаешь, что это был всего лишь сон, и радуешься, что так здорово всё получилось...

— Лунь? — Едва слышно, но понятно, это Хип подползла, волнуется. Нагоняй бы устроить за то, что покинула «позицию», но я и сам виноват: сел, понимаешь, и молчок, и это после того, как разрядилась «карусель». Вот и думай, что случилось...

Спрятав глаза — не хватало ещё, чтоб стажёр на них слякоть заметила, зачем расстраивать девочку, — я сделал вид, что занят проверкой «Сайги».

— Что здесь было? Ты кричал, потом как будто «карусель» ахнула, ну, я и...

— Она и есть. Рассмотреть вот не успел, кого сгребла, — соврал я. Не нужно Хип пока знать, что Бушмен погиб. До Ростка доберёмся, там и скажу, а до него ещё дойти надо. — Зови нашего Философа, дальше пойдём. К вечеру надо в Грибной Деревне быть, а это не ближний свет.

«Прощай, Бушмен. Прости, если обидел чем».

— Эй, там это... ну, короче, сами гляньте. — Из зарослей показалась голова Ереси. — Такое, блестит, значит, и подпрыгивает.

— В смысле?

— Ну, пока вы на разведку ходили, я веточкой в земле ковырял. Сверкало там, значит, и мне любопытно, что за штука. Разрыл, а она так раз, значит, из земли. Во какая. — Ересь нарисовал в воздухе овал. — И по бокам тоже штуковины торчат, но поменьше, и переливаются по-всякому. Гляньте, а?

Хип поднялась, поднесла к глазам бинокль.

— Лунь, не поверишь. Наш Философ «выверт» надыбал. Ну, герой, доставай контейнер, бери добычу.

— А чё, это типа артефакт, да? Во блин! Чё, мой, что ли?

— Раз уж ты нашёл, значит, твой, — кивнул я. — Осталось тебе всего каких-то четыреста девяносто пять тысяч заработать для полного счастья.

— Это как? Не понял...

— Пять уже срубил. Ну или сто шестьдесят монет, если в импортной валюте считать.

— Вау! Супер! — И Ересь, на лету поймав брошенный контейнер, ломанулся за артефактом. М-да, зря я сболтнул про арт и деньги. Ишь, как глаза загорелись, не пошла бы вся моя наука прахом. Зона умеет приручать человека, знает, чем и когда подманить. Стерва... Что-то срочно надо предпринимать. Ага, знаю. В научной аптечке, помимо действительно необходимых лекарств, лежало десять шприцев с витаминами. В сущности, очень нужная вещь, полезная, но только если нет таблеток БАДУНа, прекрасно восполняющих недостаток витаминов и микроэлементов.

— Надеюсь, ты его руками не брал? — поинтересовался я у сияющего от радости Ереси.

— А что?

— Ничего. Спрашиваю, голыми руками касался? — Изобразив на лице беспокойство, я посмотрел на ладонь новичка.

— Ну, да... — Ересь тоже уставился на свои руки, и на его лице вдруг стали лучше заметны веснушки.

— Вот блин... это же «чёрный выверт». — Импровизация получилась удачно. Новичок сильно занервничал. — Руки чешутся?

— Немного...

— Хана. — И я сокрушённо покачал головой.

— Погоди, Лунь. — Хип, заметив мой взгляд в сторону аптечки, едва заметно кивнула. — Ведь должно быть средство.

— Да, верно. Но оно, зараза, тоже опасное. Пятьдесят на пятьдесят. — И я с сомнением начал крутить в пальцах шприц-тюбик.

— Коли! — белугой взвыл Ересь и начал расчёсывать ладони. Эйфорию с него как ветром сдуло. Ну, что ж, уколем. Витамины ему только на пользу. А внушение — тем более. Выждав пять минут и, как заправский доктор, проверив пульс и зрачки, я хлопнул Философа по плечу:

— Жить будешь. Повезло тебе, парень.

Что-то заврался ты сегодня, сталкер Лунь. Совсем совесть потерял. Хотя нет, не потерял. Грызёт, зараза, с того самого момента, как показал «кино» новичку. И вроде всё правильно сделал, но что-то не давало успокоиться. По зубам надавал? Нет, это заслуженная была трёпка, за дело Ересь получил. Соврал про «выверт»? Каюсь, было такое. Но для пользы ведь! Жить будет парень, доведу я его до «долгов», а потом за Периметр, и забудет он Зону как страшный сон, хоть одну жизнь отсюда, но вытащу. Так что тебе не нравится, зануда, чего ты ко мне прицепилась, как болотная вошь? Хоть бы намекнула, на что пеняешь. Эх, совесть... бессовестная ты у меня. Ладно, об этом после подумаем, а сейчас в путь, время не ждёт.

— Двинули. Порядок движения прежний.

Покрутив в пальцах гайку с полоской магнитофонной ленты, я аккуратно запустил её к остаткам асфальтированной дороги, вслед за ней сразу отправил вторую, но чуть дальше — не нравилось мне поведение ветерка над жёлтыми гривками травы, вылезшей из трещин. Нет, показалось... обычное завихрение воздуха, не более. Да и вряд ли можно найти здесь подлянку в виде «струны» или «смерть-искры». Кордон он и есть Кордон, даже после Третьей Катастрофы: новые аномалии почему-то здесь не появля-

лись, а «трамплины», «присоски» и «карусели» мало того что были хорошо заметны, так ещё и очень редко сползали с «насиженных» мест. Из всех территорий, включая новые и периферию, Кордон оставался, пожалуй, самым безопасным, хотя нынешняя граница Зоны давно уползла почти на полсотни километров к югу. Но всё равно это была Зона, а раз так, то ходи, сталкер, аккуратно, не зевай. Помни, сколько народа здесь угробилось, перепутав Кордон с бульваром для прогулок... а вот, кстати, и оно...

— Стоп. — Я поднял руку. — Внимание направо.

— Оба-на! — Ересь прихлопнул руками по коленкам. И, как следовало ожидать, уверенно пошлёпал в сторону «мёртвой лощинки». Плевать ему было на то, что обширная болотина между тремя холмиками блестела плёнкой желтоватой слизи и дрожало в воздухе едва заметное марево тяжёлых газов. Не видел он также и костей, чёрных, словно вымазанных гудроном, не замечал черепа с выпавшими зубами рядом с насквозь проржавевшим автоматом, заляпанным густой, никогда не высыхающей грязью. Смотрел он только на красивые, горящие изумрудным светом шарики, лежащие на поверхности лоснящейся жижи с гнойно-жёлтыми разводами.

— Мона? — тихо спросила Хип.

— Нуна, — кивнул я, и стажёр наотмашь треснула маленьким, но крепким кулачком по и так уже ушибленному затылку Ереси.

— ААЙ!

— Ой... — согласно кивнула Хип, показывая на кости, размокшее тряпьё и остатки автомата. Затем подобрала горсть камешков и веером швырнула их в трясину. Изумрудные, сверкающие пузыри полопались с тихим треском, выпустив облачка ядовито-зелёного газа.

— Чё, словами сказать влом было? Обязательно по башке бить? — Философ обиженно покосился на Хип, поправляя съехавшую на глаза бандану.

— Словами тебе уже говорили. Помнишь, с тропы не сходить, идти след в след?

— Ну...

— Тогда без обид. — Хип пожала плечами.

Почти полтора километра до фермы были «чистыми» — на дороге не встретилось ни одной аномалии, да и в пределах видимости я обнаружил всего пару маломощных, выдохшихся после дождя «трамплинов». Несколько слепых собак, увязавшихся было по нашим следам, вскоре отстали, да продолжал орать голодный «кошак», так и не показавшийся на глаза. Ересь пока вёл себя примерно, никаких номеров не выкидывал, Хип надёжно прикрывала тылы... хорошо идём. Эх, были бы все дорожки Зоны такими, как эта...

Вот уже и старая ферма показалась за холмами, видны длинные серые коровники с проваленными крышами, остатки сараев, вросший в землю по самые ступицы давно спущенных колёс ЗИЛ. Интересное это место. Сколько ни прохожу мимо, обязательно остановлюсь и посмотрю. На самой ферме аномалий вроде никаких нет, можно даже ночку пересидеть или Выброс переждать в подвале большого и на удивление хорошо сохранившегося здания конторы. И если вблизи смотреть на коровники, то ничего необычного не увидишь. Это надо издалека. Странное явление, но вроде безопасное.

— Фермы видите?

— Ну, да...

— А теперь постойте минутку и поглядите на них внимательнее. Пока смотрите, с места на место не переступайте и головой особо не вертите. И вообще

лучше присесть. — Я последовал своему же совету, рядом пристроилась Хип.

— И что там? — спросила она.

— Смотрите, сами увидите...

Обычно это начинается через минуту наблюдения. Бывает и через пять. Один раз так вообще сразу и настолько чётко, что цвета различить можно было и самые мелкие детали. По всем признакам — галлюцинация, но, опять-таки, глюк особо не сфотографируешь, а это — пожалуйста, хоть целый фильм снимай. И, что интересно, только в том случае «картинка» получится, если камеру в руках держать. С автоматических зондов и беспилотников снимали эту ферму, конечно, но ничего особенного не находили.

Так. Вот и началось... над упавшими воротами коровника, кустами жухлых репьёв, слоящимися кирпичами медленно поплыло буроватое пятно, похожее на клуб дыма. За ним образовались ещё два, светлых, едва различимых — если не присматриваться, то и не заметишь. И вот уже бурое пятно медленно превращается в прозрачную фигуру коровы, и можно даже различить раскачивающееся вымя, опущенную рогатую голову, и призрак растворяется в воздухе. А на ферме уже виден трактор с телегой, серебристо отсвечивают алюминиевые фляги, ходят люди, и на месте давно обрушившейся водонапорной башни появляется туманный столб...

— Да, Лунь, вот это...

Хип не договорила. Сразу за фермой раскатилась эхом короткая автоматная очередь, затем глухо стукнул выстрел из дробовика.

— Лунь, там... Сионист, похоже. — Хип уже приложила к глазам бинокль. — Точно, он. За плитами лежит.

— Ранен?

— Нет вроде.

— Дай-ка мне... — Я забрал у стажёра бинокль, навёл резкость. Хип не ошиблась. Действительно, Сионист. Такой кудрявой чёрной шевелюры ни у кого больше нет. Да и профиль запоминающийся, почти как у библейских пророков — бороду наш Сионист отпустил. Лежит за разбитым колодезным кольцом, направив автомат в сторону насыпи, точнее, трубы, через которую когда-то протекала мелкая речка. В чёрном зеве трубы коротко, тускло блеснуло, и через пару секунд я услышал ружейный выстрел.

— Хип, идёшь за мной до фермы, там прячешься вместе с Философом, ждёшь меня. — Я почувствовал, как стукнуло сердце, отреагировав на дозу адреналина, выброшенную в кровь. Ох, как же не люблю я войну, как же тошно стрелять в людей, но даже мысли о том, чтоб не прийти Сионисту на выручку, у меня не возникло. Держись, дружище, я мигом...

— Ага. Щ-щас! — Хип зло блеснула глазами, сбросила с плеча ремень «Сайги». — Вместе пойдём!

Когда у стажёра так загораются глаза, а губы сжимаются в нитку, с ней лучше не спорить. Если упрётся Хип, то с места её не сдвинешь, факт. Остаётся только вздохнуть.

— И я. Я тоже пойду с вами, — негромко сказал Ересь. Побелел парень, губы трясутся, но смотрит прямо. — Прикрою. Мне ведь без вас... ну, сами понимаете...

— Стрелять из своей «трещотки» умеешь? — уже на ходу спросил я.

— Да, и неплохо... ну, для новичка.

Я кивнул, и Хип передала Ереси «Шквал». Новичок прищёлкнул магазин и засеменил следом.

Сионист заметил нас издалека, узнал, показал на землю, мол, ложитесь, дождался, пока мы подползём.

— Шалом, сталкер. — Сионист коротко кивнул.

Я по-пластунски подгрёб к Сионисту. Хорошая позиция: из колодезного кольца получился настоящий дот, даже амбразура имелась — пролом в бетонной стенке с две ладони размером. Хип устроилась за штабелем железнодорожных шпал, аккуратно выглянула, сменила магазин «Сайги».

— Сколько их там?

— Пять гавриков. Шестой вон там лежит, возле осинки. — Сионист извлёк из кармана зеркальце, зажал его в пинцет щупа. — В общем, много. Спасибо, кстати, что пришёл, а то мне хана нарисовывалась. Сигнал-то здесь не накрывает, помощь не вызовешь, а один против пятерых... м-да...

— Слышь, чучело! — заорал кто-то из трубы. — Может, тихо разойдёмся? А то ведь завалим ненароком! Чё скажешь, придурок?

— Одного положить успел, — продолжал Сионист, не обращая внимания на крик. — Да вот незадача, остальные крепко в той норе засели. С другого конца тоннель обваленный, и, получается, ни мне, ни им хода теперь нет. Позиционная, значит, война вышла. Гранат у вас нет?

— Ты же знаешь, никогда не беру. — Я быстро выглянул из-за края разбитого кольца и тут же спрятался. Меня заметили, сразу последовал выстрел, с протяжным стоном ушла в небо срикошетившая пуля. Но кое-что рассмотреть я успел. В зеве тоннеля было темно, удалось только разглядеть наваленные на полу кучи битого в щебень бетона, кирпичей и даже, кажется, измятый до неузнаваемости остов легковушки. Не иначе, похозяйничала там в своё время мощная аномалия, не зря же так обвалило трубу. И «гаврикам» выхода нет, и Сионисту не уйти — стоит только покинуть «дот», как из него сразу решето сделают. М-да, весёленькая ситуация...

Стукнул выстрел, и тяжёлая пуля громко шваркнула по колодезному кольцу. Пробить не пробила, но изнутри от стенки отвалился приличный кусок ноздреватого серого бетона. Старенький АК-74 Сиониста огрызнулся короткой экономной очередью, пули подняли фестоны грязи, отстригли верхушку тальника у самого входа в тоннель.

— Промазал, чучело! — громко, с издёвкой крикнул бандит, фальшиво расхохотался.

— Щас мы тебе голову резать будем, баран шелудивый! — добавил голос с заметным кавказским акцентом. — Лучше сам выходи, тогда быстро помрёшь!

— Подержи пока ребят на мушке, — сказал я, и Сионист кивнул.

— С фланга зайти хочешь?

— Есть такая мысль. Там канавка, проползу по ней до вон того штабеля... и поближе будет, и стрелять сподручнее. Отсюда из дробовика не достану — далеко. Хип, Ересь, если что, прикроете, но только, ради бога, не высовывайтесь.

Да, метров сто пятьдесят... картечью, даже вязаной, сложно достать. Сняв рюкзак, я перекатился на дно мелкой, извилистой канавки и, отталкиваясь локтями, пополз. Послышались выстрелы, длинная очередь, и над головой прозвучал короткий, злой посвист, звучно шлёпнуло по глине, полетели брызги не просохшей после дождя грязи. На чёрно-сером узловатом стволе наклонившейся над канавкой ёлочки появились белые пятна, полетела разбитая на волокна смолистая щепа. И тут же два раза стукнула «Сайга» Хип и как будто с треском сломался гигантский сук — скорострельность у «Шквала» была впечатляющая. «Не меньше половины зарядов Ересь высадил», — подумал я. Но, в общем, молодец, вовремя среагировал. Стрелять по мне прекратили, и я полез

дальше. Ох и грязно же здесь... весь изгваздался. Но я ладно, не набрать бы глины в ствол. Видел я, как ружьё взрывается от того, что хозяин в стволе кусочек ветоши забыл после чистки. Натурально в куски разлетается, бывает, что и вместе с руками. Казалось бы, пустяк, тряпочка — дунь, и вылетит, но оружие при выстреле только так разносит. Давайте ребята, ещё немного... и Сионист словно услышал мои мысли, понял, что мне нужно сделать последний рывок. Застучал автомат, посылая в темноту тоннеля вереницу трассеров, и пока у меня были эти несколько драгоценных секунд, я кубарем подкатился к штабелю подгнивших, но ещё крепко воняющих креозотом железнодорожных шпал. Похоже, не заметили. Я осторожно выглянул.

Между горками бетонных обломков показался силуэт головы, затем плечи. Бандит медленно, осторожно приподнялся, видно, для того, чтобы половчее прицелиться. Ну, извини, парень... приклад удобно лёг в выемку плеча, я взял прицел чуть выше тёмного силуэта и плавно выжал спусковой крючок. Расстояние для гладкоствола, пожалуй, великовато, вряд ли попаду, но...

«Сайга» мягко толкнула в плечо, и звук выстрела показался негромким, но лишь до тех пор, пока от насыпи не отскочило звучное, раскатистое эхо.

— Фича!!! Фичу, гад, завалил! Фи-ича, брата-ан!.. Порву-у, су-уукаа!!! Аааа-ха-аааа...

Попал. В человека ты попал, сталкер Лунь. Пусть и в бандита, подонка, но всё-таки человека. И теперь ты можешь тысячу раз сказать себе, что так было надо, что выручал ты своего брата-сталкера и что убитый тебя бы не пожалел, и даже то, что этим, возможно, ты спас других людей. Но этот горестный вопль по

убитому другу ты не забудешь, сталкер Лунь. Такие вещи не забываются.

Наступила тишина. Напряжённая, неспокойная, но никто больше не стрелял. Бандиты, видимо, совещались. Одно дело — воевать против одинокого сталкера, совсем другое — против целой группы. Да и бандитами их назвать — много чести. Так, шакалы, сталкеры-неудачники, не обременённые совестью, которым страшно самим ходить по Зоне в поисках хабара. Вот и сидят по «чистым» тропинкам, «пасут» честных бродяг, чтоб потом выстрелить в спину и обобрать труп, и не просто обобрать, а даже и раздеть, если комбез хороший и обувь новая.

— Эй, братаны! — послышался надсадный крик из тоннеля. — Может, перетрём по-свойски?

— Что, уже не чучело? Братаном стал? Ну, давай, вещай, что хотел...

— Ну мы, короче, сдаёмся. Не стреляйте! — И на землю возле входа в тоннель полетели два старых автомата, охотничья двустволка и пистолет.

— Выходим, ребята, и чтоб лапки в небо! — громко скомандовал Сионист.

Вышли, щурясь от дневного света, подволакивая ноги. Работнички, понимаешь, ножа и топора. Все небритые, тощие, с бегающими взглядами, трое в простых кожаных куртках, один в потёртой, кое-как заштопанной «Кольчуге-М», явно снятой с убитого сталкера. Озираются диковато, взгляды и злобные, и одновременно какие-то заискивающие, что ли. Тот, что в «Кольчуге», глянул на меня с такой жгучей ненавистью, что стало понятно — с этим наверняка придётся встретиться на узкой тропинке.

— Ну, короче, братан, мы, типа, всё... не стреляй, короче...

Сионист, держа бандитов под прицелом, подошёл ближе, постоял несколько секунд и спокойно, в упор расстрелял всех четверых длинной очередью.

— ОНИ ЖЕ СДАЛИСЬ!!! — громко, до хрипоты в сорвавшемся голосе крикнула Хип. — Зачем? Это же... это неправильно! Несправедливо!!!

— Да? — Сионист отщёлкнул пустой магазин, извлёк из подсумка другой. — И как я, по-твоему, должен был поступить? Идите, мол, ребята, с миром и больше не грешите?! А они бы, конечно, раскаялись и начали новую жизнь. Нет, девочка. Это было правильно и справедливо.

Один из бандитов был всё ещё жив. Он судорожно дёргал ногами и хрипел простреленными лёгкими. Через рваные дыры комбинезона выступала розовая пена, в горле булькало, клокотало, по небритым щекам стекали две ярко-алые струйки. Бандит силился что-то сказать, но захлёбывался кровью. Сионист подошёл, посмотрел, немного склонив голову набок.

— Не... не на-аакхх... кхдо...

— Что, шакал, жить охота? Прочувствовал, гад? Им всем тоже жить хотелось... — процедил сквозь зубы Сионист и одиночным выстрелом прекратил агонию.

— Так нельзя... нельзя так... — бормотала Хип, сидя на земле и спрятав лицо в ладонях. — Они же сдались... несправедливо...

— Хватит! — жёстко сказал Сионист, сверкнув глазами. — Я просто сделал так, чтоб это отребье никому не смогло повредить, и твои сантименты здесь совершенно не к месту! С ними по-другому нельзя!

— Лунь... разве можно так, а? Просто убить...

Он преследовал меня ещё с Тёмной Долины. Крошечная фигурка, настойчиво двигающаяся по моим следам. Наверное, думал, что на таком расстоянии будет для

меня незаметен, считал, что хорошо маскируется и удачно использует укрытия. И я бы ушёл, конечно, легко ушёл от мародёра-неудачника, совсем, видимо, новичка в своём деле, если бы не болталась на спине бандита СВД, а сам я не находился в чистом поле. Однако уже и стреляет по мне парень, придётся залечь. Три выстрела; но с такого расстояния, что попасть в меня можно было только случайно. Как легли пули, я, впрочем, видел — два пыльных клуба на дороге и сочный «чпок» в кору одинокого засыхающего тополя. Ведь нагонит, стервец... я-то по гайкам иду, небыстрое это дело. А ему дорогу не проверять — вот они, следы, иди себе спокойно. Подойдёт на выстрел как пить дать. И место, зараза, неподходящее — чистое поле вокруг на пару километров, кустики чахлые, деревца кривые, засаду не устроишь, не спрячешься. Вот наказание-то... И интересно, откуда у сопляка снайперская винтовка? Не этот ли Коробка на той неделе убил, а с ним и двух стажёров? А что, запросто, Фреон говорил, что пробоина в подарочной фляжке как раз под калибр семь шестьдесят два была, Коробок как сидел, так лицом в костёр и рухнул. Скверные твои дела, сталкер Лунь. Исключительно гадская ситуация нарисовалась — ни кочки, ни поваленного ствола нет, и мишень из меня замечательная получается. Даже если залечь, толку мало — у него оптика, а у меня дробовик, и в чью пользу расклад при перестрелке будет, гадать не нужно. Вон вдалеке руины завода темнеют, но не успеваю я до них, слева домишко горелый, и туда я точно не пойду — марево горячего воздуха над ним даже отсюда видать. Неприятно зазнобило, и движения стали резче, заколотилось сердце. Только паники мне не хватало для полного счастья...

Дорога пошла по холмам, преследователь — уже хорошо заметная шевелящаяся точка — временно скрылся из виду. А впереди, метрах в двухстах, авто-

бусная остановка из позеленевшего силикатного кирпича, в стенках большие круглые окна, и спрятаться там просто негде — попробуй выстрели из такой засады, если сам как на ладони и «Сайга» против СВД... Однако воняет здесь. Крепко воняет. Сдох кто-то поблизости... а вон и труп. Здоровенная псевдоплоть лежала у самой обочины, и лежала, надо полагать, не меньше полутора недель, вон как её вздуло, и ноги клешнятые в небо торчат. Я быстрым шагом прошёл мимо, по пути сорвав пучок жёсткой травы. Топай, Лунь, быстро топай до остановки, чтоб видны были следы, а потом в два прыжка на обочину, и веником импровизированным следы от прыжков замажь. А теперь бегом по широкой дуге до падали. Хоть и плохо, просто недопустимо в Зоне дуром пробегать, да времени совсем нет, так что беги, сталкер, и старайся траву жухлую ботинками особо не поддевать, и вся твоя надежда на дохлятину у самой дороги.

Здоровенная была зверюга, супротив обычной плоти раза в два крупнее. Появились такие твари совсем недавно и встречались в основном вблизи Припяти, но и в Тёмной Долине королевская плоть часто попадалась сталкерам. Хотя сталкеры попадались ей ещё чаще.

Смрад возле мёртвой твари был ошеломляющий. При моём приближении с туши снялась целая туча пепельно-серых мух, насекомые начали лезть в глаза, уши. От мысли, что мне сейчас придётся залезть под бок трупа, и не просто залезть, а буквально зарыться рядом с облезлой, сочащейся белёсой жидкостью шкурой, мне стало, мягко говоря, нехорошо. Так... подвинься, зараза... ох, ну и запах, ядрёна восемь. Лезь, сталкер, под тушу. Жить захочешь, и не туда залезешь... только бы не вырубиться от этих ароматов. Всё, забрался. С дороги меня сейчас не видно, это точно, да и со стороны поля тоже, если, конечно, не присматриваться. А я

очень сильно надеялся, что моему преследователю и в голову не придёт, что можно сделать засаду под таким укрытием. Пусть думает, что засел сталкер на остановке, тем более я и рюкзак оставил там, и не просто оставил, а так, чтоб в оптику виден был только уголок. С другой стороны, если у него хоть чуть башка варит, он обязательно проверит падаль. Да, Лунь, и сам дурак, и ещё на чужую глупость надеешься.

В туше гулко заурчали газы, и на землю прямо перед носом часто закапала слизистая жидкость. В каплях возились мелкие, белёсые личинки мух, и мне показалось, что червяки уже забрались в волосы, за шиворот и шевелятся там, вызывая лёгкий зуд. Может быть, и хорошо, что сегодня не завтракал — желудок уже вовсю протестовал. От смрада слезились глаза, а в носоглотке начало першить. Интересно, почему же тебя, заразу, никто не сожрал? Даже псевдозмеи не польстились на такую гору подгнившего мяса. Значит, есть на то причина, видать, не просто так сдохла тварь, а явно что-то нехорошее подцепила. «Гу-рррррр», — снова послышалось из глубин туши. «Шлёп», — перед носом упал шмат чего-то чёрного, желеобразного, и запах усилился, хотя, казалось бы, куда уж дальше. Ништяк, Лунь. Будет что в Баре рассказать за ужином. Если, конечно, доживёшь.

Преследователь, потеряв меня из виду, начал осторожничать. Явно проверял каждый подозрительный кустик, исследовал в оптику ложбинки, гривы сухой травы, и это замедлило скорость его передвижения. В поле зрения он появился только через четверть часа. Постоял в десяти метрах от туши, посмотрел на труп и прошёл дальше. Затем опустился на колено и начал долго и тщательно исследовать в оптический прицел разрушенную остановку. Купился парень и на следы, хорошо видимые на толстом слое мелкой белой пыли, и

рюкзак мой явно углядел. Совсем молодой, из той породы, что так нравятся девушкам, — чистое, правильное лицо, прямой нос, капризный изгиб нижней губы. Красавчик. Голову на отсечение, что именно так назвали бы тебя в Баре. Даже винтовку свою держит как-то элегантно, что ли, похоже, даже перед собой рисуется. Вольный, понимаешь, стрелок, охотник на диких сталкеров. Ну и что? Всё равно они рано или поздно сдохнут, так пускай мне хоть какую-то пользу принесут... Кем он, интересно, себя возомнил? Безжалостным, но романтичным киллером из западных боевиков? Героем-снайпером из фильма «про войну»? А всё-таки дурак ты, парень, что не проверил вонючую, вздутую и грязную тушу у дороги. Похоже, даже мысли такой не допустил, что может кто-то залезть под такую мерзость, устроить там засаду. Ишь, всё выцеливает, обшаривает пустую автобусную остановку, снова прошёл вперёд, опять целится в мой рюкзак. Нет там меня, Красавчик. Давай ещё чуть пройди... вот так.

За секунду до выстрела парень что-то почувствовал. Он резко вздрогнул, втянул голову в плечи и начал разворачиваться в мою сторону. И за долю секунды успел встретиться со мной взглядом. «Сайга» толкнула в плечо, вспыхнуло тусклое пламя выстрела, и тлеющий пыж оставил в воздухе нитку сизого дыма. Тяжёлая экспансивная пуля вошла не между лопаток, а чуть левее, вышибла розоватое облачко, и бандит мешком рухнул на землю, не успев даже вскрикнуть.

Я долго не мог заставить себя подойти к телу. Просто сел на дорогу, не доходя пяти шагов до убитого, и смотрел на серые тучи, марево над разрушенным домом, остановку. Зачем-то рвал и ломал в мелкую щепу сухие стебельки травы, старался проглотить горький ком в горле. Знобило. Странно, но никаких определённых мыслей в голове не было. Лезла какая-то чушь: что вро-

де дождь собирается и похолодало заметно, ночью, наверно, вообще колотун будет, что продукты в Баре в цене подскочили, и хорошо бы в НИИ к Гюльчатай завтра заглянуть, может, какое задание поручит, или просто поболтаем о чём-нибудь. И вообще надерусь я вечерком в Баре, хоть и не в моих это привычках — много пить, но сегодня, ядрёна восемь, точно нахлебаюсь в дымину. Ну что, Красавчик, лежишь? И что тебя, дурака, заставило по кривой тропинке пойти, зачем ты вообще, дурило, в Зону попёрся? Чего не хватало тебе там, на Большой земле? Ты ведь убить меня хотел, Красавчик, убить всего за несколько артефактов, и уж точно не сидел бы вот так, как я сейчас, не зарубался, а просто прихватил моё барахло, посетовав, что маловато хабара сталкер намыл...

Долго я сидел там... пока смеркаться не начало. Потом взял трофейную СВД и, не оборачиваясь, побрёл в сторону Бара. Дороги почти не помню, как в аномалию не вляпался, до сих пор удивляюсь.

СВД, как позже выяснилось, принадлежала долговцу из пропавшего месяц назад патруля — признали винтовку «долги», инвентарный номер на прикладе сохранился. Барин выслушал, понимающе кивнул, но потом, потянув носом, из заведения меня выставил, снабдив на дорожку двумя бутылками горькой настойки. «Кольчугу» пришлось потом в НИИ в специальную чистку сдать, и сам еле от запаха отмылся. Но всякий раз, когда доводит нелёгкая до перестрелки, когда вынужден стрелять в людей, чувствую тяжёлый солёный смрад, совсем как в тот день, когда убил первого в своей жизни человека.

— Вспомни, стажёр, что обычно с бандитами в «Свободе» делали? — спросил я, кивнув в сторону трупов.

— В расход... — буркнула Хип, отведя глаза.

— Вот. «Долги» их тоже к стенке поставили бы или на Арену, что в принципе одно и то же. Там с ними разговор короткий. А отпустить их никак нельзя было, сама понимаешь.

— Всё равно, — устало вздохнула Хип. — Так тоже нельзя. Иначе мы от них отличаться перестанем, сами в зверей превратимся.

— Эх, девочка... — негромко произнёс Сионист. — В том вся и беда, что человек хуже всякого зверя, просто не каждый своему зверству волю даёт. Но если уж дал, то страшнее монстра не будет, и таких тварей как бешеных собак стрелять надо, пока они других не заразили. А лютость человеческая заразна, факт. Сами далеко собрались? Может, по пути?

— До Грибной Деревни, потом к «Долгу» в гости.

— Ну, до Грибной я с вами могу прогуляться, если не возражаете, — кивнул Сионист. — А там к Чёрной Балке потопаю. Ну, как?

— Возражений не имею.

— Да, Лунь... смотрю, Хип уже заправским сталкером сделалась. Недурно. Решил ещё одного стажёра взять? Или, пардон, Хип учеником обзавелась?

— Вообще-то за меня всё решил Бивень, — вздохнул я. — В общем, хочу парня за Периметр вытащить.

— Жалко, значит? — Сионист сощурил глаза. — Ну-ну...

Старая, давно заброшенная грунтовка таковой не казалась. В смысле, заброшенной, хотя уже больше двадцати лет не ездили по ней трактора и молоковозы. Однако колеи как будто свежие, рубчики в них даже видны от тракторных шин, а ведь и дожди, и

слякоть эта вечная давно должны были сгладить эти следы, стереть о них всякое воспоминание. Ага, как же, сотрёшь тут... вон какой ливень был, грязища везде, а дорога сухая, пылит даже, камешки блестят, в песке стёкла от раздавленной бутылки. Нормальная такая, обычная сельская грунтовка...

Не нравились мне в Зоне разные странности. Вот, к примеру, трёхэтажка одна в Нижнем Коржино есть. Вокруг неё дома все серые, подгнившие, пустыри с вечно жухлой травой, бурьян, крыши проваленные, отблескивают из подвалов холодным белым светом «смерть-искры» — обычная для Зоны картинка траурных таких, мрачных расцветок. А этот дом весь, от фундамента до конька шиферной крыши, во все цвета радуги разукрашен. Места живого нет — всё в жёлтых, синих, оранжевых кляксах, даже стёкла, и те заляпало. Лишайник мутировавший, просто лишайник, и ничего более, не токсичный он, не фонит, вот только необычно яркий и по ночам немного светится. И сталкеры в этот дом залезали, ночевали даже, никто там не гробился. А я вот не могу. Не могу, и всё тут. Если бы этот самый лишайник и на других домах был, то не вопрос, зашёл бы... а тут непонятно. Почему здесь растёт, а рядом — не растёт? Чем ему именно этот дом глянулся? Даже кабель, длинный кусок, с крыши свисающий, весь заплыл так, что изоляции не видно, и шифер сплошь пятнами покрыт, а вот забор, непосредственно к дому прилегающий, — чистый. Значит, что-то не то с этим домом, и поэтому меня туда калачом не заманишь. Вот и грунтовка эта. Ох, как же не нравится она мне, а ведь ни одной аномалии не встретилось, и мутантов тоже не будет — обходили они эту грунтовку десятой дорогой. Сионист вон шагает безмятежно, даже гайки не кидает, а опытнее человека я ещё не встречал, самому Фреону сто очков

форы даст. Стажёр тоже спокойна, а чутьё у Хип — дай бог каждому, не раз убеждался, что знатный сталкер растёт, одарённый. Почему же у меня мороз по коже? У-ух, зараза, поскорее бы уж до Грибной добраться. Параноик ты, Лунь.

— Что видишь? — задал я обычный свой вопрос стажёру.

— Чисто пока всё. — Хип пробежала взглядом по обочинам, самой дороге. — Ничего странного пока не замечаю. Единственное, сама дорога. Дождь сильный был, а она сухая, даже пыль не прибило. А так...

Хип задумалась, на секунду прикрыла глаза.

— Не, ничего. Не нравится тебе что-то, да, Лунь?

— Не обращай внимания. Похоже, просто паранойя.

— А всё-таки?

Я вздохнул, осмотрел заросли у дороги. Когда-то посадили по обочинам кусты акации и боярышника, которые превратились теперь в джунгли, частую сеть из крепких, как железо, узловатых стволов. Зверю крупнее тушкана пролезть сквозь них было нереально, тем более что мутировавший кустарник был густо покрыт здоровыми, с гвоздь-сотку, зазубренными шипами. Заросли поднимались двумя сплошными стенами, кое-где даже смыкались над головой, образовывая подобие тоннеля, но на дорогу не выходили — граница растительности была четкой, словно проведённой по линейке. И тишина — ни шороха, ни треска сухой веточки, вообще ничего.

— Слишком... спокойно всё. — Я поёжился.

— А он, мятежный, просит бури. — Сионист улыбнулся уголками губ. — Хорошая дорога, Лунь, и всегда такой была. Иди и не зарубайся.

«Интересно... — подумал я. — А сложилась бы у меня нормальная жизнь за Периметром? Чистой тро-

пинки шугаешься, сталкер, а что было бы там, где ни аномалий, ни мутантов вообще нет? Смог бы ты вот просто так по незнакомой улочке пройти, чтоб гайкой путь не проверить? Въелась в тебя Зона, Лунь, до самых корней волос, до костей тебя пропитала. А с паранойей действительно надо что-то делать».

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, — буркнул я, поправив на плече ремень «Сайги».

Ну вот, кажись, дошли. Интересное это место — Грибная Деревня. В НИИ отдельная лаборатория ей занимается, экологи сюда часто наведываются. И правильно — не каждый раз удаётся обнаружить полноценную экосистему, состоящую всего из двух видов, а если быть точнее, двух организмов — гигантского лежачего дерева, километровым кольцом окружающего всю деревню, и мутантного гриба. Частенько я сюда наведывался по просьбам «ботаников» — то пробы взять, то приборы установить. «Выраженный случай микоризы, — говаривал биолог Зотов. — Поразительный пример симбиоза». Ещё бы, не поразительный... дерево это, сосна, кстати, издалека напоминает настоящий дремучий лес — из кольцевого ствола в небо тянется густой частокол прямых побегов. И хвоя на них не жухлая, а сочно-зелёная, смолой пахнет, Выбросы ей нипочём, и дожди кислотные почему-то не обжигают. А вот внутри, за кольцом, натурально пустыня: песок низкими рябыми барханами, и в песке фундаменты да трубы печные в небо торчат. Подчистую всю органику мутантный гриб съел, начиная с брёвен и заканчивая изоляцией с проводов. «Ботаники» говорили, что грибница даже до нейлоновой палатки добралась и меньше чем за неделю только штыри да металлические молнии от неё оставила. Но самое интересное — «подружился» гриб с молоденькой, чахлой сосной и всего за пять лет превратил её в мо-

гучее дерево. Так и живут вместе — сосна, как я понял из немного путаных и изобилующих научными терминами рассказов Зотова, кормит гриб разными сахарами, а тот, в свою очередь, снабжает дерево водой, минералами и ещё какой-то штукой, от которой дерево быстрее расти начинает.

Грибная Деревня встретила нас тишиной, крепким запахом прели и удивительным спокойствием. Даже ветра здесь почти не бывает — не пробивается ветер за кольцевой «лес». И всё вокруг — покосившиеся печные трубы, песок, шиферные листы, — опутано редкой сетью из чёрных веревок грибницы, да поднимается в самом центре деревни десятиметровый губчатый «обелиск» — многолетнее плодовое тело гигантского гриба. К нему лучше не подходить — фонит рядом так, что счётчик зашкаливает, набрал грибочек нуклидов под завязку и до сих пор набирает.

На карте «ботаников» это место обозначено как «биологическая аномалия первой группы». А это значит, что вполне можно добыть здесь «панацею» и «жгучую слизь». Цена у них невысокая, не больше пятидесяти монет за сто грамм, но спрос стабильный — на Большой земле из них какие-то особо действенные таблетки для омоложения делать научились. Сионист, вооружившись пластиковым шпателем и парой специальных контейнеров, уже отправился собирать «слизь» с упавшей печной трубы, должно быть, заказ на неё получил. Ересь, выслушав строгое указание не приближаться к «обелиску», отправился исследовать деревню. Я не возражал — аномалий, кроме «горячего пятна» в центре, здесь не было. Ноль эмоций у парня — недавно перестрелка была, люди погибли, а ему хоть бы хны. Посмотрел так равнодушно на трупы, кинул на плечо «трещотку» свою и дальше потопал. Буркнул что-то вроде «а, насмотрел-

ся уже... разборки, считай, каждую неделю были, да и по телеку целый день одни трупаки». Привычный, значит. Нехорошая это привычка, не нравится она мне... что же там, за Периметром, творится? Здорово я, видать, от жизни отстал. А Фреон тогда всё удивлялся — как это, мол, получается, бандитов сколько раз под корень изводили, а меньше их не становится. Откуда только берутся? Да из таких вот Ересей, друг мой Фреон. Из тех, кому чужая жизнь не дороже плевка, которых воспитали университеты улиц и западных боевиков. Телевидения в Зоне нет, Интернет только у «ботаников», совсем от мира отрезаны сталкеры. Ну, Бивень и присобачил к полкам телевизор, плеер с Большой земли заказал и целую коробку дисков к нему. Чего там только не было — и старые, и новые фильмы, мелодрамы какие-то, боевики, фантастика... и поставил как-то раз Бивень диск с фильмом — про Рэмбо какого-то. Смотрели сталкеры, смотрели, как этот самый герой всех налево и направо валит, а потом Лихо встал и говорит: давай диск сюда. Взял, посмотрел на него пару секунд, а потом сплеча об стойку хрясь, только осколки радужные полетели. И с тех пор крутит Бивень всего пару фильмов старых — про Холмса с Ливановым, да ещё «Холодное лето пятьдесят третьего». Всё расстраивался, зачем такую кучу дисков заказывал, всё равно, подлецы, не смотрят...

— Значит, за Периметр хочешь парня вытащить? — негромко спросил подошедший Сионист.

— Есть такая мысль.

— А зачем?

— Ну, как... — Я непонимающе взглянул на Сиониста. — Неужели не понятно? Гробанётся он в Зоне.

— Ну, скорее всего да, гробанётся. — Сионист оценивающе глянул на Ересь, сосредоточенно вы-

искивающего артефакты в развалинах. — Тебе это зачем?

— Не хочу, чтобы ещё одну жизнь Зона сожрала.

— Вот оно как. Армия спасения.

— Ты что-то против имеешь? Ну, поделись тогда мыслью. — Я вспомнил жёсткий прищур глаз Сциониста, его холодное «ну-ну», да и сейчас не то чтобы язвительно, но с явным неодобрением сталкер высказался.

— А ты не думал, Лунь, — Сионист опустил взгляд долу, — что проклянёт тебя этот самый Ересь? Нет, не сразу, а лет через двадцать, когда будет долго и мучительно подыхать от цирроза на грязной постели? Или раньше даже, возвращаясь со скучной, обрыдлой работы к подурневшей, разбухшей жене и выводку сопливых чад? Знаешь, я как-то слово одно услышал: «беспросвет». Именно это его ждёт там, за Периметром, — длинная цепь пресных, серых дней, и пить он начнёт, точно тебе говорю, гнить будет заживо среди подобных ему. Только в отличие от прочих этому товарищу будет вдвойне тяжко. Он уже отравился надеждой на другую жизнь, не важно, о деньгах ли он мечтает, о сказке наяву, о счастье даром для всех, это без разницы. Важно то, что у опьянённых надеждой людей всегда бывает долгое и мучительное похмелье.

— Ну почему сразу гнить? Почём ты знаешь, может, всё отлично у парня сложится...

— Нет, Лунь. Не сложится, — перебил меня Сионист. — Не того сорта человек. И ты это не хуже меня понимаешь, по глазам вижу. И вообще, кто тебя просил вмешиваться? Он не просил точно. Ты сам решил влезть, забыв о том, что это его жизнь, его судьба, он взрослый человек и сам выбирает свою тропинку. Сам, понял?

— Не прав ты, Сионист, — тихо, но очень твёрдо сказала Хип.

— Объясни, в чём.

— Если бы Лунь поступал по твоим правилам, то я бы просто умерла в Зоне два года назад. Он человек, Сионист. А ты... не обижайся, просто робот. Машинка. Гладко так у тебя всё выходит, правильно вроде говоришь, да вот только слушать всё это, извини, противно.

— По моему опыту, правду слушать всегда противно, — кивнул Сионист. — Только слушать-то её надо, как бы глаза при этом ни резало. Машинка, говоришь? Уж лучше пусть так, чем все эти сопли жевать про гуманность, милосердие и прочую шелуху, которой люди здорово засорили свой разум. Зона тем и хороша, что всю сущность человека наружу выворачивает, показывает, кто чего стоит. За честность я Зону уважаю. Пошёл убивать — будь готов к тому, что и тебя убьют. Грабишь? Будешь ограблен. Око за око, зуб за зуб. Чистая справедливость без наносной грязи милосердия. Пришёл в Зону — знай, что нюни никто за тобой вытирать не будет. По мне, так пусть лучше Ересь здесь просто честно загнётся, чем будет постоянно опекаем разными добрыми дядями.

— Вот, значит, как. — Я посмотрел Сионисту в глаза. — Вопрос был, помнится, что меня заставляет Ересь из Зоны вытащить. Долго, наверное, тебе объяснять придётся... скажу проще: наверное, то же самое, что под пули толкнуло, когда свой брат-сталкер в беду попал и когда ему, по его собственному признанию, хана нарисовывалась.

— Тут другое совсем... — буркнул Сионист, но взгляд отвёл. — Спасибо ещё раз, конечно, правда, спасибо, но...

— Но ты бы к нам на помощь, случись что, не пришёл. Каждый сам за себя, нейтралитет и всё такое, — закончила Хип. — А, ладно, проехали.

— В долгу не останусь, сами понимаете.

— А вроде умным казался, вон, книги в Баре читал. — Хип взглянула искоса. — Да, видать, неправильные книжки тебе попадались. Говорю же, хватит, закрыли тему.

Сионист хотел что-то сказать, потом кашлянул и досадливо махнул рукой.

— Жаль, что мы друг друга не поняли. Ну, бывайте здоровы, пора мне до Балки топать.

— Удачи. Смотри, в засады больше не попадайся. — Я пожал протянутую руку, и Сионист, не оборачиваясь, скрылся за частоколом сосновых ветвей.

Я взглянул на ПМК. Однако через два часа стемнеет, пора искать укрытие на ночь. За Грибной Деревней, недалеко от кольцевого дерева, находился «Купол» — доставленный вертолётом лабораторный комплекс учёных. Серебристая полусфера из лёгких сплавов вмещала, кроме оборудования и блоков жизнеобеспечения, два жилых отсека, рассчитанных на шесть человек. «Купол» был почти заброшен — «ботаники» давно вынесли оборудование и использовали комплекс только в качестве укрытия от Выбросов или места ночёвки. Из шести человек персонала почти безвылазно живёт там всего один учёный — надо же кому-то аномальный участок изучать. Не гнушались этим укрытием и сталкеры — тонкие, но весьма прочные стенки «Купола» защищали от Выброса даже лучше, чем бетонные плиты: под слоем лёгкого сплава находилось больше тысячи прослоек тончайшей фольги в специальном поглощающем пластике, и вся эта хитроумная система даже «тошниловку» перед Выбросом внутрь не пропускает. Давно хочет руководство НИИ «Купол» обратно на базу забрать, дорогая это штука, но «ботаники» из тех, что сами по Зоне ходят, да и рядовые сталкеры стеной встали — шутка

ли, такое надёжное убежище потерять. Вот и стоит «Купол» до сих пор, единственно, всё, что какую-то ценность для мародёров представляло, давно оттуда вывезли — вынужденная мера, ничего не поделаешь...

Когда его только установили, блестел он как огромная ртутная капля, но за пару лет отражающее покрытие потускнело, покрылось серым налётом грязи, потёками какими-то, и напоминал теперь «Купол» помятый в боях инопланетный корабль из фантастических фильмов. Но, несмотря на потрёпанный внешний вид, служил науке исправно — не одна уже диссертация написана по собранным здесь материалам. Да и защитных свойств нисколько не потерял. Умеют всё-таки наши Кулибины мастерить, несмотря даже на вечный финансовый кризис в отечественной науке.

— Эй! Стойте, пожалуйста! — послышался негромкий голос. — У меня пистолет есть, и если что, то я, извините, буду стрелять, вот так!

— Здравствуй, наука! — Я остановился, продемонстрировал пустые ладони. Пожилой учёный поднялся из-за ящиков для оборудования почти по пояс, в правой руке пляшет «макаров», левой неловко поправляет сумку для образцов. Ну, молодца! Затвор оттянул и медленно, аккуратно так рукой придерживая, назад вернул. Патрон, естественно, перекосило. Ну, силён боец, ничего не скажешь... Шлем защитного комбинезона был снят, и я без труда признал «ботаника» — близорукий, прищуренный взгляд серых глаз, нос пуговкой и бородка клином, чем-то похожая на птичий клюв. Мелихов Иван Аскольдович, биолог, более известный в сталкерских кругах под именем Айболит.

— Здравствуйте, Иван Аскольдович. — Хип тоже приподняла руки. Помнит, что при удивительной кротости и вежливости Мелихов терпеть не мог имён,

даваемых сталкерами всем более или менее известным «ботаникам», и всерьёз сердился, когда кто-то называл его Айболитом.

— А... да-да. Постойте... всё верно. Припоминаю. Вы, наверное, Хип, а ваш друг, если не изменяет память, как-то помог мне собрать образцы псевдополипов на Янтаре. Гм... запамятовал. Хищная птица. Беркут?

— Лунь, — в который уже раз представился я Айболиту. И Ястребом уже был, и Сычом, даже Филином. Хищная птица, и всё тут. — Разрешите ночку в «Куполе» пересидеть?

— А? Ах, да-да, конечно! Буду рад компании. — Айболит убрал пистолет, энергично кивнул. — Тем более буду рад вам. Знаете, Лунь, ваш вклад в науку нельзя недооценивать. Знаю, да, вы сотрудничаете с учёными Института. Вот, мутантные полипы, например. Благодарю. Очень, знаете ли, очень, да. Скажите, а вы в прошлом не имели отношения к науке, нет? Доктор весьма хорошо отзывался о вас. Какого человека потеряли, ах, такого человека... очень жаль. А почему же я вас на пороге держу? Проходите, прошу вас. Чаю выпьем. Мне, знаете ли, цейлонский чай прислали. Недурен, скажу я вам. Проходите же!

— Именно! Полностью согласен с вами! Поверьте, не только у вас возникала мысль о некоторой... гм... ну, скажем так, направленности изменений генотипа. Практически все мутации, затрагивающие важные жизненные процессы, мало того, меняющие фенотип организма, в обычных условиях попросту летальны! А здесь мы наблюдаем прямо противоположный эффект — мутанты могут быть более жизнеспособны, чем их, скажем так, нормальные предки.

Я уверен, что мутации направлены, специализированы даже, если можно так выразиться. Вот только чем или кем? Ба, да взять ту же химеру. Это же машина смерти! Аналогов среди хищников у неё просто нет. Обычная эволюция и за миллионы лет не смогла бы создать подобную тварь. — Айболит поднёс к губам кружку с чаем, осторожно подул.

— Смертельны в обычных условиях? — переспросила Хип.

— О да. Знаете ли, задолго до того, как появилась Зона, группа моих коллег из московского института занималась... гм, скажем так, изменением генов. В основном опыты ставились на куриных эмбрионах. Кратковременное облучение пучком ионизирующих лучей в сочетании с веществами, частично разрушающими определённые белки. Так вот, видели бы вы результаты! От бесформенного клубка тканей с хрящевыми костями до покрытых чешуйками и притом зубастых цыплят, да. Некоторые уродцы могли бы составить конкуренцию даже местным зверушкам. Но, увы, ни один из мутантов не жил более двух суток. Абсолютно все погибали...

Мелихов вздохнул.

— Подумать только, друзья мои, странные процессы Зоны смастерили то, что не удавалось десяткам институтов по всему миру. Слепые, неуправляемые реакции сделали больше, чем самое современное оборудование и светлейшие умы. Вот и задумаешься, настолько ли слепы и действительно ли неуправляемы эти процессы... О, я смотрю, ваши чашки уже пусты. Позвольте их наполнить. Чай хорош только свежезаваренный, а если постоит, уже совсем не то.

Что ни говори, а в чае профессор знал толк. Крепкий, тёмный, с немного терпким привкусом и свежим ароматом — приятно было так вот сидеть и

неторопливо беседовать с учёным за чашкой превосходного, душистого чая, когда за бронированными стенами «Купола» ложилась на землю неспокойная, страшная ночь Зоны. Ценит сталкер такие минуты.

— По моему глубокому убеждению, чай ни в коем случае нельзя сластить! Это убийство напитка, именно так! — Мелихов встал, прошёл к металлическому шкафу с гофрированными дверцами. — Вот, должно быть, здесь... да, вот оно. Весьма рекомендую. Сибирская брусника с сахаром. И оставьте вы в покое это псевдопеченье из пайка! Не понимаю, как вообще можно потреблять подобную чепуху.

— Мне бы поспать. — Ересь в два глотка допил чай, зевнул. — Запарился я за сегодня.

— А я уж испугался, что вы, молодой человек, вообще ни слова за целый вечер не скажете. — Мелихов покачал головой. — Первая дверь от входного шлюза, там спальные отсеки. В стенке над койкой дверца будет. Ручку повернёте и вверх, там всё — матрац, одеяло...

— Разберусь. — Ересь зевнул ещё раз, неловко выбрался из-за столика. — Спасибо, это, за чай.

— Пожалуйста, — кивнул Мелихов, проводил взглядом Ересь. — Гм... однако. «Запарился». Ну и словечко, скажу я вам.

— О, профессор, это ещё цветы, — улыбнулась Хип. — Поверьте, гораздо лучше, когда этот товарищ молчит.

— Мы не станем обсуждать молодого человека в его отсутствие. — Учёный добавил кипятка в чашку, долил заваркой из цветастого фарфорового чайника. — Это некрасиво. Я, знаете ли, человек старой закалки и считаю подобные вещи недопустимыми.

— Да, не будем о грустном, — легко согласилась Хип. — Скажите, профессор, а как вы здесь живёте?

Это же очень опасно — один в Зоне, практически без оружия, и охраны никакой.

— Конечно, определённый риск есть, не спорю. Но я не совсем безоружен — кроме пистолета, в моём распоряжении имеется ещё и автомат. Правда, я никогда его не беру. Знаете ли, крайне неудобно носить это оружие во время сбора образцов, и обращаться с ним я почти не умею.

— Но ведь Зона...

— Да-да, понимаю. Но участок мой, к счастью, довольно спокойный, опасного зверья практически нет, а некоторые, не совсем положительные товарищи меня не трогают. Какая с меня корысть? Разве что образцы грибницы, почвенные пробы да результаты замеров. Насчёт охраны... да, были раньше три бойца. Но как только случилось под Челябинском... м-да... всех военных сняли со, скажем так, неприоритетных исследований. Жаль. Знаете, появился некоторый недостаток общения. Сталкеры заходят, конечно, и раз в две недели коллеги навещают, но чаще один здесь сижу. Впрочем, скучать не приходится — работы много. Даже заявку в Институт подал, скоро двух лаборантов пришлют. А ещё лучше — лаборанток. Вам по секрету скажу, что с работой я в принципе справляюсь. Но дефицит общения, сами понимаете...

— Да, Иван Аскольдович, а вы не промах, — улыбнулась Хип.

— В смысле, седина в бороду? — хохотнул профессор. — Нет, дело не в этом. Ухаживать за молоденькими девушками в моём возрасте дурной тон. Старая закалка, ничего не поделаешь. Гораздо важнее для меня, если можно так выразиться, эмоциональная атмосфера. Один учёный как-то заметил, что всё, что делает человек, ради чего он творит великие или безобразные вещи, заключается лишь в одном жела-

нии — понравиться противоположному полу. Найти у него, скажем так, признание и уважение, да. А наука — тоже творчество и требует вдохновения. Так, простите, друзья мои, вынужден вас покинуть. Сигнал с датчиков движения на участке. Надо посмотреть, что там. — И Мелихов скрылся в лабораторном отсеке.

Пока не было профессора, мы с Хип продолжали пить чай. Тянулся неспешный разговор, а я между делом осматривал интерьер «Купола». Конечно, здесь тесновато: более или менее просторными отсеками были только два центральных — кухня по совместительству со столовой и одновременно, по словам профессора, «кают-компанией» и лаборатория. Три спальных отсека вовсе напоминали купе — откидные койки, крошечные столики и тумбочки под личные вещи. Тихонько гудит под полом генератор, работающий скорее всего на «вспышке», шипят где-то над пластиковым потолком системы очистки воздуха, мигают лампочки датчиков.

— Друзья мои, — послышался голос из лаборатории. — Боюсь, я здесь надолго. Когда отужинаете, занимайте средний отсек... и будильник можете не ставить. Завтра к одиннадцати часам намечается Выброс, так что будет возможность выспаться впрок.

— Разве можно так, Лунь, — спросила Хип уже в спальном отсеке. — Ведь это учёный, профессор. Один в Зоне... неужели не нашлось хоть какой-нибудь охраны?

— Неприоритетные исследования, — вздохнул я. — Так и будет один, пока жареная птица в филейные части не клюнет. Даже если и выделят ему пару солдат, хорошо, если не срочников, а контрактников, то проку от этого будет мало. Почти все военные сталкеры, а среди них очень неплохие спецы попадаются,

сейчас в Челябинске. Солдатам, что на их место приехали, ещё учиться и учиться. Да их в принципе никто и не учит. Зачем это надо, если есть уголовные элементы вроде нас с тобой — и приборы поставят, и артефакт, если надо, припрут, а сдохнут — отчёт не составлять, статистику не портить. Всех всё устраивает.

Да, насчёт птицы жареной... клюёт, зараза, почти непрерывно. Да уж больно филей толстокожий у начальников, отбойным молотком не прошибёшь. Погиб в позапрошлом году Рудман, крупный учёный, физик. В аномалии погиб. А по официальной версии — острая сердечная недостаточность. Профессор Раменский с группой лаборантов под внезапный Выброс попал, говорят, всего сто метров до базы не дошли. Инсульт, даже справки нужные сделали, некролог в «Докладах». А лаборантов просто так, втихаря похоронили — не зря их набирают из сирот и бессемейных... кто там ещё? Ах да, физики Абраменко и Никонов, уже не в Зоне, а в НИИ — «луч-камень» то ли расплавили, то ли резать пытались. Теперь уже не поймёшь — ничего от двух людей не осталось, лаборатория изнутри выжжена так, что бетон с потолка потёк, столы испарились, и окно вместе со стеной на улицу вынесло. Хорошо, что ночью, иначе бы все там погибли — даже в коридорах черным-черно, на полу ручьи застывшие из линолеума, и перила на лестницах согнулись. Пожара не было, только вспышка ослепительная на пару секунд и грохот, но не загорелось почему-то здание, хотя дыма, говорят, было много. Стоит с тех пор восьмой лабораторный корпус пустой, чёрный стоит, сносить его хотели, да только боятся это делать — энергия какая-то в стенах осталась, и если ломать начнут, не ровен час долбанёт. И опять — «смерть по неосторожности». Правильно, попробуй расскажи, из-за чего на самом деле люди

гибнут, в момент шумиха поднимется, задницы с кресел полетят, а вокруг Зоны уже такие деньжищи гуляют, что сверху наверняка указание пришло — не портите, мол, отчётность. Вот и не портят.

— Понятно... — Хип закусила губу, хитро посмотрела на меня. — А как ты думаешь, Лунь... у этих отсеков звукоизоляция хорошая?

— Не особенно. — Я оценивающе посмотрел на тонкую дверь из гофрированного металла. — А мы тихонько.

— Ну, это уж как получится. — Хип усмехнулась. — Вторую койку расстилать не будем, я так понимаю?

— Понимаешь верно.

Между горками бетонных обломков показался силуэт головы, затем плечи. Бандит медленно, осторожно приподнялся, видно, для того, чтобы половчее прицелиться. Ну, извини, парень... приклад удобно лёг в выемку плеча, я взял прицел чуть выше тёмного силуэта и плавно выжал спусковой крючок. Расстояние для гладкоствола, пожалуй, великовато, вряд ли попаду, но...

Глухой щелчок, перед которым я услышал нехороший скрип ударно-спускового механизма. Попала-таки грязь... вот ведь незадача. Странно, не помню, чтоб тащил оружие по глине. Ещё и затвор заклинило. «Сайга», безотказная ты моя пушка, что же ты так подводишь в самый неподходящий момент?.. Не может быть, и кобура пуста. Чёрт, где же пистолет?

— Лунь, прикрой! — крикнула Хип и, пригнувшись, побежала ко мне. «Стой! Назад! Хип, назад!» — тонкое сипение вместо крика. И тёмная фигура в тоннеле ведёт стволами за тонкой фигуркой девушки.

Выстрел.

Я вижу, как попадает пуля.

Удивлённое «ах», и Хип бежит по инерции ещё несколько метров. Останавливается. И медленно, медленно оседает на землю, поднося к глазам окровавленную руку.

В глазах чернеет, а я всё хриплю, словно это может что-то исправить:

«Назад, Хип. Назад».

У неё пробиты лёгкие, и девушка судорожно глотает воздух, пытаясь дышать, удивление в потемневших от боли глазах.

«Назад, Хип».

«...больно, Лунь...»

«Нет, Хип. Ты жива. Мы победили, помнишь? Ты была невредима, я знаю это».

Не дышит. Заострились черты лица, взгляд замер, уже не капает кровь из уголка губ.

«Всё было не так». Не могу вздохнуть, чёрное всё вокруг, чёрное. Не верю, не хочу верить. К Доктору. Он сможет. Да, он вылечит тебя, Хип.

И бандитов уже нет, пуст обваленный тоннель под насыпью, подходит Сионист, только не он это, а Болотный Доктор. Смотрит на меня, укоризненно качает седой головой.

«Ты не имеешь права так рисковать, Лунь. Не имеешь права. Не забывай это».

Темнота. Страшно колотится сердце. Дышит. Она рядом, чувствую гладкую кожу плеча, ощупью нахожу ладошку, сжимаю. Живая.

— Ну, ты чего, Лунь?.. — сонное ворчание.

Не могу отпустить. Не могу, и всё тут. Как же хорошо, что это всего лишь сон, но сердце не хочет успокаиваться, холодный пот высыпал на лбу.

— Ладно... давай тогда так спать, за руки держась. — Тихий смех, и мочкой уха чувствую тёплое дыхание. — Что трясешься? Холодно?

Живая... а перед глазами до сих пор кровь, и слышу затихающий хрип пробитого лёгкого. И не избавиться мне от этого, не забыть гадостный, вгоняющий в тоску сон. Сегодня уже не засну, факт. Вот, значит, какую картинку мне подсознание выписало. Не должен я, понимаешь, рисковать. Права не имею. Но ведь каждый шаг по Зоне — уже риск. По незнакомой местности — втройне риск. Людей встретишь — вдесятеро. А нам не куда-нибудь, в Припять идти, потом к Саркофагу, и, похоже, без обещанного Доктором проводника. Это как высчитывать? По какой теории вероятности? У Шкворня, что ли, спросить, как там, возле ЧАЭС, да только не ответит он, даже вопроса не поймёт, только перекривит мешанину, от лица оставшуюся, и гыкнет слюняво. Пенка, зараза, где ж тебя носит, почему ты ушла...

Утро... далеко ещё до него. Остаётся слушать мерный гул генератора и смотреть на тусклую, жёлтую лампочку на низком потолке. Хип заснула, и как хорошо ощущать в своей руке её маленькую, тёплую ладошку. Спи, стажёр... хорошо спать не под небом Зоны, не в сырых подвалах мёртвых зданий, а за стенами крепкого, надёжного «Купола». Ты уж прости, что втянул тебя во всё это, фактически сломал твою жизнь, хотя мог вытащить из Зоны, как вытаскиваю сейчас этого молодого оболтуса. Приручила тебя Зона, стажёр, как и меня в своё время, а бывших сталкеров не бывает, правильно это подметил покойный ныне Барин. Всех приручила, да только в ответе за нас не будет, жрёт равнодушно одного за другим... Нет, ничего не скажу я Хип про Бушмена, не нужно ей это знать. Интересно, что ей сейчас снится? Ишь, улыбается, должно быть, что-то хорошее. Ух, забыть, забыть хочу тот сон, до сих пор он меня гнобит... пойти бы сейчас, никотином отра-

виться, да нет желания вставать с койки, не хочу отпускать руку Хип.

И насчёт балбеса, Философа этого... спрашивается, и чего ты напрягаешься, Лунь? Как там Доктор сказал? Два года в худшем случае, пять — в самом лучшем. А ты паришься, из Зоны его тащишь. Смысл-то какой? Всё равно кирдык... нет, тащишь, от аномалий спрятать пытаешься, про «выверты» врёшь похлеще сивого мерина. Да потому что не веришь ты, Лунь, в глубине души не веришь в этот самый «кирдык». Сомневаешься ты крепко в правоте Доктора, но топаешь к Центру. К Саркофагу, где то ли есть настоящий Монолит, то ли нет его вовсе, а просто глюки всем чудятся. И всё равно топаешь. Дурак, ё-моё...

Ага. Разговаривают негромко... слышу Айболита:

— ...не поверите. Громадный хемосуктор палюстрис... вылетает прямо на нас... а вокруг топь. И двигается невероятно быстро для своих двухсот с лишним килограммов живого веса...

— Ох ты ж бли-ин... ну и тварюга. — Ересь, конечно. Узнаю голос.

— Да-да, действительно впечатляющий образец местной фауны... самый, пожалуй, крупный представитель гуманоидов. Взрослая особь нередко достигает трёхсот и более килограммов веса при росте в два с половиной метра.

— Ё-макля... вот это рожа. А это чё, щупальца?

— Не совсем. Скорее, сильно изменённые кожно-мышечные челюстные отростки. Присоски на них есть, но это просто оснащённые мощными сфинктерами протоки слюнных желёз. Жертва высасывается главным образом за счёт мускулистой глотки, да...

Вот тебе раз. Нашли-таки общий язык. Стосковался, видать, Айболит по лекциям, а тут вдруг слу-

шатель, неважнецкий, конечно, но в Зоне и такой сойдёт.

— И что характерно, у большинства учёных имеется предположение о наличии у кровососов интеллекта. Да, именно так... не думаю, что их можно считать разумными в прямом понимании этого слова... но то, что их умственные способности значительно, повторяю, весьма значительно превышают таковые у шимпанзе, это факт. Знаете, в переднем мозге кровососа не два, а четыре полушария, причём функции, если можно так выразиться, дополнительных полушарий не до конца понятны. Возможно, они как-то задействованы в возможности кровососов становиться невидимыми...

— Фигасе! А чё, вы их ловили?

— Да-да. Нескольких особей удалось обездвижить при помощи особого нейротоксина... сейчас покажу снимки... ага, вот они. А здесь вы можете видеть вольер во внутреннем дворе четвёртого зоологического корпуса. Обратите внимание на толщину прутьев... о да, взрослый кровосос исключительно силён... но особых результатов эти исследования не принесли. Все особи вели себя примерно одинаково. Первые два-три часа они пытаются выломать клетки, крушат всё, что не привинчено к полу... да и то, что привинчено, тоже крушат, а когда понимают, что клетку сломать не удастся, впадают в глубокую апатию. Просто садятся на корточки спиной к учёным и ни на что уже не реагируют. Полный отказ от пищи, воды, никакой реакции на раздражители. Смерть наступала на четвёртые или пятые сутки, причём за всё это время кровососы даже не меняли положения тела. Думаю, если добыть детёныша, то вполне можно добиться несколько более длительных сроков содержания в неволе...

— Круто. Скажите, профессор, а чё такое гуманоид?

— М-да. У меня будет небольшая просьба, молодой человек. Не употребляйте, пожалуйста, слов «блин», «круто» и «ё-макля». Также могу заметить что вместо «чё» несколько уместнее использовать «что». Впрочем, отвечаю на ваш вопрос. Гуманоид означает «схожий с человеком», «имеющий вид, образ человека». Как вы видите, кровосос действительно имеет в своём облике множество человеческих черт. Строение тела, способность к прямохождению, в некотором роде даже пропорции... к гуманоидам также можно отнести бюреров, изломов и так называемых контролёров. Из эндемиков Зоны последние по фенотипу очень похожи на человека. Различия существенны, конечно, но издалека, знаете ли, бывает трудно определить, с кем имеешь дело. Зато их генотип, к сожалению, пока не поддается анализу...

Пожалуй, всё-таки надо вставать. Поддержу беседу, потому как другого способа избавиться от тяжёлых впечатлений сна пока не предвидится. Одеться было делом одной минуты.

— Из гуманоидов, профессор, можно ещё упомянуть пещерников. — Я зашёл в «кают-компанию». — Специально не подслушивал, но уж больно оживлённая у вас беседа получилась.

— Мы вас разбудили... извините. — Айболит выглядел смущённым.

— Вовсе нет. Просто заснуть не получается. Так вот, что там с пещерниками?

— Какое точное название, гм... да, появились после Третьей Катастрофы, но у нас ничего нет, кроме нескольких фотографий и одного сильно разложившегося трупа, точнее, части позвоночника и тазовых костей с остатками тканей. Этого слишком мало для

полноценного исследования. Аномальный карст на берегах Припяти совершенно не изучен, от роботов мало проку, сами понимаете, а сталкеры идти туда отказываются наотрез. Впрочем, несколько человек изъявили желание, но я сам отклонил их кандидатуры. Не хочется, знаете ли, брать грех на душу... нельзя, просто нельзя поручать такие задания людям, которые в Зоне всего пару недель. Вы, я так понимаю, видели этих... гм... пещерников?

— Как-то раз приходилось. — Я поёжился.

Ямы. Было, конечно, у этого хутора другое название. Барышев Ручей, кажется... но теперь даже в картах «ботаников» иначе, как Ямы, это место не обозначается. Аномальный карст, глубокие пещеры непонятного происхождения, которыми столь богата Зона. До сих пор, говорят, вспучивает землю холмами, образуются пустоты, проедающие на поверхности чёрные провалы-воронки. Совсем как здесь. В Ямах.

Дома на этом месте сгнили ещё до Третьей, стремительно превратились в труху, только холмики видны, хрустят под ногами ржавые гвозди, кирпичные чешуи и битое в тонкие, острые клинья стекло. Всё, что осталось от хутора, — вишнёвые сады. Раскорячило их, узлами завязались деревья, и от коротких, словно обрубленных стволов высоко вверх тянутся кривые ветки. И листьев на них нет, но вишенки заметны, мелкие, чёрные, словно засохшие. А у корней воронки, провалы, из которых задувает промозглый ветер. Плохое это место, даже для Зоны плохое, днём ещё ничего, можно пройти, но по ночам... скрипит что-то в пещерах, постукивает, а то вдруг столбами тёплый белый туман прёт, и под землёй не то шипение, не то свист слышен. Пропадали здесь сталкеры. И, что совсем паршиво, придётся мне тут ночевать. Не пройду в темноте по Ямам. Не получится.

Тонкие облака немного пропускали свет луны, и я с трудом, но различал силуэты деревьев, антрацитово-чёрные пятна провалов, дом слева, точнее, только его фундамент. За неимением хоть какого-нибудь укрытия мне оставалось только прижаться спиной к остаткам стены и пережидать долгую бессонную ночь. Костёр из плотных, мокрых сучьев неохотно тлел, почти не давая света, но и такой огонь был лучше, чем вообще никакого. С другой стороны, эти дрова горят не быстро, мешает им гореть прелый сок, выкипающий белёсыми шапочками пены, так что топлива должно хватить до утра...

«Сайгу» на колени, проверить запасные магазины с вязаной картечью. ПП-2000 положить рядом, под руку. И что понесло меня сегодня в сторону Ям, будь они неладны? Рассчитывал, называется, засветло хутор проскочить, чтоб добраться к вечеру до одного надёжного подвала. Совсем забыл, что Зона, поганка, обожает ломать планы на будущее. Вот и сидел четыре часа на крыше ржавого автобуса, пока медленно плыло по земле студенистое, дрожащее «марево», и по-хорошему, надо было мне сразу и завернуть назад, да вот рискнуть захотел, думал, успею. Успел. Молодца, сталкер Лунь, так держать. Умный ты мужик, ничего не скажешь.

Небо совсем затянуло тучами, и уже ничего не видать за пределами маленького, тусклого круга света от моего чахлого костерка. Темнота кругом, плотная, чёрная, дождик накрапывать начал. Теперь только на слух полагаться, но на Ямах совсем тихо никогда не бывает — шуршит, поскрипывает, шорох со всех сторон, и не поймёшь, то ли это дождь капает, то ли ходит кто-то вокруг костра. А ведь и правда ходит! Нет. Чудится тебе, сталкер. Просто дождь...

«Нннннн...» — едва слышный, сдавленный стон. Совсем рядом, похоже, что за поваленной вишней. Что это?

Неприятно засвербило в груди, и, несмотря на то, что и так была не тёплая погода, воздух, казалось, стал ещё холоднее.

«Нннэ-ээнннн...» — тихо и тоскливо, на этот раз правее, и кто-то уже вторит этому слабому, тонкому стону. И еле слышный шорох вокруг, шелестит под дождём мёртвая листва. Вот и сзади уже стонут, целый хор долго и печально тянет одну ноту. И не видно, ничего не видно вокруг, темнота, глаз выколи. Костёр мой совсем зачах, лишь одинокий, крошечный язычок огня бегал по рубиновым углям. А, бога душу мать!..

Щедрая порция семидесятиградусной «слезы контролёра» зашипела на углях, и костёр тут же воскрес, разгорелся синеватым пламенем, выхватив из темноты деревья, холмики, жёлтый бурьян. Те, кто стонал в темноте, бесшумно шарахнулись от света, но уже через секунду начали выглядывать из-за деревьев, держась за стволы белёсыми, паучьими пальцами. Десятки лиц... нет, скорее, гротескных масок с круглыми, чёрными глазами и вытянутыми в трубку костистыми челюстями. Пещерники... Низкие и высокие, но все как один сутулые и тщедушные, словно исковерканные запущенным рахитом, они молча раскачивались, пялясь на огонь, царапали кору костлявыми пальчиками...

«Хх-н-нннннн...» — и вновь тянущий за душу, долгий печальный стон.

Изведя на костёр всё спиртное, я шарахнул в небо из «Сайги». Попрятались, а затем медленно, со скоростью минутной стрелки, опять начали высовываться из укрытий. И вот тогда я рванул во все лопатки, понёсся, не помня себя, прямо сквозь заброшенный хутор, оглашая окрестности лютыми матюгами. И счастлива была моя судьба, что не влетел ни в одну из ям, повезло, что не встретил лбом древесный ствол и миновали меня

аномалии. Остаток ночи провёл на дереве. Не помню даже, как на него забирался.

— Не могу сказать, что получил большое удовольствие от встречи, — добавил я после того, как вкратце описал события той незабываемой ночи на Ямах.

— Хм... любопытно. Согласно рассказам сталкеров, эти создания всю жизнь обитают в карстовых пустотах, — сказал Иван Аскольдович и задумчиво подёргал бородку. — Значит, на поверхность они всё-таки выходят. Интересно, зачем?

— Не знаю. Может, хотели познакомиться. Хоть и напугали они меня крепко, чуть ли не до потери пульса, но нападать явно не собирались. Иначе, наверно, я бы здесь не сидел.

— Так мало данных, — вздохнул Айболит. — Почти ничего не знаем...

— Скажите, я вот зомби видел... — Ересь коротко взглянул в мою сторону. Видать, кино из головы ещё не выветрилось, помнит. — Тоже гуманоиды?

— Нет. — Профессор опустил взгляд. — Это... это вообще шут знает, что такое. Как биолог скажу вам, что их существование невозможно, вот так. Зомби не может быть, потому что их не может быть никогда! Но они есть. От этого с ума сойти можно, друзья мои. Всё, решительно всё, чему учили меня и чему я сам учил своих студентов, разбито самим фактом наличия такой формы жизни, которая и не жизнь вовсе... нежить... вот чепуха-то.

Мелихов надолго замолчал. Он сосредоточенно думал о чём-то, хмуря брови и постукивая пальцем по столу. Потом вдруг порывисто встал и энергично мотнул седой головой.

— А, к дьяволу! Я имею смелость причислять себя к учёным, друзья мои, и то, что вы сейчас услышите,

может показаться дикостью. А я всё равно скажу, да! Я безумно рад тому факту, что Зона своим появлением крепко надавала по носу современной науке. И эта солидная трёпка посшибала с неё плесень прогнивших догм, за которые до сих пор цепляются некоторые старые ослы. Именно Зона показала, насколько мы ещё далеки от правильного понимания мира, что рано именовать себя всезнайками и почивать на лаврах. Знали бы вы, сколько разбито здесь старых общепризнанных теорий и сколько новых появилось взамен! Это, господа, научная революция решительно во всех областях естествознания. Именно так! А за научной революцией последует новый виток развития цивилизации, гигантский рывок вверх... дешёвая, общедоступная энергия, новейшие технологии, прорыв в медицине. И к звёздам мы полетим, точно вам говорю!

«Эх, профессор... с печки об лавку мы полетим, а с лавки об пол головой, — подумал я. — А вы, оказывается, мечтатель. Верите в светлое, понимаешь, будущее. Мне бы вашу веру... а то как-то не выходит в последнее время быть убеждённым оптимистом».

— Да, насчёт гуманоидов... — Я не слишком вежливо оборвал поток красноречия. — Хочу спросить. Не знаете о существах, которые обладают некоторыми чертами излома и контролёра? И ещё у них очень белая кожа, буквально как свежая известь.

— Слышал, слышал об одном экземпляре от представителей «Долга», говорили они о таком, да. Кажется, молодая самка. Но, к сожалению, долговцы обычно уничтожают пойманных мутантов. И мой коллега, что часто бывал у Доктора, тоже пару раз обмолвился о подобном существе, вроде бы жившем поблизости от его дома. Больше ничего не знаю. Может быть, просто слухи.

— Может быть... — кивнул я. Ну, конечно, нельзя же всерьёз рассматривать возможность того, что Айболиту известно местонахождение Пенки. Глупо на это рассчитывать. Но спросить стоило. Чем Зона не шутит... пять утра, однако. Надо ещё выспаться перед завтрашним, точнее, уже сегодняшним переходом.

— Долго ещё?

— Минут через двадцать выйдем на Росток. Если, конечно, не приключится какой-нибудь пакости.

Ересь, услышав ответ, заметно приободрился. Сильно вымотал парня не самый долгий переход, на лбу даже испарина выступила. Ну и молодёжь пошла — Хип такой рюкзак шутя таскает, а ведь бывали у нас с ней такие марш-броски, что ой, не всякий мужик столько без отдыха пройдёт. Усталость — вечный спутник сталкера, однако Хип то ли виду не кажет, то ли и в самом деле двужильная. Повезло, нет, точно повезло мне со стажёром. Молодец.

— Что, Ересь, склеился? — Я через плечо глянул на Философа. — Не дрейфь, скоро дойдём, отдохнёшь.

— Да не, нормуль... просто не выспался, блин. Дед, конечно, классный, прикольный ваще такой, но запарил не по-детски. Дрыхнуть надо, а он так интересно задвигает, что хрен уснёшь.

— Слушай, стажёр, а ты, случаем, в комсомол не вступала?

— Ты что, Лунь? Меня и в проекте не было, когда всю эту байду отменили.

— Жаль.

— Это почему?

— Потому как всё остальное в комплекте. И спортсменка, и просто...

— Да ладно тебе... — Хип улыбнулась так, что, кажется, в Зоне чуть светлее стало. Хорошо мне от её улыбки делается.

И вообще славный сегодня день. Не в смысле погоды, с ней как раз и не ладилось — после Выброса обязательно дождь льёт, и хмарь на небе сплошная, низкая, — а в смысле отсутствия приключений на одно место. Без проблем прошли, считай, всю Свалку, встретили пару раз отряды «Долга» и не наткнулись ни одного мутанта — не было их вообще, как корова языком слизала. Впрочем, видел я кое-где свежие тушки слепых псов, а у депо даже убитого кабана, так что корова эта самая скорее всего носила красные нашивки и метко бодалась из крупнокалиберного оружия. Там, где «Долг» прошёл, мутантов, как правило, днём с огнём не сыщешь. Только вот Ересь что-то поскучнел, и чем ближе подходили мы к базе «Долга», тем всё более унылым становился его вид.

— Чего нос повесил, Философ?

— Скажите, Лунь... а можно мне... это... — И долгое молчание.

— Говори уже.

— С вами остаться? Не хочу я... это... назад...

— Не, ну ты даёшь. Вроде доходчиво объяснил тебе насчёт Зоны. — Я даже остановился.

— Да я врубаюсь, что здесь на раз можно ласты склеить. И что бабок много не будет, тоже понял, не даун.

— Ну и в чём тогда дело?

— Хрен с ней, с Ленкой. Тварь она галимая и на фиг мне теперь не нужна. — Ересь тоже остановился. — Я всё слышал, Лунь, о чём вы там с Сионистом перетирали. За трубой спрятался и слышал. Сионист, значит, правильно тогда сказал насчёт этого самого... что отстой там. Я долго думал, значит. И понял, что

там и вправду отстой галимый. Я обратно не вернусь. Сам так решил.

— А о родителях ты подумал, Ересь?

— А чё предки? Батька сидит безвылазно, я его только на фото и видел, а у мамки хахаль очередной, и ей всё по фигу. У неё вечный ништяк по жизни, в интернат ко мне всего пару раз заглядывала, и то по синьке. На хрен мне такие родичи сдались.

Ну что, Лунь, вытащил парня из Зоны? Переправил, значит, за Кордон? И кино твоё подействовало, и зуботычины тоже пригодились. Решил он, понимаешь.

— Слушай, Философ... — И всё, молчу, не знаю, что парню сказать. Как отрубило, мысли даже связать не получается. Не ожидал я такого оборота. А тот, значит, слушать приготовился, смотрит на меня, ждёт, чего Лунь ему скажет. И взгляд уже не сказать, чтоб совсем бараний, видать, и вправду много думал парень. Молчаливый какой-то стал, а раньше, помнится, не заткнёшь. Меняет, конечно, людей Зона, но не так же быстро. И, по ходу, бесполезно его теперь убеждать и отговаривать.

— Ладно. Хрен с тобой. Может, ещё одумаешься. На базе поговорим.

Встречались в Зоне особенные местечки. «Ботаники» называли их «участки стабильно низкой аномальной активности», а сталкеры просто — «палестинки». Площадь — от места для стоянки до пары-тройки квадратных километров. Все они были наперечёт, очень ценная это штука для сталкера — «палестинка». Никогда не появляются на них аномалии. Очень редко и неохотно забредают мутанты. Даже сама земля «палестинки» ничуть не изгажена Зоной, чистая она, никаких «папоротников», «жгучки» или, там, «пальцереза». Обычная трава, деревья нормальные, не покорёженные, даже воздух какой-то другой. И сколько

бы ни было Выбросов, как бы ни лютовала Зона, «палестинки» остаются нетронутыми. И, кстати, даже Выброс можно пережить вне укрытия, разве что здоровьем пострадаешь.

К одному из таких «участков стабильно низкой аномальной активности» мы сейчас и подходили. Завод «Росток», центральная база самой крупной и сильной на данный момент группировки сталкеров. «Долг» давно занял пустующие цеха, склады, подсобные помещения, обжил их, превратив бывший завод в настоящую крепость. А так как долговцы не возражали против присутствия на своей территории сталкеров-одиночек, «Росток» со временем стал крупнейшим в Зоне постоянным лагерем сталкеров. Работали мастерские, у торговцев всегда был богатый ассортимент хороших, хотя и дороговатых даже для Зоны товаров, НИИ разместил здесь одну из своих научных станций. Покушались на этот участок военные, но «Долг», поддерживающий с ними если не дружеские, то благожелательно-нейтральные отношения, по каким-то причинам наотрез отказался предоставить им даже часть своей территории. Заходить, мол, заходите, всегда рады, но чтоб никаких баз. Армейскому начальству это, конечно, не понравилось, но ссориться с такой сильной группировкой они не захотели. Тем более «долги» и от мутантов территории зачищают, и учёным помогают, и, если туго придётся, на выручку военным придут. Уже давно существовала негласная практика сотрудничества военных с «Долгом», и частенько можно было видеть на самых «тяжёлых» блокпостах чёрно-красные комбинезоны долговцев. Естественно, это не афишировали, а комиссиям было чётко указано, на что нужно обращать внимание, а на что необходимо смотреть сквозь пальцы. Как ни крути, а смертность среди солдат резко

пошла на убыль, «операции» в Зоне стали более эффективными, соответственно, наверх идут победные отчёты, делаются карьеры и получаются внеочередные звания. И «Долгу» тоже польза — оружие и снаряжение хорошее получают, деньги тоже, да и с воздуха можно поддержку вызвать, ежели проклятых тварей чересчур много или «Монолит» гоношиться начал. Даже сейчас, несмотря на некоторое охлаждение «дипотношений» между военными и «Долгом», «сотрудничество» продолжалось. От некогда могучего «Монолита» теперь мало что осталось, да и «Свобода» на ладан дышит, но всыпать они ещё были способны, и крепко всыпать. Что, кстати, не так давно и доказали.

Укреплён «Росток» на совесть: на триста с лишним метров от первых зданий вся крупная растительность была сведена подчистую, ни кустика, ни деревца, в траве тускло блестит «спотыкач» — частые петли особой проволоки, не колючей даже, а режущей до самых костей. Затем бетонный забор, естественно, со спиралями колючки поверху, а над ним окна заводского помещения, превращённые в амбразуры, только стволы пулемётов видны. На крыше тоже пулемёты, и для снайперов места предусмотрены. Даже парочка АГСов имеется на случай массовой атаки, но вроде бы долговцы их пока не использовали — давно уже никому в голову не приходит «Росток» атаковать хоть массово, хоть поодиночке. Даже после недавнего разгрома «долгов» на территории бывшей военной части не сунулись сюда отряды «Монолита» и «Свободы». Слышал кстати, что их перемирие вроде как закончилось, никогда они между собой не ладили, но и прежней грызни тоже нет. Логично, «Долг» под боком, и тут уже не до разборок...

Не доходя первых постов «Долга», почти у самых границ охраняемой территории, расположился ещё

один лагерь сталкеров, получивший почему-то название «Шанхай». Он занимал развалины какого-то недостроя советских ещё времён, ржавые вагончики-бытовки строителей, а то и просто шалаши. Здесь кучковались сталкеры, которых по каким-то причинам не пускали на территорию завода. Причин могло быть несколько: либо не внушающим доверия человек покажется, либо с долговцем каким в своё время не поладил, либо слушок прошёл, что не особенно на руку чист товарищ. Серьёзные претензии «Долг» выражал обычно при помощи автоматического оружия, поэтому явных врагов группировки в «Шанхае» не было. А народ собирался тут пёстрый: новички, какие-то мутные личности, «бомжи» — вконец опустившиеся сталкеры-неудачники и так называемые «перегоревшие», те, чья психика надломилась после встречи с Зоной. Хватало и просто откровенного сброда. Но имелся свой бар, торговцы были тоже, и, что интересно, купить-продать можно было всё что угодно — от початой пачки дешёвых сигарет до отличного защитного комбеза. Другой вопрос, какова была история всех этих вещей... «Долг» неоднократно разгонял «Шанхай», бывало, даже и постреливал в процессе разгона, но тот очень скоро восстанавливался на прежнем месте. С другой стороны, лагерь располагался пусть и рядом, но всё же не на территории «Долга», так что долговцы огонь на поражение не открывали. Ну вот, уже бежит к нам кто-то. Не было такого, чтоб через «Шанхай» пройти и ни с кем при этом не познакомиться.

— Слысь, мувык! Купи вефь. — Шипя и плюясь сквозь выбитые, похоже, вместе с дёснами зубы, ко мне подскочил смахивающий на спившегося шимпанзе субъект, протягивающий детектор аномалий старого образца. Прибор был весь укутан черной изолентой, как партизан пулеметными лентами. — Не

смотли, сто стлафный, ваботает луфе, сем самый квутой! Вуб даю!

А вот это сильно сказано.

— Не интересует.

— Са бутывку беви! Ситай давом! Сясьивый детектов.

— Счастливый, и вдруг продаёшь?

— Нувда... — скорбно развёл руками субъект.

— Возьми, — тихонько шепнула Хип. — С нас не убудет.

— Это же хлам, стажёр. Зачем он нужен?

— Не знаю... понравился мне чем-то. Возьми.

Ну, раз так, то ладно. Не Василиса она, Хип зовут, но то, что Премудрая, это факт. Явно что-то удумала, а может, сработало предчувствие. Водки, правда, у меня с собой не было.

— Тен долларс сойдёт?

— Фа-айдёт! — Субъект расплылся в широкой улыбке, показав пару жёлтых клыков, затем выхватил у меня десятку, отдал детектор и проворно исчез в направлении развалин. Я положил прибор в пакетик, завязал горловину и передал покупку Хип.

— Держи. Спиртиком протереть не забудь. А теперь давай побыстрее к заставе, а то сейчас продавцов к щедрым сталкерам столько набежит, что как бы кызей-бызей на шевелюру не нацеплять.

Первый пост «Долга» представлял собой обычную ограду из сетки-рабицы и покрашенных зелёной краской ворот из листового железа. Делать здесь бастион смысла не было — все серьёзные укрепления находились дальше, за воротами. Ворота были приоткрыты, и из них то и дело выходили сталкеры. Четыре бойца «Долга» на покидающих территорию людей особого внимания не обращали, интересуясь только теми, кто хотел войти.

— Неужто Луня со свитою узрели очи мои! — Веня Карбид привстал с облупленного школьного стула. — Здрасьте! Давно, однако, не виделись, дружище! Привет и вам, младая дева. Каким ветром в наши края задуло?

— Здорово, Карбид. Да так, проездом здесь... как делищи?

— А не кисло. Растём, значит. Вот, главным по первому посту назначили, и я теперь почти начальник. Смотрю я, вы всё парочкой по Зоне и шастаете? Сорри, даже троечкой. С вами парень?

— Да, — кивнул я.

— Ну чё, проходите, всегда рады.

— По компьютеру пробить третьего? — спросил один из долговцев.

— Отставить. Он с Лунём идёт, — отмахнулся Карбид.

Доверяют, значит, долговцы сталкеру Луню, видать, заслужил. Много бывало у меня с «Долгом» общих тропинок, и я им не раз помогал, и они меня тоже выручали. Но доверие доверием, а «он с Лунём идёт». Значит, ежели откаблучит что-нибудь Ересь, то понятно, с кого спрос будет. Жаль всё-таки, что не пробили Философа по долговской базе данных, подробная она и весьма информативная. А сказать, что, мол, проверьте, кто это со мной уже столько времени по Зоне ходит, тоже как-то несолидно.

— Да, и стволы не забудьте сдать на второй заставе. Правила у нас такие, — напомнил Карбид.

— А вы их не заиграете? — спросил Ересь.

— Думай, что говоришь, парень. — Карбид сощурил глаза. — Нам чужого не надо. В «Долге» воров нет. Этот точно с тобой идёт, Лунь?

— Да, — вздохнул я. — Молодой он ещё, неотёсанный, ты уж не серчай.

— Ты думай, прежде чем варежку свою разевать, — прошипел я Ереси, когда мы немного отошли от поста. — А если совсем башка не варит, просто заткнись и не отсвечивай.

Хип немного поёжилась, взглянув на чёрно-красные комбезы. Нервничает стажёр, не так, чтобы очень заметно, но нервничает. Не самые приятные воспоминания у неё возникают при виде красных нашивок, и даже при слове «долговцы» иногда вздрагивает. Крепко тогда «Свободе» от них доставалось, насмотрелась моя анархистка и на перестрелки, и на трупы. До сих пор «Долг» ненавидит.

— Ничего... спокойно, стажёр. Мы здесь ненадолго.

— Знал бы ты, Лунь, сколько они хороших людей убили. — Хип недружелюбно покосилась на проходящего мимо долговца. — Чем мы, интересно, этим козлам мешали? Тем, что людям правду сказать пытались, или тем, что никого над собой терпеть не хотели? Дай сохатым волю, они всех тут, как на плацу, построят и ать-два... держиморды, блин.

— Не могу сказать, что разделяю их взгляды, — кивнул я. — Седого помнишь ведь? Так вот, при тебе чуть не сцепились... но если по совести, я «Долгу» жизнью обязан. По зелёным временам ещё влез в «трамплин», ладно, слабенький, но поломал он меня как надо. Валяюсь в грязи, контузило, башка не соображает, только удивляюсь, отчего это вода в лужах розового цвета стала. Аномалий на той полянке было — ужас. Одних трамплинов, наверное, штук десять, причём половина блуждает. Оставалось только дождаться, когда следующая аномалия подползёт. Бурлит всё, грязь летает, а я лежу ну совершенно никакой. Сама знаешь, как мозги сворачивает после гравиударов... и мимо отряд «Долга» шёл. Другие бы

дальше своей дорогой, а они прямо в аномальное поле за мной полезли. Вытащили, и мало того, на себе пять километров волокли до своих костоправов, хотя кто я им, так, одиночка, бродяга...

— А наши по тебе стреляли, даже рюкзак пробили... помню, рассказывал. — Хип как-то сразу поникла.

— Было такое, — кивнул я. — Но только не ваши по мне стреляли, хоть и были они из «Свободы», а всё равно не ваши. Потому что ты в «Свободе» была, и Фельдшер, о котором ты рассказывала, тоже свободовец, и как-то не верится мне, что он стал бы по одиночкам в меткости тренироваться. Пойми, Хип, в любой группировке есть люди, а есть выродки. Меньше смотри на нашивки и больше на человека.

— Точняк сказано, — кивнул Ересь. — Я вот тоже в Баре к одному подкатил, Фреоном зовут. Ну, блин, лучше б и не совался. Моргалы прищурил, глядит бычарой, и чё-то бу-бу-бу, вали, мол, отсюда. Сразу видно — стрёмный чел. А рядом нормальные чуваки были, душевно приняли, поговорили, с собой в Зону взяли. Реальные такие пацаны, жалко, потом куда-то свалили...

— Реальные пацаны, говоришь? — Хип коротко взглянула на Ересь, потом на меня. Я отрицательно покачал головой. Не знаю, но что-то не хотелось мне откровенничать с этим товарищем. И, похоже, рано нашего Философа поумневшим считать. Меняет людей Зона, оно конечно, но процесс этот не быстрый.

— Это хорошо, что реальные. Куда сейчас идём, Лунь?

— Надо бы Банзая навестить. У Философа, наверное, контейнер с «вывертом» скоро прохудится, всю дорогу он его мацает, дыру протирает. И нам затовариться надо.

Дорога до Свалки не была, как говорят сталкеры, «пустой». Кое-что намыть удалось, хотя и не скажу, что взяли мы дорогие и редкие артефакты. Три не самого лучшего качества «медузы», но по пятьдесят импортных монет каждая будет. Хип нашла «гранит» и «каплю» — семьдесят и сто двадцать соответственно. Из моей добычи пяток «самоцветов-искровиков», шестой пришлось выкинуть, фонил, зараза, и по этой причине на ювелирные изделия не годился. Какие на них сейчас расценки, я, честно говоря, не знал, но спрос на «самоцветы» в последнее время только возрастал, так что три сотни это, пожалуй, нижний предел, дешевле не отдам. Ну и вытащил я из своего тайника недалеко от Грибной Деревни «луч-камень» и «бешеную ленту». Последний, однако, тайник, все остальные я давно выпотрошил. Самого крайнего случая дожидались эти два артефакта, так называемый сталкерский НЗ, круг спасательный. Ну да ладно... денег кот наплакал, запасов уже на треть меньше, чем рассчитывалось, до Припяти ещё хватит, а вот на обратный путь уже нет. Если он будет, конечно, путь этот... «Луч-камень», наверное, пока придержу до Чёртовых Гнёзд, точнее, расположенного рядом с этим мрачным местечком научного лагеря «Позитрон». Хорошее у них там оборудование, такого даже в НИИ нет, выберем что-нибудь на бартерной основе. А «ленту» Банзаю сдам. Три с половиной тысячи зеленью она стоит, и по нынешним временам это весьма солидная сумма.

— Ну, когда договариваться с «долгами» пойдём, Философ? — спросил я, проходя мимо приземистого заводского строения, где находилась «общественная приёмная», а если быть точнее, несколько долговцев, уполномоченных от лица начальства решать различные мелкие вопросы с представителями других группировок.

— Это, типа, за Периметр?

— Типа, да.

— А я в Зоне всё равно хочу остаться...

— Ладно. Оставайся, если хочешь. — Я махнул рукой. — Всё, что мог, я сделал, так что, когда гробанёшься, совесть меня мучить не будет. Свободен. Рюкзак Хип отдай.

Ага, как же, свободен... топает сзади, пыхтит. Но рюкзак отдал.

— Ты ещё здесь?

— А куда мне идти? — Ересь непонимающе взглянул исподлобья.

— Ты теперь вольный сталкер, и дорог перед тобой множество, прямо-таки веером разбегаются, выбирай любую.

— А я с вами, значит, буду ходить.

Похоже, не врубается новичок. Да ещё и уверенно так — «буду».

— Слушай, парень, только без обид, ладно? Я стажёров давно не беру, потому как команда у нас с Хип состоявшаяся, крепкая и нам боле никого не нать. Хотя, может, Хип тебя возьмёт?

— Не, — мотнула головой Хип. — Я с Лунём хожу, и третий нам лишний. Извиняй.

— Вот такие пироги. — Я пожал плечами. — Ну всё, бывай здоров, Философ. Удачи.

— Это! Я не понял! Вы чё, меня типа кидаете? — взвыл Ересь, притопнув на месте и широко разведя в стороны руки. — А хрена ли я с вами столько тащился?

— Похоже, ты и в самом деле попутал. — Я уже начинал злиться. — О том, чтоб тебя в команду принять, и речи не было. Уговор у нас был такой: мы ведём тебя на «Росток» и договариваемся с долговцами насчёт твоей депортации за Периметр. И, насколько я помню, ты, уважаемый, подписался под всеми пунк-

тами. На «Росток» мы тебя привели? Да! С «долгами» договориться предложили? Ты сам не захотел. Всё, абгемахт, как говорят немцы!

— И чё мне теперь делать? — уже тихо спросил Ересь.

Я проигнорировал вопрос, и мы с Хип пошли дальше. А чисто у них здесь, как будто и не в Зоне находимся. Ни окурка, ни бумажки, вездесущих консервных банок как будто тоже не видно. Мало того, широкие бетонные плитки дорожек чистые, словно выметенные... ну а кто их знает, «долгов», может, и впрямь выметают. Организация военизированная, офицеров бывших много, хотя, говорят, офицер бывшим не бывает: дисциплина в «Долге» действительно армейская, свой устав имеется и строгий режим. О пьянках я тоже никогда не слышал, хотя и потребляют «долги», факт, но умеренно и аккуратно. Курение присутствует, но не приветствуется. И не поймёшь, то ли группировка сталкеров, то ли образцовая воинская часть. А если учесть, что бойцы «Долга» люди, как правило, идейные и убеждённые, то «Росток» любой воинской части сто очков форы даст. Ангары, склады, заводские корпуса теперь выполняли роль гостиниц, «казарм», мастерских, а так как строений здесь много, то непривычному человеку было порой трудно найти бар или нужного торговца. Я человек привычный и блуждать не стал: два раза направо, затем пройти между двух цехов, завернуть на дорожку из растрескавшейся плитки, потом налево, миновать гаражи, и вот мы на месте. Банзай обосновался в подвале, том самом, где до Третьей был известный на всю Зону бар.

Я уже собирался спуститься по лестнице, когда стажёр выдохнула сквозь зубы. Короткий шипящий звук обычно означал злость или раздражение, и по

громкости можно было определить интенсивность вышеупомянутых чувств. На этот раз шипение было довольно громким. Хип подняла большой палец и ткнула им за плечо. Ну, точно — к нам рысцой приближался несостоявшийся участник команды.

— Я, короче, согласен. Это, за Периметр, в общем. — Ересь отвёл взгляд и вымученно вякнул: — Это самое... извиняюсь. Я всё понял. Больше не буду. Завтра, значит, к «долгам» отведёте?

Как нашкодивший школяр, честное слово. Возвращение блудного попугая.

— Почему завтра?

— Это... сказали, что завтра, — неопределённо мотнул головой Ересь. — Ну, там, короче, долговец так сказал. Это, типа, здесь артефакт толкнуть можно?

Я просто показал на табличку над дверным проёмом. Любят «долги» белой краской по трафарету названия писать. Простенько, строго и издалека заметно — «Торговая точка № 2». Просто в первой «торговой точке» продавали исключительно провизию, в третьей — приборы, оружие и медикаменты. В сущности, оно и правильно — совершенно ни к чему держать в одном помещении хлеб и какую-нибудь радиоактивную штуковину из Зоны.

— Да, и это... посмотрите, чтоб торгаш меня не объёжил. Мало ли...

И что ему везде воры чудятся?

— Слушай, Ересь, а у тебя самого в Зоне что-нибудь крали?

Вздрогнул Философ. Дёрнулся даже, глазами по сторонам блеснул и подобрался весь.

— Нет, конечно! Я чё, лох? Пусть попробуют, блин!

— А пытались?

— Не...

— Ну и что мы тогда такие подозрительные?

— Жизнь научила, — буркнул Ересь.

Да, чем больше с ним общаюсь, тем меньше нравится мне этот товарищ. И лучше будет, если его рядом с собой держать, чтоб на виду был. Мало ли что... Я незаметно показал на новичка, а затем поднёс руку к глазам. Хип коротко кивнула, поняла, мол, буду доглядывать. И паршивое предчувствие у меня. Что-то будет.

— Вот что, парень, — обратился я к Ереси. — Пока ходишь с нами, будь добр, далеко не гуляй.

— Да не вопрос. — Новичок даже заулыбался. — Мне ж с вами лучше намного, чем одному. Я почему теперь за Периметр хочу?

— Ну и?

— Потому как одному в Зоне стрёмно, вы к себе не берёте, а с другими я ходить не буду.

— А с чего нам с Хип такая честь?

— Это... вы, короче, первые люди, которым на меня не по фиг было. Вы и вправду за меня рубитесь. Кино вот показали, честно всё объяснили. Те чуваки из Бара, конечно, нормальные, но... по ходу, отмычкой я у них был.

— Как понял?

— Не тупой, догадался. Они меня завсегда вперед пускали. Болт кинут — и топай, мол, Ересь, подбирай. А когда с вами шёл, то всё время промеж вас, в серединке. Артефакт не отобрали. И разговор я помню. Я, если по чесноку, раньше не верил, что вы меня просто так спасаете. Теперь верю.

Присмотрелся я к Ереси. Глядит на этот раз прямо, глаза ясные. Может, зря напраслину возвожу на человека? Похоже, не врёт.

— Я уже это... подумал, что всё, значит, в команде теперь. — Философ вздохнул. — Обидно, конечно, но

навязываться не буду. А так я бы с вами даже отмычкой пошёл.

— Нет, парень. Последнее это дело с отмычками в Зону ходить.

Вот, значит, как. И всё равно гложет что-то... впрочем, ты, Лунь, и на грунтовке той странной весь извёлся, помнишь ведь, как тебе там не нравилось. А в итоге — ничего, спокойно дошли, и ни хрена твои предчувствия не оправдались. По-хорошему, надо бы на пару месяцев с Зоной завязать, отдохнуть от неё, хорошенько так отдохнуть, чтоб инстинкты в норму пришли. Если подумать, то ведь и от бандитов мы вместе отстреливались, прикрывал меня Философ. И по Свалке нормально прошли, без раздражения. А что подозрительный он, так это не порок, и почём ты знаешь, Лунь, какая на самом деле жизнь у парня была? Дурости в нём, конечно, хватает, такое ляпнул на посту, что хоть стой, хоть падай, да кто в нашем мире дурацких поступков не совершал? Возьми хоть себя в пример...

— Ладно, пойдём, сталкер. Так и быть, прослежу, чтоб всё по-честному.

По лестнице прогрохотали шаги, на улицу выбежал незнакомый мне мужичок в стареньком, кустарно изготовленном комбинезоне. Ошалело глянул по сторонам, улыбнулся во все зубы, выдохнул «Ох, ё-моё. Во блин горелый, а...» И резво стартовал в сторону «Ангарыча», местного заведения, открытого вместо давно ликвидированного бара.

«Вот чумной, — думал я, спускаясь в подвал к Банзаю. — Чуть не сшиб на радостях. Новичок, наверное, свой первый серьёзный хабар надыбал. Знаем, сам зелёным был».

— Вечер добрый, друг Банзай, — поприветствовал я торговца. — Денежку готовь, однако.

— Здорово, Лунь, — прогудел на низкой ноте Банзай. — Нет, чтоб просто так зайти, лясы поточить со старым знакомым, это, значит, ему не интересно. Только деньги подавай.

Интересная личность. Вылитый самурай с японских миниатюр — лицо квадратиком, лысинка ровная, блестящая, в аккурат на полголовы, и волосы за ней чёрные, прямые, назад зачёсаны. Рот маленький, скобочкой такой характерной. Глаза раскосые, как самураям и положено, только заплывшие чуток от частого употребления саке. Ничего не попишешь — вредное у Банзая производство, постоянно он с артефактами возится, а это занятие не из тех, что на пользу здоровью идут. Облучение и всё такое... Говорит тоже занятно — всегда на одной ноте, низким, хрипловатым голосом, немного картавя и растягивая гласные. Шутит он, сердится или радуется — хрен разберёшь, да и в мимике очень сдержан. Чтоб он хмурился или улыбался, я тоже никогда не видел, спокойный вечно, как танк. И не знаю, каким чутьём он угадывал, пустой сталкер к нему идёт или же хабар тащит, но угадывал безошибочно. Вот и сейчас, не успел я рот открыть насчёт привета и денежек, а Банзай уже ящик защитный институтский бац на стол, и за вторым тянется. Дзен, не иначе...

— «Медузы» хреновенькие... ежели в зелёнке считать, то по сорок за штуку дам.

— Идёт.

— Итого сто двадцать...

М-да... зелёнка. Деньги в Зоне ходят разные. И гривны, и рубли, даже особенная сталкерская валюта какое-то время существовала — старые советские банкноты, но это не прижилось, и после Третьей они повсеместно из употребления вышли. Потом, когда американцы обратили на Зону самое пристальное

внимание, да ещё с учётом того, что на постсоветском пространстве было очень много дензнаков с надписью «In God we trust», главной валютой Зоны стал доллар. Хотя, говорят, на севере уже евро ходит. Далеко за Припятью крупная евросоюзовская станция появилась, так что не исключено...

— Угу... «гранит». Восемьдесят. А за «каплю» могу дать только пятьдесят.

— Что так?

— Спрос на них упал. «Ботаники» из одной дикой «капли» научились четыре искусственных делать. Плазмой её как-то насыщают, ну, она и делится в два захода. Свойства полностью аналогичны, и вес, и цвет, в общем, всё. А работает ничуть не хуже.

— Работает?

— Ну да, работает... в излучателях каких-то, я в подробности не вдавался.

— Прискорбно. «Самоцветы» интересуют?

— «Искровики»?

Ты глянь, заинтересовался Банзай, вижу, что глаза заблестели, хотя на лице по-прежнему ноль эмоций. Правильно. С НИИ Банзай работает, на зарплату и кое-какие проценты от сдачи артефактов, и ежу понятно, что проценты эти не заоблачные. Зато «ботаники» без вопросов позволяют торговцам получать барыш от «мелочёвки», которая науку по разным причинам не интересует, а вот коллекционеров и ювелиров, напротив, интересует, причём весьма. С нескольких «шипучек», пары «раковин» или одного «жарцвета» торговец мог получить от трёх до десяти месячных зарплат, в зависимости от покупателя. Такой бизнес не возбранялся, но горе тому, кто вздумает вместе с мелочью «толкнуть» мимо Института «грави» или «пустышку». Последствия такой самодеятельности бывали показательно-устрашающие.

— Конечно, «искровики». Другие Лунь не берёт... — И я отрепетированным жестом высыпал из мешочка пять переливчатых красавцев. Ишь, как блестят... синий особенно хорош. Прозрачный, холодного такого цвета, а внутри, если покрутить камень, словно ледяные кристаллы сверкают. «Зимняя сказка». Да, так Банзаю и скажу, заодно и цену накину. Кстати, названия, что сталкер найденным «самоцветам» даёт, тоже на Большую землю уходят. Особенный это шик там, среди ценителей. Традицию эту, к слову, Барин начал...

— «Зимняя сказка» двести монет стоит. Остальные за сто...

— Идёт, — поспешно кивнул Банзай.

— Сто восемьдесят, — закончил я фразу.

— Эх... барыга ты, Лунь, — уже с меньшим энтузиазмом прогудел торговец. Было бы от чего расстраиваться. По своим секретным каналам он их втрое дороже продаст. Если не впятеро.

— Бери, Банзай, навар хороший будет. Кимоно себе новое купишь, да ещё и на саке останется.

— Трепло... ладно, сто восемьдесят, уговорил. Не излучают?

— Чистенькие. «Чёрный выверт» нужен? — Я чуть подмигнул. — Руками не трогай.

Банзай удивлённо приподнял бровь, но кивнул. Ересь с важным видом открыл контейнер и аккуратно вытряс на стол «выверт». Торговец взял большие пластиковые щипцы, ухватил ими артефакт, осмотрел.

— Да, неплохой экземпляр... сто шестьдесят, как обычно.

Ересь забрал деньги, зашуршал купюрами. С ленцой так взял, равнодушным движением, небрежно сунул в карман. Но глазки-то масленые стали, хорошо это видно.

— Давай выкладывай свой коронный... — Торговец наклонил голову и в ожидании стукнул пальцами по столешнице. — Знаю, есть он у тебя.

Ну, даёт Банзай. Точно, дзен. Я извлёк со дна контейнера небольшой свёрточек, осторожно сорвал с него полоску изоленты. Редкий, действительно редкий артефакт, найденный в одну из недавних ходок на Агропром.

«Бешеная лента» формой напоминала часовую пружину. Тёмный бронзовый цвет наружных витков «ленты» постепенно переходил в зеркально-серебристый на внутренних. Тяжёлая, грамм сто весит, несмотря на то, что тоненькая она и на ладони целиком помещается. «Объект невыясненного происхождения с нестабильной массой, изменяющейся по неправильной синусоиде с шагом 7–12 часов по временной шкале», — подсказала память. Любит она, зараза, с лёту цеплять заумные словечки «ботаников», особенно после того знаменитого Выброса. Шевелится слегка «лента», словно дышит, слышно только, как царапают, поскрёбывают витки по неровностям стола. Банзай подумал, достал из кармана зажигалку, чиркнул колёсиком.

— Не самая лучшая идея, — подсказал я.

— А мы чуточку. — И торговец поднёс пламя к краю «ленты».

— Если что, сам искать её будешь. Я предупредил.

От огонька зажигалки по «бешеной ленте» стремительно расползлись радужные пятна, похожие на бензиновые разводы. Артефакт лежал спокойно ещё пару секунд, а потом вдруг разом скрутился в плотный комок и — «дз-зыннь» — сиганул к потолку. И пошёл скакать по всему подвалу, извиваясь, словно дождевой червь. Банзай был в полном восторге и даже — не может быть! — приподнял уголки губ. Неужели улыбается?

— Работает, — констатировал он с важным видом, мол, не для забавы, а исключительно ради дела артефакт раздраконил, чтоб проверить, значит. Ага, можно подумать, что находил кто-то нерабочие «бешеные ленты». — Но вот такое дело, Лунь. Не наберу я на неё. Считай, всю кассу спустил, сотен шесть всего осталось. Словно специально подрядились сегодня сталкеры редкие штуки таскать. Бывало, за целый день «медузы» не дождёшься, а тут такое. В общем, шестьсот держи, а остальные завтра к обеду. И лавочку я на сегодня прикрываю.

Любит Банзай с артефактами возиться. Нет, не экспериментирует, просто перебирает, разглядывает часами и так повернёт, и эдак. И разговоры только про них, потому как ничто другое Банзаю не интересно. Полчаса может расписывать, как огоньки на «каменном цветке» играют, и в такие моменты ему даже слушатель не особенно нужен. Главное — артефакты, и чтоб побольше их было и поразнообразнее, а Зона сама ему до фени, не сталкер он. Насколько я знаю, даже за пределы «Ростка» ни разу не выходил с тех самых пор, как доставили его сюда учёные в качестве лаборанта. Работа с пробирками ему скоро прискучила, и напросился он на должность «приёмщика объектов невыясненной природы». И, к слову сказать, «ботаники» не сразу согласились назначить рассеянного и задумчивого Толю Кима на такую сложную и ответственную работу. Тем не менее желающих на тот момент не было, кому охота радиацию глотать, и кандидатуру Кима всё-таки утвердили. И ни разу об этом не пожалели.

— Ну, тогда до завтра. — Я пожал протянутую руку.

И, уже уходя, услышал щелчок дверного замка, а затем, чуть погодя, очередной громкий «дз-зынь». Раз-

влекается Банзай... впрочем, много ли человеку нужно для счастья?

Прийти на «Росток» и не побывать при этом в «Ангарыче» для любого нормального сталкера нонсенс. Потому как что нужно человеку после ходки в Зону? Правильно, отдохнуть, послушать байки, развеяться, слопать порцию-другую настоящей горячей пищи, да-да, именно горячей, пусть это будут всего лишь куриные сосиски с изрядной долей сои или макароны с тушёнкой. Ну и разумеется, несколько капель «огненной воды» тоже будут как нельзя кстати. Заведение это, как и следует из названия, размещалось в большом сводчатом ангаре, переоборудованном долговцами под бар. Туда-то и направили мы стопы свои.

— Вообще не фартило. Ну, то есть полный голяк! А тут на обратном пути вижу, что между кучами чё-то посверкивает. И место вроде фиговое, никогда там ничего доброго не найдёшь, Свалка, одно слово. А тут блестит что-то, точняк под железным листом, с другого места я бы и не углядел. Ну, думаю, сходи, Леший, чем Зона не шутит, проверь. Поднимаю эту железную байду, а под ней, значит, «гнёздышко». Ну, наконец-то, ё-моё!

— Снарягу нормальную возьми, Леший. Одёжка твоя уже хрен знает на что похожа. Про ствол вообще молчу...

— Да ну на фиг, перебьюсь. И этот комбез ещё походит. Мне другое надо... вот.

Сталкер, тот самый, что два часа назад вылетел от Банзая, протянул долговцу небольшой контейнер. Тот заглянул, пожал плечами.

— «Кровь камня». Не самая редкая штука.

— Ну, это здесь она не редкая, — кивнул Леший. — А там... в общем, очень нужно мне за Периметр её переправить.

— Не, это дело незаконное. Извиняй, ничем помочь не могу. Гроши в лучшем виде переведём, не вопрос, а вот артефакт... сам понимаешь. А на кой тебе это надо?

— Туберкулёз, — скривился сталкер. — А ей и тридцати нет ещё. Знающие люди подсказали, что при этой хвори «кровь камня» первое дело.

— Знающие?

— Доктор... Болотный. У меня и рецепт есть, как эту «кровь» использовать. Помоги, а?

— Слушай, Бер, и в самом деле, поспрашивай у своих, — сказал сосед по столику. — Сам видишь, не корысти ради, для дела надо. Вы, «долги», вроде как людей выручаете, спасите заодно и жёнку его.

— Вы хоть понимаете, что просите? Это же «Долг» можно подставить так, что мама не горюй! Контрабанда артефактов... страшное дело, мужики. Да и через Кордон такая «посылочка» вряд ли пройдёт. Есть у меня там майор один на примете, но он за риск такие бабки заломит... не, не могу.

— За гроши не волнуйся, есть. — Леший ухватил долговца за руку. — Ты просто поспрашивай у начальства, и всё! А я потом, если надо, костьми за вас лягу. Ты же нормальный мужик, Бер, правильный, я-то тебя знаю.

— Хрен с тобой. Попробую. Но это только если с НИИ наши договорятся, а «ботаники» народ понимающий, глядишь, и получится. Но ничего не обещаю. Завтра, если новости появятся, найду. Бывайте, сталкеры.

«Вот оно как бывает, — подумал я. — Ну, удачи тебе, Леший». Три порции «Ржаной» уже шумели в

голове, приятной слабостью растекались по телу, и мысли лениво тянулись бесконечной, тонкой ниточкой через захмелевший разум. Как меня, однако, развезло, а ведь выпил всего триста грамм, может, чуть побольше. Правильно, после почти бессонной ночи, не самого короткого перехода, да ещё и позволил себе сталкер захмелеть, расслабиться. На сегодня, пожалуй, хватит, не люблю я много пить, не дело это. Как это в песне поётся? «Я был с устатку и не евши», так, кажется, если ничего не путаю. С устатку — это факт. А насчёт еды не совсем. Десяток сосисок, поджаренных на гриле до тёмной корочки, и две порции макарон со сладковатым кетчупом, который мне не понравился. Тем не менее подчистил я всё.

— Эх, Лунь... мороженого бы сейчас, — мечтательно вздохнула Хип. — Такого, знаешь, брикетом... в шоколаде. А внутри чтоб джем.

— Извиняй, стажёр. Такого даже в Чернобыле-7 не найдёшь.

— Да я понимаю. Просто в детстве, когда в электричках удачно на гармошке отыгрывала, предкам не все деньги отдавала. Иногда в ларьке привокзальном брала три-четыре таких брикета, чтоб с джемом. И... ох, здорово! Сядешь где-нибудь на лавочке под деревом, в двойной пакет их положишь, чтоб не слишком быстро таяли. Потом берёшь брикет, твёрдый ещё, ледяной, и медленно так, не торопясь, грызёшь. Первое мороженое совсем застывшее, джем плотный, крепкий... а вот последнее уже плывёт. И точно тебе говорю, Лунь, разные они были на вкус, и каждое по-своему классное. — Хип прикрыла глаза, улыбнулась. — Один раз так налопалась, что даже ангину подхватила. Знаешь, мне это мороженое в какой-то степени жить помогало. По электричкам ходишь, музыку играешь, а в мыслях брикет заиндевевший. И сразу легче становилось.

— Ничего, Хип. Глядишь, ещё и отведаем твоего мороженого. Когда вернёмся, я тебе его из-под земли достану. Бивень вроде замороженные продукты через снабженцев НИИ покупать начал, вот ему и закажу. В брикетах. С джемом.

— Когда вернёмся... — эхом повторила за мной Хип. — Да. Когда вернёмся.

— Эй, боец, — негромко позвал я Философа. Куда там... дрыхнет сталкер без задних ног. Как только пришли, пару сосисок съел, полстакана принял, и всё, баиньки прямо на столе. Так и проспал весь вечер, видать, и в самом деле укатал парня сегодняшний переход. Пришлось толкнуть в плечо. — Подъём.

— М-ммм... чево... — заскрипел Ересь, с трудом продирая глаза.

— Культурные люди за столом не дрыхнут. Для культурных людей матрасы есть, так что айда в гостиницу.

Рядом с «Ангарычем» находилось трёхэтажное здание администрации завода. Сталкеры метко прозвали его «Перегарычем» — в комнатах вместо конторских столов уже давно лежали постеленные прямо на полу матрасы, а то и просто толстые бумажные папки с уже никому не нужными документами. «Гостиница» радушно принимала всех постояльцев, в том числе и пострадавших в неравной схватке со спиртными напитками, и аромат, царивший под утро в тёмных коридорах «Перегарыча», полностью оправдывал данное ему прозвище. Что уж греха таить, были среди нашей братии ярые поклонники зелёного змия, не без этого. Некоторые совсем спиваются, и таких либо Зона прибирает, либо «слысь, мувык!» — пополняют бедолаги ряды «бомжей». А в Зоне век «бомжа» короткий. В общем, каким бы сталкер ни был, от старости всё равно не помрёт. Грустно всё это...

Сами матрасы, несмотря на внешне неприглядный вид, заметно припахивали антисептиком. Не самый худший вариант в Зоне, тем более что спать мы будем всё равно в комбезах. С грустью вспомнив настоящую койку в научном «Куполе», я устроился возле стенки с облезлыми обоями и щитом из ДСП с «тружениками коммунизма». Сколько лет прошло, а рабочие, хлопкоробы и доярки всё такие же жизнерадостные, розовощёкие, тащат в натруженных красных руках опять-таки красные знамёна, охапки колосьев, разводные ключи, лопаты, и над рабочим людом поднимается в небо гигантская фигура. «Вперёд к светлому будущему!» — написано под указующим перстом великана Ленина, и, проследив за направлением, видишь окно с выпавшими стёклами и тёмно-серое небо Зоны.

Хип уже улеглась, пристроилась поближе, даже матрас свой подтащила. Ересь с ходу рухнул у дальней стенки и сразу засопел. На улице кто-то начал бренчать на гитаре, неумело подбирая аккорды, запел что-то чувствительное, к нему присоединились ещё несколько певцов. Послышался пьяный возглас. Отдыхают сталкеры от Зоны кто как умеет. А спать, однако, и вправду хочется...

Они шагали по мёртвой земле. Праздничные, весёлые люди, слишком яркие для такого унылого пейзажа, шли мимо серых, заброшенных зданий, обходили пустые кабины ржавых грузовиков, перешагивали через поваленные столбы. Сотни, тысячи людей... широкая, неровная колонна, пестреющая флажками, букетами цветов, разноцветными шарами. Откуда они здесь? И разве можно по Зоне так вышагивать, не глядя под ноги, не обращая внимания на дрожащий воздух над дорогой? Идут, ничего не видя перед собой, и песню даже запели

хором, а ветер вырывает из рук девушки в белом платье воздушный шарик, я провожаю взглядом ярко-синее пятнышко, так хорошо заметное на фоне багровеющего неба. «Тум-ммм» — тяжёлый, глухой удар накатывает со всех сторон. «Т-думмм» — ещё громче отзывается в небе, а синий шарик всё летит, летит навстречу тучам, наливающимся трупной чернотой. Песня ещё звучит, да только не весёлая она уже, а всё больше похожая на заунывный вой, и смех превращается в сухой, хриплый кашель. Вспышка бледного света. Пятнышко синевы исчезает, и я опускаю взгляд. Сотни, тысячи серых фигур идут по серой земле, вихляющейся, неуверенной походкой идут, свёрнуты набок головы, ввалились глаза, торчат зубы из раскрывшихся челюстей... а в небе грохочет Выброс, вздрагивает земля в унисон тяжёлым громовым ударам. И вдруг между чёрно-багровых туч пробивается свечение, тусклое, бледное, словно от полной луны. Облака расступаются, и я вижу Её. Звезда «Полынь» медленно падает вниз смазанным пятном грязно-серого света. Мертвецы, задрав в небо безглазые лица, протяжно ревут и тянут к Ней жёлтые руки. И горько во рту, волна дурноты поднимается от желудка... страшен этот отравленный грязно-серый свет, тошно от его лучей, напитанных смертью и беспросветной тоской. Горько, жгуче-горько от вязкой слюны, и я поднимаю руку, чтобы больше не видеть звезду, но она светит даже сквозь ладонь, коричневую, со сморщенной, сползающей кожей, серые лучи просачиваются между костями пальцев, объеденных крысами.

— Мать твою... что за хрень творится?! — Я резко сел и злобно врезал кулаком по ни в чём не повинному щиту из ДСП. — Задолбали вы уже, честное слово! — Снова удар, и такой, что кулак занемел, а за щитом со смутным шорохом посыпался мусор.

— Эй, мужик... полпятого... у тебя совесть есть вообще? — промычал кто-то из соседней комнаты. — Дай поспать, а?

Нервы ни к чёрту. Где-то слышал, что человек есть то, что он помнит. Главное в нём — это память. О мелочах и больших событиях, о других людях, о тех местах, где ты вырос, где жил. И по такой системе получается, что я всего лишь треть человека... остальное отобрала у меня Зона.

Всё, что было в Зоне, помню неплохо. Точнее, всё, что было после Третьей. Камера в руках. Три жёлтых листка на корявой ветке. Дорога с глубокими лужами по обочинам, дождь. Коробка цветных карандашей, расклеившихся и подгнивших, вывалились яркие грифели. Открытая банка с консервами, рядом — раздавленный окурок. Всё, что осталось от первого года в Зоне, — эти пять коротких моментов, пять ярких вспышек. О том, что было до Зоны, вообще молчу. Три четверти жизни вынесло, даже лица родных не помню. Всё картинками, роликами какими-то, фрагментами. Ох уж этот Выброс... и ладно бы он только память мою испоганил, так нет, ещё и подарочки преподнес. Век бы их не получать. Сны эти гадские, которые и раньше были, конечно, но редко. А после того, как у Доктора побывал — считай, каждую ночь. Видно, что-то Пенка вылечила, за что ей, конечно, спасибо, а что-то нет. «Лунь думает хорошо, больше не болеет...» Помню, говорила она такое. «Хорошо...» А почём мутанту знать, как это «хорошо думать»? Может, она по-своему мне мозги подрихтовала? Ведь приснилось тебе в одну из последних (тьфу, чёрт... не последних, а крайних!) ходок, что на чердаке одной приметной двухэтажки артефакт между коробками лежит, как сейчас помню, «грави», и так детально всё, ясно видел, что заглянул я потом в

это здание. И верно — лежит артефакт, между коробками с каким-то хламом. Не «грави», «вспышка» там была, но и чердак этот, и газеты жёлтые в связках, лампа керосиновая с разбитым стеклом — всё точно как во сне. Совпадение? Случайность? Вряд ли...

Нет, пожалуй, Пенка здесь ни при чём. Бывали такие приходы и раньше. После того самого Выброса. Нащупав в боковом кармашке рюкзака пачку сигарет, я вышел через тёмный коридор на лестничную площадку. Посмотрел в окно на едва посветлевшее небо, заводской двор, тёмный силуэт «Ангарыча». Закурил, подумав, что пора бы и завязать с этой дурной привычкой. Ничего... до Монолита дойдём, вот тогда и брошу. Точно брошу.

Некоторые сталкеры уже проснулись, вон, собираются в дворике, не иначе, предстоит дальний переход. Сборный отряд: пять долговцев, рядом Леший, ещё трое сталкеров, а народ всё подтягивается. Странно. Или очень опасный рейд будет, или... или что-то случилось.

— О, Лунь... утро доброе. — К лестничной площадке, зевая и потягиваясь, подошла Хип.

— И вам, красавица, также. Чего так рано подскочила?

— А-ххха... ты так по стенке вдарил, что поневоле проснёшься. Ересь не с тобой?..

— Нет... я не понял. Он что, уже не в комнате?

— Ну, если спрашиваю, значит, не в комнате. — Хип опять потянулась. — Опять сны?

— Где он? — Неприятное, скребущее такое чувство, гадостное.

— Не в курсе. — Хип сразу перестала зевать, увидев мой взгляд. — Может, вышел ненадолго, ну там, по надобности? Хотя нет, рюкзака его не видно. Получается, свалил наш Философ... но куда?

Получается, что так. Но смысл? Ночью, ни слова не сказав, втихаря ушёл. Неспроста это... а народ всё собирается. Трое из пяти долговцев разошлись — один направился в «Ангарыч», второй в сторону «приёмной», а третий — к «гостинице». Вскоре я услышал его шаги по лестнице.

— Здорово, сталкеры. Такое дело... вы пока с нашей территории не уходите, — бросил он нам, поднимаясь на третий этаж.

— Что случилось? — спросила Хип.

— Крыса завелась... деньги у Лешего кто-то вытащил, — неохотно сообщил долговец.

«Тва-ю мать!!!» Ах ты, сволочь... Ересь. Точно он. Больше некому.

— Хип, давай мухой на второй пост, поинтересуйся, есть ли там «Шквал» нашего героя. Если нет, то на первый, может, заметили его на выходе, и узнай, во сколько вышел. А мне с Лешим пообщаться надо.

— Поняла. — Стажёр кивнула и быстро сбежала по лестнице.

Сталкер выглядел плохо. Землистое лицо, пепельного оттенка губы. Он молча смотрел в одну точку, безвольно опустив плечи.

— Сколько?.. Семнадцать тыщ... да, долларов... И артефакт тоже...

— И как получилось-то? Что помнишь?

— А... отметил удачу. Крепко выпивши был... заснул, в общем. Вон там, недалеко...

— Ну а подходил кто-нибудь?

— Выпивши был... спал я. Мразь... сука... как же так...

— Крутился тут один, — сказал один из сталкеров. — Рыжий такой, молодой. Вроде и к Лешему подходил.

— Эй, Лунь! — Хип подбежала и, ещё не отдышавшись, тихой скороговоркой сообщила: — Короче, факт, свалил Ересь... ф-фу... это, час назад мимо поста прошёл. Долговец сказал, что он быстрым шагом умотал на Свалку. И ствол забрал, вот. Выход с базы перекрыли, но десяток сталкеров ушли ещё раньше.

— Слышь, мужики! Даже не знаю, как и сказать... — Долговец Бер пожал плечами. — Что делать будем? Не шмон же устраивать?

— Ага... щас!

— Ну, ни хрена себе... крыса...

— Чё за гадство? Тут ведь таких уродов и не было никогда... все свои, нормальные...

Поднялся гул голосов. Народу собралось уже немало.

— Есть у меня подозрение, — громко сказал я. — Что был один урод.

Шум тут же стих. Я почувствовал на себе взгляды. Ох и неприятно же это...

— Кто?!

— Философ. То бишь Ересь.

— Не знаю такого. Один или с кем пришёл?

— Или с кем. В моей команде был... — Тяжело дались мне эти слова. Аж испарина выступила.

— Ну, Лунь... ну ты ваще...

— Наслышан о тебе, — тихо сказал Бер. — Говорят, классный сталкер и человек надёжный. Кого попало с собой не берёшь...

— Достану гада, — прохрипел я. Взгляды, взгляды... хоть под землю провались. — Мой косяк, мужики, мне и исправлять.

Как шёл до первого поста, помню смутно. Потому как перед глазами маячила конопатая физиономия, и преданный взгляд, и чёрная бандана с выцветшими черепами. А вокруг морды клубилась тём-

ными сполохами жгучая ненависть, и сами собой до хруста сжимались кулаки. Ах, Ересь, Философ ты наш. Что я с тобой сделаю...

— Добро. — Долговец открыл ворота, предварительно переговорив по рации, и я рванул. Сзади послышался лёгкий топот. Я обернулся. Хип, конечно.

— Вернись! — коротко бросил я ей.

— Ага, — ответила она. — Уже!

Ну, до чего упрямая... времени спорить не было.

Час... если быстрым шагом ушёл, то километров семь Ересь отмахал. А если с перебежками, то и все десять. Ох, дурак, и на что он только надеялся?.. Нет, Лунь. Это ты дурак. Не просто дурак, а чемпион среди оных. Какого чёрта ты Философа на «Росток» тащил, когда можно было с Мелиховым договориться? Это же проще намного, через учёного Ересь за Кордон отправить, вертолётом... ты вот не допёр, а он додумался. И что говорить надо, ты этого урода чётко проинструктировал, и у Айболита он всё подробно узнал насчёт графика вертолётов. Сегодня, в одиннадцать, и поминай как звали. С деньгами, арт учёным сдаст, смотрите, мол, какой я офигенный сталкер и в Челябинске буду очень полезен. И никак его, мерзавца, уже не достать, а тебе, Лунь, вовек не отмыться. Так что бегом, сталкер, и береги дыхание. По этой дорожке он пошёл, только по ней, других троп он не знает...

Плохо по Зоне бегать, и особенно плохо — быстро бегать. Даже по знакомой, хорошо разведанной тропе. Но ничего не остаётся... однако таких кроссов в моей жизни ещё не было. Хип уже начала отставать, а я всё добавлял ходу. Спасибо вам, долгие, изматывающие переходы с тяжёлым рюкзаком! И будь вы неладны, редкие сигареты, выкуренные на привалах. Шансы догнать есть. Парень он дохлый, вполне может быть, что и пяти километров не отошёл, будучи

уверенным, что мы ещё десятые сны досматриваем. Самый воровской час выбрал — с трёх до пяти. Догоню. Только бы не убить гада, он мне живым нужен. Злость добавляла сил. И злишься ты, Лунь, не из-за того даже, что Ересь сталкера обворовал, хотя за одно это его можно было пристрелить на месте. А из-за того, что поверил ты ему. Купился и на взгляды прямые, и на «искренние» слова, и на «доверие». Плюнул мерзавец, прямо в душу мне плюнул. Не сбивать дыхание... не сбивать.

Усталость уже давала о себе знать. Но скорость бега я не снижал, черпая силы из одной только ярости. В лёгких уже похрипывало, а ноги отяжелели. Вон он. Уже достаточно рассвело, чтобы я увидел далеко впереди знакомую фигуру. Не успеет он до «Купола». Ересь оглянулся, заметил меня и наподдал. Беги, сволочь. Всё равно не уйдёшь. Воздух стал железной стружкой, жёстко царапающей горло и оставляющей во рту металлический привкус. Сердце уже пыталось выскочить из грудной клетки, колотилось так, что вызывало тошноту. Кровь долбила в виски. А ведь догоняю... догоняю!

— НЕПАДХАДИЗАВАЛЮ!!! — завизжал Ересь. Развернулся, сдёрнул с плеча «трещотку» и несколько секунд не мог ухватить рычажок затвора. Короткая трескучая очередь была выпущена в белый свет, когда я уже с разбегу нырнул в канавку у дороги. Знаю, нет у тебя больше патронов.

— АААААААА!!! — Истошный, полный ужаса вопль, и Ересь бросил пустой ПП на землю. Засверкали пятки. — УЙДИСУУКАААА!!!

Силы уже были на исходе, когда впереди, в паре метров, замаячила чёрная бандана, и я уже хорошо слышал, как клокочет в груди Философа воздух. Последний рывок, и я прыгнул на беглеца, сжал его в

объятиях, и мы вместе покатились по грязи. В глазах потемнело, я долго лежал, с хрипом глотая воздух и слушая рядом такой же хрип. Потом поймал занесённую руку с ножом, вывернул до хруста костей. Кустарная финка выпала из ладони. Я поднялся с земли. В глазах всё ещё было черно, но уже не от усталости.

Не давая Ереси подняться, я сбил его ударом ботинка по лицу. Что-то хрустнуло. Философ захлебнулся воплем, а я бил его, бил страшно, наотмашь, вколачивал в жёсткую землю, всё больше зверея, ссаживая в кровь костяшки пальцев. Бил до тех пор, пока кто-то не прыгнул сзади на плечи.

— Лунь... хватит... убьёшь... — И Хип, ещё задыхаясь от бега, оттащила меня от Ереси. — Он... живой нужен...

Деньги, завёрнутые в пластиковый пакет, нашлись во внутреннем кармане комбеза. Я также забрал контейнер с «кровью камня». Недорогой артефакт, но польстился на него Ересь, хотя знал, прекрасно знал, зачем он Лешему нужен. Хип тем временем крепко скрутила руки Ереси снятым с него же ремнём, дождалась, пока он придёт в сознание.

— Поднимайся, пошли, — ровным, бесцветным тоном бросила она ему.

И Ересь захныкал, хлюпая разбитым носом, кривя вспухшие, треснутые губы. Поднялся, охнув от боли, и пошёл, не глядя на нас, опустив голову.

— Двадцать восьмой. Двадцать восьмой. Ответь второму.

— На связи, — расслышал я сквозь шипение и треск рации.

— Начальника первого поста ко мне. — Начальник штаба отложил рацию и посмотрел на меня. —

Ну, здравствуй, Лунь. Однако, как тебя Зона разукрасила... седой, значит, и в самом деле как лунь. М-да... я с тех пор, как в Коржинском колодце встретились, тебя и не видел.

— А ты почти не изменился, Седой.

Ну как почти... тот же жёсткий прищур, короткие, ёжиком, волосы, только что седины добавилось. А вот нашивки на комбинезоне уже совсем другие. И личного кабинета, насколько я помню, у него раньше не было.

— Этот хлопчик?

— Он самый.

— А я подозревал, Лунь, что рано или поздно ты в подобную историю вляпаешься. Не пойму только, зачем оно тебе надо. Хм... знакомая физия...

Седой отложил бумаги, поднялся с кресла и подошёл к Ереси.

— Да... точно он. Только попорченный сильно. Так понимаю, твоя работа?

Левый глаз Ереси заплыл огромным кровоподтеком и не открывался. Правый превратился в узкую щёлочку. Нос, похоже, сломан, и из-под вздувшейся, как оладья, верхней губы выглядывал сколотый наискось зуб. А врач, осмотревший Философа, сказал, что ещё и два ребра я ему сломал...

— Соломатин Эдик, верно? Ах ты, мерзавец... — Седой сокрушённо покачал головой.

— Это всё он... — прошамкал Философ. — Он, гад, бабки попёр, а на меня... ох... стрелки перевёл.

— Да ну? — Седой изобразил удивление.

— На него не подумают, — продолжал Ересь. — Он стырил, сам видел. Я хотел доложить, пригрозил, что убьёт. Он, падла...

— Ай-ай-ай. Бывает же такое. — Седой сокрушённо покачал головой, а затем отвёл руку и смачно

влепил прямо по синякам обратной стороной ладони, сбив Философа с ног.

— Это тебе, гнида, вместо расстрела. Никонов! Сообщи по сети, чтоб группы Самохина, Гелидзе и Протасова сворачивали поиски и возвращались на базу. Нашёлся пропащий.

— Есть сообщить по сети! — гаркнул молодой долговец, дежуривший у двери, затем достал ПМК и начал набирать сообщения.

— Хорошие у тебя родители, Эдик. Даже награду за тебя, подлеца, назначили.

— У него же папа сидит... — не удержался я.

— Ага, сидит. На кафедре доцентом. А у папы генерал в друзьях детства. Да, тот самый, что местной воинской частью командует. Знал бы ты, Лунь, скольким офицерам неполное служебное оформили... А всем остальным — строгача с занесением. Чтоб, значит, не пускали в Зону кого ни попадя. Одного не понимаю — как у хороших родителей такая сволота выросла.

— Разрешите доложить! — Дежурный закончил набирать текст. — Тут напарник... напарница Луня войти хочет.

— А чего ты её на пороге держишь? Впускай, конечно.

— Ой. — Хип узнала Седого.

— И вам здравствуйте. — Седой улыбнулся. — Проходи, не стесняйся... я в курсе, что ты в одиночки записалась и давно с Лунём ходишь. Это, в общем, правильно, что со «Свободой» завязала. Уважаю. Мир?

— Ну... ладно... — неохотно буркнула Хип, бросив на Седого колючий, недоверчивый взгляд.

— «От ёкарный бабай, уж попала, так попала. «Долг». Маза фака». Помню. — Седой примиритель-

но поднял руки. — Не злись. Кто прошлое помянет, тому глаз вон.

— А кто забудет, тому два, — огрызнулась Хип. Негромко, но Седой услышал.

— Хорошо. Признаю, тогда был не прав. Лишнего наговорил.

Хип удивилась не меньше моего. Даже брови приподняла. Ну, даёт Седой. Вот уж не ожидал...

— Мир, — уже уверенно сказала Хип и пожала протянутую руку.

— Разрешите доложить... — снова сказал молодой долговец.

— Разрешаю, — кивнул Седой.

— Вертолёт будет через четыре часа.

— О как. Оперативно. — Седой хмыкнул, посмотрел на Ересь. — Ну что, скоро домой полетишь. Хотя была б моя воля...

В дверь постучались.

— Начальник первого поста Карбенко по вашему приказанию прибыл! — Веня Карбид вытянулся в струнку, даже каблуками щёлкнул. Но вид имел не самый радостный, и взгляд, брошенный в мою сторону, доброжелательным никак не назовёшь.

— Ты этого хлопца на территорию пропустил? — Седой показал глазами на Ересь.

— Так точно, я.

— По базе данных проверил?

Карбид замялся.

— Я... он же это, с ним... никак нет.

— Почему?

— Виноват, — после короткой паузы выдавил Карбид.

— Разгильдяй, — спокойно произнёс Седой. — Из бойцов кто спрашивал насчёт проверки?

— Так точно, спрашивал. Никола... гм, Николаев хотел пробить по базе данных, но я приказал отставить.

— Сдаёшь командование постом Николаеву и поступаешь к нему в подчинение. Вечером всей сменой ко мне.

— Есть сдать командование Николаеву. Разрешите идти?

— Свободен. — Седой махнул рукой.

— Подставил я его, — вздохнул я, когда Карбид ушёл.

— Нет. Он сам себя подставил, — не согласился Седой. — Приказ был чёткий, проверять всех незнакомых, не важно, с кем и по какому поводу пришли. Ты лучше о себе подумай, Лунь. Как ни крути, а с тобой этот товарищ прибыл. А что было бы, если б не поймал ты его?

— Догадываюсь.

— Вот-вот... впрочем, косяк ты свой в лучшем виде исправил, но... Думаю, понимаешь, что на «Росток» тебе больше хода нет. Извини, тут даже я ничего сделать не смогу. Сегодня оставайся, переночуешь, а завтра, будь добр, уходи.

Понятное дело... Кто своровал? Ересь. Кто его привёл? Правильно, я. Всё остальное уже не суть важно. И от этой грязи, по ходу, мне ещё очень долго не отмыться.

— Да, ещё один вопрос. Мне тут Сионист весточку скинул, что вы компанию мародёров на Кордоне прибили. Было такое?

— Да, было.

— И молчит, скромняга. Ещё видели кого?

— А что такое?

— Да вот, подозрение закралось насчёт одного типа. Стоит какому одиночке дорогого барахла набрать, так обязательно к нему хвост цепляется. И, что

интересно, затоваривались все они у Бивня. Так вот, я и спрашиваю насчёт хвостов.

А ведь правда. Нечисто здесь что-то. У Бивня я «Кольчуги» брал и боеприпасы. Спрашивал он ещё, далече ли мы собрались. Ересь вот в нагрузку мне навесил... а кто знает, может, и тех субъектов тоже. Я решил рассказать Седому.

— Было такое. И тоже на Кордоне, — кивнул я. — Пятеро, одного даже знаю — Саранча. Остальные не знакомы. Чудом отбились. — Я не стал вдаваться в подробности, каким именно чудом.

— Ушли?

— Нет, всех положили. Там, по ходу, и мутанты постарались — банда на стаю слепых собак нарвалась.

— И молчит. Нет, Лунь, бить тебя мало за такие вещи. ПМК ведь всегда под рукой, неужели лень пару строчек черкнуть? М-да, надобно на Кордон парочку усиленных патрулей выслать, а то опять зашевелилась там разная сволочь. Чуть запустишь дело, и хоп! — опять банды. Пускают вояки кого ни попадя за Периметр, а нам отдувайся. Сами как от слепых псов отбились?

— Заперлись в бункере — «глушняк» накатил, там не до стрельбы.

— Так ты их всех убил? — Ересь поднял глаза. — Вот почему шмаляли... ах... гад.

— Из их кодлы парень?

— Да, из их. Вроде как отмычкой у них работал. Как раз под самый «глушняк» в бункер забежал.

— И ты его, естественно, не пришил. — Седой удивлённо посмотрел на меня. — Ну, Лунь, если б сам не видел, как ты монолитовца тушёнкой кормил, то ни в жизнь бы не поверил. Как тебя только Зона носит, альтруист ты наш? А ты хайло заткни, придурок. Ещё раз вякнешь, я тебя Лешему отдам, и то, что с

тобой Лунь сделал, сказкой покажется. Знаешь, что у нас с такими уродами делают?

— Деньги все на месте? — спросила Хип.

— Да. Леший говорил, что даже больше на сто пятьдесят баксов, чем было. Очень он тебе, Лунь, благодарен. Небось уже на весь Росток раззвонил.

— Это мои сто пятьдесят. — Ересь блеснул щёлочкой заплывшего глаза.

— Ну, раз так... Никонов! Сходи-ка, Лешего найди, пусть он Эдику деньги вернёт. Разрешаю даже на пять минут их вдвоём в комнате оставить. Скажи только, чтоб не насмерть, а так — полная свобода самовыражения...

— Не надо, — прошамкал Ересь.

— Да, насчёт Лешего. Отщёлкай Беру, что «ботаники» согласны арт за Периметр отправить. Жена у мужика вроде в Москве, так? Ну, через НИИ экспериментальной медицины сами же учёные и проверят на ней рецепт Доктора. Вариант, как мне кажется, взаимовыгодный и совершенно законный. И к Банзаю вечерком зайди, пусть заглянет на огонёк. Этого к врачу. — Седой кивнул в сторону Ереси. — И глаз с него не спускать. Вот что, Лунь. Награда за него положена, и было бы неплохо, чтоб «Долг» её получил. Дело не в деньгах, нет... понимаешь, надо обставить так, что именно наши его отыскали.

— Понятно. Престиж и всё такое.

— Только без обид, Лунь. — Седой пожал плечами. — Ворюга с тобой на территорию прошёл... и это серьёзный удар как по тебе, так и по нашей репутации. Вот и сделаем баш на баш — тебя по возможности оправдаем перед обществом, а нам — неплохой козырь в игре с военными.

— Но это... на сделку похоже. — Хип сморщила носик.

— Что угодно, но только чтоб этого гадёныша я больше не видел.

Мне было всё равно. Какая там, к чёрту, реабилитация... весь Росток в курсе, что Лунь с ворами ходит.

— Значит, лады. Ну а вместо премии... — Седой взял рацию, переговорил с кем-то. — Скидку тебе оформлю у торговцев.

— Спасибо. Бывай здоров, Седой.

— И тебе не хворать.

Надолго задерживаться на базе мне по понятным причинам не хотелось. Разрешил Седой переночевать, но всё равно уйдём до вечера. Невыносимо мне было здесь... Забрав деньги у Банзая, я постоял в раздумье. Нет, к чёрту. Отоварюсь у «ботаников».

— Эй, Лунь, погоди... — У самого выхода меня нагнал Леший. — Ну, ты куда собрался-то? Иди к нам, посидим, поболтаем.

— Да уж посидел вчера, — отмахнулся я.

— Ты из-за этого урода зарубаешься? Да ну, брось! — Леший хлопнул меня по плечу. — Бер всё чётко рассказал, что к чему было, мужики в курсе событий. Ну, с кем не бывает, Лунь?

— И правда, Лунь, айда? А то ведь не отпустит тебя кручина. — Хип заглянула в глаза. — Будешь ты из-за всяких козлов себе жизнь портить. Надо тебе с мужиками посидеть, обязательно надо.

Ну, стажёр... уже учить меня начала. Хотел я высказать пару слов, но ведь права Хип, факт, права. Хорошо она меня изучила, вопросов нет.

— Ну, раз так, зайду. Сейчас только до торговцев смотаюсь.

— В «Ангарыче» будем. Не задерживайся. — Леший махнул рукой.

В «торговой точке № 1», находившейся рядом с «Ангарычем», делами заправлял Потап. Крупный па-

рень — при росте в два метра вес он имел никак не меньше ста двадцати килограммов. И как-то не вязались с такими габаритами скромный, даже робкий взгляд и стеснительная улыбка. Единственная причина, по которой богатыря не брали в рейды, заключалась в том, что он был слишком медлителен, хотя и поговаривали, что пальцами пятаки гнёт и без особого труда на спор подкову сломал. Вот и пристроили его «долги» по торговой части, а заодно и ответственным по снабжению. О том, как и когда он попал в Зону, мне было неизвестно.

— Здрасте, уважаемые.

— Привет, Потап. Как у тебя насчёт припасов?

— Эт всегда пожалуйста.

— Давай пару буржуйских наборов, тушёнки шесть... нет, восемь банок и четыре пачки галет. Концентратов тоже надо, штук пять.

— Это, Лунь... — Потап не торопясь начал собирать заказ. — Новые дистилляторы появились. Юсовские, но народ хвалит, говорят, намного лучше институтских. Ежели с деньгами порядок, возьми, не пожалеешь.

Дистиллятор... хм. Жизненно необходимая вещь в Зоне. Это без еды можно долго, а без воды и три дня не протянешь. Вечная тут слякоть, и летом и зимой, без разницы, разве что летом теплее. И лужи есть, и ручьи попадаются, речки тоже. Однако если пусто во фляге, то, считай, всё равно что в пустыне оказался. Нельзя местную воду пить, даже если от жажды в глазах темнеет. Если сразу не помрёшь, то заболеешь — факт. Мало того что, считай, вся таблица Менделеева, так ещё и микробов куча. Не просто фильтр для такой воды нужен, а дистиллятор, называемый на сталкерском жаргоне «самогонщиком». Габаритная штука, но в дальние ходки без него нельзя, хоть и весит при-

лично и места в рюкзаке занимает о-го-го. Как вариант можно было брать несколько пластиковых бутылок, но это только если на пару дней идёшь. А если на неделю, а то и на две в Зону? Нужно ли говорить, что я заинтересовался...

— Во, глянь... но учти, недешёвая это штуковина. Шестьсот, ежели в долларах. Кабы Седой весточку не скинул, то и все семьсот.

Серебристый цилиндрик и две мягкие пластиковые фляги с надписями «distilled» и «contaminated». И всё это дело при желании можно в боковой карман рюкзака засунуть. Ну, если и правда настолько хорош импортный дистиллятор...

— Как, надёжный? Чего-то уж больно маленький...

— Нанотехнологии, — кивнул Потап. — Отменная вещь. Сейчас половина «Долга» с ними ходит, и никто не жаловался. Особые фильтры, шестнадцать степеней защиты. В комплекте двадцать штук, и служат вдесятеро дольше обычных. Ни нуклидов, ни какой другой отравы. Отцедил, солевую таблеточку бросил — считай, родниковая. Берёшь?

— Давай два.

— О... — удивился торговец. — Последние забираешь. Вот здесь ремкомплект к ним, воронка, прочие приблуды... в общем, разберешься. Инструкции, правда, на английском, но по картинкам всё понятно. Концентраты импортные возьмёшь?

— Давай лучше наши. Те на вкус как мочалка, и через полчаса опять есть охота.

Ещё три банки сгущёнки. Десять плиток шоколада. Витаминизированные сухари. Чай — сколько в Зоне ни хожу, а без него не могу. Заваришь прямо в термосе, нальёшь в кружку и — ах, красотища! Горячий, сладкий, и через пару глотков как будто даже сама Зона приветливей смотрит. БАДУН — тоже штука

нужная. Пару пластиковых цилиндров с большими серыми таблетками и в карман можно положить, не утянут, а пользы от них немало. Плохо питается сталкер, всё консервы да концентраты, организм со временем бастовать начинает, и чем дальше, тем больше. Вот только эта «биологически активная добавка универсального назначения» и спасает. Ну и напоследок нацедил Потап целую армейскую фляжку чистого спирта. Итого на тысячу триста восемьдесят импортных монет легче Лунь стал. С другой стороны, старые дистилляторы долой, место в рюкзаке освободилось. И для Зоны это великое дело: каждый грамм на счету, каждая мелочь, и то надо, и без этого никак нельзя. А рюкзак — он не резиновый, да и сталкер далеко не Геракл.

— Энергетиков возьми, — предложил Потап.

— Да ну его. Баловство. Толку от них... парутройку часов на взводе, а потом последних сил лишаешься. Химия.

— Ну, хозяин барин. Да, ещё... не желаете ли полакомиться? — Потап поставил на стол баночку морской капусты. — Военные в позапрошлую поставку за просто так девять ящиков подарили. Выкидывать, говорят, жалко, а вам, может, и пригодится. Взял, на халяву и хлорка творожок. Седой как узнал, что в этой капусте йода много, обязал всех бойцов по паре банок в неделю потреблять. А оно, знаешь ли, не каждому по вкусу, на любителя.

— Долговцы тебя добрым словом не вспоминают? — поинтересовался я, разглядывая зелёную банку.

— Ага, есть такое. Но всё равно лопают: начальство приказало, никуда не денешься.

— Давай парочку. Попробую, что за штука.

— И мне, — кивнула Хип.

— Далеко собрались, если не секрет?

— Хотим немного в Тёмной Долине пошуровать, — сказал я. Сказал и только потом подумал. А, ладно, свой человек Потап и вряд ли кому информацию сольёт, кроме, разве что, своих долговцев. И в самом деле нужно нам в Долину, знаю я там несколько обходных путей в Красный Лес. Через Армейские сейчас лучше не ходить, хотя в целом маршрут куда более безопасный. Но теперь там часто возникают стычки между «Свободой» и «Долгом», «Монолит» тоже наведывается, и поэтому лучше уж через аномалии идти. Люди опаснее...

— А... вы это, поосторожнее там. На совхозных фермах контролёр недавно завёлся, и, по ходу, матёрый. Топтыгу захомутал, про собак и зомби вообще молчу. Людей вроде не трогает, но это, наверное, пока.

— Можно с этого места подробнее? — Хм, топтыгу, значит... то бишь псевдогиганта.

— Мало что знаю. Издалека его видели. Наши пытались его выцепить, два отряда ходили, говорят, хитёр, зараза, ближе чем на километр не подпускает, сваливает, причём грамотно. Но это ненадолго. Завтра кранты ему. Бер команду зверобоев собирает, утречком и обложат урода. Не уйдёт. А ты чего это задумался, Лунь? Контры опасаешься? Не парься, завтра вычистят.

— Я не парюсь. Просто насчёт этих дистилляторов...

— Сомневаешься? Да не, сталкер, за качество отвечаю. Потап каку не продаст, ты же меня знаешь. Только инструкцию полистай, лишним не будет. И обмыть тоже не забудь.

— Тогда бывай. Благодарствую.

— Заглядывай. — И торговец занялся каким-то списком.

— Пенка? — тихо спросила Хип сразу, как только мы вышли от торговца.

— Не исключено. Вот что, стажёр. В «Ангарыч» зайдём с визитом вежливости и срываемся.

— Понятно.

Шансов у Пенки против долговских «зверобоев» нет. Не спрятаться ей от них, не уйти. И времени у меня до утра, если верить Потапу. А что, если это вовсе не Пенка, а настоящий контролёр? Не нарваться бы на эту опаснейшую тварь Зоны... ничего, Лунь, не впервой тебе с ним знакомиться. За стажёра вот крепко опасаюсь.

— Хип. Когда к фермам выйду, ты останешься там, где я скажу.

— Но, Лунь...

— Не перебивай. Это приказ, и обсуждений быть не может. А теперь повтори, что нужно делать.

— Следить за тобой из укрытия. — Хип опустила плечи. — Походка, положение головы, жесты. Если вдруг это случится...

И молчит Хип.

— Не слышу.

— Стрелять на поражение, — совсем тихо проговорила стажёр, опустив глаза. — Может, не надо идти туда, Лунь?

— Нам нужен проводник, Хип. И... совсем не хочется мне, чтоб она погибла. Я ей, знаешь, многим обязан.

— Здорово, Лунь. — Ко мне подошёл Бер, уже экипированный для похода. — Молодца. Рассказали уже, как ты ворюгу выцепил. Уважаю. Одного не пойму, почему он в твоей команде оказался. Седой говорил, что ты его специально к нам привёл, чтоб, значит, за Периметр отправить.

— Правильно рассказал.

Бер посмотрел на меня с великим удивлением. Хмыкнул.

— Ладно. Я чего пришёл-то... есть возможность чуток заработать. Ты вроде товарищ опытный.

— И в чём дело?

— Да вот... завелся мозголом на фермах. Убрать его треба. Кабы не топтыга, и вчетвером бы управились, а так ещё один ствол лишним не будет. Потом хошь деньгами, хошь снарягой, внакладе не останешься.

— Когда выход?

— Хотели завтра, но команду уже, считай, собрали. Всё равно Клюв к завтрашнему не оклемается, а остальные охотники все в рейдах. В общем, сегодня идти надо.

— Нет... не смогу. Другие планы.

— Жаль. Ну, как знаешь. — Бер пожал плечами и направился в «Ангарыч».

Я тоже заглянул в бар. Мол, без обид, мужики, в другой раз посидим, а нам идти надо. И сразу — на выход. Надеюсь, Бер ещё долго пятого искать будет...

Тёмная Долина... не зря ты получила своё название. Только вроде со Свалки вышли, буквально с полчаса назад — светло было. А тут... или виной облачность тяжёлая, низкая, которая над Долиной почти не расходится, или ещё какая причина, но точно темнее здесь, как будто сумерки наступают. И мокрель вечная... сыплет с неба мелкой такой водяной пылью, воздух холодный, сырой, и вообще уныло здесь. Под ногами чавкает губка бурого мха, торчат из земли мелкие ёлочки, на желтоватой хвое посверкивают крупные капли воды. А между ёлками — туман плывёт седыми клочьями, стелется над кустиками резучей осоки. Прелью воняет от мелких луж с мутной, рыжей водой. Шипит впереди, теплом веет, в

траве чёрный круг, и воздух над ним дрожит, вытягивает вверх тающие на глазах пряди тумана — понятно, «жарка» разлеглась. Не страшно, обойдём. Вот ещё странность — петлями ёлки растут, к земле загибаются вершинками. Не знаю, но на аномалию вроде не похоже. Гаечку бросить? Нет, Хип уже швырнула одну, запутался марлевый хвост в колючих ветках, и раскачивается гайка, как маятник. Вроде ничего... но лучше обогнуть. Кто его знает, почему это ёлочки вниз расти вздумали... ДСУ начал изредка, неохотно потрескивать, но фон слабый, пройдём. Должно быть, вчерашний Выброс «грязи» накидал, в прошлый раз здесь чисто было.

— Справа, Лунь, — негромко предупредила Хип, но я и сам слышал треск ветки. Шумно посыпались капли с больной, искривлённой болотом ёлочки. И снова тихо.

— Что там?

— Не успела рассмотреть. Что-то маленькое, тёмное на дереве.

— Точно маленькое?

— Да.

Маленькое — это наверняка не опасно. Ворона или крысюк. Хотя кто его знает...

— Идём.

Низина кончалась, и редкий ельник остался позади. Перед нами поднимались лысые холмы с россыпями крупных валунов на склонах. За ними, в километре, — фермы совхоза «Знамя». Жаль, что затянуло всё густым туманом — в бинокль не рассмотришь, что же там такое завелось... инструктаж, однако, пора давать.

— Отстаёшь метров на сто. Двигаешься по следам. Когда дам отмашку, прячешься и наблюдаешь в бинокль. Ждёшь сигнал на ПМК.

— Лунь... не ходи.

— Я буду очень осторожен. Не волнуйся. — Я ободряюще улыбнулся. — Ой, что это у тебя на комбезе?

— Где?

Слегка прихватив стажёра за нос — в который раз уже Хип попадается на этот трюк, — ишь, брови нахмурила, но всё же улыбнулась.

— Всё будет в порядке, стажёр.

Под ботинками влажно захрустел гравий. На вершины холмов лучше не подниматься, и по низинам ходить не надо... по склонам — лучше всего. Бросил пару гаек — вроде нормально пролетели. Пойдём подбирать...

Дождь прекратился, лёгкий ветерок, гуляющий между холмов, начал разгонять туман. Закручивает белёсую дымку в тугой, плотный вихрь — тут и гайку бросать не надо, и так понятно, что «воронка». Обойдём. Хорошо видны следы на хрящеватой, глинистой земле — разглядит Хип, в аномалию не залезет. Тонкий, безлистный тальник редкими кустами, внизу, у подножия холма, вода журчит... других звуков не слышно. Второй холм... ничего подозрительного, можно и на вершину подняться. Подождём, пока ветерок усилится, разгонит туман — отсюда фермы уже должны быть видны. Точно, вон она, крыша зерносушилки, остатки элеватора, подстанция, чёрные окна сторожки. И скотник, совсем развалившийся от вечной мокроты, просели фермы, обрушились крыши, но стены ещё держатся, хотя и покрылись широкими трещинами. И никого на горизонте. Я тщательно рассмотрел каждый уголок, куст, долго изучал тёмные окна — не шевельнутся ли там тени, не промелькнёт ли силуэт... нет, ни движения. Может, почуял меня контролёр и смотался уже, если это, конечно, он. Ну а если Пенка? Ближе надо... и тихо...

«Т-ссссзззззз...»

Тихий писк, словно внутри головы. Лечь, расслабиться, выбросить мысли. Проверка это была. Сидит контролёр на ферме, факт. Всё-таки почуял... но мы тоже не лыком шиты. Терпение, Лунь... и ещё сонливость и безразличие. Ни о чём не думать. Довольно сложная штука, кстати, тренировки требует.

Писк стих. Ползём дальше. До фермы уже не больше двадцати шагов. «Пенка?..»

«Тс-зззЗЗЗЗзззззз...»

На крышу фермы, ловко перебирая костлявыми лапками, взобрался тушкан. Встал столбиком, крутит башкой. Зрение у них отменное... да только высмотреть меня в такой траве вряд ли получится. А Хип далеко, не увидит он её.

Короткий визгливый писк, и тушкан, уже не торопясь, лезет вниз. С докладом, значит. Так... ветер на меня. Если в свите есть слепые псы, то не учуют.

«У-угхх-хрр», — тягостный не то стон, не то ворчание. Не похоже на голос Пенки. Совсем не похоже. Замри, Лунь. Жди. А вот теперь можешь чертыхаться.

Из-за обрушенного коровника вразвалочку вышел контролёр. Плоская, словно изъеденная проказой морда медленно повернулась в мою сторону, но мутант меня ещё не видел, хотя в ушах снова начался шум, а сознание начало плыть. Ох и страшен, мерзавец. Весь в каких-то обмотках, сутулый, грязный, на бугристой башке шелуха отслаивающейся кожи. Остановился, крутит головой. Зачуял, тварь...

«А-рррмммм...»

Водопад. Шумит, заглушая навязчивый свист в ушах. Горный, точно... отрывком из прошлой жизни, ярким и сильным воспоминанием. Грохочет вода, разбиваясь о камни, и в воздухе висит прохладная водяная пыль. И, не отвлекаясь от падающей воды, ста-

раясь ни о чём, кроме неё, не думать, меняю картечь на магазин с пулевыми патронами. Пять «Колунов», тяжёлых тридцатиграммовых болванок с твёрдыми сердечниками и разворачивающимися вокруг них лепестками оболочки. Крепок контролёр на рану. И если первым выстрелом промажу, второго может не быть. Сварит он мне мозги, несмотря на все мои водопады, реки, ручейки или даже просто стаканы с водой...

Быстро и навскидку. Б-бах!

Попал, вижу, что попал, — как будто пыль палкой вышибли из контролёрских тряпок. Сложился пополам, на землю брякнулся, но тут же встал, побрёл обратно на ферму, держась за простреленный живот, а ствол увело в сторону, в голове мутная одурь, слабость накатывает волной. Уже не визжит, а ревёт в ушах, и чувствую на губах солёный привкус. С трудом поднимаю непомерно тяжёлую «Сайгу». Почти наугад стреляю.

Вторая пуля вышибла брызги уже из спины контролёра. Опять свалился, но уже не встаёт, лишь с трудом поднимается на четвереньки и уползает под защиту стен. И тут...

Я не сразу понял, отчего взорвался кусок кирпичной стены, но потом расслышал топот, от которого дрожала земля, а в облаке пыли разглядел гигантскую каплеобразную тушу. Топтыга. Ах ты ж блин горелый... подключил контра тяжёлую артиллерию. Но сверлящий звук в черепе уже стихал, мир не крутился каруселью, и я смог сносно прицелиться между крошечных, заплывших глазок чудовища. А ведь не пробьёт... но хотя бы оглушит.

Псевдогигант, схлопотав в крепчайший череп пулю двенадцатого калибра, оглушительно хрюкнул и, на несколько секунд потеряв ориентацию, закрутился на месте. Ещё раз, в тушу. Толку-то... и последний

заряд я всадил в массивное, выгнутое назад колено. И, похоже, наделала там пуля не слабых делов — нога с хрустом подломилась, и полтонны мяса шумно рухнули на землю. Сменить магазин я уже не мог — лежал на подсумках, а встать был не в состоянии. Но до пистолетной кобуры дотянусь. Громкие, сухие щелчки выстрелов — хорошо, что магазин «Глока» на двадцать зарядов. Но, правда, видимого эффекта пистолетные пули не возымели — псевдогигант оглушительно ревел и взбивал пыль здоровой ногой, тщетно пытаясь подняться, и от ударов тяжеленной конечности гудела и вздрагивала подо мной земля. Пять гулких, раскатистых выстрелов — Хип. И ещё после каждого выстрела я услышал резкие, отчётливые шлепки пуль по туше — тоже пять. И, похоже, хватило топтыге — хоть и бился он о землю, но это были уже конвульсии. С сотни метров стреляла стажёр. Если, конечно, ближе не подошла вопреки всем моим приказам. Я с трудом повернул голову. Ну, точно. Подошла. Надо бы ей всё-таки всыпать по первое число за такую самодеятельность. Но попробуй тут найди праведный гнев, когда с писком подлетела, перевернула на спину, и взгляд взволнованный, губы дрожат.

— Лунь... Лунь! Что с тобой?!

— Порядок. — Язык, однако, заплетается, словно лишку перебрал. — Слушай, стажёр... я тебе что сказал?

— Идти в сотне метров, — Хип на голубом глазу начала пересказывать инструктаж, — потом по сигналу залечь и наблюдать. Ни при каких обстоятельствах не приближаться до тех пор, пока на ПМК не поступит сообщение. Ты как, Лунь? Он тебя не ранил?

— Скажи-ка, Хип, кто из нас двоих в Зоне больше времени провёл?

— Ты, конечно.

— И кого в таком случае необходимо слушаться? Особенно если это не просьбы, а чёткие приказы?

— Тебя.

— Ну и какого, извините, хрена? Забыли, где находимся?!

Злость всё-таки появилась, когда я на секунду представил Хип с мутным, расфокусированным взглядом и отвисшей челюстью.

— Я же... на выручку...

— Спасибо, я понял. А вот если бы контролёр тебя цепанул, что делать мне прикажешь? Как тебя выручать? Строгий выговор с занесением. Ещё один подобный фортель, и я вынужден буду вернуться и оставить тебя в Чернобыле-7.

— Но ведь...

— Я понятно выразился?

— Да... — кивнула Хип и отвернулась. Обиделась...

— Пойми, стажёр, я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь приключилось. Зона ошибок не прощает.

Ну вот. Сделал, называется, выговор. Хнычет стажёр... И хоть прав я, но чувствую себя натуральной сволочью. А ну как захватил бы меня контролёр? На верную пулю тогда бы Хип налетела. Да, кстати, не факт, что сдохла тварь, ещё оклемается, и тогда пиши пропало. Уходить надо.

Встать на ноги не получилось. Видать, всё же зацепил меня контролёр. Значит, скоро будет «серия» — несколько кратковременных потерь сознания, да ещё и вывернет пару раз. Хорошо, сегодня не завтракал. Хип подставила плечо и, шмыгая носом, помогла отойти на пару сотен метров от фермы.

— В аптечке кофеин. — Руки совершенно не слушались, и с завязками рюкзака я так и не справился. — Вытащи пару таблеток. И не дуйся, Хип.

— Вот ещё... я и не дуюсь. Ещё не хватало...

— А чего глаза на мокром месте?

— Неправда. И вообще. Ушёл, стреляет, твари на него лезут, а я что? Лежи, значит, не высовывайся и сигнала ожидай?! Не, нормально вообще! А если бы сожрали тебя там?!

— Не сожрали ведь.

— Ага! Я заранее знала, что не сожрут. Всё отлично, блин! Зашибись! Если в какую-нибудь аномалию лезет, то, значит, сиди, Хип, я сам. К мутантам ползёт — та же песня!

— Я не могу тебя потерять, стажёр. Один раз уже терял и больше не хочу.

— А мне каково? Сидеть и думать, что с ним, как он там, живой или уже...

И Хип разрыдалась, уткнувшись мне в плечо.

— Ну... стажёр. Я всё-таки по Зоне сколько лазил. Некоторый опыт имеется...

— Всё равно страшно за тебя, Лунь.

Мне ничего не оставалось, как просто прижать её к себе. И вот попробуй объясни ей, что такое ментальная атака контролёра, что она с человеком делает. На словах, конечно, можно рассказать насчёт мыслей, как прятаться нужно и куда стрелять. Грамотный сталкер Хип, учится прилежно, на лету всё схватывает. И головой ты, Лунь, понимаешь, что смогла бы она в одиночные рейды ходить, опыта у стажёра уже немало, осторожная, внимательная, интуиция работает. Но даже от мысли, чтоб отпустить её одну в Зону, мороз продирает по коже.

— Когда я знаю, что ты меня ждёшь и прикрываешь, то мне намного проще в самых опасных ситуациях, Хип. Я даже там чувствовал твоё плечо. Сколько мы уже с тобой так ходили, и пока всё, тьфу три раза, нормально получалось. А если я тебя оставляю

позади, то это не значит, что не доверяю. Просто берегу.

Так, начинается. Темнеет в глазах, и мир начинает раскачиваться.

— Хип... не пугайся. Я сейчас начну вырубаться... это пройдёт. Где-то через час, может, два. Посматривай на фермы — контру я крепко повредил, и если уже не сдох, то очень не скоро очухается. Но... будь... начеку...

Темнота. И сколько она продолжалась, сказать трудно. Сознание, помятое контролёром, наверное, таким способом пыталось привести себя в порядок. Очнулся я от укола в плечо.

— Ништяк, девка. Сейчас мы ему этот самый отрубон закончим, — расслышал я сквозь шум в ушах и сонливость. — Ну, чё там?

— Топтыге трындец.

— А контролёр?

— Тоже в состоянии готовальни. В коровнике валяется, кровищи с него натекло как со свиньи.

— Свита остальная утекла, выходит...

— Не похоже... пара мертвяков всего была, и хозяин, по ходу, ими вовсю питался. Следы только от них, собак не было. Один зомби уже полностью сожранный, только башка осталась да кости, второго он только начал трескать. Там же, на ферме, в уголке лежат. Клещ от ентого натюрморта уже харч метает.

— Ништяк, привыкнет зелёный. Слышь... Хип, да? Он чё, и топтыгу, и мозголома вот прямо так взял и завалил? Охренеть три раза... и какого ляда мы сюда пёрлись, спрашивается?

— Слышь, Бер, ты же вроде хотел Луня в рейд взять?..

— Ну, хотел. Нет, говорит, дела у него. Во артист, блин... три раза охренеть... и чем он их задолбил?

— Фиг знает. На жакан не похоже, но дыры такие, что я манал. Нам бы этих патронов. Где хоть он их покупает?

— Сам делает. — В голосе Хип прозвучала нотка гордости. — Гильзы, порох и прочее заказывает у торговцев и снаряжает. Часами возится.

— Надо бы взять рецептик, когда очухается.

— У... Седого есть. Я ему на флешку скидывал, — с трудом промямлил я, открывая глаза. По ходу, нейростимулятор мне долговцы вкололи. Отпускает дурнота. Фух... в своём уме очнулся, и то ладно. Не всем так везёт.

— Я теперь понял, Лунь, почему у тебя вся башка белая. — Бер склонился надо мной. — Надо же такое учудить. Смерти ищешь, сталкер?

— А что такое?

— Он ещё спрашивает. Ну, объясни, чего ты с нами не пошёл, а дуром сюда сунулся? И ни гу-гу.

Ага. Объясни... ну что, Лунь, придётся врать. На Ереси уже потренировался, не впервой.

— Счёты у меня с этими тварями. Личное.

— Угу. Ну, ядрена вошь... сколько с этими товарищами ни общаюсь, а всё удивляться не перестаю. Просто крышу сносит от ваших заморочек. Сталкеры...

— А сам-то кто?

— Боец «Долга». Согласно директиве Седого мы теперь так называемся. Сталкер в Зону ходит, живёт в ней и от её щедрот кормится. А мы с этой дрянью воюем, извести её хотим. Ну, чё, оклемался? Идти сам сможешь или, может, помочь? И это, благодарность тебе, в общем. А ежели счёты к уродам имеешь, то, может, к нам, а? Возможностей поквитаться будет море, это я тебе гарантирую.

Где-то я уже слышал нечто подобное.

— Подумать надо, — нейтрально ответил я.

— Не пойдёт он к вам, — немного резко добавила Хип.

— Это дело хозяйское, — не стал спорить Бер. — Так... когда Клещ немного отойдёт, пусть у контролёра башку отпилит и сам «ботаникам» отнесёт.

— Но, Бер... парню и так хреново.

— А если хреново, то рапорт на него оформлю. И проверьте здесь всё.

— Есть.

Долговцы ушли прочёсывать ферму, и вскоре щёлкнул одиночный выстрел, вслед за которым затих смертный визг тушкана. Наверное, того самого, что на крышу взбирался...

Нет её здесь. Похоже, последняя надежда на проводника не оправдалась. Забыл, сталкер, что в Зоне на что-то надеяться — роскошь непозволительная? Мысль о том, чтобы забросить этот самоубийственный поход к Саркофагу, становилась всё более настойчивой. А может, действительно, ну его на фиг? Не пройдём мы через Припять. Не факт, что с Пенкой прошли бы, а вдвоём даже и пытаться не стоит. Верная смерть.

— Всё, стажёр. К чёрту. Давай в обратный путь собираться.

Хип кивнула, даже без особого удивления — видно, и сама уже подумывала о такой возможности. Даже вопросов не задаёт, отчего это Лунь так резко передумал. А с меня хватит и снов этих, и контролёров на фермах, и рыже-конопатых морд с редкой щетиной, и косых взглядов. Я, чёрт возьми, сталкер, а не армия спасения. Чихать я хотел на всю эту байду с Пенками, проводниками и Саркофагами. И из двенадцати ампул с «Жизнью», что Доктор передал, шесть Седому продам. Итого десять косарей в импортных монетах как минимум, на жизнь хватит. И начнём

жить как жили, а в следующую ходку не раньше, чем через полгода. Извиняй, Доктор, не того ты человека выбрал...

— Слышь, Бер! А на Росток мне как, позволительно?

— Об чём вопрос, Лунь? Всё ништяк, сам Седой за тебя подписался, так что забыли уже. Заходи, без проблем.

Ну, вот и замечательно. Гора с плеч. Давно уже нужно было назад завернуть. Не такой уж ты дурак, Лунь, способен ещё на здравые мысли и правильный выбор. Совесть зашевелилась. Ага, ну я тебя сейчас...

— Лунь, прикрой! — крикнула Хип и, пригнувшись, побежала ко мне. «Стой! Назад! Хип, назад!» — тонкое сипение вместо крика. И тёмная фигура в тоннеле, ведёт стволами за тонкой фигуркой девушки.

Выстрел.

Я вижу, как попадает пуля.

Мало? На тебе ещё...

Потому как перед глазами маячила конопатая физиономия и преданный взгляд, и чёрная бандана с выцветшими черепами. А вокруг морды клубилась тёмными сполохами жгучая ненависть, и сами собой до хруста сжимались кулаки.

И напоследок мне ясно представилось лицо Шкворня, который вернулся от Саркофага то ли человеком, то ли ещё кем. А если я вот так же вернусь? Или, не дай бог, Хип будет ползать потом на культях, кривя безобразные шрамы на месте когда-то красивого лица, а её русые волосы станут седой, редкой мочалкой? Ну что, ещё вякаешь? Цыть, падла!!!

И совесть послушно заткнулась.

— Я, короче, всё сделал. — Из коровника вышел позеленевший паренёк, наверное, тот самый Клещ. В руке он нёс чёрный полиэтиленовый мешок, из которого на землю падали тягучие красные капли.

— Во второй пакет заверни. — Бер бросил Клещу цилиндрик с надписью «мешки для мусора». — А то весь рюкзак изгваздаешь. Ну, всё, мужики, айда обратно. Рейд закончен.

— Эй, Бер! — Клещ, прищурясь, поглядел в сторону развалин хутора. — По ходу, не закончили мы.

— Что там?

— Кажись, излом... или контролёр. — Клещ приложил к глазам бинокль. — И... охренеть! Со свитой. Зомби, псы и... ах, ядрит твою! Топтыга... ещё один...

— Ну-ка дай сюда... — Долговец выхватил у Клеща бинокль. — Так, мужики. Фингал, Емеля — заходите слева. Огонь на хозяина. Клещ, отвлекаешь топтыгу, в башку не бей, без толку секи по лапам. Фома, ты со мной. Лунь, ты как, подсобишь?

— Отчего же не помочь? Только, мужики, я первый пойду. Покажу секрет один. Вы, если что, помогайте, но только по моему сигналу. Хип, за мной!

— Ну... давай. Рэмбо, блин...

Тва-ю мать! Как же не вовремя, блин горелый! Угораздило же тебя... и нас вместе с тобой. И где ты раньше была, Пенка...

Меньше, чем в полукилометре стоит. Мне и бинокль не нужен, чтобы понять — она это. Плащ тёмный, белая точка под капюшоном. И псевдогигант тот самый, странный.

— Что делать, Лунь? — шёпотом спросила Хип.

— Не знаю, родная. Пока не знаю.

«Уходи, Пенка! УХОДИ, УБЬЮТ!!!»

Мутант отвернулся и пошёл в сторону исковерканного Зоной соснового бора. Свита потянулась следом.

— Уйдёт, мужики! — гаркнул Бер. — За ними!

Успел я отойти от долговцев метров на пятьдесят. Впереди — старый хутор. Есть, где укрыться. Я их придержу, а Хип пусть к Пенке дует.

— Стажёр, догоняй её. Я следом.

— Лунь, НЕТ!

— Да, Хип. Я смогу их задержать, а потом найду вас.

— НЕТ!

— Девочка моя, только не подведи меня сейчас, прошу тебя. Клянусь, всё будет отлично. Беги! БЕГИ! БЫСТРО!

И Хип ушла по следам Пенки. Нет там аномалий, пройдёт... только бы прошла. Что ты, Лунь, творишь? Ни хрена у тебя башка не работает, рано себя хвалил. Только бы сейчас дураком не помереть... шансы на это были неплохие.

«К тебе идёт Хип. Меня жди», — мысленно прокричал я. Слышит меня Пенка, уверен, слышит. А теперь молиться всем богам...

— Мужики! Стойте! — срывая голос, крикнул я.

— Ты чего, Лунь? Уйдёт ведь тварь! Какого чёрта ты встал?! — в ответ прокричал Бер. В сорока метрах они уже. Чёрт...

— А вот сейчас обещанный секрет. Я повадки этих уродов знаю. Подождите чуть, сама появится.

— Охренел?!

— Я контролёра завалил и топтыгу! — с вызовом ответил я. — Щас Хип... — А что Хип? Думай, башка, думай... — На живца его поймает.

Бред собачий...

— Короче, вали отсюда на фиг, Рэмбо хренов! — рявкнул Бер.

— Стойте, говорю. — Шаг назад, к стене уцелевшего здания. Ещё шаг. Чёрт, а ведь сдохну. Сам себя загнал, придурок. Думал ведь уже, чтоб с походом завязать, решил даже, как всегда, окончательно и бесповоротно. — А теперь уходите.

— Чего?!

— Чего слышали. Мирно разойдёмся. — Рядом стена и окно с прогнившей рамой. До долгов тридцать метров.

— Ты в своём уме, придурок?

Последний шаг. Рывок, оттолкнуться ногами, и осколки стекла больно впиваются в ладонь, но я всё же перемахнул через подоконник. Между мной и «долгами» кирпичная стена, двойной кладки, из силикатного кирпича. Выглянул в окно. Остановились долговцы.

— Так надо, ребята. Поверьте, очень надо. Уходите!

— Лунь... ты чего несёшь?

— Последнее желание Доктора. Этого мутанта нельзя убивать. Отпустите нас, ребята!

— Ты покойник, сталкер. — Бер взял автомат наизготовку.

— Мирно разойдёмся. Зачем вам рисковать? Не стреляйте. Иначе... хоть пару, но с собой заберу. Уходите, мужики, не доводите до греха.

— Вали его, — коротко распорядился Бер.

Думал ли ты, Лунь, что придётся подыхать от долговской пули? Что будут стрелять по тебе люди, с которыми пять минут назад ты дружелюбно беседовал? Один против пятерых — всё... сволочь я всё-таки. Хип. Прости меня, девочка. А ведь мог спокойно развернуться и позволить им расстрелять Пенку. Мог. Так какого чёрта, Лунь?

Я быстро осмотрелся. Прямо передо мной лежал гнилой стул с отвалившейся спинкой. Пойдёт.

Стул полетел в то окно, в которое я только что запрыгнул. Тут же раздался грохот автоматных очередей. Белые фонтаны осколков, яростный визг пуль, и от остатков стула полетела щепа. Что-то больно хлестнуло по щеке, но уже через долю секунды я выставил ствол «Сайги» во второе окно, под которое успел отползти. Стрелять пришлось вслепую, высадил я весь магазин, но вязаная картечь всё-таки нашла цель. Кто-то сдавленно, жутко закричал. Наверное, это был Клещ... и стреляют по мне, пули влетают в окно, вспухают клубы пыли и отлетают брызги мелких осколков от стен, на гнилом подоконнике торчком поднимаются щепки, остатки рамы падают на пол. А сквозь грохот стрельбы звучит в ушах тонкий, почти на ультразвуке, писк. Пси-атака. Пенка начала «глушить» долговцев.

— Собаки, Бер, собаки сзади! ААА!

И снова грохот очередей, громкий взвизг смертельно раненного пса, зашёлся в жалобном вопле ещё один, но лютый рык и лязганье челюстей оставшихся были хорошо слышны даже сквозь шум стрельбы.

— За Че! — яростно и весело прозвучал молодой девичий голос. — Свободу не остановить!

И гулко, раскатисто грохнули пять выстрелов. Хип! Нет!!!

— С-сука! — рявкнул Бер. — Бей гнид!

И я, уже не прячась, встал напротив окна. Приложился. Рядом, совсем рядом Бер. Вот он, его чёрно-красный комбез. Залегли «долги», только он приподнялся, отводя руку с гранатой. Навскидку. Три раза. И граната вываливается из разбитой в лохмотья руки. Не стрелял я раньше вязаной картечью в людей. До этого дня не стрелял...

— М-мать! — с ужасом в голосе крикнул кто-то из залёгших в бурьяне долговцев.

Я едва успел нырнуть под защиту стены. Ахнуло так, что заложило уши. С потолка заброшенного дома посыпались струи трухи. Осторожно выглянул. Бурьян, корявые деревца и то место, где находился Бер, закрыло белёсым облаком пыли и дыма. А потом — рёв и утробный стон. И длинные очереди. Вижу, что в атаку пошёл бывший Саранча, уже заметно тронутый разложением, а за ним — второй зомби. А в ушах нарастал знакомый, но для меня уже не опасный писк.

— ХИП!

— Да, Лунь!

— Жива?

— А чё нам сделается? — И смех, страшный, громкий, со всхлипываниями, аж заходится Хип. А выстрелы стихли, только пахнет пороховым дымом, да отнимается почему-то левая рука. А по запястью кровь бежит, красная, тёплая, и рукав уже намок. И начинает припекать чуть выше локтя, уже жжёт... задели-таки. Ух, чёрт, как больно-то, блин... и трясёт меня. Колотит просто. Неужели всё? Неужели живой? Пол покачнулся, ушёл из-под ног, и я хлопнулся на гнилые половицы. Шок, понятное дело.

— Рука, только рука... — успел я сказать, но Хип, увидев кровь, всё равно взвыла и кинулась ко мне.

— Рука, Хип, — пытался я объяснить, но, похоже, безрезультатно. У стажёра была истерика. А за окном рык слепого пса, короткий задавленный стон и хруст терзаемой плоти. Что же мы натворили... пять человек. Пять человек положить за одного мутанта. Не мародёров, не подонков — долговцев. У которых гостил, ночевал... из аномалии они меня когда-то вытащили. Которым был жизнью обязан. Пенка, зараза, ну какого чёрта тебя принесло так не вовремя?..

Меня оглушило. Я сидел, глядя перед собой, но ничего не видел.

* * *

— Ничего, Лунь. Кость не задета. Заживёт. — Голос стажёра дрожал, но пальцы продолжали ловко накладывать витки бинта, пропотевающего красным пятном. Сквозь мякоть пуля прошла, навылет, повредив мышцы и сосуды. Нерв, наверное, тоже — рука онемела и казалась ватной, а место ранения жгло и дёргало.

— Уходить надо, Хип.

— Знаю... — Девушка едва заметно улыбнулась. Заговорил Лунь, перестал молчать.

— В научной аптечке есть игольчатые аппликаторы. Положи один под повязку, — попросил я.

Хип кивнула и извлекла из пенала пластиковый квадратик. Не любил я эти штуковины... под пластинкой аппликатора двадцать тончайших стальных щетинок, считай — двадцать заноз разом под кожу. Зудит потом так, что мама моя дорогая... однако при ранении вещь очень нужная: и антибиотики через них помаленьку поступают, и иммуностимуляторы, заживляющие средства, да ещё с десяток разных лекарств. Хорошо он помогает, аппликатор этот.

Я взглянул на ПМК. Сигнал принимался. Не отключили нас от сети, значит, «долги» ещё не в курсе недавних событий. Это, впрочем, ненадолго. Паратройка сообщений, оставшихся без ответа, и в Тёмную Долину сорвётся поисковый отряд. Долговцы своих не бросают. И если даже спрятать трупы, то следы вязаной картечи и щербины от автоматных пуль на стенах скрыть уже не получится. А кто связывает картечь «стальным волосом», Седой отлично знает.

Не думал, что пригодится мне эта возможность. Купил я в своё время у Снопа, местного «хакера», несколько кодов из десятизначных чисел, а умелец из

НИИ тайком от начальства получил хорошую прибавку к зарплате за то, что «вшил» в наши компьютеры особые платы. Как чувствовал я тогда, что пригодится «апгрейд»...

«Семёнов Андрей Владимирович, «Лунь», стаж семь лет, переведён 110-200 из акта №166 ТМ от 1.07.2013, в акт №167ТМ от 1.07.2013. Предположительная причина смерти (по данным ДА-ПМК) — воздействие турбогравитационной аномалии «карусель». Квадрат SR14, фермы совхоза «Знамя», Тёмная Долина».

«Архипова Алёна Андреевна, «Хип», стаж два года, переведена 110-200 из акта №168ТМ от 1.07.2013, в акт №169ТМ от 1.07.2013. Предположительная причина смерти (по данным ДА-ПМК) — воздействие турбогравитационной аномалии «карусель». Квадрат SR14, фермы совхоза «Знамя», Тёмная Долина».

«Шифровка сигнала... выполнено. Переброска координат ПМК... выполнено. Регистрация нового адреса... выполнено. Требуется перезагрузить компьютер».

Экраны наших ПМК погасли на несколько часов. Нас больше нет... даже Сноп при всех его талантах уже не определит, живы ли мы, или на самом деле вляпались в аномалию. Но это ещё не всё. Я поднялся, заранее чувствуя тошноту от того, что мне сейчас придётся сделать.

— Лунь... ты куда?

Я не ответил. Не в моих силах было озвучить план дальнейших действий. А теперь выключить всё человеческое, запереть на замок.

Два долговца погибли от собачьих клыков... или от осколков гранаты. Теперь уже не поймёшь. Их я решил оставить на месте, точно так же, как и расстрелянных ими собак. Снял только ПМК с наручных креплений, бросил Хип.

— Посмотри отправленные сообщения.

А трое... трое убиты нами. Бер был изуродован взрывом до неузнаваемости, чуть поодаль от него лежал Клещ. Третий, наверное, Емеля, попал под выстрелы Хип. Снять ПМК... крепкие всё-таки машинки. Вон как руку Бера раздавило, а компьютер — цел.

— Лунь... есть отправленные. Сообщение о втором контролёре со свитой. Приказ на ликвидацию. И полученные тоже есть.

— Не открывай.

— Что хочешь делать?

— Похоронить ребят надо... — прохрипел я, всматриваясь в смутное дрожание воздуха за крайним домом хутора. Сказать, что заметаю следы, язык не поворачивался. — Не смотри, Хип. И ничего не спрашивай... и без того тошно...

Хоть и болит рука, и почти не работает, однако это я должен буду сделать сам. Даже мысли о том, что Хип будет помогать мне в этом деле, я не допускал. Подошла Пенка, остановилась поодаль.

— Лунь... Хип... ждать вас. Слышу, зовёт Лунь. У домов. Тех. Пришла.

— Где ты раньше была? — сквозь зубы прошипел я.

— Много люди. Нельзя с вами идти. Ждала. У мёртвого леса. Ненависть. За что?

Я показал на трупы.

— Вот за что. Мы их убили. А из-за чего, попробуй догадаться своими мутировавшими мозгами, тварь.

Ну вот, налетел на Пенку. Глупо...

— Не надо. — Пенка посмотрела на меня, и от взгляда огромного чёрного глаза стало не по себе, хотя, казалось, куда уж дальше. — Ты выбрал мою жизнь. Знаю. Они желание за это убить. Знаю. Ты

друг, Лунь. Тебе плохо очень. Знаю своим мутировавшим мозгом твари.

Я молча ухватил труп Клеща за комбинезон и потащил волоком до аномалии. Рука отозвалась вспышкой резкой боли.

— Не сможешь. Я сама, — чётко произнесла Пенка. Странно, но, по-моему, в прошлый раз она так складно не говорила... вообще почти не говорила.

В ушах запищало. Клещ открыл глаза и зашевелился.

— Уу-мхххх, — провыл он, отхаркнув кровавую пену.

— Нннннн, — отозвались ему из кустов. И поднялись из травы шатающиеся фигуры, двинулись в нашу сторону неуверенной походкой.

Зомби в чёрно-красных комбинезонах подхватили останки Бера и побрели в сторону аномалии. Хип закрыла лицо ладонями, отвернулась, а я видел, как тянутся за бывшим Клещом слизистые верёвки из разбитого картечью живота, как налипает на них грязь и сухая трава, и бескостно колышется в руках мертвецов изуродованный взрывом труп Бера. А потом за крайним домом взлетело в небо багровое облако...

— Хип. Лунь плохо, — сказала Пенка.

— Да не, порядок, — не без усилия выговорил я. Ничего... и не такое выносили...

Но Хип всё равно вколола мне дозу «Седатина-5». Нужное всё-таки средство, не зря его кладут в аптечки тех, кто отправляется в Зону. Мне сейчас перегорать нельзя. Никак нельзя. До Монолита нужно дойти... хотя бы потому, что обратного пути для нас просто не было.

От воздействия препарата зашумело в голове, и всё, что произошло на заброшенном хуторе, стало казаться дурным сном. Не по-настоящему это всё,

вздремнул просто на стоянке, вот и привиделось... и вообще не стоит об этом думать. Проснусь — и всё кончится. И в самом деле, не могли же мы убить столько хороших людей? Нет, конечно... и тошнить перестало, легко так, хорошо на душе, приятно. Только немного вздремнуть хочется. И подобное тоже бывает: снится такой бред, что во сне спать хочешь... вот ерунда-то... ну, ладно. Пора... куда это мы собирались? Да, точно — через Тёмную Долину выйти на Сухостой. Гиблое место... но проходил я там раньше, должны и сейчас пройти. Хип, посмотрев на меня, вызвалась вести. Ну, веди, стажёр... я не возражал. Если что замечу, предупредить успею. Пенка со свитой идёт сзади, чувствую, как подрагивает земля под мерной поступью псевдогиганта, но два тушкана выскочили вперёд, проверяют, значит, дорогу. Ясно, что не по своей воле они «отмычками» стали, но в плане чутья разной пакости вроде скрытых аномалий им в Зоне, по-моему, равных нет. Прыгают впереди Хип этакие крошечные страшненькие кенгуру пятнистой расцветки, вертят по сторонам костлявыми рыльцами, скалят мелкие, но крепкие и бритвенно-острые зубки. Вроде пустячный зверёк, ногой пришибить можно, да и трусоватый к тому же, но если соберётся их десятка два, то пиши пропало. Вон Насморку один такой в лицо вцепился, до сих пор сталкер без носа ходит, спасибо Доктору, что хоть скальп ему на место вернул...

И говорили мне, что ходил ты, Лунь, по этим местам до Третьей Катастрофы. Не помню. И ещё рассказывали, что на месте нынешнего Сухостоя был раньше относительно нормальный лес. Его я не помню тоже. Но после семнадцатого ноября две тысячи седьмого года здесь погибло абсолютно всё, что росло, двигалось, дышало и занималось прочими процессами жизнедеятельности. И ещё полгода потом по

ночам видели над Сухостоем дрожащий синий свет, издалека видели, потому как хватало ума сталкерам обходить это место десятой дорогой, а те, кому не хватало, до сих пор лежат на подходах к бывшему лесу. Смерть это была в чистом виде, причём непонятная смерть — не радиация, не отрава какая-нибудь, просто стоило подойти к этому бледному мерцанию, и всё, готов, причём не важно, кто сунется, человек или мутант. «Ботаники» роботов туда отрядили, посмотреть да замерить что-нибудь, так и роботы тоже сдохли, причём не героически, а просто так, ни за нюх табака. Вон, кстати, валяется один, похожий на большого железного жука-долгоносика на гусеницах, длинный щуп торчит, словно пушка подбитого танка. Заржавел робот, гадостью какой-то зарос, потому, наверно, и не растащили его сталкеры на разные детальки, в которых, к сведению, вроде бы и золото есть, и серебро. Ничего учёные не поняли относительно этого самого сияния в мёртвом лесу. Посветилось где-то с полгода, а потом разом угасло... и теперь земля там чёрная, твёрдая, и ни хрена на ней не растёт, только мёртвые деревья торчат, белые все, словно в контраст с почвой, похожей на утрамбованный шлак. Не только листья, но и кора с них слезла, древесина побелела, как старая кость, щербинами покрылась, дуплами, и сквозь эти самые дупла видно, что сердцевина выгнила начисто, а ствол держится. И, кроме деревьев, белеют ещё почти нетронутые скелеты — и мутантов хватает, и людей. Вон как тушканы занервничали — не нравится им здесь, но вперёд скачут исправно, хотя и видно, что подрагивают тонкие уши, и попискивают слегка зверьки, беспокоятся... Даже псевдогигант шумно выдохнул и гулко заворчал, углядев останки своего собрата. Хоть мозг у твари размером поменьше кулака будет, а сообразил,

кому могут принадлежать несколько мощных, в два обхвата ладони, костей, короткие, словно обрубленные рёбра на толстенном позвоночнике и массивный бугристый череп.

— Хип, посматривай по сторонам, — предупредил я на всякий случай, но стажёр и сама прекрасно знает, что есть ещё в Сухостое блуждающие очаги голубоватого сияния, особенно по оврагам и низинкам. Да и аномалии встречаются, как без них... и топать через Сухостой долго, почти двадцать километров до окраины Красного Леса. Хип обернулась на секунду, кивнула, смотрю, мол. Ох и мощная же это штука — «Седатин-5». До сих пор не отпускает... хотя инстинкты сталкера остались, похоже, нетронутыми. Идёт Лунь, хорошо ему, а на дорогу внимательно смотрит, мозг, отбросивший под воздействием препарата все неприятные мысли и впечатления, всё равно сканирует поступающие сигналы на предмет опасности. И думки в голове странные... «Не люблю я и не уважаю эту организацию, Лунь», — вспомнились слова Доктора. Кто знает, может, и прав он. «Знал бы ты, Лунь, сколько они хороших людей убили», — это уже Хип говорила. И Бер чётко приказал: «Вали его», меня то есть. Хотя, видит Зона, хотел я мирно разбежаться...

Но оправдать себя никак не получалось. Что же ты за человек такой, Лунь? Оно понятно было бы, если б ни разу людей не убивал. Но ведь стрелял, десять душ на моей совести уже. Снайпер тот самый, что в Тёмной Долине за мной охотился. Пара мародёров на Янтаре засаду устроили, но повезло мне тогда, вовремя я их заметил. Ещё один на Агропроме, в темноте перестреливались, и кто он был, зачем в меня стрелял — до сих пор не знаю. Может, и живой он ушёл, не проверял, не до того было — ночь, твари поблизости лазили, и, улучив момент, скрылся я. Сиониста

недавно выручал, ещё плюс один на мой счёт. И эти пять долговцев. Матёрый убийца, серийный — десяток трупов за собой оставил. Везёт Сионисту — подошёл, грохнул тех молодчиков на Кордоне, причём в упор и безоружных. И хоть бы что: покушал на привале с аппетитом, и никакой тебе скорби на лице, шакалы они, мол, с ними по-другому нельзя. А у Луня все они, может, за исключением того неизвестного, до сих пор перед глазами ходят, ночами снятся. В Зоне ведь как? Ежели не ты, то, значит, тебя. И все нормальные, здравомыслящие сталкеры давно к этому привыкли, взять того же Сиониста. Я же не могу привыкнуть. Дурак, наверное...

«Новое программное обеспечение установлено и готово к работе, — поведал мне включившийся ПМК. — Компьютер переведён в режим ограниченной эксплуатации: отключена возможность отправки сообщений и сигналов в общую сеть; удалены идентификационные коды; сигнал зашифрован; номер ПМК изменен (скопирован)».

Я бегло просмотрел пакет сообщений. Лихо организует поминки... данные о смерти Бера в аномалии... «Долг» отправил отряд поисковиков, чтоб найти оставшихся, если живы... погиб какой-то новичок Мосол на Янтаре...

Не знает пока Седой, что полёг весь отряд. Только у Бера ПМК был подключён к детектору аномалий, и успел компьютер отправить последние данные перед тем, как был уничтожен вместе с хозяином в «карусели». Сообразят, конечно, долговцы, что погибшие с нами перестрелку вели. И скорее всего придут к выводу, что контролёр вначале нас с Хип зомбировал, а потом и остальных. А случаи, когда молодой контролёр врагов в аномалию загонял, уже бывали... сложно ему сразу много человек под кон-

тролем удерживать. Надолго ему сил не хватает, и потому оставляет себе в свиту двух или трёх, а остальных — в расход, пока не очухались. Вот когда замотереет, то десяток разом захомутать может, там даже мудрёные защитные шлемы «ботаников» не спасут. Я вздохнул. Шиты твои предположения белыми нитками, Лунь. Но не подумают же долговцы, что я в здравом уме и твёрдой памяти на их отряд напал? А если и подумают, то мы уже далеко будем.

— Дорога плохая. Плохой лес. Плохо идти, — отрывисто, с трудом произнесла Пенка. — Надо через старый дом.

— В курсе, — кивнул я. Старый дом? Лесничество, значит... в Сухостое на километры всего один домик имеется, а в нём погреб. И вряд ли там что нехорошее завелось — в мертвом лесу мутантов нет. Кушать им здесь нечего.

— Много смерти.

— А где её в Зоне мало? — спросил я, оглянувшись на Пенку. Она не отреагировала на вопрос, возможно, даже не поняла. Мутант надолго замолчал. И когда я уже почти забыл о заданном вопросе...

— Болото дом Доктора. Вокруг дома мало. Кордон. Там мало. Свалка. Почти мало. Там люди есть, они опасность, для вас нет, мне да... — Пенка начала загибать пальцы на гигантской правой руке. Я узнал эти движения... Доктор. Именно так он делал, приводя доказательства или споря с кем-нибудь. Что-то неуловимо человеческое было в этом жесте. Но потом наваждение пропало. Зона. Сама Зона смотрела на меня огромным чёрным глазом мутанта, так сильно выделяющимся на фоне век цвета свежей извести и пепельно-серых волос. Не человек. Не забывай об этом, Лунь.

— Ты вроде говорить лучше стала. — Я отвёл взгляд от глаз Пенки. Даже второй её глаз, раскосый,

синий, очень похожий на человеческий, всё равно был чужим. Явно мыслит Пенка, есть у неё разум, пусть чуждый, но есть. Только не видно в её взгляде даже малейшего проблеска мысли... не поймёшь, то ли безумие в нём, то ли бездна какая...

— Я стараюсь. Вспоминаю. Доктор не любил, когда я думаю как я. Думать как в Зоне плохо. Нужно думать как человек. Так Доктор требовал. Это сложно, но я научилась думать словами. Потом забыла. Потом встретила вас. Вспомнила.

— И как это? Думать как ты?

— По-другому... иначе. — Пенка надолго задумалась. — Нет слов таких, чтоб сказать. Таких слов даже Доктор не смог найти. Вы не поймёте. Он не понимал. Люди как вы не поймут.

— Да куда уж нам. — Ну вот. Опять. Как будто сами собой возникают злость и раздражение. Словно это она виновата, а не ты.

— Нет. Не так. Доктор умел слышать меня... когда я ему думала. Но он мысль всё равно переводил в слова. Даже здесь в слова. — Пенка коснулась лба. — Изломы к Доктору ходили. Они хорошо говорят словами. Лучше, чем я. Но мы все другие. Мы все думаем разумом.

— И откуда вы все такие появились? — поинтересовалась Хип, не отвлекаясь от дороги.

— Я не знаю, — просто ответила Пенка. — Мы всегда были в Зоне. Живём в Зоне, умираем в Зоне. Доктор говорил, что когда-то Зоны совсем не было. Значит, нас всех тогда тоже не было. Нельзя помнить того, чего раньше нет.

— Так не бывает, — заявил я.

— Бывает, Лунь. Ты хорошо это знаешь после того, как в небе был Большой Огонь. Нет памяти, нет прошлого.

Вот это в точку, ничего не скажешь. Ладно, спросим по-другому.

— Что ты помнишь с самого начала?

— Много света. Много боли. Мало разума. Ничего не понимала, ничего не знала. Потом сразу Большой Огонь. И вот я знаю, что это я. Всё. Обойти тяжёлое место надо. — Пенка указала на прогал между деревьями. Тяжёлое место? Хм... метко сказано. «Плешь» впереди, и, кстати, мощная — далеко до неё, а ветерок странный уже чувствуется, и сухие деревья рядом с аномалией все пообломало, уложило вокруг ровного круга на чёрной земле. И блестит как будто бы лужа в центре аномалии, издалека кажется, что ртуть разлили. Нет, не лужа там... просто воздух так утрамбовало, что мираж образовался. Обошли... и дальше двигались в молчании. Хип «сканировала» местность, тихонько похрюкивали тушканы, изредка мычали зомби да гулко топал псевдогигант, прикрывающий тылы. «Седатин-5» уже отпускал, и начала ощутимо побаливать рука. Жгучей боли уже не было, но в рану словно залили свинец, тяжело ворочающийся при каждом шаге, рука ныла, как гнилой зуб. Пять целых сорок пять сотых миллиметра... малый калибр. Навылет прошло, кость не задело, и ранки внешне вроде пустяковые — маленький овал на входе и ещё один, чуть побольше, со звёздчатыми краями, на выходе. Но болит, зараза, крепко, вокруг ранок синева нехорошая, вздулось над локтем, затвердело. Повезло тебе, Лунь, считай, легко отделался. Вот если бы в кость пуля попала, то беда. Кто-то из сталкеров рассказывал, Фреон, кажется, что вояки специально на малый калибр перешли не только потому, что бьёт точнее и таскать с собой патронов можно больше, но также и потому, что раненых среди врагов много будет. Больше, чем убитых, а раненный солдат для сво-

ей армии зачастую вроде обузы. Может, и ошибается Фреон. Уж слишком людоедское в этом что-то, страшное... может, поэтому для Зоны опытные сталкеры стараются пушку взять калибром покрупнее, хотя бы и не нарезную? Факт, раненых малокалиберной пулей бывает куда больше, чем убитых. А монстр из Зоны — он тебе не вражеский солдат, обузой своим не станет, просто схарчит неудачливого стрелка и уйдёт раны зализывать. Даже странно, что «долги», эти бойцы с Зоной, до сих пор в основном с семьдесят четвёртыми «калашами» ходят... впрочем, в людей им стрелять приходится ничуть не реже, чем в мутантов. В свободовцев, например. Иногда даже в одиночек, за примером далеко ходить не надо. Объяснял мне один «долг» о вреде фрименов, что, мол, никакого порядка с ними нет, дай им, уродам, волю, они Зону за Периметр выпустят, и вообще опасные они, наркоманы чёртовы. С жаром так объяснял, по столу даже кулаком врезал, желваки на скулах играли. И сам верил в то, что говорил, только для меня слова его были както неубедительны. А правда, за что «долги» в анархистов стреляют? Ведь люди они, не мутанты, не мародёры, к одиночкам нейтральны, к учёным тоже и «долгов» отстреливают исключительно в порядке самообороны. Нападать начали, только когда долговцы их вконец достали. И вспомни, кто хотел тебя убить несколько часов назад? И убили бы без всякого сожаления, обернись расклад в их пользу. Не только тебя, но и Хип. За то, что ты всего-навсего просил спокойно разойтись... и по-другому не мог, не отдал бы ты им Пенку. Прав ты, сталкер! Ну, согласись, что прав! Всего-то и надо, чтоб просто согласиться с этими доводами и жить дальше. Тьфу ты, чёрт... забудь, Лунь, проехали, дела назад не воротишь, не будет толку от твоего самоедства. Лучше вокруг внимательнее по-

сматривай, ты в Зоне находишься, тут думать о других вещах надо...

— Я первый. Хип, за мной. Пенка... гм... тоже поглядывай.

Мутант посмотрел на меня как будто даже с иронией, кого, мол, учишь, но скорее всего мне это просто почудилось. На её лице не было никаких эмоций... да, может, и были, только нам непонятные. Да, кстати, а можно ли называть это лицом? Один глаз громадный, другой раза в два меньше, бугры по бокам высокого белого лба, заострённый, крошечный подбородок, нос тоже очень маленький, рот миниатюрный, хотя зубы я видел, то ещё, скажу я вам, зрелище. Может, всё-таки морда, как и у всех мутантов? Вот у контролёра точно морда, хоть и много в ней человеческого. У бюреров тоже совершенно точно не лица, а что-то плоское, гноящееся, и не поймёшь, где у него глаза или нос, а где язвы... ух и страхолюдные тварюги, если видел такого и выжил при этом, то уже не забудешь. У изломов совсем уж похоже, считай один в один с человеком, только что скулы очень узкие и голову словно с боков сплюснули. Неопытный сталкер излома от человека отличить не может, чем тварь и пользуется... бывали случаи, что целый вечер у костра за жизнь перетирали мутант и новичок. До тех пор, пока... ну, в общем, ясно, что после бывает. Так вот, морды у них или всё-таки лица? В принципе и у людей морды бывают... вон, бывший владелец одной такой отвратительной хари сзади чапает, мычит изредка да размягчившимися лёгкими похрипывает. Саранча его звали... даже сейчас так называемая жизнь этого существа навряд ли отличается от прошлой. Только что подлости и злобы поубавилось, а всё остальное на месте.

Нет, лицо у Пенки. Да, чужое, нечеловеческое, жутковатое, но всё-таки лицо. Уродливым его назвать

язык не поворачивался. Просто чужое, но не отталкивающее. А ведь, по идее, должен ты, Лунь, испытывать и страх, и отвращение к мутанту. Закон у человечества такой — жёсткая ксенофобия ко всем чужим. Глубоко он в нас въелся, закон этот, с первобытных ещё времён. Только похоже, что такому товарищу, как я, и в самом деле законы не писаны...

Гайка нагрелась от долгого пребывания в руке, забыл я про неё, тщательно высматривая любые ненормальности в окружающем пейзаже. Если можно назвать его нормальным... деревья эти мёртвые, безобразно раскоряченные Зоной, пни уродливые, изломанные арки корней, выпирающих из бесплодной, выжженной почвы. Почти не гниют в постоянной сырости, потому как ни грибов тут нет, ни насекомых. Долго ещё будут стоять эти белые скелеты деревьев, этакие памятники погибшему лесу. Мёртвое место... пустое.

Я сверился с картой в ПМК. Правильно идём, по моему маршруту, вон приметную «плешь» миновали, аномалию-долгожителя — не один год прошёл, а она со своего места так и не сползла. Впереди здоровенный пень, расщеплённый на две части, в моей карте обозначен как «рога»... от него двигаться по краю оврага, аномалий там раньше не было, а сейчас, после нескольких Выбросов, вполне могли появиться. Проверим... Гайка, прошелестев полосками магнитофонной ленты, клюнула в плотную чёрную почву, к ней прыгнул тушкан, обнюхал, поскакал дальше. В принципе гайки можно и не кидать, вон какой авангард у меня, лучше всяких детекторов и болтов, но старая привычка даёт о себе знать, и потому швырял я гаечки, следил за их полётом, подбирал, опять швырял... спокойнее так. Привычнее, что ли. Подходим к старой просеке, за ней — развалины турбазы, деревянные домики уже давно сровняло с землёй, од-

на труха осталась, и только щит у входа сохранился, большой такой, добротно сделанный, но что на нём было написано, уже не поймёшь, краски дождями смыло. И над трухой, остатками летней кухни и поваленным забором едва заметно подрагивает воздух, отсвечивая изредка малахитовой зеленью. Значит, нам туда не надо, в обход... благо, просека дальше продолжается, как раз до линии. Нормальная такая просека, нравится она мне, не чувствую тут никакой гадости. Пройдём, как по бульвару... тьфу три раза через плечо. Но что-то не нравилось мне впереди, какое-то нехорошее ощущение. Впрочем, тушканы довольно уверенно поскакали в прогал между сухими стволами. Значит, чисто там, можно идти...

И тут запиликало. Хрипловато так, с переливами. Я обернулся на звук. Хип сняла с пояса старый детектор, купленный в «Шанхае». На нём даже не было экрана, только три крошечных светодиода — жёлтый, зелёный и красный. Этакий миниатюрный светофор, перемотанный изолентой. Детектор заливался вовсю, и «светофор» на нём чётко показывал — стой, путь закрыт.

— Не поняла... — Хип перевела взгляд с орущего «старичка» на свой сверхсовременный научный сканирующий детектор, способный даже в фоновом режиме засекать любую известную «ботаникам» аномалию. Ну, по крайней мере так заявлял изготовитель... — Как это?

— Наверное, глюк у прибора. — Я с сомнением покосился на древнюю машинку, но всё же предельно внимательно осмотрел окружающее пространство. — Пенка?

— Плохой лес.

Ну, это мы уже слышали... и вдруг я увидел. Впереди, прямо перед носом у тушканов, воздух был дру-

гим. Не то чтобы мутным, не дрожало там и не светилось. Другой воздух. Не такой. И земля под ним другая, чуть-чуть, едва заметно светлее она. Не знаю, что там. Может быть, прошли бы и не заметили, а может, и накрыло бы здесь всех нас. Это Зона, Лунь... и не нужно больше надеяться на чутьё тушканов или предупреждение Пенки. Смерть только и ждёт, чтоб отвлёкся сталкер, расслабился или понадеялся на кого-нибудь. Повезло нам сейчас. Крупно повезло. Значит, в скором времени можно ожидать большущей пакости. Закон маятника работал в Зоне безотказно.

— Обходим, друзья мои. Дай-ка глянуть. — И я забрал у Хип детектор. Да, действительно счастливый... на задней крышке между полосами изоленты были видны аккуратно выцарапанные буквы: «Шк...рень». Шкворня, значит, машинка. Наверняка с ней он к Монолиту ходил. И вернулся. А вот каким он вернулся, это уже другой вопрос. — Счастлива наша судьба, Хип.

— Впереди смерть. Да, — подтвердила Пенка.

— В следующий раз чуть пораньше предупреждай. Просьба такая.

— Хорошо. Я рано предупреждать буду, — кивнул мутант.

Так... вот и высоковольтная линия. Бывшая, конечно, как и почти всё в Зоне, что было когда-то сделано человеческими руками. Анкер покосившийся, рыжий и весь в мелких буграх ржавчины, но изоляторы ещё висят, а на них вместо оборванных проводов почти до земли тянутся чёрные лохмы. И жужжит еле слышно, потрескивает в них, искорки синие мерцают. Это просто ветра нет... иначе такая иллюминация начинается, что в глазах потом долго пятна фиолетовые плавают. Да и сейчас лучше не смотреть наверх, а то мало ли, полыхнёт, не отморгаешься потом...

— На высоковольтку не смотреть, зайцев в глаза наловить можно на раз. И к самой линии не подходить, шарахнет — мало не покажется.

— «Электры»? — Хип, прищурясь, всё же быстро взглянула на анкер.

— Они самые. Считай, на каждом столбе поселились. — Я размотал колечко из обрезков тонкой проволоки, распушил их веером. — До лесничества придётся вдоль высоковольтки идти, другой дороги нет. Я первый, вы по следам.

Угу, первый... когда год назад этой дорогой ходил, космы эти на столбах совсем маленькие были и не на всех изоляторах висели. А теперь вон как вымахали и искрят очень нехорошо. М-да, ситуёвина... хоть возвращайся и через Армейские дуй. Но туда теперь нельзя. И под опорами тоже никак не пройти. Думай, Лунь...

— Синий блеск вверху. Плохо. Опасный, — добавила Пенка.

— Есть варианты?

— Нет, — подумав, ответила она. — Слева тяжёлые места, не пройти. Справа совсем плохая дорога, мясо рвёт, наоборот мясо делает. Кожа внутри, мясо наружу.

— То есть наизнанку. «Выворотень», — догадалась Хип.

— Верно, — вздохнул я. Ох и поганая эта аномалия... гайки брошенные или волной летят, или сразу в мелкую пудру разваливаются, а человека просто выворачивает, словно свитер, который через голову снимают. Видел я такое... и потом много раз пытался забыть и страшный хруст костей, и влажный треск рвущихся тканей, и то, что от человека потом остаётся.

— Могу вести, — предложила Пенка. — Доктор сказал, я проводник. Или мёртвый вперед идёт.

— Но тушканы...

— Тушкан маленький. Низкий. Синий блеск не достанет. Зомби выше, наш рост. Синий блеск мёртвому не сильно страшный, только мало горит, потом гаснет, и мёртвый поднимется, дальше идёт, — объяснила Пенка. А что, логично, и не поспоришь.

— Действуй, абориген.

Пенка повернулась к зомби, хрипнула коротко, мгновенный, на долю секунды, свист в ушах...

И зомби безропотно пошёл вперёд... чтобы вскоре разрядить на себя первую «электру». Ослепительно яркая синяя лента протянулась от изолятора до сутулой фигуры, подожгла редкие, вылезающие волосы на голове, и трескучий удар высоковольтного разряда неприятно ударил по барабанным перепонкам. Сильно запахло озоном и палёным мясом. Зомби упал на колени, взвыл и начал бить себя по голове. От замызганной камуфляжки пошёл дым, остатки волос и редкие красные искры посыпались на землю. Зомби жалобно гнусавил и раскачивался. Пенка рыкнула, и мертвец тут же замолчал, поднялся и потопал дальше. Да, действительно — «мало горит, потом гаснет, а мёртвый дальше идёт»... но ещё пару таких попаданий, и даже зомби ласты склеит, несмотря на всю свою живучесть. А нам теперь можно пройти по его следам — «электра» разрядилась на некоторое время...

После четвёртого удара молнии у бывшего Саранчи отлетела рука — пар из вскипевших в месте попадания тканей просто взорвал сустав, но зомби снова встал и, уже заметно прихрамывая, продолжил прокладывать нам дорогу. На спине его весело отплясывал огонёк, и дымился он уже весь, начиная от ботинок и заканчивая обуглившейся макушкой, но исправно топал к последней опоре. И, как оказалось, к последней своей «электре».

На решётчатой лапе анкера зажёгся синий светоч, под ногами зомби взлетели струйки пыли, а потом шарахнуло так, что запищало в ушах, и отгоревший от креплений изолятор тяжело грохнулся на землю. И мертвецу хватило: он мешком рухнул на землю, медленно перевернулся на спину, подогнул к животу ноги и замер.

— Готов, — прокомментировала Пенка.

Я подошёл к умершему своей второй смертью Саранче. Узнать его уже было невозможно — круглое пухлое лицо спеклось в чёрную маску.

— Сволочью ты был, парень. — Я ещё хорошо помнил, что именно Саранча предлагал выколоть Хип глаза иглой от шприц-тюбика, поэтому других слов к нему у меня просто не было. — Но вот за то, что провёл, благодарствую. Хоть какая-то от тебя польза получилась. Бывай.

— Вышли, Лунь. — Хип немного улыбнулась и указала на три больших дома с двухскатными крышами. — Вон лесничество. Так понимаю, на ночёвку там остановимся?

— Проверим сначала. А так да, всё равно до темноты из Сухостоя не выйдем.

Дома, хоть и деревянные, сохранились неплохо. Даже шифер на крышах ещё держится, хотя и просвечивает небо в большие дыры кровли, а брёвна стен потемнели почти до черноты. Трактор стоит под навесом, сараи видны, покатые холмики угадываются на месте бывших грядок. Дома почти не гнилые, крепкие ещё, и если в погреб на случай Выброса залезть, то пол на голову не обвалится. На невысоком холме лесничество, а вокруг даже сухостоя нет — сухие деревья почти везде повалены, только высокие пни да валежник... обзор отсюда хороший. Тумана не было, и хотя день перевалил за половину, а невидимое за облаками

солнце уже клонилось к закату, я хорошо разглядел узкую полосу грязно-рыжего цвета — Красный Лес. А за ним, далеко-далеко, на самом краю окоёма, полосатую трубу и серые коробочки домов Припяти...

— Слушай, Хип... а когда перестрелка была, ты помнишь, кричала...

— Кричала? Я? — удивилась девушка. — Нет, не было такого...

— «За Че! Свободу не остановить!» — напомнил я.

Хип удивлённо подняла брови. Покачала головой.

— Не, правда не припоминаю... как в тумане всё. В самом деле, да?

Я кивнул.

— Значит, сработал рефлекс... — Хип грустно усмехнулась. — Просто «долганы» в тот момент наших били. Наших, понимаешь? Я тогда и не думала ни о чём... словно отрубило. Только одна мысль: сохатые стреляют по тебе. И всё. Я Хип, Лунь, и я из «Свободы», даже если нашивки давно с комбеза спорола. Это, наверное, навсегда...

И Хип расстегнула молнию нагрудного кармана, вытащила сложенный вчетверо платок. Развернула. Эмблема «Свободы» и нарукавная нашивка.

— Извини... знаю, ты говорил выкинуть. Но я оставила. Это мой последний маленький секрет был от тебя. Не сердишься?

— Нет, стажёр. Нисколько. Если хочешь, на привале опять их можешь на комбинезон приделать. Возражений не будет. Анархистка ты моя.

Хип благодарно улыбнулась, а я приложил к глазам бинокль. Электроника тихонько зажужжала, наводя резкость, и я уже различал чёрные точки окон в домах Припяти, полоски на трубе ЧАЭС. А слева, у самой границы поваленных деревьев и мелкого гнилого болотца, увидел людей. Шесть... восемь... девять

человек. Чёрно-красные комбинезоны. Долговцы нас, похоже, пока ещё не замечали, так как направлялись в Сухостой. Наверное, возвращается из рейда пара патрулей... Странно, значит, есть у них свои разведанные маршруты через мёртвый лес, о которых я не знал и через линию пёрся. «Долганы» свои тропинки имеют и хрен с кем этим знанием поделятся...

— Хип, Пенка, прячьтесь! — Я уже прикидывал возможные укрытия... ровное всё, как стол, а за пень не укроешься — псевдогигант с нами. Такую тушу разве что за сараем спрятать можно, а до лесничества можно и не успеть...

Долговцы нас заметили. Один из них махнул рукой, судя по коротким, резким жестам, отдал приказы. Их отряд разделился на две группы и направился в нашу сторону. Щёлкнул выстрел, судя по сухому, резкому звуку, стреляли из СВД.

«1030 м», — отсчитал встроенный в бинокль дальномер. Не близко «долги», но и не достаточно далеко. Есть шанс уйти, а за лесничеством я вас, ребята, в такие места заведу, забудете даже, как нас преследовать. Есть там парочка аномальных полей, да таких полей, что сам чёрт ногу сломит. Хорошие вы сталкеры, товарищи долговцы, спору нет, но против одиночки с семилетним стажем да мутанта, что в Зоне родился и вырос, навряд ли сдюжите. Не пройдёте вы там. А если и пройдёте, то крепко пожалеете.

Я вдруг почувствовал злость. Вот пристали... ходили бы вы по своим делам, парни, воевали с Зоной, это дело всё равно трудное и бесполезное, так что работы вам надолго хватит. На пару лет точно. Или на пять. Достали вы, честное слово. Ишь бегут, дались мы им...

— Так, уходим через лесничество. Пенка, выгоняй вперед второго зомби, Хип, ты за мной. Уйдём. Должны уйти.

Хлестнул второй выстрел. Для СВД дистанция великовата... но всё же попал долговец. Пенка вздрогнула, схватилась за бок. Между белыми пальцами просочилась длинная капля красновато-серой крови. Пенка тихо застонала, жалобно как-то...

И вдруг люто оскалилась.

А потом стремительно развернулась к врагам.

— ХХА-ГРРРР! — Громовой рёв метнулся к небу, а длинная рука со свистом рассекла воздух.

Псевдогигант рванул когтистой лапищей землю, зарокотал и начал набирать скорость. Под тяжёлыми ударами лап рвалась и высоко взлетала чёрными комьями земля... полтонны мышц и костей с грохотом понеслись к ближайшему к нам отряду. Следом с пронзительным злобным визгом мчались два тушкана. Расстояние между мутантами и отрядом быстро сокращалось. Затрещали автоматы. На туше псевдогиганта появились красные пятна, но он только наподдал, разгоняясь до скорости экспресса... а затем вдруг подпрыгнул в воздух и с силой ударил в землю здоровенными ногами.

Вначале я не понял, что произошло. Просто мир вдруг раздвоился в глазах, а с крыш лесничества бесшумно посыпался шифер. Огоньки автоматных выстрелов были видны, но треска очередей я тоже не слышал. А я-то думал, что всё это сказки... слишком невероятна была для меня такая способность самого крупного существа Зоны. Ударная волна, широким конусом разбежавшаяся от псевдогиганта, в секунду покрыла расстояние до долговцев, подняла пыль и грязь с земли и посшибала людей с ног, как игрушечных солдатиков. Но автоматы второго отряда продолжали плеваться смертью, и псевдогигант бежал всё медленнее... споткнулся раз, другой, упал, с трудом поднялся, и в его яростном рёве отчётливо зазвучали нотки боли. Как он погиб, я уже не видел... мы уходи-

ли. Уходили к лесничеству. Спасибо тебе, дикий зверь Зоны. Ты позволил нам уйти, ты задержал их... дал время приготовиться к последнему бою на страшных аномальных полях перед Красным Лесом. Только там у нас оставался шанс выстоять в неравной схватке.

А из домов уже выходили другие люди. В серых комбинезонах, с автоматами наперевес, а в чердачном окошке тускло блеснул зрачок оптического прицела. И отрешённые взгляды, какое-то благостное и от этого ещё более страшное выражение лиц. «Монолит». Почему они не стреляли раньше? Чего ждали?..

— Бледный ангел... — И рослый монолитовец улыбнулся, падая на одно колено. — Вестник, прости нам наши сомнения. Посланник Мудрого. Братья, это она.

— Бледный ангел... бледный ангел... — послышались восхищённые голоса, и радость в ясных, как у младенца, глазах, блуждающие улыбки на лицах.

— Мы слушаем тебя, посланник.

— Остановите их, — чётко произнесла Пенка. — Они преследуют нас.

— Братья! — торжественно воскликнул рослый. — Вы слышали! Сегодня мы можем удостоиться великой чести умереть за Него! Он послал нам бледного ангела! Славься, Великий и Мудрый!

— Славься! — хором крикнули остальные.

Сбитые ударной волной долговцы уже поднялись с земли, но на крыше лесничества щелчком кнута прозвучал выстрел, и один из людей в красно-чёрном комбинезоне словно налетел на невидимую стену. Я отвернулся. Нам нужно было идти дальше... туда, где над кромкой Красного Леса видны были серые дома, туда, где на краю горизонта поднималась полосатая труба...

Пенка, не спрашивая, повела нас за дом. Мы уходили... а сзади уже грохотали автоматы, рвались гранаты, кричали раненые. Нас ждал мёртвый, серый Город,

и я почему-то знал, что мы дойдём, что мы должны дойти. Я нащупал в кармане маленький листок засвеченной фотобумаги. Вот, Доктор, видишь, мы всё-таки выполняем твоё задание... Что-то ткнулось в ногу, я опустил взгляд. Тушкан, последний... надо же, всё-таки выжил. Я, повинуясь внезапному порыву, опустил руку, и зверёк проворно забрался мне на плечо. Как его, однако, колотит... испугался, бедолага.

— Тебе верит. — Пенка даже не обернулась. Рана, похоже, совсем её не беспокоила, хотя пуля явно прошла через печень... если, конечно, у неё печень именно там. — Вы другие. Вы странные люди. Как Доктор.

— Ну, что, странный ангел, — усмехнулся я. — Веди странных людей.

— Да. Время. Скоро будет время, — согласилась Пенка. — Мы должны успеть.

Они шли по Зоне. Не старый ещё, но совершенно седой сталкер с сумрачным взглядом, юная девушка и мутант в длиннополом тёмном плаще. Шли, чтобы выполнить последнее желание Доктора, и уступил им дорогу матёрый контролёр, увидев оскал мутанта в тёмном плаще, и не посмела напасть химера, сама смерть, урча от злости, следила за ними из пустых окон припятских домов. Они шли, потому что впереди их ждал лазоревый свет гигантского кристалла в отравленном радиацией воздухе Саркофага, потому что мысль Доктора, записанная на кусочке испорченной фотобумаги, должна была дойти до Монолита. И они дошли, и услышал Монолит: «ПОСМОТРИ НА ТЕХ, КТО ПРИШЁЛ К ТЕБЕ. ЗАГЛЯНИ В ИХ ДУШИ И ДАЙ НАМ ЕЩЁ ОДИН ШАНС» И никто, кроме странного белокожего мутанта, не видел, как, взявшись за руки, шагнули вперёд и растворились в мягком сиянии Монолита два человека, и никому не известно, в каких мирах теперь лежат их дороги...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«По данным автоматических зондов, сброшенных в квадратах AR18 «Красного лес» и TK21 г. Припять, замечена необычная активность жизненных форм. Мутанты и псевдоживые организмы по каким-то причинам покидают центр АЗ. Также отмечается резкое снижение динамики мутаций у большинства жизненных форм, в частности, у растений. Спрогнозированный на 29.08.2015. локальный Выброс в районе озера Янтарь не состоялся, также не подтвердились прогнозы на два предыдущих Выброса. На мой взгляд, это очень тревожные признаки. Вероятно, следует ожидать повторения событий ноября 2007 года. Профессор Зотов В.И.»

«Изменения, отмеченные проф. Зотовым В.И, действительно имеют место быть. Но вышеупомянутые изменения никоим образом не несут в себе тревожных признаков, а достаточно легко вписываются в цикл Жарова-Энгельмана, и посему я настоятельно рекомендую уважаемому профессору Зотову В.И. прекратить истерику, иначе мне придётся ходатайствовать в научный совет о снятии Зотова В.И. с занимаемой должности. После скандала на заседании научного совета я не потерплю подобных заявлений. Из-за вас, профессор, мы уже потеряли европейский грант. Занимайтесь своей работой! Действительный член РАН, руководитель научно-исследовательского института АЗ, академик Смирнов Д.Я.»

«Замеры аномальной активности, проведённые на территории Чернобыльской АЗ, показали серьёзное снижение интенсивности пси-поля, деградацию гравиконцентратных аномалий, полное либо частичное исчезновение локальных участков послойных на-

пряжений в структуре электромагнитного поля. Частота появления новых мутаций также заметно снизилась, а в некоторых квадратах (DD-44, DE-44, DE-45, DF-45-46 и TR-12) отмечено вымирание аномально измененной флоры. Цикл аномальных энергетических вспышек нарушен и имеет тенденцию к сглаживанию, что видно на представленном в приложениях графике. Зафиксированные изменения проходят тщательный анализ, но и теперь понятно, что Чернобыльская АЗ по каким-то причинам теряет энергетическую подпитку. Смею также заверить уважаемый научный совет в том, что подобные изменения не похожи на цикличность Жарова-Энгельмана, так как затрагивают не только биологические формы, но и физические явления. В качестве дополнительных аргументов против заявления уважаемого академика Д.Я. Смирнова могу привести отчёты исследовательских групп и выводы аналитического центра. Ситуация и в самом деле напоминает картину, сложившуюся перед катастрофой 2007 года. Заведующая лабораторией физики АЗ профессор Михайлова С.Г.»

«Полностью согласен с выводами Михайловой С.Г. Профессор Зотов».

«Прошу учёный совет удовлетворить мою просьбу об отстранении Михайловой и Зотова от научной работы в НИИАЗ. Действительный член РАН, руководитель научно-исследовательского института АЗ, академик Смирнов Д.Я.»

«Понимая возросший интерес наших граждан к проблеме Невадской Бездны, считаем своим долгом в последующих выпусках «Нью-Йорк таймс» знакомить читателей со всеми новостями, поступающими как от наших учёных, так и от тех, кто занимается ча-

стным исследованием Зоны, людей, называющих себя сталкерами. На сегодняшний день все наши респонденты утверждают, что Невадская Бездна, по всем признакам, сдаёт завоёванные территории...»

«Здравствуйте! Здравствуйте, уважаемые радиослушатели, и спасибо за то, что выбрали нашу волну! Сегодня ночью мы будем транслировать для вас лучшие композиции английских рок-музыкантов, а в качестве великолепной декорации к музыке вы сможете наблюдать самое настоящее северное сияние! Откройте окна, взгляните на небо! Уже пылают в небе складки одежд древних богов, а ночь сегодня безоблачна и тиха. Загадочный свет уже озаряет нашу студию. Советуем и вам насладиться этим зрелищем под следующую нашу музыкальную композицию...»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Ветер, холодный сырой ветер пробежал по серым метёлкам тростника, вздохнул в ветвях искорёженной, битой молниями липы и тихонько застонал, насквозь продувая подвал древнего, практически полностью разрушившегося здания. За долгие годы бетон потемнел, растрескался, морозы и дожди сгладили углы выступающих из земли плит, в трещинах буйно разросся ядовито-зелёный бархатный мох. Весна только началась, было ещё холодно, а накидки из шкур слепых собак согревали плохо. Ветер и не думал униматься.

— Подождём здесь, — сказал одноглазый, высохший от прожитых лет и постоянного недоедания старик. У него болели простуженные суставы, кружилась голова, но до стойбища племени идти было ещё очень далеко. Старику хотелось отдохнуть возле костра,

просушить накидку и заново перемотать вокруг поясницы ленту из мягких и тёплых, но таких непрочных шкур тушканов. Старик очень устал от короткого перехода, а ведь когда-то лучшего, чем он, охотника не было ни в племени Трёх Костей, ни во враждебной им шайке дикаря Лютака.

Его спутник, подросток лет тринадцати, сноровисто собрал охапку прошлогодних стеблей полыни, высек огонь, закрывая ладонями слабый язычок пламени от порывов холодного ветра.

— Есть хочешь, дед?

Взгляд старика потеплел. Злой дух Зонаа забрал у него сына и внуков, сгинул сын в Порченых Землях, а внуки не пережили голодную зиму. Кориш, которого он взял на воспитание, заменил ему потерянную семью. Способный малец этот Кориш. В десять лет паренёк уже добывал тушканов с мягкими шкурками и вкусным мясом, умел выследить одинокого слепыша и даже уйти от Того, Кто Бродит Невидимым. Знатный охотник из него вырастет, и всё благодаря знаниям Каа-Чея. Не зря, ох, не зря взял старый Каа-Чей на воспитание этого парнишку.

— Попозже. — Старик потрепал паренька по непослушным вихрам. — Отдохнём сначала, погреемся.

— Это тоже строили Древние?

— Да, Кориш. — Старик отложил посох с примотанной к древку «ночной звездой». — Здесь были высокие каменные шалаши, и в них жили столько людей, сколько звёзд на небе.

— Много... как же Зонаа их всех победил?

— Он испортил всю землю. Сотворил Больших, Кто Бродит На Двух Ногах, Тех, Кто Бродит Невидимым, и Тех, Кто Ворует Разум.

— Как наша Белая Жрица?

«Внимательный паренёк», — подумал Каа-Чей.

— Пен-Каа может воровать разум, верно. Но она добрая, она враг Зонаа и бережёт наше племя. Она берегла его, когда ещё мой прадед не появился на свет. Говорят, она даже знала Сталакеров.

Глаза паренька загорелись.

— Дед! Расскажи мне ещё про них... ну, пожалуйста...

Каа-Чей протянул к огню худые, узловатые руки, задумался.

— Сталакеры были великие охотники. Они одни могли сражаться с Зонаа. Это были смелые, сильные люди, и в руках у них были Огненные Копья с Дюжиной Жал.

— Вот бы мне такое копьё... — мечтательно прошептал Кориш.

— Они приносили в свое племя много мяса и шкур, — продолжал Каа-Чей. — И ещё они добывали священные камни. Даже Те, Кто Ходит Невидимым, боялись Сталакеров, защищавших мир от Зонаа. Мы верим, что однажды Сталакеры вернутся, потому что Порченые Земли уходят на север. Наверное, Зонаа чувствует их приближение. Ну, всё, ложись спать. Завтра нам предстоит долгий переход...

Но Кориш долго не мог заснуть. Ему грезились Огненные Копья, высокие, сильные Сталакеры, приглашающие его, Кориша, к своему костру как равного, как брата по оружию, и что он, новый Сталакер, принесёт в свое племя много шкур, мяса и священных камней. «Я обязательно стану Сталакером, — думал он, засыпая. — Я смогу защитить мир от Зонаа...»

Порыв холодного ветра зашумел в бетонных плитах, в костре громко щёлкнул уголёк. Кориш спал. Старик, задумавшись, смотрел на огонь.

20.11.2009

Андрей ЛЕВИЦКИЙ **Алексей БОБЛ**

**Новый проект двух популярных авторов,
ставших открытием серии**

S.T.A.L.K.E.R.

Цикл романов о постапокалиптическом мире

ТЕХНОТЬМА

Между Москвой и Киевом лежат руины городов, радиоактивные пустыри и свалки. Теперь в этих местах обитают лишь бандиты, наемники, бродяги и фермеры, воюющие за топливо и пищу. Москву контролируют топливные кланы, в Киеве хозяйничают монахи Ордена Чистоты, истребляющие мутантов.

«КЛАНЫ ПУСТОШИ» • «ДЖАГЕР» • «ПАРОЛЬ: ВЕЧНОСТЬ»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству Астрель.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Клочков Сергей

Лунь

Фантастический роман

Ответственный редактор А.Т. Синицын

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

S.T.A.L.K.E.R.

Зона изменилась. Катастрофический Выброс две тысячи седьмого года далеко отодвинул ее прежние границы. Интерес ученых к Зоне возрастает, хотя уцелеть среди новых аномалий и неизвестных мутантов теперь не просто трудная задача, а целое искусство. Но там, где погибнет неподготовленный человек, где не пройдет робот, сталкер сможет проложить свою тропу.

Опыт и интуиция, расчет и осторожность, удача, а зачастую и жестокость — главные составляющие выживания в Зоне, где люди могут быть куда опаснее монстров. Лунь, сталкер-одиночка, стоит перед выбором: собственная выгода или помощь другому человеку. Встреча в тайном схроне у заброшенного поселка может стать судьбоносной...

Официальный сайт серии S.T.A.L.K.E.R.
www.litstalker.ru

www.elkniga.ru
ISBN 978-5-17-065029-3
9 785170 650293